

Т. 4, № 5
Vol. 4, No 5
2021

ISSN 2618-7043 (Print)
ISSN 2687-0738 (Online)

ОРИЕНТАЛИСТИКА ORIENTALISTICA

Ad orientem.
Ad orientalia

Vol. 4, No 5
2021

ORIENTALISTICA

ISSN 2618-7043 (Print)
ISSN 2687-0738 (Online)
DOI 10.31696/2618-7043-2021-4-5

Information about the journal

The journal *Orientalistica* is a print peer-reviewed academic journal, covering a wide range of areas of Oriental studies. The journal is being published since 2018. Since 2020 it has annually 5 issues.

Form of distribution - print media, journal. Registration number and decision date on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor): PI No. FS77-72763 dated May 4, 2018.

Registered in the ISSN National Centre of the Russian Federation, Russian Book Chamber:
ISSN 2618-7043 (Print),
ISSN 2687-0738 (Online).

The media founder & Publisher

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
Website: www.ivran.ru

Partners

The Institute of Oriental manuscripts of the Russian Academy of Sciences
Address: 18, Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), St. Petersburg, 191186, Russian Federation
Website: www.orientalstudies.ru

The State Hermitage Museum
Address: 34, Dvortsovaya Naberezhnaya (Embankment), St. Petersburg, 190000, Russian Federation
Website: www.hermitagemuseum.org

The State Museum of Oriental Art
Address: 12a, Nikitskiy blvd., Moscow, 119019, Russian Federation
Website: www.orientmuseum.ru

Address of the Editorial Office

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
Tel.: +7(495)621-18-84
Website: www.orientalistica.com
E-mail: orientalistica@ivran.ru

Our Mission

The *Orientalistica* offers research papers on the classical period of history, philosophy and literature of the peoples of the East in Antiquity and the Middle Ages. The Editorial Board hopes that highlighting the most popular and important aspects of research in Eastern studies will foster the academic cooperation between the scholars in the Russian Federation and the worldwide research community.

The mission of the journal is to promote Asian and African studies by publishing high quality original articles, scholarly reviews, field research materials as well as introducing new hitherto unknown or little-known historical sources both in original languages and translations.

Compliance with the requirements of the Higher Attestation Commission

By order of December 25, 2020, No. 469-r of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Ministry of Education and Science of Russia) and based on the corresponding decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia dated December 18, 2020, the Journal *Orientalistica* from December 25, 2020, included in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Ph. D. (russ.: kandidat nauk candidate of science), for the degree of Dr. habil. (russ.: doctor nauk, doctor of science), formed based on the recommendations of the expert councils of the Higher Attestation Commission, in scientific specialties and corresponding to them should be published branches of science:

HISTORICAL SCIENCES

- 07.00.02 History of Russia / 5.6.1. History of Russia* (History),
- 07.00.03 General history (of the relevant period) / 5.6.2. General history* (History),
- 07.00.06 Archaeology / 5.6.3. Archaeology* (History),
- 07.00.07 Ethnography, Ethnology and Anthropology / 5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography* (History),
- 07.00.09 Historiography, Sources Studies and Methods of Historical Research / 5.6.5. Historiography, Sources Studies and Methods of Historical Research* (History),

PHILOSOPHICAL SCIENCES

- 09.00.03 History of Philosophy / 5.7.2. History of Philosophy* (Philosophy),
- 09.00.13 Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture / 5.7.8. Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture* (Philosophy),
- 09.00.13 Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture / 5.7.8. Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture* (History)
- 09.00.14 Philosophy of Religion and Religious Studies / 5.7.9. Philosophy of Religion and Religious Studies* (Philosophy),
- 09.00.14 Philosophy of Religion and Religious Studies / 5.7.9. Philosophy of Religion and Religious Studies* (History)

PHILOLOGICAL SCIENCES

- 10.01.03 Foreign Literatures / 5.9.2. Literature of the peoples of the World* (Philology),
- 10.01.08 Theory of literature. Textology / 5.9.3. Theory of literature* (Philology),
- 10.01.09 Folklore Studies / 5.9.4. Folklore Studies* (Philology),

The *Orientalistica* Editorial board intends to make the presence of the Journal in the nomenclature of the Higher Attestation Commission scientific specialties List and invites authors of publications in scientific specialties and corresponding branches of science as follows:

- 5.6.6. History of Science* (History),
- 5.9.1. Russian literature and literatures of the peoples of the Russian Federation* (Philology),
- 5.9.6. Languages of the peoples of the World* (Philology).

Note: *In accordance with the nomenclature of scientific specialties and their corresponding branches of science approved by order of February 24, 2021 No. 118 of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Editor-in-Chief

Alikber K. Alikberov – Dr. habil. (Hist.), Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

International Advisory Board

Mikhail B. Piotrovsky – *Co-chairman of the Board of Advisors*, Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Member of the Russian Academy of Arts (RAA), Dr. habil. (Hist.), Prof., State Hermitage Museum; St. Petersburg University, St. Petersburg, Russian Federation.

Irina F. Popova – *Co-chairman of the Board of Advisors*, Corresponding Member of the RAS, Dr. habil. (Hist.), Prof., Institute of Oriental Manuscripts of the RAS; St. Petersburg University, St. Petersburg, Russian Federation.

Alexander V. Sedov – *Co-chairman of the Board of Advisors*, Dr. habil. (Hist.), State Museum of Oriental Art; Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russian Federation.

Vladimir M. Alpatov – Member of the RAS, Dr. habil. (Philol.), Prof., Institute of linguistics of the RAS, Moscow, Russian Federation.

Bazarov Boris Vandanovich – Member of the RAS, Ph. D. habil. (Hist.), Prof., Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Buryat scientific center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation.

Daniel Berounsky – Dr. habil. (Philos.), Prof., Charles University, Prague, Czech Republic.

Agnes Birtalan – Dr. habil. (Philol.), Prof., Eötvös Lorand University, Budapest, Hungary.

Sebastian Paul Brock – Dr. habil. (Philos.), Wolfson College, University of Oxford, Oxford, United Kingdom.

Mikhail D. Bukharin – Member of the RAS, Dr. habil. (Hist.), Prof., Institute of World History of the RAS, Moscow, Russian Federation.

Isabelle Charleux – Dr. habil. (EPHE), French National Centre for Scientific Research, Paris, France.

Andrei V. Golovnev – Member of the RAS, Dr. habil. (Hist.), Prof., Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS; National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg; Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation.

Askold I. Ivantchik – Corresponding Member of the RAS, Dr. habil. (Hist.), Prof., Institute of World History of the RAS; Higher School of Economics; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; Institut Ausonius, Université Bordeaux Montaigne, Bordeaux, France.

Nikolay N. Kazansky – Member of the RAS, Dr. habil. (Philol.), Prof., Institute of Linguistic Studies of the RAS; St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia.

Theodor Ithamar – Dr. habil. (Philos.), Prof., Zefat Academic College, Bar-Ilan University, Israel.

Karénina Kollmar-Paulenz – Dr. habil. (Hist.), Prof., Institute of Religious Studies, Bern University, Bern, Switzerland.

Chuluun Sampildondov – Member of the Academy of Sciences of Mongolia, Dr. habil. (Hist.), Prof., Institute of History, Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia.

Vesna Wallace – Dr. habil. (Hist.), Prof., University of California, Santa Barbara, United States of America.

Editorial Board

Andrey S. Desnitsky – *Deputy Editor-in-Chief*, Dr. habil. (Philol.), Institute of Oriental Studies of the RAS; University; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation.

Shamil R. Kashaf – *Deputy Editor-in-Chief, Head of the editorial office*, Institute of Oriental Studies of the RAS; Moscow State Linguistic University, Moscow; Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Apollinaria S. Avrutina – Dr. habil. (Philol.), Ass. Prof., St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation.

Svetlana A. Burlak – Dr. habil. (Philol.), Prof. of the RAS, Institute of Oriental Studies of the RAS; Lomonosov Moscow State University; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation.

Natalia V. Efremova – Ph. D., Institute of Philosophy of the RAS, Moscow, Russian Federation.

Serge A. Frantsouzoff – Dr. habil. (Hist.), Ass. Prof., Institute of Oriental Manuscripts of the RAS; National Research University Higher School of Economics; St. Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation.

Irina Glushkova – Dr. habil. (Hist.), Prof., Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russian Federation.

Tawfik Ibrahim – Dr. habil. (Philos.), Prof., Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russian Federation.

Ramil R. Khayrutdinov – Ph. D. (Hist.), Kazan (Volga region) Federal University; A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the TAS, Kazan, Russian Federation.

Alexey A. Khismatulin – Ph. D. (Hist.), Institute of Oriental Manuscripts of the RAS, St. Petersburg, Russian Federation.

Artem I. Kobzev – Dr. habil. (Philos.), Prof., Institute of Oriental Studies of the RAS; Moscow Institute of Physics and Technology (State University); Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.

Victoria G. Lysenko – Dr. habil. (Philos.), Institute of Philosophy of the RAS, Moscow, Russian Federation.

Alexander N. Meshcheryakov – Dr. habil. (Hist.), Prof., National Research University Higher School of Economics, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.

Dmitry V. Mikulsky – Dr. habil. (Hist.), Prof., Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russian Federation.

Vladimir N. Nastich – Ph. D. (Hist.), Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russian Federation.

Natalia I. Prigarina – Dr. habil. (Philol.), Prof., Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russian Federation.

Marina L. Reisner – Dr. habil. (Philol.), Prof., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Alexander V. Safonov – Ph. D. (Hist.), Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russian Federation.

Nikolaj I. Serikoff – Ph. D. (Hist.), Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russian Federation.

Shamil Sh. Shikhaliev – Ph. D. (Hist.), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Dagestan Scientific Center of the RAS; Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation; University of Amsterdam, Amsterdam, Netherlands.

Airat G. Sitdikov – Member of the Tatarstan Academy of Sciences, Dr. habil. (Hist.), Prof., A. Kh. Khalikov Institute of Archaeology of the TAS; Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Marietta T. Stepanyants – Dr. habil. (Philos.), Prof., Institute of Philosophy of the RAS; State Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation.

Surun-Khanda D. Syrtyanova – Dr. habil. (Hist.), Prof., Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russian Federation.

Lola Z. Taneeva-Salamatshaeva – Dr. habil. (Philol.), Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russian Federation.

Nadezhda N. Trubnikova – Dr. habil. (Philos.), Institute of Philosophy of the RAS; Lomonosov Moscow State University; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation.

Evgenia Yu. Vanina – Dr. habil. (Hist.), Institute of Oriental Studies of the RAS; MGIMO – University, Moscow, Russian Federation.

Ilya V. Zaytsev – Ph. D. habil. (Hist.), Prof. of the RAS, State Museum of Oriental Art; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation.

Т. 4, № 5
2021

ОРИЕНТАЛИСТИКА

ISSN 2618-7043 (Print)
ISSN 2687-0738 (Online)
DOI 10.31696/2618-7043-2021-4-5

Информация об издании

Orientalistica («Ориенталистика») – печатное научное рецензируемое издание востоковедческой тематики.

Издается с 2018 г., до 2021 г. – ежеквартально, с 2021 г. – 5 раз в год.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор):

ПИ № ФС77-72763 от 4 мая 2018 г.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации,
ISSN 2618-7043 (Print),
ISSN 2687-0738 (Online).

Учредитель, Издатель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).

Адрес: 107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. Сайт: www.ivran.ru

Партнеры

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт восточных рукописей Российской академии наук.

Адрес: 191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 18.
Сайт: www.orientalstudies.ru

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный Эрмитаж».

Адрес: 190000, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, д. 34.
Сайт: www.hermitagemuseum.org

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры Государственный музей искусства народов Востока.

Адрес: 119019, Москва, Никитский бульвар, д. 12а.
Сайт: www.orientmuseum.ru

Редакция

107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.

Тел.: +7 (495) 621-18-84

Сайт: www.orientalistica.com

E-mail: orientalistica@ivran.ru

Миссия журнала

Журнал «Ориенталистика» (*Orientalistica*) предлагает исследования по истории, философии и филологии народов стран Востока в древние и средние века.

Мы надеемся, что публикация наиболее популярных и актуальных аспектов исследований в области востоковедения будет способствовать академическому сотрудничеству ученых Российской Федерации и мирового научного сообщества.

Задача журнала – продвижение востоковедческих исследований путем публикации высококачественных оригинальных статей, научных обзоров, материалов полевых исследований, а также введение в научный оборот новых ранее неизвестных или малоизвестных исторических источников как на языках оригинала, так и в переводах.

Соответствие требованиям ВАК при Минобрнауки России

Распоряжением от 25 декабря 2020 г. № 469-р Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (Минобрнауки России) журнал «Ориенталистика» (*Orientalistica*) включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, сформированный по итогам рекомендаций экспертных советов Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:
СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- 07.00.02 Отечественная история / 5.6.1. Отечественная история* (исторические),
- 07.00.03 Всеобщая история / 5.6.2. Всеобщая история* (исторические),
- 07.00.06 Археология / 5.6.3. Археология* (исторически),
- 07.00.07 Этнография, этнология и антропология / 5.6.4. Этнология, антропология и этнография* (исторические),
- 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования / 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические).

ФИЛОСОФИЯ

- 09.00.03 История философии / 5.7.2. История философии* (философские),
- 09.00.13 Философская антропология, философия культуры / 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские),
- 09.00.13 Философская антропология, философия культуры / 5.7.8. Философская антропология, философия культуры* (исторические),
- 09.00.14 Философия религии и религиоведение / 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские),
- 09.00.14 Философия религии и религиоведение / 5.7.9. Философия религии и религиоведение* (исторические).

ФИЛОЛОГИЯ

- 10.01.03 Литература народов стран / 5.9.2. Литературы народов мира (филологические),
- 10.01.08 Теория литературы. Текстология / 5.9.3. Теория литературы* (филологические),
- 10.01.09 Фольклористика / 5.9.4. Фольклористика* (филологические).

Редакция предполагает расширять присутствие журнала в номенклатуре научных специальностей Перечня Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России и приглашает к сотрудничеству авторов публикаций по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.6.6. История науки и техники* (исторические науки, философские),
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации* (филологические),
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)* (филологические).

Примечание: * В соответствии с номенклатурой научных специальностей и соответствующих им отраслей науки, утвержденной приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 118 от 24 февраля 2021 г.

Главный редактор

Аликберов Аликбер Калабекович – д-р ист. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Международный редакционный совет

Пиотровский Михаил Борисович – *сопредседатель редакционного совета*, академик Российской академии наук (РАН), академик Российской академии художеств (РАХ), д-р ист. наук, проф., Государственный Эрмитаж; Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Попова Ирина Федоровна – *сопредседатель редакционного совета*, член-корр. РАН, ученый Янцзы Министерства образования Китайской Народной Республики, д-р ист. наук, проф., Институт восточных рукописей РАН; Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Седов Александр Всеволодович – *сопредседатель редакционного совета*, д-р ист. наук, Государственный музей искусства народов Востока; Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Алпатов Владимир Михайлович – академик РАН, д-р филол. наук, проф., Институт языкознания РАН; г. Москва, Российская Федерация.

Базаров Борис Ванданович – академик РАН, д-р ист. наук, проф., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН; Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ, Российская Федерация.

Беронски Даниэль – Dr. habil. (Philos.), проф., Институт Юго-Восточной и Центральной Азии; Карловский университет, г. Прага, Чехия.

Бирталан Аенес – Dr. habil. (Philol.), проф., Будапештский университет им. Лоранда Этвеша, г. Будапешт, Венгрия.

Брок Себастьян Пол – Dr. habil. (Philos.), Вулфсон-колледж, Оксфордский университет, г. Оксфорд, Великобритания.

Бухарин Михаил Дмитриевич – академик РАН, д-р ист. наук, проф., Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Головнёв Андрей Владимирович – член-корр. РАН, д-р ист. наук, проф., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, г. Санкт-Петербург; Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Иванчик Аскольд Игоревич – член-корр. РАН, д-р ист. наук, проф., Институт всеобщей истории РАН; Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация; Институт Авсония, Университет Бордо Монтень, Бордо, Франция.

Ифмар Теодор – Dr. habil. (Philos.), проф., Академический колледж Зефат, г. Цфат, Университет имени Бар-Илана, г. Хайфа, Израиль.

Казанский Николай Николаевич – академик РАН, д-р ист. наук, проф., Институт лингвистических исследований РАН; Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Кольмар-Пауленц Каренина – Dr. habil. (Hist.), проф., Институт религиоведения, Бернский университет, г. Берн, Швейцария.

Сампилдондов Чулуун – д-р ист. наук, проф., Институт истории и археологии Академии наук Монголии, г. Улан-Батор, Монголия.

Уоллес Весна – Dr. habil. (Hist.), проф., Калифорнийский университет, г. Санта-Барбара, Соединенные Штаты Америки.

Шарле Изабель – Dr. habil. (Arts), Французский национальный центр научных исследований, г. Париж, Франция.

Редакционная коллегия

Десницкий Андрей Сергеевич – *заместитель главного редактора*, д-р филол. наук, проф. РАН, Институт востоковедения РАН; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Кашаф Шамиль Равильевич – *заместитель главного редактора, заведующий редакцией*, Институт востоковедения РАН; Московский государственный лингвистический университет, г. Москва; Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Аврutiна Аполлинария Сергеевна – д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Бурлак Светлана Анатольевна – д-р филол. наук, проф. РАН, Институт востоковедения РАН; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, г. Москва, Российская Федерация.

Ванина Евгения Юрьевна – д-р ист. наук, Институт востоковедения РАН; Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, г. Москва, Российская Федерация.

Глушкова Ирина Петровна – д-р ист. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Ефремова Наталия Валерьевна – канд. филос. наук, Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Зайцев Илья Владимирович – д-р ист. наук, проф. РАН, Государственный музей искусства народов Востока; Высшая школа экономики, г. Москва, Российская Федерация.

Ибрагим Тауфик – д-р филос. наук, проф., Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Кобзев Артем Игоревич – д-р филос. наук, проф., Институт востоковедения РАН; Московский физико-технический институт; Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация.

Лысенко Виктория Георгиевна – д-р филос. наук, Институт философии РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Мещеряков Александр Николаевич – д-р ист. наук, проф., Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики; Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация.

Микульский Дмитрий Валентинович – д-р ист. наук, проф., Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Настич Владимир Нилович – канд. ист. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Пригарина Наталья Ильинична – д-р филол. наук, проф., Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Рейснер Марина Львовна – д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Сафронов Александр Владимирович – канд. ист. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Сериков Николай Игоревич – канд. ист. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Ситдииков Айрат Габитович – член-корр. АН РТ, д-р ист. наук, проф., Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ; Казанский федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Степанянц Мариэтта Тиграновна – д-р филос. наук, проф., Институт философии РАН; Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Российская Федерация.

Сыртыпова Сурун-Ханда Дашинимаевна – д-р ист. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Танеева-Саломатшаева Лола Зарифовна – д-р филол. наук, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Трубникова Надежда Николаевна – д-р филос. наук, Институт философии РАН; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Французов Сергей Алексеевич – д-р ист. наук, доц., Институт восточных рукописей РАН; Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики; Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Хайрутдинов Рамиль Равилович – канд. ист. наук, Казанский федеральный университет; Институт археологии им. А. Х. Халикова АН РТ, г. Казань, Российская Федерация.

Хисматулин Алексей Александрович – канд. ист. наук, Институт восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Шихалиев Шамиль Шихалиевич – канд. ист. наук, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН; Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация; Амстердамский университет, г. Амстердам, Нидерланды.

CONTENTS

HISTORY OF THE EAST

Universal history

- Drobyshev Yu. I.* Tibetan policy of the Mongols (1205–1235).....1125
- Kolnin I. S.* The Eastern Sea Route as Depicted in a Chinese Historical Geographical Description of Foreign Lands of the Yuan dynasty (1279–1368) *Daoyi zhilüe* (“A Brief Description of the Island Barbarians”, 1349/1350): Chapters 1–4, Translation with Commentary.....1145
- Gasanov T. A.* Socioeconomic Changes in South Arabia in The First Half of The Sixteenth Century.....1166

Historiography, source critical studies, historical research methods

- Sidorovich S. V.* On the Printed Fragment in Classical Mongolian Script from the Collection of IOM, RAS.....1183
- Zarubina E. D.* Pinkas-notebook and pinkas-register book: evolution, structure, and composition.....1199
- Belkina E. M.* Medieval or Early Pre-Modern? Dating Several Fragments from a Judeo-Persian Manuscript (C40 Hebrew, the IOM RAS).....1219
- Alyoshin A. N.* Study of the chemical composition of Amir Wali coins by x-ray fluorescent analysis 1238

HISTORY OF SCIENCE

Oriental Studies

- Mossaki N. Z.* The study of Yezidis by Vladimir Gordlevsky 1251
- Kulikov A. M.* Flowers, Bird and Insects from the Archives of F. R. Osten-Sacken 1269

PHILOSOPHY OF THE EAST

History of philosophy

Blazhkina A. Yu. Some aspects of the authorship of the treatise
“Xiao Jing” 1279

Philosophy of Religion and Religious Studies

Desnitsky A. S. Emerging Christianity: what do we know
and how? 1301

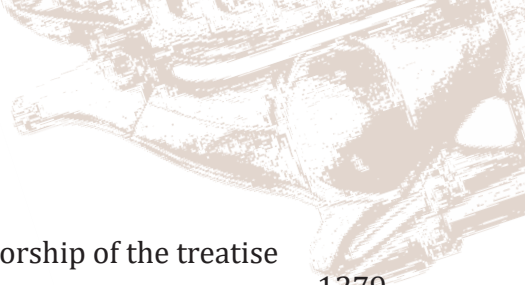
PHILOLOGY OF THE EAST

Theory of literature

Prigarina N. I., Vasilyeva L. A. The first ghazal of the Divan
of Ghalib 1323

Literature of the peoples of the world

Goriaeva L. V. Between tradition and modernity: Lauddin
and his “Story of the Young Captain” (commented translation and
research article).....1352

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Всеобщая история

Дробышев Ю. И. Тибетская политика монголов (1205–1235).....1125

Колнин И. С. Восточный морской путь в китайском историко-географическом описании заморских земель эпохи Юань (1279–1368) Дао и чжи люэ 島夷誌略 («Краткое описание островных варваров», 1349/1350): главы 1–4, перевод и комментарии 1145

Гасанов Т. А. Социально-экономические преобразования в Южной Аравии первой половины XVI века 1166

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Сидорович С. В. О печатном фрагменте на монгольском языке из фондов ИВР РАН 1183

Зарубина Е. Д. Пинкасы – записные книжки и пинкасы – книги записей: эволюция и структурно-композиционное оформление 1199

Белкина Е. М. Между Средневековьем и Новым временем: датировка нескольких фрагментов еврейско-персидской рукописи (С40 Евр. фонда ИВР РАН).....1219

Алёшин А. Н. Исследование химического состава монет Амира Вали методом рентгенофлуоресцентного анализа.....1238

ИСТОРИЯ НАУКИ

Востоковедение

Мосаки Н. З. Изучение В. А. Гордлевским езидов 1251

Куликов А. М. Цветы, птица и насекомые из архива Ф. Р. Остен-Сакена.....1269

ФИЛОСОФИЯ ВОСТОКА

История философии

Блажкина А. Ю. Некоторые аспекты авторства трактата «Сяо цзин» 1279

Философия религии и религиоведение

Десницкий А. С. Зарождение христианства: что мы знаем и откуда? 1301

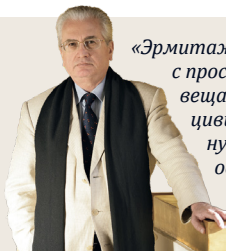
ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА

Теория литературы

Пригарина Н. И., Васильева Л. А. Первая газель Дивана Галиба 1323

Литературы народов мира

Горяева Л. В. Между традицией и современностью: Лауддин и его «Повесть о Молодом Капитане» (комментированный перевод и исследование) 1352

«Эрмитаж — музей истории мировой культуры и сочетает исследовательскую работу с просветительской. Многочисленные выставки создают основанную на подлинных вещах картину истории России от Петра и Екатерины до революции, древних цивилизаций от Египта до Дильмуна, образы великих религий. Обществу очень нужен научный и взвешенный рассказ о прошлом, которое оно сегодня пытается осмыслить».

М. Б. Пиотровский,
генеральный директор Государственного Эрмитажа

Гребень с изображением батальной сцены

Приднепровье, Запорожская область
Курган Солоха, конец V – начало IV в. до н.э.

Золото, литье, чеканка

Поступил в 1914 г. Передан из Императорской
Археологической комиссии

© Государственный Эрмитаж
© The State Hermitage Museum

«Подлинным шедевром по праву считается знаменитый золотой гребень. Он сделан замечательным греческим художником, о чем свидетельствует высокое мастерство: композиция построена подобно классическому греческому храму с треугольным фронтоном, фризом и колоннадой. Блестяще вписана в треугольник сложная сцена битвы, три участника которой имеют разное вооружение».

Королькова Е. Ф. Властители степей. СПб: Изд-во Гос. Эрмитажа : Изд-во АРС, 2006. С. 57–58.

Просматривайте «оживающие» фотографии с эффектом «дополненной реальности». Наведите камеру вашего гаджета на QR-код. Кроме устройств, поддерживающих мобильную операционную систему IOS 14.0, Android 6.0 (и выше), потребуется установить бесплатное приложение Меморис в App Store или Google Play. После загрузки видеоконтента из сети Интернет направьте камеру на обложку журнала и иллюстрации, отмеченные специальным значком Меморис.

View the “come to life” photos with the “augmented reality” effect. Point the camera of your gadget at the QR code. In addition to devices supporting the mobile operating system IOS 14.0, Android 6.0 (and higher), you will need to install the free Memories application in the App Store or Google Play. After downloading video content from the Internet, point the camera at the cover of the journal and the illustrations marked with a special Memories icon.

HISTORY OF THE EAST ИСТОРИЯ ВОСТОКА

- **Universal history**
Всеобщая история
- **Historiography, source critical studies, historical research methods**
Историография,
источниковедение, методы
исторического исследования

HISTORY OF THE EAST

Universal history

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Всеобщая история

Научная статья
УДК 94(517.3)«12
<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1125-1144>

Исторические науки

Тибетская политика монголов (1205–1235)

Юлий Иванович Дробышев

*Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия,
altanus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9318-4560>*

Аннотация. В статье обсуждаются взаимоотношения монголов с Тибетом в короткий промежуток времени между первым монгольским походом на государство тангутов Западное Ся (Си Ся) в 1205 г. и великим курултаем 1235 г. с целью решения вопроса о намерениях первых монгольских ханов подчинить Тибет. Тибетская и поздняя монгольская историография пестрит сообщениями о вторжении в Тибет самого Чингис-хана и о его успешно реализованных планах аннексии этой страны, а также о принятии им буддизма, однако эта информация носит легендарный характер. Анализ всей совокупности имеющихся в распоряжении ученых источников, с учетом мнения специалистов, показывает, что, скорее всего, при жизни Чингис-хана и Угэдэя монголы не имели планов по захвату Тибета, а все сообщения, касающиеся военных операций монголов в этой стране, говорят о пограничных районах на востоке Тибета, через которые кочевники охватывали враждебные государства Цзинь и позже – Южную Сун с правого фланга. Полученные результаты полностью подтверждают выводы, сделанные некоторыми из специалистов прежде: обширные, пустынные, удаленные от торговых путей и небогатые земли Тибета не представляли для монголов первостепенного интереса. Несмотря на принятое в 1235 г. решение о покорении большинства известных монголам стран, первая зафиксированная в литературе разведка боем произошла только в 1240 г., а реальное включение Страны снегов в состав Монгольской империи датируется еще более поздним временем.

Ключевые слова: монголы; Чингис-хан; Угэдэй; Тибет; Си Ся; Цзинь; монгольские завоевания

Для цитирования: Дробышев Ю. И. Тибетская политика монголов (1205–1235). *Ориенталистика*. 2021;4(5):1125–1144. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1125-1144>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original article

History studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1125-1144>

Tibetan policy of the Mongols (1205–1235)

Yuliy I. Drobyshev*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, altanus@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9318-4560>*

Abstract. The article discusses the relationships of the Mongols with Tibet in the short period between the first Mongol campaign against the Tangut state of Western Xia (Xi Xia) in 1205 and the Great Kurultai of 1235 to resolve the issue of the intentions of the two first Mongol khans to subjugate Tibet. Tibetan and late Mongolian historiographies are full of reports about an invasion of Tibet by Genghis Khan himself and about his successfully implemented plans to annex this country, as well as about his adoption of Buddhism; however, this information is legendary. An analysis of the whole set of sources at our disposal as well as the experts' opinions reveals the following. Most likely, during the lifetime of Genghis Khan and Ogedei, the Mongols had no plans to seize Tibet, and all reports concerning Mongol military operations in this country refer only to the border areas in Eastern Tibet, through which nomads encompassed the hostile states of Jin and later – Southern Song from the right flank. The results fully confirm the conclusions already made by some scholars: the vast, desolate, remote from trade routes and poor lands of Tibet were not of primary interest to the Mongols. Despite the decision taken in 1235 to conquer most of the countries known to the Mongols, the first reconnaissance recorded in the literature took place only in 1240, and the real inclusion of the “Land of Snows” into the Mongol Empire dates back even later.

Keywords: Mongols; Genghis Khan; Ogedei; Tibet; Xi Xia; Jin; Mongol conquests

For citation: Drobyshev Yu. I. Tibetan policy of the Mongols (1205–1235). *Orientalistica*. 2021;4(5):1125–1144. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1125-1144>.

Введение

Хронологические рамки данной работы охватывают начальный период формирования Монгольской империи, когда монгольские степи уже были объединены под властью Тэмучжина (1162?–1227), удостоившегося в 1206 г. титула Чингис-хан. Годом ранее его отряды впервые вторглись в тангутское государство Си Ся, что ознаменовало начало эпохи военных походов на соседние оседлые страны. Этим и объясняется нижняя временная граница настоящего исследования. Верхнюю границу маркирует великий *курултай* (собрание знати) 1235 г., на котором было принято решение покорить ряд известных монголам стран, что обычно трактуется как их намерение захватить «весь мир». Империю в те годы возглавлял сын Чингис-хана Угэдэй (1229–1241). Таким образом, рассматриваемые в статье события приходятся на годы правления двух первых монгольских великих ханов.

Ход реализации монгольских завоевательных планов изучен мировым монголоведением вполне основательно, хотя некоторые спорные моменты сохраняются до сих пор. Один из них представляется принципиальным: чего на самом деле хотел великий завоеватель? Действительно ли он мечтал о мировом господстве и завещал ли своим потомкам довершить начатые им завоевания? Обладал ли он, как говорится сейчас, «проектным мышлением» или его действия имели спонтанный характер, а империя возникла фактически помимо его воли? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо под критическим углом зрения рассмотреть сведения, сохранившиеся в массиве источников, написанных на разных языках. Автор не ставит сейчас перед собой такую задачу, но полагает, что в какой-то мере поиску ответов может помочь анализ монголо-тибетских отношений в указанных хронологических пределах. Нельзя сказать, что данная проблема обделена вниманием историков. Ранние контакты монголов с населением Тибетского плато обсуждались в ряде работ¹, но к высказывавшимся мнениям еще есть что добавить.

Безусловно, Чингис-хан знал о существовании Тибета, а раз так, он, казалось бы, должен был вынашивать планы по его покорению. И если сам он не успел претворить их в жизнь, скончавшись в самом конце войны с тангутами на территории Западного Ся – совсем недалеко от Тибета, то его дело должны были продолжить его дети и внуки. На первый взгляд, именно так и получилось, однако события здесь развивались не столь прямолинейно, как на других фронтах растущей Монгольской империи.

Первый поход монголов в Тибет состоялся в 1240 г. по приказу внука Чингис-хана Годана (1206–1253?), который получил во владение земли в Ганьсу, в основном принадлежавшие тангутам. Полководцы Легдже и Дорда-дархан разорили два монастыря Кадампы, убили около пятисот монахов и вернулись. Скорее всего, целью рекогносцировки было выяснение, с кем в Тибете можно вести переговоры о подчинении этой политически раздробленной страны монголам [2, с. 112]. Такой представительной фигурой оказался сакьяский лама Кунга Гьялцен, более известный как Сакья-пандита (1182–1251). Он пользовался в Стране снегов большим влиянием как религиозный авторитет, более того, его род Хон наследовал руководство буддийской школой Сакья. Годан пригласил его в 1244 г. в свою ставку в Лянчжоу, но встреча состоялась только три года спустя. Годан якобы даровал своему гостю (точнее, школе Сакья) власть над всем Тибетом, под чем должна была подразумеваться, конечно, власть самого Годана. Скорее это был символический акт, не более того, – если он вообще был. Реальное подчинение Тибета монголам произошло позже, при хагане Хубилае (1260–1294), основателе воцарившейся

¹ Среди них особо следует отметить следующие: [1, с. 333–346; 2, с. 1–20; 3, с. 103–133; 4, с. 37–49; 5, с. 21–45].

в Китае монгольской династии Юань (1272–1368). История тибето-монгольских отношений при Юань послужила предметом тщательного и разностороннего изучения многих специалистов, мы же обратимся к более раннему периоду, связанному с именами Чингис-хана и Угэдэя.

Проблема подлинности контактов Чингис-хана с тибетцами

Самое раннее сообщение о контактах Чингис-хана с тибетцами приводит представитель влиятельного тибетского рода Цал, настоятель монастыря Гунгтанг и глава Цалпа Кагью Кунга Дорже (1309–1364) в сочинении «Дэбтэр марпо» («Красные анналы»)²: «Цанг-па Дункур-па Вангчук Таши... ученик Шанг [Римпоче], в то время был приглашен... в Миньяк (Си Ся. – Ю. Д.) для распространения учения Цал Кагью. После покорения государства Миньяк Чингисханом, он... дал учение Чингисхану и был направлен им в Сог (Монголию. – Ю. Д.) для проповеди доктрины Цал Кагью» (цит. по: [9, с. 84]).

Эту версию развивает более поздний тибетский автор Паво Цуглак Тренгва (1504–1566) в своем труде «Пир мудрецов», следуя в целом нарративу Кунга Дорже, но дополняя свой рассказ новыми деталями. Он пишет, что шесть монахов во главе с учеником основателя линии Цалпа Кагью Жанга Ринпоче – Цангпа Дункурпа пришли в Монголию и оказались первыми тибетскими монахами, которых встретили монголы. Монголы сделали их пастухами. Благодаря их магическим способностям весь доверенный им скот оставался в сохранности, поскольку они умели отводить природные катаклизмы. Когда Чингис-хан услышал об их мастерстве в остановке града, они уже отбыли в Си Ся из-за зависти даосов и христиан, живших среди кочевников. В тангутской державе эти монахи выполняли функции переводчиков, и когда Чингис-хан вновь вторгся в государство тангутов, Цангпа якобы служил переводчиком у него. Более того, Паво Цуглак считает, что Чингис-хан встречался с этим монахом и высоко оценил его качества. У тангутов Чингис «разрушил много храмов, и тогда лама Цанг-па отправился к хану... Он преподавал правителю святое учение, пояснил, что благо всех живых существ зависит от учения. В результате хан проникся большим уважением к учению...» [9, с. 94–95]. Одним из судьбоносных результатов этой встречи якобы был указ Чингис-хана об освобождении буддийского духовенства от податей, военной повинности и ямской службы.

По мнению Л. Петека, встреча Чингис-хана с Цангпа Дункурпа и шестью его учениками могла состояться в Монголии в 1209–1210 гг., но, более вероятно, это произошло в 1215 г. в тангутском государстве [10, с. 6]. Приведенные этим выдающимся ученым датировки производят впечатление поменявшихся местами. Из надежных источников известно, что Чингис-хан был в Си Ся не в 1215, а как раз в 1209–1210 гг. Х. Кармай

² Об этом произведении и его авторе см.: [6, с. 69–81; 7, с. 345–358; 8, с. 215–225].

придерживается другой даты пребывания лам в Монголии – 1222 г. [11, с. 42], что вполне возможно. Великий хан в это время находился в походе против Хорезма.

Более поздняя тибетская литература допускает существенные искажения этих сведений, причем исторические события, достоверность которых и без того далеко не бесспорна, превращаются в очевидную церковную легенду. Теперь встреча Чингиса и тибетских лам «происходит» на тибетской земле в ходе вторжения туда монгольских войск.

«Хрустальное зеркало прекрасных речений, демонстрирующее источники и воззрения всех философских систем» Туган Лобсан Чойкьи Нимы (1737–1802) повествует: «Чакравартин Чин ги си³ вторгся в Тибет. Он покорил три округа Нгари, четыре рога Уя и Цзана и три [региона] Лхо, Кам и Ганг. Он отправил посланника в Цзан, предложил богатые дары Сачену Кунга Ньинбо, и они вошли в альянс как духовный учитель и покровитель. Затем он пригласил его в Монголию. Он также пригласил трех его учеников. После того, как они уверовали в него, все монголы обрели веру в учение [Будды] и стали поклоняться Трем Драгоценностям. После того, как появились принявшие обеты – послушники и прочие – было положено начало буддийскому учению» (цит. по: [14, с. 90]).

Большой знаток хронологии, историк из Амдо Сумба-Хамбо, живший в XVIII в., датирует подчинение Тибета монголам годом огненного тигра (1206) [15, с. 33, 74]. По сути, он приводит ту же самую информацию о рейде Чингис-хана: «В 45 лет, когда [Чингис-хан] отправился в тибетскую [область] Уй, правители Джо-Га и Цалпа-Гунга-Дорчжэ организовали встречу и величайший праздник, четыре крыла Тибета – три округа Нгария, Уй и Цзан, три главных округа Юга все приветствовали его. Затем он отправил в Цзан, в Сакья, ламе Гунга-Ньинбо специального посланника с письмом и подарками. В тот момент, когда он не закончил некоторые главные военные действия для создания теперешнего царства, но подходил к концу этого мероприятия, [Гунга-Ньинбо] ответил: тебе вместе с сыновьями надобно развивать в стране Хор религию Победоносного. Вследствие этого он не встретился с ним самим в действительности, но с самого начала принял его в качестве учителя, всех тибетцев освободил от налогов, сделал преподношения трем культам и монашеству Уйя и Цзана, стал милостынедателем [покровителем] религии дхарма-раджей» (цит. по: [16, с. 224]). Более того, Сумба-Хамбо утверждает, что в мире не было владыки, подобного Чингис-хану, который со своими сыновьями покорил Монголию, Китай, Ордос, Хотон (Восточный Туркестан) и прочие страны, и называет в их числе Тибет [16, с. 247].

³ По мнению Ш. Биры, высоким титулом *чакравартина* наделил Чингис-хана посмертно Пагба-лама (1235–1280), племянник Сакья-пандиты [12, с. 77], но это ошибка. В сочинениях Пагба-ламы Чингис-хан не назван *чакравартином*, там о нем сказано, что он подобен (тиб. *lta bu*) *чакравартину*. То же самое относится к Хубилаю. Подробнее см.: [13, с. 34–37].

Аналогичную историю рассказывает монгольский лама Цэнбэл-гуши (1761–1835)⁴ в тибетоязычном сочинении «История буддизма в Монголии» [19, с. 24–25; 20, с. 55–56] и Дамчок Гьяцо Дхарматала в своем труде «Четки белых лотосов», опубликованном в 1889 г. в одном из монастырей Внутренней Монголии [21, с. 65, 156]⁵.

В сочинении 49-го настоятеля монастыря Лавран Браггон-Шабдрун-Гончок-Дамба-Рабчжая (1801–?) «Дэбтэр-чжамцо» («Книга-море») говорится о том, что Чингис-хан почитал сакьяского ламу Сина-гэбши, который в сопровождении трех лам направился на север для распространения учения среди монголов. Чингис-хан устроил им встречу в своем царском дворце и спросил, откуда они пришли, какому роду принадлежат и где постигли мудрость учения. В ответ он услышал, что все они тибетцы, прибыли из Сакья, что в Цзане, и являются знатоками учения премудрого Будды. Хан спросил, можно ли познать учение Будды сразу, и устроил им своеобразное испытание. Он сказал: «Я являюсь владыкой всех этих великих земель. В этой Вселенной нет величайшего, чем я. Вы есть премудрые сыновья того (Будды), и сейчас же на меня пошлите дождь». Ламы закрыли глаза, выдернули руками свои зубы, и начался дождь. Вода покрыла горы и долины. Затем Чингис-хан приказал прекратить дождь, что и было немедленно исполнено. Увидев эти чудеса, он воздал пришельцам большие почести [22, с. 12–13].

Последним монгольским историческим произведением, выдержанным в традициях монголо-тибетской историографии, в котором пересказывается предание о контактах Чингис-хана с тибетскими ламами, является «Алтан дэбтэр» («Золотая книга») Дамдина (1867–1937). Опираясь на «Пир мудрецов» Паво Цуглака, автор приводит некоторые конкретные данные в пользу того, что монголы могли впервые соприкоснуться с тибетской формой буддизма во время набегов на Си Ся. В частности, он сообщает о пребывании в Монголии семи учителей и учеников, среди которых был и Цангпа Дунгурпа. Из-за зависти шаманов они были вынуждены покинуть Монголию и вернулись в страну тангутов. С этим Цангпа Дунгурпа якобы дважды беседовал Чингис-хан. Лама разъяснил хану суть и пользу Учения. Первая встреча состоялась в Монголии, и в ходе ее Чингис-хан сказал, что его собеседник подобен ламам, живущим в стране тангутов. Вторая встреча произошла во время военного похода против Си Ся. Чингис-хан обнародовал указ, освобождающий буддийское духовенство от податей и воинской повинности, а также предусматривающий меры по реставрации монастырей, пострадавших в ходе военных

⁴ О нем см.: [17, с. 225–229; 18, с. 302–305].

⁵ Согласно Дхарматале, письмо монгольскому хану отправил не Гунга-Ньинбо (умерший еще в 1159 г.), а Сакья Панчен Кунга Гьялцен (Сакья-пандита), поскольку первое не согласуется с выкладками Сумба-Хамбо [21, с. 157], и переводчику его сочинения Петру Клавковскому эта история «не кажется невероятной» [21, с. 65].

действий, и некоторые другие. Дамдин не датирует поход, когда был оглашен этот указ, но в «Пире мудрецов» он приурочен к году огненной свиньи, т. е. к 1227 г. [23, с. 34–35].

Наконец, следует упомянуть оригинальный труд ламы Эрдэнипэла (1877–1960) – настоятеля монастыря Гандан в Улан-Баторе, где критически рассматриваются обе версии с привлечением дополнительных материалов из тибетских и монгольских сочинений. Автор датирует начало взаимоотношений монголов с тибетцами 1213 г., когда в монгольские степи прибыл Цангпа Дунгкурпа [24, с. 180–184].

Таким образом, идея о принятии Чингис-ханом буддизма совершенно закономерно заняла видное место в монгольском историческом нарративе XVII – начала XX в. Одновременно кардинально изменились взгляды на цели, которые якобы преследовал Чингис-хан: теперь его деятельность истолковывалась как исполнение поручений его небесного отца Хормусты Тэнгри по искоренению в мире злых ханов, угнетавших свои народы.

Можно полагать, что, чем хронологически ближе к рассматриваемым здесь событиям было написано то или иное историческое произведение, тем точнее оно их передает, тем меньше в нем следов более поздней политической конъюнктуры. В результате развития тибетской и зависимой от нее монгольской историографии до нас дошли две версии начала контактов монголов, включая Чингис-хана, с духовенством Тибета: 1) оно было положено Цангпа Дунгкурпа, пришедшим в Монголию, 2) инициатива принадлежала Чингис-хану, вторгшемуся в Тибет.

Первый вариант не вызывает особых возражений. Растущая Монгольская империя не могла не привлечь внимания буддийских проповедников, которые проникали в ее центр, скорее всего, из Си Ся, подвергавшегося периодическим набегам монголов. Кроме выходцев из Тибета, в том числе занимавших пост Государственных наставников, в стране тангутов проживало много коренных тибетцев. Об этом говорят, например, большие тиражи буддийских сутр, печатавшихся там на тибетском языке; надо учесть, что в Си Ся была чрезвычайно развита переводческая деятельность, и уже к середине XII в. на тангутский язык был переведен буддийский канон. Может быть, кто-то из учителей по своей воле отправлялся оттуда в степи, а кого-то могли принудить к этому захватчики. Так или иначе, не удивительна вероятность появления тибетских лам еще при жизни Чингис-хана при хаганском дворе или ставках его сподвижников. Иное следует сказать по поводу вероятности второго варианта развития событий.

Сарат Чандра Дас писал, что в 1203 г. Чингис-хан захватил весь Тибет [25, с. 96]. Откуда возникла эта цифра, автор не объяснил. В тибетских сочинениях, повествующих о походе Чингис-хана в Тибет, фигурирует несколько более поздняя дата – 1207 г., которую современные исследователи обычно интерпретируют как отголосок монгольского рейда в Си Ся,

имевшего место как раз в указанном году. Это была уже вторая монгольская инвазия в тангутское государство. Ее возглавлял сам Чингис, и есть некоторые основания предполагать, что в ее ходе он мог на короткое время попасть к тангутам в плен⁶.

Насколько известно, первым поставил под сомнение сообщения источников о появлении Чингис-хана в Тибете выдающийся российский востоковед и буддолог В. П. Васильев (1818–1900): «Приходил ли сам Чингисхан – это может быть сомнительно; но что, как скоро покорен был Туркестан, то и Тибет (который тогда лучше с ним сообщался) мог подпасть под его влияние – это легко допустить. Иначе мы не знаем, как это произошло и когда он подчинился» [27, с. 376]. Дальнейшее развитие науки привело к поляризации мнений. Так, Дж. Туччи полагал, что ввиду нависшей угрозы монгольского вторжения тибетские лидеры созвали совещание, на котором решили изъявить Чингис-хану покорность. С их стороны в переговорах участвовали потомок тибетских царей Дэси Джога и настоятель монастыря Цал Гунтанг, и уже в 1207 г. фактически весь Тибет перешел под власть великого хана [28, с. 8–9]. Цепон Шакабпа – первый тибетский автор, написавший историю своей страны на английском языке, сделал эту историю широко известной [29, с. 61]. Д. Снелл-гроув и Х. Ричардсон также принимают эти легенды за истину [30, с. 145].

Большинство ученых, однако, настроены скептически. Т. Уайли указал на трудно объяснимую неувязку: едва став всемонгольским ханом, Чингис якобы уже запланировал поход в Тибет. Зачем? Монголия и Тибет не имели общей границы, между ними располагалось Си Ся. Далее, что заставило тибетцев покориться, даже не выпустив в неприятеля ни одной стрелы [3, с. 105]? Достаточно подробно эти вопросы разобрал Л. Квонтен несколькими годами ранее. По его мнению, информация о контактах Чингис-хана с тибетскими ламами далека от определенности и базируется, по сути, на двух источниках: «Истории буддизма в Монголии» Цэнбэл-гуши и «Драгоценном сказании» Саган Сэцэна. Она проистекает из ошибочной передачи подробностей похода Чингиса в Си Ся и, возможно, из желания «удревнить» вхождение в состав империи. Однако какой-то отголосок истины здесь все же возможен: Цангпа Дункурпа (у Л. Квонтена ошибочно – Цалпа Кунга Дорже) мог встречаться с кем-то из ханских представителей, хотя ниже автор выражает сомнение в существовании прямых контактов тибетцев с монголами при жизни Чингис-хана, поскольку доступные источники даже не позволяют с достоверностью судить о том, знали ли вообще тибетцы о монгольском лидере. Автор приходит к выводу, что «вся история кампании Чингис-хана против Тибета – единственной бескровной кампании! – и его последующего обращения в ламаизм есть не что иное, как продукт поздней религиозной

⁶ Обоснование этой гипотезы см. в: [26, с. 380–405].

ламаистской историографии», а исторические сочинения XVII–XVIII вв. представляют собой «идеологическую пропаганду» для монголов-шаманистов [2, с. 15–18].

В отечественной науке к аналогичному решению вопроса пришел в те же годы С. Кучера: «...совокупность данных, взятых из разных источников, о намерениях и планах Чингисхана позволяет заключить, что Тибет вообще не входил в сферу его непосредственных интересов и он не замышлял похода туда. Это может быть объяснено недостаточностью сведений о Тибете, имевшихся в распоряжении великого хана, концентрацией его внимания на более богатых и более доступных странах, часть которых к тому же находилась значительно ближе к Монголии и даже непосредственно по соседству с ней, либо какими-нибудь другими, неизвестными нам причинами» [31, с. 265].

Следовательно, даже если у Чингис-хана были какие-то переговоры с тибетским духовенством, они, скорее всего, не были никак связаны с его захватническими планами и не касались Тибета.

Тибето-монгольские отношения в эпоху Чингис-хана

Итак, попробуем разобраться, какие виды мог иметь Чингис-хан на Тибет. Прежде всего, необходимо напомнить, что в первой половине XIII в. Тибет не был единым государством. Похоже, что и монголы не воспринимали его как нечто целое. Их операции в Амдо или Кхаме близ границы Цзинь и Южной Сун не затрагивали религиозные и политические центры Уя и Цзана и не были, соответственно, «войнами с Тибетом».

Одним из аргументов, который иногда выдвигается в пользу якобы замышлявшей Чингис-ханом карательной экспедиции в Тибет, может служить сообщение о злоключениях его личного врага – сына Ван-хана Нилха-Сангума, бежавшего от расправы в Си Ся, а оттуда в Тибет. Однако мог ли беглый противник, пусть даже очень опасный (Сангум имел право на Керейтское ханство, подчиненное Чингисом), заставить монголов двинуть войско в огромный, малоизвестный, пустынный район, где к тому же было трудно рассчитывать на добычу? Более того, деяния Сангума в Тибете ставят под сомнение справедливость этой версии в целом.

Жизненный путь этого человека, как его описывает Рашид ад-Дин (1247–1318), выглядит так: «Сангун, сын Он-хана, в то время, когда захватывали и умерщвляли его отца, бежал и выбрался [из беды благополучно]. Он прошел через селение, называемое Ишик-балагасун⁷ и расположенное на границе безводной степи пределов Монголии [вилайат-и Мугулистан] и ушел в область Бури-Туббэт. Он разграбил часть тех

⁷ Ицзин, ныне известный как Хара-Хото – пограничный город Си Ся, развалины которого находятся на территории хошуна Эдзин-Ци аймака Алашань (Автономный район Внутренняя Монголия, КНР). О нем см. блестящий очерк: [32, с. 273–285].

областей, прожил там некоторое время и произвел опустошения. Племена и население Тибета, собравшись, окружили его в какой-то местности, чтобы схватить [его там]. [Однако] он благополучно выбрался оттуда, ушел из рук этих племен и бежал, потерпев поражение. Он дошел до одной местности в пределах страны Хотан и Кашгара, название которой Кусэгу-Чэргэшмэ. Один из эмиров племен калач, по имени Клыч-Кара, бывший эмиром и правителем той местности, его схватил и убил. Рассказывают, что впоследствии этот эмир отослал к Чингиз-хану жену и сына Сангуна, захваченных им, а [сам] подчинился и покорился ему» [33, с. 134]. Вражда, которую Сангум затеял в Тибете, делает эту страну союзником, а не противником монголов! Следовательно, вина за принятие Сангума, которую возлагают на Тибет С. Хоу и К. Этвуд [4, с. 39; 5, с. 31], может смело быть с него снята.

В арсенале сторонников гипотезы «проектного мышления» Чингис-хана остается еще один аргумент. С. Хоу обосновывает идею, что, хотя Чингис-хан никогда не вторгнулся в Тибет сам, он, вне сомнения, вынашивал такой замысел [4, с. 41, 44]. Первую часть этой сентенции подтверждают как надежные источники (к таковым относятся в первую очередь китайские, среди которых, насколько известно автору, нет ни одного, где это событие упоминалось бы), так и общая логика деяний великого монгола, реконструируемая на солидной источниковой базе. Со второй же частью можно поспорить. По крайней мере, вызывает недоверие та категоричность, с которой ее высказывает историк.

В подкрепление своей гипотезы С. Хоу приводит цитату из биографии чжурчжэньского перебежчика Го Баою в «Юань ши», где содержится рассказ о его беседе с Чингис-ханом где-то между 1211 и 1216 гг., когда последний намеревался атаковать Сифань (западных фаней): «Он (Чингис-хан. – Ю. Д.) опасался, что многие его (Тибета? – Ю. Д.) города располагались на недоступных горных склонах, и спрашивал Баою насчет стратегем, как атаковать и взять их. Он ответил: “Если предположить, что его города на небе, то их невозможно взять. Если они не на небе, мы доберемся до них, мы их возьмем”. Император был восхищен...» (цит. по: [4, с. 41])⁸. По мнению С. Хоу, под топонимом Сифань в китайских источниках фигурировали разные тибетские земли, в том числе и весь Тибет. Однако было бы логичней думать, что Чингиса больше заботило тибето-цзиньское пограничье, через которое он мог планировать удар по чжурчжэням,

⁸ На этом автор обрывает цитату, иначе следующая далее информация работает против его гипотезы. Окончание же ее звучит так: «...и наделил его правом угнать лошадей у западных фаней и командовать их подавлением» (цит. по: [5, с. 29]). По мнению К. Этвуда, то, что якобы должен был выполнить цзиньский ренегат, на самом деле осуществил в 1226 г. знаменитый монгольский полководец Субэздэй. Он разорил земли на границе Цзинь, Си Ся и Тибета и вернулся с несколькими тысячами трофейных лошадей, принадлежавших чжурчжэням [5, с. 30–31].

и в этом случае горные крепости замедлили бы продвижение войск, если бы не удалось заранее договориться о проходе.

Гибель монгольского каравана в Отраре в 1218 г. отвлекла внимание Чингис-хана не только от Тибета, но и от Цзинь, однако возвращаться из похода на Хорезм он как будто хотел через Тибет. Планировал ли он захват тибетских земель или просто намеревался выйти к границам непокорного государства тангутов с юга? Видимо, этот вопрос так и останется без ответа. Ала ад-Дин Джувейни (1226–1283) пишет: «Когда армия восстановила здоровье, Чингисхан задумал возвратиться домой по пути через Индию в землю тангутов. Он прошел несколько перегонов, но поскольку там не было дороги, он повернул назад и пришел в Пешавар, и вернулся тем же путем, которым пришел» [34, с. 137–138] (ср.: [33, с. 125])⁹. Вернувшись в родные степи, Чингис-хан практически сразу начал готовить карательную экспедицию против Си Ся, в ходе которой и скончался на тангутской земле в августе 1227 г. Если верить китайскому источнику, перед смертью он завещал своим сыновьям завершить разгром империи Цзинь: «“Хоть десять лет трудись, но обязательно заверши завоевание: если удержишься завершить завоевание, то остатки цзиньской породы опять размножатся. Лучше уж оставить Чахэдая (Чагатая, сына Чингис-хана. – Ю. Д.) охранять [непокоренных мусульман], а [самим] забрать остатки Цзинь и окончательно покончить [с ними]”. После того [т. е. смерти Чингисхана] этим и занялись» [36, с. 77]¹⁰. О наказе Чингис-хана начать войну с Тибетом не говорит ни один известный источник.

Что касается религиозной аргументации, изображающей поход Чингис-хана в Тибет как своего рода «военизированное паломничество», то она не выдерживает никакой критики. Основатель Монгольской империи всю свою жизнь следовал традиционному степному культу Вечного Неба, и нет оснований думать, что он стремился стать адептом буддизма. Даже если бы у него возникла мысль о ритуале посвящения, он легко смог бы найти буддийских учителей вне Страны снегов.

Итак, можно полагать, что при жизни Чингис-хана подчинение Тибета монгольской власти не планировалось.

Тибето-монгольские отношения в эпоху Угэдэя

Следующий этап монголо-тибетских отношений приходится на эпоху правления хагана Угэдэя, когда «монгольский империализм» – теория и практика мирового доминирования – обрел ясные идеологические

⁹ Персидский историк Джузджани (ок. 1193 – после 1260) добавляет, что Чингис-хан устроил традиционное монгольское гадание по бараньей лопатке и тоже получил отрицательный ответ относительно предполагаемого пути через Индию [35, с. 1046–1047, 1081–1084].

¹⁰ То же сообщается в «Юань ши»: перед кончиной Чингис-хан проинструктировал сыновей, как следует совершить обходной маневр и ударить по чжурчжэням там, где они не ожидают, и завершил свою речь словами: «Разбить их обязательно!» [37, с. 161–162].

очертания и начал последовательно и системно определять монгольскую внешнюю политику.

Джувеини сообщает об отправке Угэдзем войск в Тибет вскоре после своей интронизации: «Подобным образом в Тибет и Солангай (Корею. – Ю. Д.) он послал большие или меньшие силы; в Китай он решил отправиться лично в сопровождении своих братьев» [34, с. 190; 38, с. 21]. Что конкретно понимал под Тибетом персидский историк, неясно. Китайские источники эту информацию не подтверждают. Может быть, так Джувеини истолковал последствия неудачной кампании против Цзинь в 1230–1231 гг., когда возглавлявшие ее братья Угэдэй и Толуй приостановили военные действия, но не распустили свои войска и оставили их стоять в поле в течение лета и осени 1231 г. В поисках пищи измученные голодом воины передислоцировались западнее, в тибетское приграничье. Очевидно, их присутствие крайне тяготило местное население, но большого кровопролития там не произошло [4, с. 39; 5, с. 34–35; 39, с. 269–270].

Движение монгольских войск через Тибет зафиксировал Рашид ад-Дин: «Он (Толуй. – Ю. Д.) вышел через Тибет и прошел по области Хитая, жителей которой называют Хулан Дэгэлтэн, то есть краснокафтаниками. Так как дорога, [по которой шел] каан, была дальней, то Тулуй-хан терпел в пути [лишения] и двигался медленно до следующего года; у них не осталось провианта, и дошло до того, что они ели трупы умерших людей, павших животных и сено. Он двигался с боями по горам и степям, пока в местности, называемой... не встретился лицом к лицу с огромным войском Алтан-хана (императора Цзинь. – Ю. Д.)» [38, с. 110]. И вновь это свидетельствует о военной активности монголов лишь на границах Тибета, куда они попали в результате операции против империи Цзинь.

В 1234 г. монголы закончили покорение «Золотой империи» и уже в следующем году постановили начать войну с Южной Сун, затянувшуюся до 1279 г. Несмотря на то что в известных автору решениях *курултая* 1235 г. завоевание всего Тибета не значит, он не мог остаться без внимания монгольских стратегов: «В том же году в степи Асичанк Угедей-каан назначил своего сына Кучу и царевича Кутуку, сына Джучи-Касара, в Мачин, который называют Нангяс (Южный Китай. – Ю. Д.). Они отправились [туда], взяли города Сианг-ин-фу и Ке-рин-фу и разграбили по пути области Тибета» [38, с. 36]. Как видно из приведенной цитаты, пограничные земли Тибета хотя и пострадали во время данного похода, но не они являлись целью агрессии. Теперь монголы приступили к покорению своего недавнего союзника – Южной Сун, для чего им, в частности, потребовалось обойти ее с запада. Что и было сделано через Сычуань и Дали.

Слухи о каком-то готовившемся серьезном вторжении циркулировали в Тибете в 1236 г. Опасения подогревались природными явлениями: радугой, громом и землетрясением, которые получали интерпретацию в

качестве неблагоприятных предзнаменований, но Таглунтанпа Ринченгён (1190–1236) убеждал людей, что монголы не придут [10, с. 7]¹¹.

Таким образом, источники не позволяют говорить о замыслах Угэдэя по подчинению всего Тибета, но в последние годы его правления эта страна уже попала в сферу монгольских интересов.

Заключение

Казалось бы, решение двинуть войска на Тибет выглядит логически вытекающим из хода предыдущих военных кампаний монголов. Еще при жизни Чингис-хана, в конце лета 1226 г. командующий гарнизоном Ва Чжацзэ без боя сдал второй по величине тангутский город Лянчжоу (Силян, Увэй), что открыло монголам наиболее легкий путь в Тибет [41, с. 293; 42, с. 312]. После окончательной победы над тангутами и выхода на тибетскую границу надо было либо развивать успех на южном направлении и идти покорять тибетцев, либо доводить до успешного завершения войну с чжурчжэнями, а для этого тоже был необходим обходной маневр через земли Восточного Тибета. Монголы вполне предсказуемо, как кажется, выбрали второй вариант, причем, судя по всему, с местными правителями им удалось договориться, и ни о какой широкомасштабной тибето-монгольской войне речи тогда не шло.

Во всяком случае, если в очерченные в данной статье годы тибетцы и познакомились с «монгольским империализмом», никакого следа в источниках (не только собственно тибетских, но и всех остальных) он не оставил. Действия монгольских войск на тибетских окраинах определялись тактическими задачами, а не имперской идеологией. Отсюда можно допускать, что никаких важных столкновений или судьбоносных для всей страны переговоров у тибетцев с монголами в это время не было.

Глядя из сегодняшнего дня на грандиозные военные успехи монголов, мы невольно начинаем переоценивать их силы и требовать от них невозможного. Однако исторический опыт показывает, что, планируя военные походы, монголы проявляли абсолютное здравомыслие, ввиду чего трудно предположить причину, которая побудила бы их отправиться на завоевание довольно негостеприимной Страны снегов в то время, когда еще не был повержен главнейший и все еще сильный враг – империя Цзинь, после победы над которой немедленно началась вражда с Южной Сун. Представляется, что на первых порах в Тибете монголов интересовала только лояльность локальных правителей вдоль восточной границы, чтобы иметь возможность беспрепятственно перебрасывать

---

¹¹ Л. Петек ссылается в данном случае на: sTag-lun-pa Nag-dban-rnam-rgyal, C'os 'byun no mts'ar rgya mts'o (1609), Tashigang 1972. В биографии Таглунтанпы Ринченгёна в «Синей летописи» перечисленные выше знамения предвещают его смерть, а не появление монголов [40, с. 334–335].

войска на правый фланг. Покорять ради этого весь Тибет явно не было нужды.

Желание монголов считать себя полновластными хозяевами Тибета как части «всего мира» тоже выглядит вполне закономерным. Если Вечное Небо дало им право владеть всей землей, почему же Тибет должен быть исключением? Однако желания и планы приходилось соразмерять с реальным положением дел. Помимо идеологии, важнейшим стимулом к военной экспансии служила жажда обогащения. Пустынные нагорья Тибета определенно не сулили богатой добычи, и здесь опять нельзя не согласиться со Станиславом Кучерой, писавшим, что «возможность грабежа и наживы, которая часто предопределяла военные акции монголов в других районах Азии, в отношении Тибета, как нам кажется, никогда не играла существенной роли» [31, с. 273]¹².

Разобранные в настоящей статье материалы позволяют с большой долей уверенности говорить об отсутствии у первых двух владык Монгольской империи сколько-нибудь ясных планов по захвату Тибета и, во всяком случае, не подтверждают мнение о желании Чингис-хана стать всемирным монархом. Что касается его преемника Угэдэя, то, в принципе, не так уж важно, была ли Страна снегов намечена им как одна из ближайших целей военной агрессии или дипломатического давления. Посылая в 1240 г. свои отряды в Тибет, Годан уже действовал вполне в русле имперской политики, но анализ его шагов автор оставляет за рамками настоящего исследования.

Дальнейшее развитие монголо-тибетских отношений привело к включению Тибета в состав Монгольской империи, причем этот процесс протекал в большей степени дипломатическим, нежели военным путем. Следовательно, закономерно сделать вывод, что монголы не отказывались от установления своей гегемонии в этом регионе Азии, но сделали они это иначе, чем в большинстве других стран, став для тибетских духовных лидеров не покорителями, а покровителями.

Литература

1. Рерих Ю. Н. Монголо-тибетские отношения в XIII и XIV вв. *Филология и история монгольских народов*. М.: Восточная литература; 1958. С. 333–346.
2. Kwanten L. Chingis Kan's Conquest of Tibet. Myth or Reality? *Journal of Asian History*. 1974;8(1):1–20.
3. Wylie T. V. The First Mongol Conquest of Tibet Reinterpreted. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1977;37(1):103–133.

¹² Аналогичные идеи высказывает и П. Бьюэлл: удаленность, стратегическая незначимость, отсутствие главных торговых путей и малое количество добычи, рассеянной по большому пространству, делали Тибет непривлекательным для монголов [43, с. 194].

4. Haw S. G. The Mongol Conquest of Tibet. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2014;24(1):37–49.
5. Atwood C. P. The First Mongol Contacts with the Tibetans. In: Vitali R. (ed.) *Trails of the Tibetan Tradition: Papers for Elliot Sperling*. Paris: UMR 8155 (CRCAO) of the French National Center for Scientific Research; 2015. P. 21–45.
6. Bira Š. Some Remarks on the “Hu-lan deb-ther” of Kun-Dga’ Rdo-Rje. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1964;17(1):69–81.
7. Шиманская А. А. Изучение памятника тибетской историографии «Дэб-тэр марпо» Кунги Дордже (предварительные данные). *Восточные общества: традиции и современность. Материалы II съезда молодых востоковедов стран СНГ*. Москва – Баку: Центр стратегических исследований при Президенте Азербайджанской Республики; 2014. С. 345–358.
8. Шиманская А. А. «Дэбтэр марпо» Кунги Дордже в контексте развития исторической мысли в Тибете. *Буддизм Ваджраяны в России: на перекрестке культур. Коллективная монография по материалам V Международной научно-практической конференции*. Красноярск: Алмазный путь; 2018. С. 215–225.
9. Китинов Б. У. *Буддийский фактор в политической и этнической истории ойратов (сер. XV в. – 1771 г.)*. Дисс. на соиск. ст. доктора ист. наук. М.: ИВ РАН; 2020. 546 с.
10. Petech L. *Central Tibet and the Mongols. The Yüan – Sa-Skya Period of Tibetan History*. Rome: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente; 1990. 168 p.
11. Karmay H. *Early Sino-Tibetan Art*. Warminster: Aris and Filips; 1975. XVI+128 p.
12. Бира Ш. *Монгольская историография XIII–XVII вв.* М.: Наука; 1978. 320 с.
13. Tenzin Choephak Ringrapontsang. *Conquering the Conqueror: Reassessing the Relationship between Qubilai Khan and ‘Phags pa Lama*: A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy of The Australian National University, 2016. XVII+251 p. – <https://openresearch-repository.anu.edu.au/bitstream/1885/114562/1/Ringrapontsang%20Thesis%202017.pdf> (дата обращения 02.01.2021).
14. Коллмар-Пауленц К. Свет Дхармы против тумана тьмы. Тибетское восприятие монголов и формирование новой монгольской идентичности в начале XVII века. *Исследования Tartaria Magna*. 2011;1:86–103.
15. *Пагсам-джонсан. История и хронология Тибета*. Пер. Р. Е. Пубаева. Новосибирск: Наука; 1991. 264 с.
16. Пубаев Р. Е. «Пагсам-чжонсан» – памятник тибетской историографии XVIII века. Новосибирск: Наука; 1981. 307 с.
17. Roerich G. N. The Author of the Hor-chos-hbyun. In: Рерих Ю. Н. *Избранные труды*. М.: Наука; 1967. С. 225–229.
18. Успенский В. Л. Биографические сведения о Цэнбэл-гуши (1761–1835), авторе «Хор чойджуна». *Цэндийн Дамдинсурэн. К 100-летию со дня рождения*. М.: Восточная литература; 2008. С. 302–305.
19. Huth G. *Hor-chos-byun. Geschichte des buddhismus in der Mongolei*. Bd. II. Strasbourg: Karl J. Trübner; 1896. XXXII+456 S.
20. Бира Ш. *Монгольская тибетоязычная историческая литература (XVII–XIX)*. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн хэрэг эрхлэг хороо; 1960. 84 с.

21. Damcho Gyatscho Dharmatala. *Rosary of White Lotuses: Being the Clear Account of how the Precious Teaching of Buddha Appeared and Spread in the Great Hor Country*. Transl. by P. Klafkowski. Wiesbaden: Otto Harrassowitz; 1987. XXVII+537 p.

22. Дугаров Р. Н. «Дэбтэр-чжамцо» – источник по истории монголов Куку-нора. Новосибирск: Наука; 1983. 94 с.

23. Бира Ш. О «Золотой книге» Ш. Дамдина. Улан-Батор: Изд-во АНМ; 1964. 153 с.

24. Эрдэнипэл. Конечная причина религий в Монголии. Пер. Ринчена и Самбу. В: *История в трудах ученых лам*. Сост. и ред. А. С. Железняков, А. Д. Цендина. М.: Товарищество научных изданий КМК; 2005. С. 155–247.

25. Das S. Ch. Tibet under the Tartar Emperors of China in 13th Century A.D. *Journal of the Asiatic Society of Bengal*. 1905;Extra No:94–102.

26. Дробышев Ю. И. Тангутский плен Чингис-хана. *Ориенталистика*. 2021;4(2):380–405.

27. Васильев В. К хронологии Чингисхана и его преемников. *Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества*. 1889. Т. 4. СПб.: Типогр. Имп. Академии наук; 1890. С. 375–378.

28. Tucci G. *Tibetan Painted Scrolls*. Vol. 1. Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato; 1949. XV+328 p.

29. Shakabpa Ts. W. D. *Tibet: A Political History*. New Heaven–London: Yale University Press; 1967. XVI+369 p.

30. Snellgrove D. L., Richardson H. *A Cultural History of Tibet*. Bangkok: Orchid Press; 2003. 309 p.

31. Кучера С. Завоевание монголами Тибета. *Монголо-татары в Азии и Европе*. Изд. 2-е. М.: Наука; 1977. С. 260–281.

32. Казин В.Н. К истории Хара-Хото. *Труды Государственного Эрмитажа*. Т. V. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. С. 273–285.

33. Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. I. Кн. 2. Пер. О. И. Смирновой. М.; Л.: Изд-во АН СССР; 1952. 306 с.

34. Juvaini Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror*. Transl. by J. A. Boyle. Manchester: Manchester University Press; 1997. LXVII+764 p.

35. *Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A. H. 194 (810 A. D.) to A. H. 658 (1260 A. D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam*. By Minhaj-ud-din, Abū-'Umar-i-'Usman; transl. from original Persian manuscripts by H. G. Raverty. Vol. II. London: Gilbert and Rivington; 1881.

36. Пэн Да-я, Сюй Тин. *Хэй-да шилюз (Краткие известия о черных татарах)*. Пер. Р. П. Храпачевского. В: *Золотая орда в источниках*. Т. III: *Китайские и монгольские источники*. М.: [Б. и.]; 2009. С. 27–120.

37. Китайская династийная история «Юань ши (Официальная история [династии] Юань)». Пер. Р. П. Храпачевского. В: *Золотая орда в источниках*. Т. III: *Китайские и монгольские источники*. М.: [Б. и.]; 2009. С. 121–291.

38. Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. Т. II. Пер. Ю. П. Верховского. М.; Л.: Изд-во АН СССР; 1960. 248 с.

39. Atwood C. P. Pu'a's Boast and Doqolqu's Death: Historiography of a Hidden Scandal in the Mongol Conquest of the Jin. *Journal of Song–Yuan Studies*. 2015;45:239–278.

40. Гой-лоцзава Шоннупэл. *Синяя Летопись*. Пер. с тиб. Ю. Н. Рериха; пер. с англ. О. В. Альбедилы и Е. Ю. Харьковой. СПб.: Евразия; 2001. 768 с.

41. Martin H. D. *The Rise of Chingis Khan and his Conquest of North China*. Baltimore: The J. Hopkins press; 1950. XVIII+360 p.

42. Кычанов Е. И. *Очерк истории тангутского государства*. М.: Наука; 1968. 356 с.

43. Buell P. D. Tibetans, Mongols and the Fusion of Eurasian Cultures. In: Akasoy A., Burnett Ch., Yoeli-Tlalim R. (eds) *Islam and Tibet – Interactions along the Musk Routes*. London: Routledge; 2016. P. 189–208.

References

1. Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958, pp. 333–346.

2. Kwanten L. Chingis Kan's Conquest of Tibet. Myth or Reality? *Journal of Asian History*. 1974;8(1):1–20.

3. Wylie T.V. The First Mongol Conquest of Tibet Reinterpreted. *Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1977. Vol. 37. № 1. Pp. 103–133.

4. Haw S. G. The Mongol Conquest of Tibet. *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2014;24(1):37–49.

5. Atwood C. P. The First Mongol Contacts with the Tibetans. In: Vitali R. (ed.) *Trails of the Tibetan Tradition: Papers for Elliot Sperling*. Paris: UMR 8155 (CRCAO) of the French National Center for Scientific Research; 2015, pp. 21–45.

6. Bira Š. Some Remarks on the “Hu-lan deb-ther” of Kun-Dga' Rdo-Rje. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1964;17(1):69–81.

7. Shimanskaya A. A. The study of the monument of Tibetan historiography “Debter marpo” by Kunga Dorje (preliminary data). *Eastern societies: traditions and modernity. Materials of the II Congress of Young Orientalists of the CIS Countries*. Moscow–Baku: Center for Strategic Studies under the President of the Republic of Azerbaijan; 2014, pp. 345–358. (In Russ.)

8. Shimanskaya A. A. “Debter marpo” by Kunga Dorje in the context of the development of historical thought in Tibet. *Vajrayana Buddhism in Russia: at the crossroads of cultures. Collective monograph based on the materials of the V International Scientific and Practical Conference*. Krasnoyarsk: Almazny Put'; 2018, pp. 215–225. (In Russ.)

9. Kitinov B. U. *The Buddhist factor in the political and ethnic history of the Oirats (middle of XV century – 1771)*. Diss. ... Doctor of Sciences. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS; 2020. 546 p. (In Russ.)

10. Petech L. *Central Tibet and the Mongols. The Yüan – Sa-Skya Period of Tibetan History*. Rome: Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente; 1990. 168 p.

11. Karmay H. *Early Sino-Tibetan Art*. Warminster: Aris and Filipis, 1975. XVI+128 p.

12. Bira Sh. *Mongolian historiography of the XIII–XVI centuries*. Moscow: Nauka, 1978. 320 p. (In Russ.)

13. Tenzin Choephak Ringpapantsang. *Conquering the Conqueror: Reassessing the Relationship between Qubilai Khan and 'Phags pa Lama*: A thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy of The Australian National University, 2016 XVIII+251 p. – <https://openresearch-repository.anu.edu.au/bitstream/1885/114562/1/Ringpapantsang%20Thesis%202017.pdf> (дата обращения 02.01.2021).

14. Kollmar-Paulentz K. The light of Dharma against the fog of darkness. Tibetan perception of the Mongols and the formation of a new Mongolian identity at the beginning of the XVII century. *Studies of Tartaria Magna*. 2011;1:86–103. (In Russ.)
15. Pubaev R. E. (transl.) *Pagsam-zhongsan: History and chronology of Tibet*. Novosibirsk: Nauka; 1991. 264 p. (In Russ.)
16. Pubaev R. E. “*Pagsam-zhongsan*” – a monument of Tibetan historiography of the XVIII century. Novosibirsk: Nauka; 1981. 307 p. (In Russ.)
17. Roerich G. N. The Author of the Hor-chos-hbyun. *Selected works*. Moscow: Nauka; 1967, pp. 225–229.
18. Uspensky V. L. Biographical information about Tsenbel-gushi (1761–1835), the author of “Khor Choyjun”. *Tsendiin Damdinsuren. To the 100th anniversary of his birth*. Moscow: Vostochnaya literature; 2008, pp. 302–305. (In Russ.)
19. Huth G. *Hor-chos-byun. Geschichte des buddhismus in der Mongolei*. Bd. II. Strassburg: Karl J. Trübner; 1896. XXXII+456 S.
20. Bira Sh. *Mongolian Tibetan-language historical literature (XVII–XIX)*. Ulaanbaatar: Ulsyn havelijn hereg erhleg khoroo, 1960. 84 p. (In Russ.)
21. Damcho Gyatscho Dharmatala. *Rosary of White Lotuses: Being the Clear Account of how the Precious Teaching of Buddha Appeared and Spread in the Great Hor Country*. Transl. by P. Klafkowski. Wiesbaden: Otto Harrassowitz; 1987. XXVII+537 p.
22. Dugarov R. N. “*Debter-zhamtso*” – a source on the history of the Mongols of *Kuku-nor*. Novosibirsk: Nauka; 1983. 94 p. (In Russ.)
23. Bira Sh. *About the “Golden Book” by Sh. Damdin*. Ulaanbaatar: Izdatel’stvo Akademii nauk Mongolii; 1964. 153 p. (In Russ.)
24. Erdenipel. The Ultimate Cause of Religions in Mongolia. Transl. by Rinchen and Sambu. In: Zhelezniakov A. S., Tsendina A.D. (comp. and eds) *History in the works of scientists lams*. Moscow: Tovarishchestvo nauchnyh izdaniy KMK; 2005, pp. 155–247. (In Russ.)
25. Das S. Ch. Tibet under the Tartar Emperors of China in 13th Century A. D. *Journal of the Asiatic Society of Bengal*. 1905;Extra No.:94–102.
26. Drobyshev Yu. I. Tangut captivity of Genghis Khan. *Orientalistics*. 2021;4(2):380–405. (In Russ.)
27. Vasiliev V. To the chronology of Genghis Khan and his successors. *Notes of the Eastern Branch of the Imperial Russian Archaeological Society*. 1889. Vol. 4. St. Petersburg: Tipografiya Imperatorskoj Akademii nauk; 1890, pp. 375–378. (In Russ.)
28. Tucci G. *Tibetan Painted Scrolls*. Vol. 1. Roma: Istituto Poligrafico e Zecca dello Stato; 1949. XV+328 p.
29. Shakabpa Ts. W. D. *Tibet: A Political History*. New Heaven; London: Yale University Press; 1967. XVI+369 p.
30. Snellgrove D. L., Richardson H. *A Cultural History of Tibet*. Bangkok: Orchid Press; 2003. 309 p.
31. Kuchera S. The conquest of Tibet by the Mongols. *Mongol-Tatars in Asia and Europe*. 2 ed. Moscow: Nauka; 1977, pp. 260–281. (In Russ.)
32. Kazin V. N. To the history of Khara-Khoto. *Proceedings of the State Hermitage Museum*. Vol. V. Leningrad: Izdatel’stvo Gosudarstvennogo Ermitazha; 1961, pp. 273–285. (In Russ.)

HISTORY OF THE EAST

Drobyshev Yu. I. Tibetan policy of the Mongols (1205–1235)

Orientalistica. 2021;4(5):1125–1144

33. Rashid al-Din. *Collection of chronicles*. Vol. I. Book 2. Transl. by O. I. Smirnova. Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR; 1952. 306 p. (In Russ.)

34. Juvaini Ata-Malik. *The History of the World-Conqueror*. Transl. by J. A. Boyle. Manchester: Manchester University Press; 1997. LXVII+764 p.

35. Minhaj-ud-din, Abū-'Umar-i-'Usman (eds); Raverty H. G. (transl. from original Persian manuscripts) *Tabakat-i-Nasiri: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A. H. 194 (810 A. D.) to A. H. 658 (1260 A. D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam*. Vol. II. London: Gilbert and Rivington; 1881. 883 p.

36. Peng Da-ya, Xui Ting. Hey-da shilue (Brief news about the Black Tatars). Transl. by R. P. Khrapachevsky. In: *The Golden Horde in sources*. Vol. III: *Chinese and Mongolian sources*. Moscow: w. p.; 2009, pp. 27–120. (In Russ.)

37. Chinese dynastic history “Yuan shi (the official history of the [dynasty] Yuan)”. Transl. by R. P. Khrapachevsky. *The Golden Horde in sources*. Vol. III: *Chinese and Mongolian sources*. Moscow: w. p.; 2009, pp. 121–291. (In Russ.)

38. Rashid ad-Din. *Collection of chronicles*. Vol. II. Transl. by Yu. P. Verkhovskiy. Moscow–Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR; 1960. 248 p. (In Russ.)

39. Atwood C. P. Pu'a's Boast and Doqolqu's Death: Historiography of a Hidden Scandal in the Mongol Conquest of the Jin. *Journal of Song–Yuan Studies*. 2015;45:239–278.

40. Goi-lotsava Shonnupe. *The Blue Annals*. Transl. from the Tibetan by Yu. N. Rorich, trans. from the English by O. V. Albedil' and E. Y. Kharkova. St. Petersburg: Evraziya; 2001. 768 p. (In Russ.)

41. Martin H. D. *The Rise of Chingis Khan and his Conquest of North China*. Baltimore: The J. Hopkins press; 1950. XVIII+360 p.

42. Kychanov E.I. *Outline of the history of the Tangut state*. Moscow: Nauka; 1968. 356 p. (In Russ.)

43. Buell P. D. Tibetans, Mongols and the Fusion of Eurasian Cultures. In: Akasoy A., Burnett Ch., Yoeli-Tlalim R. (eds) *Islam and Tibet – Interactions along the Musk Routes*. London: Routledge; 2016, pp. 189–208.

Информация об авторе

Дробышев Юлий Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; <https://orcid.org/0000-0002-9318-4560>, e-mail: altanus@mail.ru

Information about the author

Yuliy I. Drobyshev – Ph. D. (Hist.), Senior Research Fellow of the department of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-9318-4560>, e-mail: altanus@mail.ru

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 28 августа 2021
Одобрена после рецензирования: 25 сентября 2021
Принята к публикации: 10 октября 2021
Опубликована: 27 декабря 2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: August 28, 2021
Approved after peer reviewing: September 25, 2021
Accepted for publication: October 10, 2021
Published: December 27, 2021

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

HISTORY OF THE EAST

Universal history

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Всеобщая история

Научная статья

УДК 94(31):930.2«12/13»

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1145-1165>

Исторические науки

Восточный морской путь в китайском историко-географическом описании заморских земель эпохи Юань (1279–1368) Дао и чжи люэ 島夷誌略 («Краткое описание островных варваров», 1349/1350): главы 1–4, перевод и комментарии

Илья Сергеевич Колнин

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

minmi98@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0084-0272>

Аннотация. Данная работа открывает собой серию планирующихся статей с переводами отдельных глав из китайского историко-географического описания заморских земель *Дао и чжи люэ* 島夷誌略 («Краткое описание островных варваров», 1349/1350), написанного в эпоху Юань (1279–1368). В нее были включены первые четыре главы сочинения, посвященные описанию политий на восточном морском пути из Китая. Эти главы впервые переведены на русский язык и прокомментированы с использованием текстологического и исторического анализа. Кроме того, в исследовательской части статьи автор кратко проанализировал порядок глав в памятнике, сравнил и сопоставив его с предшествующими источниками аналогичной тематики. Переводы могут использоваться для изучения определенных аспектов истории островов Пэнху, Тайвань и Филиппин в XIV в.

Ключевые слова: *Дао и чжи люэ*; Ван Даюань; империя Юань; Пэнху; Тайвань; Филиппины

Для цитирования: Колнин И. С. Восточный морской путь в китайском историко-географическом описании заморских земель эпохи Юань (1279–1368) *Дао и чжи люэ* 島夷誌略 («Краткое описание островных варваров», 1349/1350): главы 1–4, перевод и комментарии. *Ориенталистика*. 2021;4(5):1145–1165. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1145-1165>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original article

History studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1145-1165>

The Eastern Sea Route as Depicted in a Chinese Historical Geographical Description of Foreign Lands of the Yuan dynasty (1279–1368) *Daoyi zhilüe* (“A Brief Description of the Island Barbarians”, 1349/1350): Chapters 1–4, Translation with Commentary

Ilia S. Kolnin

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, minmi98@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0084-0272>

Abstract. This article is the first in the series of planned publications with translations of separate chapters from a Chinese historical-geographical description of foreign lands *Daoyi zhilüe* (“A Brief Description of Island Barbarians”, 1349/1350) written during the Yuan dynasty (1279–1368). The first four chapters of the treatise which describe policies on the eastern sea route from China are included in this work. The article offers the first translation of these chapters into Russian, accompanied by detailed historical commentary. Apart from that, in the research part of the article the author has briefly analyzed the order of the chapters in the treatise and compared it with the previous sources of similar nature. The translations are an important source for studying various aspects of the history of the Penghu islands, Taiwan and the Philippines in the 14th century AD.

Keywords: *Daoyi zhilüe*; Wang Dayuan; Yuan dynasty; Penghu; Taiwan; Philippines

For citation: Kolnin I. S. The Eastern Sea Route as Depicted in a Chinese Historical Geographical Description of Foreign Lands of the Yuan dynasty (1279–1368) *Daoyi zhilüe* (“A Brief Description of the Island Barbarians”, 1349/1350): Chapters 1–4, Translation with Commentary. *Orientalistica*. 2021;4(5):1145–1165. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1145-1165>.

Введение

Дао и чжи люэ 島夷誌略 («Краткое описание островных варваров», 1349/1350; далее – ДИЧЛ) является важнейшим китайским источником о заморских странах в эпоху Юань (1279–1368). Сочинение было написано китайским морским путешественником и торговцем Ван Даюанем 汪大淵 (начало XIV в. – 1350 или позднее) в 1349–1350 гг. на основе личных знаний и впечатлений, полученных автором во время его плаваний, при этом привлекались и предшествующие источники схожей тематики. Всего в произведении 100 глав, 99 из которых посвящены каждая – отдельному географическому объекту (стране, городу, острову, бухте и т. д.), а последняя содержит краткие наиболее яркие характеристики известных мифических стран, в которых сам Ван Даюань не был, а информацию о них взял из предшествующих источников.

В тексте описываются земли Южной, Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока и Восточной Африки, при этом, в отличие от дошедших до нас предшествующих источников сунского времени, авторы которых сами никогда не плавали и не бывали в землях к югу от Китая, количество описываемых стран было значительно увеличено, в особенности это касается Юго-Восточной Азии, с которой Ван Даюань был, вероятно, лучше всего знаком. Так, Чжоу Цюйфэй 周去非 (1135–1189) с 1172 по 1173 г. служил в южной провинции Гуанси и в своем трактате *Лин вай дай да 嶺外代大* («За хребтами. Вместо ответов», 1178; далее – ЛВДД) составил подробное описание народов Южного Китая, а также включил туда и несколько разделов, посвященных заморским странам, при этом сам он в них не бывал. В свою очередь, Чжао Жугуа 趙汝适 (1179–1231), написавший *Чжу фань чжи 諸蕃志* («Описание всех иноземцев», 1225; далее – ЧФЧ), первое китайское историко-географическое сочинение, полностью посвященное описанию земель к югу, востоку и западу от Китая и наиболее похожее по тематике и структуре на ДИЧЛ, занимал пост инспектора управления торговых кораблей (*шибоши 市舶使*) в г. Цюаньчжоу и, насколько известно, все его сведения были почерпнуты из общения с торговцами, а не из личных наблюдений¹.

Историография изучения ДИЧЛ

Изучение ДИЧЛ началось еще в начале XX в., когда У. В. Рокхилл (1854–1914) перевел 68 глав этого источника на английский язык (№ 3–4, 6, 8, 10–22, 25–26, 28–29, 31–35, 37–39, 41–42, 44–51, 53–58, 60, 62–66, 68, 72–73, 79–80, 82–86, 91–92, 94, 96–99), и лишь преждевременная смерть не дала ему возможности завершить эту работу [3]. После него исследованием и переводом отдельных глав из ДИЧЛ также занимались французские ученые Л. Оруссо (1888–1929), Г. Ферран (1864–1935) и П. Пеллю (1878–1945) [4, р. 35–40; 5, р. 30–32; 6]. Во второй половине XX в. продолжали выходить небольшие работы и переводы отдельных глав из ДИЧЛ. Известный английский географ П. Уитли (1921–1999) в своей монографии «Золотой Херсонес» (1961) в отдельной главе, посвященной описанию Малаккского п-ова в ДИЧЛ, предложил новое прочтение посвященных ему глав и предоставил свой комментарий к ним [7, р. 75–87].

Из других немногочисленных работ следует отметить статью Л. Г. Томпсона об описании Тайваня в китайских средневековых источниках, где в том числе были представлены переводы глав о Пэнху и Люцю на английский язык [8]. Пожалуй, наибольший вклад в изучение ДИЧЛ внес немецкий ученый Р. Птак, который перевел значительное количество глав из ДИЧЛ на английский и немецкий языки, а также написал несколько статей о внутренней структуре памятника и его особенностях [9; 10; 11; 12; 13]. Основная заслуга его работ заключается в выдвиже-

¹ Подробнее о биографии Чжао Жугуа см.: [1; 2].

нии ряда предположений о природе источника, его структуре, биографии автора и т. д. Таким образом, в мировой историографии ДИЧЛ как историко-географический памятник изучен неплохо, однако его полный перевод ни на один из западных языков так и не был осуществлен, кроме того, перевод Рокхилла уже давно считается устаревшим.

В отечественной историографии, помимо предшествующих статей автора, одна из которых посвящена подробному рассмотрению биографии Ван Даюаня [14, 15], ДИЧЛ специально не изучался и не переводился, так что и данная работа представляется важной и полезной не только для китайстов, но и для специалистов по Юго-Восточной Азии и другим регионам.

Отдельно следует выделить два академических издания ДИЧЛ, которые были использованы при переводе. Первое из них принадлежит перу японского ученого Фудзиты Тоёхати 藤田豊八 (1869–1929). Впервые эта работа вышла в 1914 г., затем была переиздана в Пекине в 1935 г. [16]. Второе издание было подготовлено китайским исследователем Су Цзицином 苏继廌 и выпущено в 1981 г., а затем перепечатано в 2000 г. [17].

Краткое исследование структуры ДИЧЛ и порядка первых глав в памятнике

В первую очередь, взглянув на названия глав в ДИЧЛ и определив их примерную локализацию, можно отметить, что порядок расположения глав в памятнике не совсем ясен, например, после описания политики в Юго-Восточной Азии за ней может идти глава о каком-нибудь арабском государстве. Немецкий исследователь Р. Птак видел в порядке описываемых стран нумерологическую подоплеку. Так, например, 49-я глава посвящена описанию территории современного Сингапура, который был своего рода географическим разделом: прежде чем попасть в Западный океан *Си ян* 西洋 (западное побережье Малаккского п-ова, Мьянма, Индия и далее на запад), путникам необходимо было избежать пиратских атак, часто происходивших тогда в этих районах, что, по словам Птака, можно сравнить с сюжетами в различных европейских средневековых травелогах и романах, где главному герою предстояло пройти через испытания, прежде чем ступить в новую неизведанную землю (своего рода кульминация, «экватор» сюжета). 50-я глава – ровно посередине произведения, – в свою очередь, посвящена другому «разделителю» пространства, находящемуся севернее Сингапура (вновь нарушена географическая последовательность), – острову Пуло-Кондор архипелага Кондао на юге Вьетнама, который являлся последней – и потому крайне важной – точкой на маршруте к Малаккскому п-ову.

Таким образом, по мнению Р. Птака, порядок описания некоторых стран был призван показать их значимость как в географическом (расположение на месте перехода одного региона в другой), так и в политическом или экономическом плане, при этом их последовательность в географическом плане зачастую нарушалась [18, р. 60–61; 19, р. 131]. Это

предположение очень интересно и требует отдельного досконального изучения на материале всего памятника.

В сочинениях сунского времени порядок расположения стран отвечает определенной логике: в ЧФЧ всего 45 описаний отдельных политий, которые следуют друг за другом в определенной последовательности и могут быть разделены на соответствующие области. Так, главы 1–37 были выделены М. Ю. Ульяновым как описания стран вдоль «магистрального» морского маршрута из Китая на Ближний Восток. В свою очередь, эти главы подразделяются на описания политий Индокитайского п-ова (главы 1–6), о. Суматра и Малаккского п-ова (главы 7–13), о. Ява (главы 14–15), Индии и Византии (главы 16–21)², центра арабского мира (Каир, Мекка – главы 22–23) и, наконец, Северной и Северо-Восточной Африки вместе с Ближним Востоком (главы 24–37). За ними следуют «Разные страны моря», как сам Чжао Жугуа назвал следующую – 38 главу, которая содержит в себе описания еще восьми политий, наиболее отдаленных от Китая островных стран, расположенных на периферии мира и не связанных между собой ни морскими, ни сухопутными маршрутами. Далее располагаются различные островные государственные образования: Северный Калимантан вместе с Филиппинами (главы 39–41), Тайвань, Рюкю, Корея и Япония (главы 42–45) [20, с. 41–42].

Фактически в ЧФЧ очерчиваются два основных пути из Китая в страны ЮВА и далее на запад: первый – западный, вдоль Индокитайского п-ова и Малаккского п-ова на Суматру, Яву и другие о-ва Индонезийского архипелага, или же далее на запад в Индию, Персию и страны Арабского Востока, и второй – восточный, через Тайвань на Филиппины и далее на юг на Калимантан (в этом источнике политии на восточном пути описываются в обратном порядке в конце раздела об иноземных странах).

В ЛВДД повторяются первые шесть областей из западного «магистрального» морского маршрута, однако частично нарушена их последовательность. Кроме того, из раздела «Все иноземные страны за морями» видно, что здесь дано скорее обобщенно-теоретическое пространственно-географическое восприятие этих стран, а не конкретно-практическое, как в ЧФЧ [20, с. 70–76]³.

Порядок первых четырех глав в ДИЧЛ выглядит вполне логичным – очерчивается восточный морской путь из Китая, которым, вероятно, следовал сам Ван Даюань: архипелаг Пэнху 澎湖 – юг Тайваня (Люцю 琉球) – три острова Филиппинского архипелага (Саньдао 三島) – о. Миндоро или юг о. Лусон (Ма-и 麻逸).

² Тяньчжу 天竺 (Индия) и Дацинь 大秦 (Византия) – собирательные понятия китайской географической традиции, включавшие в себя совокупность немусульманских государственных образований на территории Индии и бывших восточных римских (затем византийских) провинций.

³ Подробнее про обобщенно-теоретическое и конкретно-географическое описание географического пространства см.: [20, с. 76].

Р. Птак отмечал, что в ДИЧЛ восточному пути уделено гораздо больше внимания, чем в предшествующих сунских памятниках, из чего можно сделать предположение, что восточный морской путь в эпоху Юань начал пользоваться популярностью наравне с западным (вокруг Индокитайского п-ова далее на запад) [21, р. 53–56].

Однако после этого фрагмента сочинения логика в последовательности глав теряется: следующий топоним *Учжиба* (*Учжибо*) 無枝拔 располагают весьма по-разному: и на юге Индии, и соотносят с г. Бату-Пахат (штат Джохор, Малайзия) или Малаккой. В любой случае, ни один из этих вариантов явно не находится на очерчиваемом ранее в сочинении восточном пути. Аналогичные «не встраивающиеся» в общую канву главы присутствуют на протяжении всего памятника (см. нижеследующую таблицу). Именно поэтому в этой первой работе, посвященной переводу ДИЧЛ на русский язык, автор решил ограничиться переводом первых четырех «беспроблемных» глав ДИЧЛ, очерчивающих восточный морской путь в страны Южных морей. Проанализировать порядок дальнейших глав предстоит в будущем в отдельной работе. Тем не менее необходимо привести содержание исследуемого источника и указать примерное расположение значащихся в нем топонимов в пространстве.

Первым попытку упорядочить описываемые Ван Даюанем страны и выделить среди них области предпринял Ван Чэнцзу. Он сразу оговаривается, что локализация многих топонимов представляет большую сложность, а также предупреждает, что крайне проблематично проследить маршруты плаваний Ван Даюаня. Далее приведена предложенная им таблица [22, с. 176–178]:

Т а б л и ц а . Распределение стран по областям в ДИЧЛ (по Ван Чэнцзу)
T a b l e . Distribution of the Countries by Regions in DYZL (According to Wang Chengzuz)

№	Страны	Порядковый номер в сочинении	Современный регион	Кол-во стран
1	Пэнху 澎湖	1	Тайвань и Южные моря	4
	Люцю (Тайвань) 琉球	2		
	Саньдао 三島	3		
	Ваньли шитан 萬里石塘	81		
2	Цзяочжи 交趾	7	Восточная часть Индокитайского п-ова	10
	Чжяньчэн 占城	8		
	Миньдолан 民多朗	9		
	Биньтунлун 賓瞳龍	10		
	Чжэньла 真臘	11		
	Куньлунь 昆侖	50		
	Линьшань 靈山	51		
	Лоху 羅斛	21		
	Дунчунгула 東冲古剌	22		
	Сянь 暹	33		

№	Страны	Порядковый номер в сочинении	Современный регион	Кол-во стран
3	Ма-и 麻逸 Малилу 麻里魯 Цзяньшань 尖山 Сулу 蘇祿 Пишэ'е 毗舍耶 Вэньлаогу 文老古	4 14 27 38 43 47	Филиппинские о-ва	6
4	Сялайу 遐來勿 Бацзенацзянь 八節那間 Бони 淳泥 Чжаова 爪哇 Чунцзяло 重迦羅 Дудуань 都督岸 Вэньдань 文誕 Сумэньпан 蘇門傍 Пубэнь 蒲奔 Цзялимада 假里馬打 Гоуланьшань 勾欄山 Ваньняньган 萬年港	15 28 31 34 35 36 37 40 45 46 58 88	Индонезийский архипелаг ⁴	12
5	Лунсяньюй 龍涎嶼 Саньфоци 三佛齊 Сяопэнь 嘯噴 Цзюган 舊港 Цзишуйвань 急水灣 Хуамянь 花面 Даньян 淡洋 Сюйвэньдала 須文答刺 Наньули 喃巫哩 Лопосы 羅婆斯	6 29 30 41 53 54 55 56 62 98	о. Суматра (северная часть включает побережье Малаккского пролива)	10
6	Даньмалин 丹馬令 Пэнкэн 彭坑 Динцзялу 丁家盧 Жун 戎 Ловэй 羅衛 Лунъясицзяо 龍牙犀角 Баньцзу 班卒 Гулидимэнь 古里地悶 Лунъямэнь 龍牙門 Дунсичжу 東西竺	12 16 18 19 20 39 44 48 49 52	Восточное побережье Малаккского п-ова	10
7	Учжиба 無枝拔 Жили 日麗 Цзиланьдань 吉蘭丹 Сулогэ 蘇洛局 Чжэньлу 針路 Даньяо 淡遼 Луньяшаньти 龍牙善提	5 13 17 23 24 26 42	Западное побережье Малаккского п-ова	7
8	Бадома 八都馬 Уде 烏爹	25 99	Мьянма	2

⁴ Судя по всему, Ван Чэнцзу включил в эту область и о. Калимантан.

№	Страны	Порядковый номер в сочинении	Современный регион	Кол-во стран
9	Цзиньта 金塔 Тута 土塔 Дауде 大烏爹 Пэнцзяла 朋加刺	67	Восточное побережье Индостана	4
		71		
		87		
		84		
10	Сэнцзяла 僧加刺 Гаоланбу 高朗布 Дисаньган 第三港 Цяньлима 千里馬 Дафoshань 大佛山 Мабаэрьюй 馬八兒嶼	57	о. Шри-Ланка	6
		65		
		72		
		78		
		79		
		89		
11	Бэйлю 北溜	63	Мальдивы	1
12	Минцзяло 明加羅 Тэфаньли 特番里 Баньдали 班達里 Маньтолан 曼陀郎 Сяли 下里 Шалибадань 沙里八丹 Дунданьямяо 東淡遼 Дабадань 大八丹 Цзялина 加里那 Хуало 華羅 Сюйвэньна 須文那 Сяоцзюйнань 小喞喃 Бананьбаси 巴南巴西 Фанбай 放拜 Тяньчжу 天竺	32	Западное побережье Индостана	16
		59		
		60		
		61		
		64		
		66		
		68		
		69		
		70		
		73		
		80		
		82		
		83		
		85		
86				
93				
13	Босыли 波斯離 Тацзина 撻吉那 Лицзята 里伽塔 Тяньтан 天堂 Малуньцзянь 馬魯澗 Ганьмайли 甘埋里 Ма'асыли 麻阿斯離	76	Юго-Западная Азия	7
		77		
		91		
		92		
		95		
		96		
		97		
14	Манали 麻那里 Цзяцзянмэньли 加將門里 Асылы 阿斯里 Цэнъяоло 層搖羅	74	Северная оконечность и восточное побережье Африки	4
		75		
		90		
		94		

Ван Чэнцзу на основе анализа ДИЧЛ, так же, как и в данной статье, выделяет два примерных маршрута из Китая: восточный и западный. В качестве стартовой точки для обоих путей служил один из крупных портов Южного Китая – Цюаньчжоу, Гуанчжоу, Фучжоу и т. д. Восточный путь схематически выглядел следующим образом: Тайвань – Лусон – Палаван – западное побережье Калимантана – и далее на восточное побережье северной оконечности о. Ява. Западный путь начинался от дельты р. Меконг и далее делился на два доступных маршрута: можно было пойти вдоль береговой линии Малаккского п-ова и посетить все страны на побережье Сиамского залива или же сразу плыть на запад вдоль южной

части Малаккского п-ова и далее на юг о. Суматра. Оба этих пути ведут к северному побережью о. Ява [22, с. 179].

В целом составленная Ван Чэнцзу таблица крайне полезна для принятого здесь исследования, однако она требует некоторых уточнений и корректировок. Судя по всему, он принимал почти все локализации, предложенные Су Цзицином, однако есть некоторые различия⁵.

Так, топоним *Саньдао* обозначает три небольших острова среди Филиппинских о-вов (консенсуса по поводу точной идентификации не выработано), таким образом, *Саньдао* должен входить в область «Филиппинские о-ва». Топоним *Пишэе* аналогично не имеет однозначной локализации, однако, исходя из его описания в ЧФЧ, ориентиров в виде Тайваня и о-вов Пэнху и порядкового расположения главы после *Люцю* (в случае с ЧФЧ – о-ва Рюкю), логичнее всего предположить, что речь идет о некоем районе на территории Тайваня, как полагал и Л. Г. Томпсон, впервые исследовавший эту главу в ДИЧЛ [8, р. 166, 169–170]. Следовательно, *Пишэе* надо либо поместить в отдельную группу «неидентифицированные страны», либо переместить в первую область. Общепринято, что *Гулидимэнь* – о. Тимор, таким образом, он должен быть в составе области № 4.

К главам, описывающим сложно идентифицируемые топонимы, также следует отнести следующие: *Ваньли шитан* (область № 1; обычно принято отождествлять с Парасельскими о-вами или о-вами Пратас, однако в ДИЧЛ это скорее пространственный концепт – некая длинная очень опасная каменная гряда, которую следует избегать), *Дунчунгула* (область № 2; предположительно восточный берег Малайского п-ова, нынешняя пров. Сонгхла, Таиланд), *Цзяньшань* и *Вэньлаогу* (область № 3; сейчас большинство исследователей сходятся во мнении, что эти два топонима находятся не среди Филиппинских о-вов, а где-то на Малаккском п-ове или на Индонезийском архипелаге). Содержание областей № 4 и № 5 в целом верно и поддерживается большинством современных работ.

В случае с Малаккским п-овом подразделение некоторых из топонимов на восточный и западный берег весьма затруднительно, в том числе ввиду их расположения на узких перешейках п-ова (*Даньмалин* и др.), в связи с чем кажется более целесообразным объединить их в одну область. Среди них к сложно идентифицируемым стоит отнести топоним *Жили*, который локализуют на территории Вьетнама, Суматре, Малаккском п-ове и др.

Также излишним представляется выделение Мьянмы и Мальдивских о-вов в отдельные регионы. В случае с Мьянмой это несколько странно, учитывая, что южная оконечность Мьянмы, Тенассерим, географически тоже является территорией Малаккского п-ова. Вероятно,

⁵ Здесь и далее различные локализации исследуемых топонимов даны по: [23].

Ван Чэнцзу отнес *Чжэньлу* (архипелаг Мергуи) и *Даньмяо* (г. Тавой) к Малаккскому п-ову с исторической точки зрения: тогда этот район представлял собой территорию различных монских городов-государств и не был частью бирманской сферы. Однако в таком случае не должны относиться к Мьянме и топонимы *Уде* (г. Пегу) с *Бадома* (г. Моттама) – это опять же были монские политии. Таким образом, выделение области Мьянма представляется неоправданным, равно как и области Мальдивские о-ва, состоящей из 1 пункта.

Из области № 10 (Шри-Ланка) следует исключить *Дисаньган* (большинство ученых локализуют его на территории Индии), а *Цяньлима* отнести к не идентифицированным топонимам (локализуют как на юге Шри-Ланки, так и в Индии, и на Суматре).

Аналогично с Малаккским п-овом имеет смысл объединить области № 9 и № 12 (Индостан). Среди топонимов этой области многие локализации также вызывают сомнения и противоречия, однако в целом все варианты расположения остаются внутри этого региона.

В случае с Юго-Западной Азией сомнения вызывают *Тацзина* (также локализуется в Индии) и *Лицзята* (отождествляется с Маскатом, Магрибом или Сомали).

В последней области затруднена локализация *Цзяцзянмэньли* (соотносят как с г. Келимане в Мозамбике, так и с югом Индии и портом Канкенсантурой на севере Шри-Ланки). Еще один вопрос возникает в связи с географическим положением *Ма'асыли* – Миср (Египет): относить ли его к Африке или все же к Юго-Западной Азии?

Таким образом, точная локализация всех встречающихся топонимов в ДИЧЛ (в общей сложности их около 220) представляется затруднительной, равно как и их четкое «районирование». Тем не менее можно выделить основные крупные области и расположить описываемые политии внутри них (с некоторыми оговорками и уточнениями, представленными выше).

Перевод

Пэнху 彭湖

Архипелаг разделен на тридцать шесть [островов], огромные и крохотные, одни меж других, склоны и насыпи смотрят друг на друга, есть лишь семь бухт, располагающихся среди них, каждая получила свое название. Из Цюаньчжоу с попутным ветром за два дня и [две] ночи можно достичь.

Есть трава, нет деревьев, земли неплодородные, не подходят для [посева] злаков и риса. Люди из Цюань[чжоу], сплетая тростник, делают жилища, живут в них. Климат постоянно теплый, обычаи простые и дикие, люди часто [доживают до] преклонного возраста. Мужчины и женщины

носят длинные полотняные рубахи, оборачивают [нижнюю часть тела] местными тканями⁶.

Выпаривая морскую воду, получают соль, сбравивая клейкий рис, делают вино, собирают рыбу, креветок, моллюсков, устриц в качестве дополнительной пищи, жгут коровий навоз, чтобы приготовить пищу, рыбий жир [используют] как масло.

Местная продукция: кунжут⁷, маш⁸. Потомство горных коз рождается [количеством] в несколько десятков тысяч, образуют стада. [Хозяева] клеймят шкуры и делают [зарубки] на рогах, чтобы отметить [их], днем и ночью не собирают [в загоны], каждая [сама] ведет свою жизнь и возвращение [потомства]⁹. Ремесленники и купцы бойко перепродают [товары; коз?], чтобы порадоваться своей выгоде.

[Эта] земля подчинена Цюаньчжоускому уезду Цзиньцзян 晉江縣. В [эру правления под девизом] Чжюань¹⁰ учредили *сюньцзяньсы*¹¹, на полный год установлена норма соляного налога: 10 *дин*¹² и 25 *лян*¹³ бумажными деньгами [эры правления под девизом] Чжунтун¹⁴, других обложений и инстанций нет.

島分三十有六，巨細相間，坡隴相望，乃有七澳居其間，各得其名。自泉州順風二晝夜可至。

有草無木，土瘠不宜禾稻。泉人結茅為屋居之。氣候常暖，風俗朴野，人多眉壽。男女穿長布衫，繫以土布。

煮海為鹽，釀秫為酒，採魚蝦螺蛤以佐食，燕牛糞以爨，魚膏為油。地產胡麻、綠豆。山羊之孳生數萬為羣。家以烙毛刻角為記，晝夜不收，各遂其生育。工商興販，以樂其利。

地隸泉州晉江縣。至元間立巡檢司，以週歲額辦鹽課中統錢鈔一十錠二十五兩，別無科差。

⁶ Су Цицин считал, что под «местными» в данном случае подразумеваются ткани из Китая [17, с. 15]. Скорее всего, здесь все же имеются в виду ткани местного, островного производства.

⁷ Хума 胡麻 – кунжут индийский (*Sesamum indicum*).

⁸ Людоу 綠豆 – маш (*Phaseolus aureus*).

⁹ То есть находятся на свободном выпасе.

¹⁰ Чжюань 至元 (1264–1294. – И. К.).

¹¹ Сюньцзяньсы 巡檢司 – Управление патрулирования и инспекции, в том числе ответственное за сбор соляного налога. Первый китайский правительственный орган, учрежденный на о-вах Пэнху.

¹² Дин 錠 – мера веса, а также единица измерения (номинал) бумажных денег в эпоху Юань.

¹³ Лян 兩 – аналогично с *дин* являлся мерой веса и единицей измерения бумажных денег. 50 *лян* примерно равнялись одному *дин*, при этом один *лян* составлял около 37,3 г серебра. При этом номинал бумажных денег в разное время значительно отличался от серебряного эквивалента. Подробнее о бумажных деньгах в эпоху Юань и единицах их измерения см.: [24, р. 89–106].

¹⁴ Чжунтун 中統 (1260–1264. – И. К.).

Люцю 琉球¹⁵

Рельеф и плоский, и вздымающийся, лесные деревья в обхват¹⁶. Горы¹⁷ называются Цуйлу¹⁸, Чжунмань (Чунмань)¹⁹, Футоу²⁰, Даци²¹. Эта возвышающаяся гора очень высокая и обрывистая, с Пэнху смотришь на нее – совсем близко²². Я восходил на эту гору и наблюдал за ростом и убыванием морского прилива, среди ночи любовался, как светило выходило из долины солнца, красный свет озарил небо, вся вершина горы осветилась [им]²³.

¹⁵ В данном случае под Люцю подразумевается не архипелаг Рюкю, а о. Тайвань или его часть. Такой вывод можно сделать из того, что, по словам Ван Даюаня, с Пэнху можно было видеть Люцю, следовательно, они должны были быть близко друг к другу [21, р. 53].

¹⁶ Также возможно трактовать этот фрагмент как «[толстые] в обхвате».

¹⁷ Под иероглифом *шань* 山 в китайских географических трактатах зачастую могли подразумеваться не только горы, но и острова.

¹⁸ Цуйлу 翠麓. Су Цицин впервые предположил, что это может быть Чжулошань 諸羅山 в районе современного г. Цзяи 嘉義. Цуйлу, похоже, было транскрипцией названия этой горы на одном из языков аборигенов – Tirusen; Thilocen, этим же именем пользовались и голландцы [17, с. 19].

¹⁹ Чжунмань (Чунмань) 重曼. Фудзита Тоёхати и Су Цицин солидарны, что это может быть гора Шамацитошань 沙馬磯頭山, ныне известная как Маобитоуцзяо 貓鼻頭角 (Мыс Маобитоу). По их мнению, слоги Чжунмань / Чунмань имеют фонетическое сходство со слогами «Шама» [17, с. 19].

²⁰ Футоу 斧頭. Фудзита Тоёхати соотносил это название с Хутоушань 虎頭山 («Гора голова тигра») из позднеминского географического трактата *Дун си ян као* 東西洋考 («Исследование Восточного и Западного океанов», 1617), которая находится недалеко от района Аньпин 安平 в современном г. Тайнань 臺南. Исторически это был небольшой остров Икуньшэньюй 一鯤身嶼, где голландцы впоследствии построили форт Зеландия [17, с. 19–20].

²¹ Даци 大崎. Фудзита Тоёхати соотносил это название с топонимом Дагоуцзы 大狗仔 из *Дун си ян као*. Су Цицин согласен с этой точкой зрения и развивает ее дальше: по его мнению, Дагоуцзы – транскрипция названия области Тапкоуа на одном из языков аборигенов, впоследствии это наименование использовали и голландцы. В этой области находятся гора Дагушань 大鼓山 и бухта Дагуган 大鼓港, ныне это район современного г. Гаосюн 高雄 [17, с. 20]. Подробнее об идентификации вышеперечисленных топонимов см.: [25, р. 89].

²² Не совсем ясно, про какую гору здесь идет речь. Фудзита Тоёхати, а также Л. Г. Томпсон считали, что здесь имеется в виду гора Даци. Таким образом, фразу «эта большая гора» 其峙山 можно трактовать как «эта гора [Да]ци» [17, с. 20], [8, р. 168]. Су Цицин не согласен с ними в связи с тем, что гора Дагушань находится слишком далеко от Пэнху, и полагает, что это может быть гора Юйшань 玉山 к востоку от г. Цзяи на Тайване [17, с. 20].

²³ Использование личных местоимений и повествование от первого лица встречается крайне редко как в трактате Ван Даюаня, так и в произведениях схожего жанра в принципе. В ДИЧЛ таких примеров всего четыре: 1 – в главе Люцю; 2 – в главе Дафощань 大佛山 (г. Берувела, Шри-Ланка) про себя и свои впечатления от найденного необыкновенного коралла; 1 – в главе Ваньлишитан 萬里石塘 («Каменная гряда в 10 000 ли»; архипелаг Пратас или Парасельские о-ва) про подсчеты длины «каменной гряды» и несогласие с ее общепринятой длиной. Похожие впечатления и размышления автора также присутствуют в ЛВДД. Возможно, таким образом автор хотел подчеркнуть особо запомнившиеся места и события.

Земля увлажненная, поля тучные, пригодны для засеивания и жатвы, климат влажный и теплый, обычаи отличаются от тех, что на Пэнху. На реках нет лодок, переправляются через них с помощью плотов. Мужчины и замужние женщины собирают волосы в пучок, из узорчатых тканей делают рубахи. Выпаривая морскую воду, получают соль, сбравивая сок сахарного тростника, делают вино. Знают старшинство туземных властителей и вождей, имеют порядок, что отец и сыновья – это кости и мясо²⁴. Если у человека из другой страны есть вина²⁵, то от живого отрезают его мясо дабы пожрать его, берут его голову и нанизывают на деревянный шест.

Местная продукция: золотой песок, соевые бобы, просо, сера, желтый воск, шкуры оленей, леопардов²⁶, мунтжаков²⁷. [В качестве] товаров для торговли с ними используют [вещи] такого рода, как: местные бусины²⁸, агат, золотые бусины, грубые чашки, фарфоровая утварь из Чучжоу²⁹.

Все заморские страны, по-видимому, начинаются отсюда³⁰.

地勢盤穹，林木合抱。山曰翠麓，曰重曼，曰斧頭，曰大崎。其峙山極高峻，自彭湖望之甚近。余登此山則觀海潮之消長，夜半則望陽谷之日出，紅光燭天，山頂為之俱明。

土潤田沃，宜稼穡。氣候漸暖，俗與彭湖差異。水無舟楫，以筏濟之。男子婦人拳髮，以花布為衫。

煮海水為鹽，釀蔗漿為酒。知番主酋長之尊，有父子骨肉之義。他國之人倘有所犯，則生割其肉以啖之，取其頭懸木竿。

地產沙金、黃荳、黍子、硫黃、黃蠟、鹿、豹、麂皮。貿易之貨，用土珠、瑪瑙、金珠、粗碗、處州磁器之屬。

海外諸國蓋由此始。

²⁴ То есть чтут родство. Также может иметься в виду, что отношения в общине построены на кровнородственных связях.

²⁵ Преступления.

²⁶ Скорее всего, имеется в виду тайваньский дымчатый леопард (*Neofelis nebulosa brachyura*).

²⁷ Вероятно, китайский мунтжак (*Muntiacus reevesi*).

²⁸ Тучжоу 土珠. В ДИЧЛ для обозначения жемчуга используется словосочетание *чжэньчжу* 珍珠 (дословно «драгоценный перл»). Здесь и далее, по-видимому, имеются в виду стеклянные бусины, которые упоминаются в качестве товаров в сунском историко-этнографическом трактате *Чжу фань чжи* 諸蕃志 («Описание всех иноземцев», 1225 г.) и других источниках того времени. Под термином *ту 土* («местные») здесь и далее, судя по всему, подразумеваются китайские.

²⁹ Чучжоу 處州. Ныне городской уезд Лунцюань 龍泉 в провинции Чжэцзян 浙江, в то время он был одним из центров производства керамики в Южном Китае.

³⁰ Это очень интересный пассаж, указывающий на то, что Ван Даюань воспринимал Пэнху как территорию, входящую в территорию Китая (или по крайней мере находящуюся под управлением империи Юань). С Люцюю, в свою очередь, начинается «чужой» мир.

Саньдао («Три острова») 三島³¹

Находятся к востоку от горы Дацзи³², острова возвышаются, разделяясь [подобно ножкам] трипода, [на островах] есть громоздящиеся горы и многоуровневые хребты, народ живет там по [их] сторонам.

Поля неплодородные, злаков мало, обычаи безыскусны и просты, климат недостаточно теплый. Среди мужчин и женщин есть белые³³. Мужчины на макушке собирают волосы в пучок, замужние женщины завязывают волосы в узел, все накидывают [на плечи] одежду без подкладки. Мужчины некогда присоединялись к судам и достигали Цюаньчжоу для торговли, истощали свои денежные мешки, чтобы [украсить] узоры свои тела. Затем, когда возвращались в свою страну, соотечественники встречали [их] ритуалом, подобающим вождю, приглашали на почетное место, старейшины и те не могли соперничать [с ними]. В привычках и обычаях раз он³⁴ достиг Тан³⁵, то [должно] почитать его³⁶.

³¹ В *Чжу фань чжи* и некоторых других источниках фигурируют под названием Саньюй 三嶼 («Три острова»). В *Чжу фань чжи* помимо этого перечислены их названия: Цзямаянь 加麻延, Балаюо 巴佬酉, Бацзинун (Бацзилун) 巴吉弄. Локализация этих островов вызывает сложности и противоречия в научных кругах, исследователи сходятся лишь в том, что это небольшие острова в районе о. Лусон. Ф. Хирт (1845–1927) и У. В. Рокхилл считали, что это могут быть о-ва Каламиан (Calamian), Палаван (Palawan) и Бусуанга (Busuanga) [26, p. 162]. Фудзита Тоёхати предлагал другую идентификацию: Камая (Cama-ya; старое название порта Сьера де Маривелес; Sierra de Mariveles), Баланга (Balanga), т. е. г. Балаян (Balayan) и Баянгит (Bayangit) [17, с. 24–25]. Прочие варианты идентификации этих островов перечислены в монографии Дж. Милса и Р. Птака [25, p. 90]. Большинство из этих идентификаций полагаются на фонетическое созвучие названий.

В своей новой статье по уточнению локализации топонимов из ДИЧЛ (в основном на основе фонетических совпадений и уточнения диалектного произношения) китайский ученый Чжоу Юньчжун 周运中 считает, что три острова на самом деле – три полуострова на юге о. Лусон, которые ошибочно принимались за три острова: Цзямаянь, по его мнению, фонетически скорее можно соотносить с Камаринес (Camarines), т. е. провинцией Южная Камаринес на юге о. Лусон; Чжоу Юньчжун согласен с соотношением Балаюо с современным г. Балаян; наконец, Бацзилун, по его мнению, можно соотносить с современным муниципалитетом Макалелон (Macalelon) в провинции Кесон на п-ове Бондок (Bondoc), который также ошибочно принимался за отдельный остров [27, с. 99–100].

³² Гора и гавань Дацзи находится в южной части Тайваня, о. Лусон также находится к югу от Тайваня. По мнению Фудзиты Тоёхати, ранее мореходы достигали о. Лусон, плывя на юго-восток, отсюда и реплика Ван Даюаня, что Три острова находятся к востоку от горы Дацзи [17, с. 27].

³³ Здесь, похоже, имеется в виду в первую очередь сравнительно светлый оттенок кожи и / или волос без дополнительного смысла.

³⁴ Человек.

³⁵ Под Тан 唐 в китайских источниках долгое время после падения одноименной империи (618–907) подразумевался Китай и китайцы в принципе.

³⁶ Не совсем ясно, идет ли здесь речь о единичном событии, которое произошло с одним или несколькими мужчинами, или же о практике, которая регулярно имела место и в эпоху Юань, так как в древнекитайском языке отсутствует категория множественного числа и четко выраженной категорией времени. Так, одни ученые считали, что речь идет об одном человеке, некогда попавшем в Китай и затем вернувшемся домой [28, p. 251]. Другие, напротив, трактуют этот фрагмент как общепринятую практику [29, p. 7]. С нашей точки зрения, наиболее вероятно, что в начале абстрактно рассказывается о первых местных жителях, попавших в Китай, из чего впоследствии пошла и ныне существующая практика почитать тех, кто достиг Китая.

Народ, выпаривая морскую воду, получает соль, сбравивая сок сахарного тростника, делает вино. Есть вожди³⁷. Местная продукция: желтый воск, капок³⁸, узорчатые ткани. [В качестве] товаров для торговли с ними используют [вещи] такого рода, как: медные бусины, чаши из фарфора *цинбайхуа*³⁹, печатные ткани с пестрым [рисунком]⁴⁰, железо в кусках.

Далее по порядку [идут острова], именующиеся: Дапэй 答陪⁴¹, Хайшань 海贍⁴², Банунци 巴弄吉⁴³, Пулилао 蒲里咾⁴⁴, Дунлюли 東流里⁴⁵. Нет какой-либо особо необычной продукции, поэтому прилагаются к этой [главе].

居大崎山之東，嶼分鼎峙，有疊山層巒，民傍緣居之。

田瘠穀少，俗質朴，氣候差暖。男女間有白者。男頂拳髮，婦人椎髻，俱披單衣。男子嘗附舶至泉州經紀，罄其資囊，以文其身。既歸其國，則國人以尊長之禮待之，延之上坐，雖父老亦不得與爭焉。習俗以其至唐，故貴之也。

民煮海為鹽，釀蔗漿為酒。有酋長。地產黃臘、木綿、花布。貿易之貨用銅珠、青白花碗、小花印布、鐵塊之屬。

次曰答陪，曰海贍，曰巴弄吉，曰蒲里咾，曰東流里。無甚異產，故附此耳。

³⁷ В китайском языке отсутствует обязательная к использованию четко выраженная форма единственного и множественного числа, в связи с чем здесь может иметься в виду и просто «вождь».

³⁸ Хлопковое дерево (*Seiba pentandra*).

³⁹ В эпоху Юань активно начинает набирать популярность фарфор с росписью кобальтом (сине-белый узор), который в том числе активно экспортировался в страны Юго-Восточной Азии. Не совсем ясно, различались ли как-то термины *цинбай* 青白 и *цинбайхуа* 青白花, оба из которых использует Ван Даюань. Большинство исследователей сходятся на том, что имелось в виду примерно одно и то же [17, с. 31].

⁴⁰ Возможно, батик.

⁴¹ Фудзита Тоёхати соотносил это название с о. Таньмянь 談馬顏 из *Чжу фань чжи* и предполагал, что это – о. Ботель Тобаго (*Botel Tobago*) ныне известный как о. Лань 蘭嶼. Су Цицин считает, что это – топоним Табой (*Tabou*), рядом с устьем реки Бокарут (*Vocarut*) на северном берегу о. Лусон [17, с. 32]. По мнению Чжоу Юньчжуна, Дапэй можно соотнести с г. Таябас (*Tayabas*) в провинции Кесон [27, с. 100].

⁴² Фудзита Тоёхати соотносил топоним Хайшань с термином *хайдань* 海贍 из сунского историко-этнографического трактата *Чжу фань чжи* 諸蕃志 («Описание всех иноземцев»; 1225 г.) и считал, что *хайдань* было названием племен аэта (негрито), древнейшего негроидного населения Филиппинских о-вов [17, с. 32]. Однако в ДИЧЛ Хайшань перечисляется среди других топонимов, которые не могут быть названиями племен, в связи с чем Су Цицин считает, что это может быть топоним Асунг (*Asung*) рядом с г. Кандон (*Candon*) [Су, 2000, с. 32]. Чжоу Юньчжун солидарен с Фудзитой Тоёхати, что имеются в виду племена аэта и говорит, что Ван Даюань посчитал это географическим термином по ошибке [27, с. 100].

⁴³ Общепринято, что это г. Баланга на п-ове Батаан [17, с. 32]. Чжоу Юньчжун предполагает, что Ван Даюань по ошибке перепутал порядок слогов в Бацзинун (*Бацзилун*), в связи с чем у него появился еще один топоним [27, с. 100].

⁴⁴ Фудзита Тоёхати на основе фонетического совпадения считал, что это о. Полилло. Су Цицин не согласен с ним и придерживается мнения, что это – бухта Болинао на северо-западной оконечности залива Лингаен [17, с. 32]. Чжоу Юньчжун отвергает все предшествующие версии и считает, что это Манила [27, с. 100].

⁴⁵ Су Цицин полагает, что это – Дуроруй (*Durogui*) к северу от порта Масинлок на западе о. Лусон [17, с. 32].

Ма-и 麻逸⁴⁶

Горный рельеф плоский и широкий, у речек, [протекающих] по теснинам, [есть] поселения, поля жирные и тучные, климат слегка теплый. В обычаях чтутся целомудрие и чувство долга. Мужчины и женщины завязывают волосы в узел, носят рубахи из зеленой ткани. По обыкновению, [когда] замужние женщины соблюдают траур по мужьям, то остригают свои волосы, отказываются от пищи семь дней, лежат вместе с мужьями, многие доводят [себя] до смерти. [Если] через семь дней не умирают, то родственники и близкие увещивают [принять] питье и пищу, [если у] некоторых получается сохранить жизнь, то до конца жизни не меняют своей верности [мужьям]. Доходит даже до того, что, [когда] соблюдают траур по мужу и сжигают труп, ступают в огонь и умирают [вместе с ним]. [Во время] траура по вождю убивают 20–30 рабынь и служанок, чтобы предать погребению [вместе с ним].

Народ, выпаривая морскую воду, получает соль, сбраживая сладкую воду, делает вино.

Местная продукция: капок, желтый воск, панцири морских черепах⁴⁷, [плоды] арековой пальмы, узорчатые ткани. [В качестве] товаров для торговли с ними используют [вещи] такого рода, как: триподы, железо в кусках, пятицветные [ткани], красные ткани, красная тафта, маленькие слитки⁴⁸.

Чужеземные торговцы, договариваясь о цене, [сначала] откладывают местные товары для обмена⁴⁹. Затем, определив цену, [отдают товары] торговцам на кораблях. Хранят честность в конце дела, как и в начале, не нарушают договор.

山勢平寬，夾溪聚落，田膏腴，氣候稍暖。俗尚節義。男女椎髻，穿青布衫。凡婦喪夫，則削其髮，絕食七日，與夫同寢，多瀕於死。七日之外不死，則親戚勸以飲食，或可全生，則終身不改其節。甚至喪夫而焚尸，則赴火而死。酋豪之喪則殺奴婢二三十人以殉葬。

民煮海為鹽，釀糖水為酒。

地產木綿、黃蠟、玳瑁、檳榔、花布。貿易之貨用鼎、鐵塊、五采紅布、紅絹、牙錠之屬。

蠻賈議價領去博易土貨，然後準價舶商。守信事終如始，不負約也。

⁴⁶ Большинство исследователей связывают этот топоним с традиционным названием южной оконечности о. Миндоро – Маит (Mait) [25, p. 91], [17, с. 34–36]. Однако также было высказано предположение, что мог иметься в виду район современного г. Бай (Bai; Bay) в провинции Лагуна (Laguna) на юге о. Лусон [30].

⁴⁷ Даймао 玳瑁 – морская черепаха, вид – настоящая каретта, или бисса (*Eretmochelys imbricata*); из панцирей этих черепах издавна выделявали множество украшений и прочей утвари.

⁴⁸ Ядин 牙錠. Это наименование не встречается в других книгах. Су Цзицин полагает, что иероглиф 牙, обычно переводящийся как «зуб», в данном случае указывает на маленький размер слитка, таким образом, по его мнению, здесь имеются в виду маленькие серебряные слитки [17, с. 37–38].

⁴⁹ Также возможен другой дословный перевод второй части предложения: «Чужеземные торговцы, договариваясь о цене, руководствуются тем, что избавляются, обширно меняя, от местных товаров».

Литература

1. Колнин И. С. Биография Чжао Жугуа, автора важнейшего описания иноземных стран XIII в. *Общество и государство в Китае*. 2019;49(2):167–186.
2. Зайцев И. А., Колнин И. С. Структурно-содержательный и археологический анализ эпитафии Чжао Жугуа (1170–1231 гг.). *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история*. 2021;13(1):77–95. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2021-13-1-77-95>.
3. Rockhill W. W. Notes on the Relations and Trade of China with the Eastern Archipelago and the Coasts of the Indian Ocean during the Fourteenth Century. *T'oung Pao*. 1914;15:419–447; *T'oung Pao*. 1915;16:61–159, 236–271, 374–392, 435–467, 604.
4. Arousseau L. (Review). Georges Maspero: Le Royaume de Champa. *Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient*. 1914;14(9):8–43.
5. Ferrand G. *L'empire sumatranais de Çrivijaya*. Paris: Imprimerie nationale; 1922. 190 p.
6. Pelliot P. *Mémoires sur les Coutumes du Cambodge de Tcheou Ta-Kouan. Version nouvelle suivie d'un commentaire inachevé*. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient; 1951. 178 p.
7. Wheatley P. *The Golden Khersonese: Studies in the Historical Geography of the Malay Peninsula before A.D. 1500*. Kuala Lumpur: University of Malaya Press; 1961. 388 p.
8. Thompson L. G. The Earliest Chinese Eyewitness Accounts of the Formosan Aborigines. *Monumenta Serica*. 1964;23:163–204.
9. Ptak R. Some References to Timor in Old Chinese Records. *Ming Studies*. 1983;17:37–48.
10. Ptak R. The Maldive and Laccadive Islands (liu-shan 溜山) in Ming Records. *Journal of the American Oriental Society*. 1987;107(4):675–694.
11. Ptak R. Yuan and Early Ming Notices on the Kayal Area in South India. *Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient*. 1993;80:137–156.
12. Ptak R. Die Paracel- und Spratly-Inseln in Sung-, Yüan- und frühen Ming-Texten: Ein maritimes Grenzgebiet? In: *China and Her Neighbours: Borders, Visions of the Other, Foreign Policy, 10th to 19th Century*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 1997. P. 159–181.
13. Ptak R. Wang Dayuan on Kerala. In: *Explorations in the History of South Asia. Essays in Honour of Dietmar Rothermund*. New Delhi: Manohar; 2001. P. 39–52.
14. Колнин И. С. Сопоставление местной продукции и товаров в Чжу фань чжи («Описание всего иноземного») и Дао и чжи люэ («Краткое описание островных жузеумцев»). *Общество и государство в Китае*. 2019;49(2):479–491.
15. Колнин И. С. Биография Ван Даюаня 汪大淵 по данным паратекста Дао и чжи люэ 島夷誌略 («Краткое описание островных варваров»; 1349/1350) и иным источникам. *Ориенталистика*. 2021;4(2):434–456. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-2-434-456>.
16. Фудзита Тоёхати 藤田豊八. Дао и чжи люэ цзяочжу 島夷誌略校注 (Сверенное и прокомментированное Дао и чжи люэ). Пекин: Госюэ вэньку, 北京: 國學文庫; 1935. 175 с. (На кит. яз.)
17. Су Цзицин 蘇繼頤. Дао и чжи люэ цзяоши (Дао и чжи люэ со сверкой и пояснениями) 島夷誌略校釋. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 北京: 中華書局; 2000. 434 с. (На кит. яз.)

18. Ptak R. Images of Maritime Asia in Two Yuan Texts: “Daoyi zhilue” and “Yiyu zhi”. *Journal of Song-Yuan Studies*. 1995;25:47–75.

19. Ptak R. Glosses on Wang Dayuan’s Daoyi zhilue (1349/1350). In: *Récits de voyages des Asiatiques. Genres, mentalités, conception de l’espace. Actes du colloque EFEO-EHESS de décembre 1994*. Paris: École française d’Extrême-Orient; 1996. P. 127–142.

20. «Чжу фань чжи» («Описание иноземных стран») Чжао Жугуа – важнейший историко-географический источник китайского средневековья. Исслед., пер. с кит., коммент. и прил. М. Ю. Ульянова. М.: Восточная литература; 2019. 407 с.

21. Ptak R. The Sea Route between Taiwan and the Philippines in Chinese Texts (c. 1100–1600): New Questions Related to an Old Theme. *Journal of Asian History*. 2016;50(1):47–71. <https://doi.org/10.13173/jasiahist.50.1.0047>.

22. Ван Чэнцзу 王成组. Чжунго дили сюэши (сянь Цинь чжи Миндай) (История географии Китая (от эпохи Цинь до Мин)) 中国地理学史 (先秦至明代). Пекин: Шанъу иньшугуань 北京: 商务印书馆; 1988. 201 с. (На кит. яз.)

23. Чэнь Цзяжун 陈佳荣, Се Фан 谢方, Лу Цзюньлин 陆峻岭 (ред.). Гудай Наньхай димин хуйши (Толковый словарь древних топонимов Южных морей) 古代南海地名汇释. Пекин: Чжунхуа шуцзюй 北京: 中华书局; 1986. 1120 с. (На кит. яз.)

24. Vogel H. U. *Marco Polo Was in China: New Evidence from Currencies, Salts and Revenues*. Leiden: Brill; 2012. 676 p.

25. Mills J. V. G. (transl.), Ptak R. (ed.) *Hsing-ch’a-sheng-lan: The Overall Survey of the Star Raft*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag; 1996. 153 p.

26. Hirth F, Rockhill W. W. (trans. and annot.) *Chau Ju-kua: His Work on the Chinese and Arab Trade in the twelfth and thirteenth Centuries, Entitled Chu-Fan-Chi*. St. Petersburg: Printing Office of the Imperial Academy of Sciences; 1911. 306 p.

27. Чжоу Юньчжун 周运中. «Дао и чжи люэ» димин юй Ван Даюань синчэн синькао 岛夷志略地名与汪大渊行程新考 (Новое исследование топонимов в «Дао и чжи люэ» и маршрута Ван Даюаня). Юаньши цзи миньцзу юй бяньцзян яньцзю цзикань 元史及民族与边疆研究集刊 (Сборник исследований истории [эпохи] Юань, народов и пограничья). 2014;1:98–131. (На кит. яз.)

28. Wang Zhenping. Reading Song-Ming Records on the Pre-colonial History of the Philippines. *Journal of East Asian Cultural Interaction Studies*. 2008;1:249–260.

29. Scott W. H. *Filipinos in China before 1500*. Manila: China Studies Program, De La Salle University; 1989. 52 p.

30. Juan G. B. Ma’I in Chinese Records–Mindoro or Bai? An Examination of a Historical Puzzle. *Philippine Studies*. 2005;53(1):119–138.

References

1. Kolnin I. S. Data on the Biography of Zhao Rugua, the Author of the Most Important Description of Foreign Lands of the XIIIth Century. *State and Society in China*. 2019;49(2):167–186. (In Russ.)

2. Zaitsev I. S., Kolnin I. S. Funeral Epitaph of Zhao Rugua (1170–1231), the Author of *Zhufan zhi* (“Records of Foreign Peoples”; 1225). Structural-Descriptive and Archaeological Analysis of the Source. *RUDN Journal of World History*, 2021;13(1):77–95. (In Russ.)

3. Rockhill W. W. Notes on the Relations and Trade of China with the Eastern Archipelago and the Coasts of the Indian Ocean during the Fourteenth Century. *T'oung Pao*. 1914;15:419–447; *T'oung Pao*. 1915;16:61–159, 236–271, 374–392, 435–467, 604.
4. Arousseau L. (Review). Georges Maspero: Le Royaume de Champa. *Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient*. 1914;14(9):8–43.
5. Ferrand G. *L'empire sumatranais de Çrīvijaya*. Paris: Imprimerie nationale; 1922. 190 p.
6. Pelliot P. *Mémoires sur les Coutumes du Cambodge de Tcheou Ta-Kouan. Version nouvelle suivie d'un commentaire inachevé*. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient; 1951. 178 p.
7. Wheatley P. *The Golden Khersonese: Studies in the Historical Geography of the Malay Peninsula before A.D. 1500*. Kuala Lumpur: University of Malaya Press; 1961. 388 p.
8. Thompson L. G. The Earliest Chinese Eyewitness Accounts of the Formosan Aborigines. *Monumenta Serica*. 1964;23:163–204.
9. Ptak R. Some References to Timor in Old Chinese Records. *Ming Studies*. 1983;17:37–48.
10. Ptak R. The Maldive and Laccadive Islands (liu-shan 溜山) in Ming Records. *Journal of the American Oriental Society*. 1987;107(4):675–694.
11. Ptak R. Yuan and Early Ming Notices on the Kayal Area in South India. *Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient*. 1993;80:137–156.
12. Ptak R. Die Paracel- und Spratly-Inseln in Sung-, Yüan- und frühen Ming-Texten: Ein maritimes Grenzgebiet? In: *China and Her Neighbours: Borders, Visions of the Other, Foreign Policy, 10th to 19th Century*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag; 1997, pp. 159–181.
13. Ptak R. Wang Dayuan on Kerala. In: *Explorations in the History of South Asia. Essays in Honour of Dietmar Rothermund*. New Delhi: Manohar; 2001, pp. 39–52.
14. Kolnin I. S. Comparison of Local Products and Trading Goods in *Zhufan zhi* and *Daoyi zhilüe*. In: *State and Society in China*. 2019;49(2):479–491. (In Russ.)
15. Kolnin I.S. Wang Dayuan's 汪大淵 Biography According to the Paratext of *Daoyi zhilüe* 島夷誌略 ("A Brief Account of Island Barbarians"; 134/1350) and other Sources. *Orientalistica*. 2021;4(2):434–456. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-2-434-456>.
16. Fujita Toyohachi 藤田豊八. *Daoyi zhilüe jiaozhu* 島夷誌略校注 (*Revised and Annotated Daoyi zhilüe*). Beijing: Guoxue wenku, 北京: 國學文庫; 1935. 175 p. (In Chin.)
17. Su Jiqing 蘇繼頌. *Daoyi zhilüe jiaoshi* 島夷誌略校釋 (*Collated and Annotated Daoyi zhilüe*). Beijing: Zhonghua shuju, 北京: 國學文庫; 2000. 434 p. (In Chin.)
18. Ptak R. Images of Maritime Asia in Two Yuan Texts: "Daoyi zhilue" and "Yiyu zhi". *Journal of Song-Yuan Studies*. 1995;25:47–75.
19. Ptak R. Glosses on Wang Dayuan's *Daoyi zhilüe* (1349/1350). In: *Récits de voyages des Asiatiques. Genres, mentalités, conception de l'espace. Actes du colloque EFEO-EHESS de décembre 1994*. Paris: École française d'Extrême-Orient; 1996, pp. 127–142.
20. Ulyanov M. Yu. (transl. from the Chinese, comment. and appendix). *Zhu fan zhi (The Description of Foreign Countries) by Zhao Rugua: The Most Important Historical-Geographical Source of the Medieval China*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2019. 407 p. (In Russ.)

21. Ptak R. The Sea Route between Taiwan and the Philippines in Chinese Texts (c. 1100–1600): New Questions Related to an Old Theme. *Journal of Asian History*. 2016;50(1):47–71.

22. Wang Chengzu 王成组. *Zhongguo dili xueshi (xian Qin zhi Mingdai) (History of Chinese Geography (from Qin to Ming Dynasty)) 中国地理学史 (先秦至明代)*. Beijing: Shangwu yinshuguan 北京: 商务印书馆; 1988. 201 p. (In Chin.)

23. Chen Jiarong 陈佳荣, Xie Fang 谢方, Lu Junling 陆峻岭 (eds) *Gudai Nanhai diming huishi (Assembled Explanations of Ancient Place-Names of the Southern Seas) 古代南海地名汇释*. Beijing: Zhonghua shuju 北京: 中华书局; 1986. 1120 p. (In Chin.)

24. Vogel H. U. *Marco Polo Was in China: New Evidence from Currencies, Salts and Revenues*. Leiden: Brill; 2012. 676 p.

25. Mills J. V. G. (transl.), Ptak R. (ed.) *Hsing-ch'a-sheng-lan: The Overall Survey of the Star Raft*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag; 1996. 153 p.

26. Hirth F, Rockhill W. W. (transl. and annot.). *Chau Ju-kua: His Work on the Chinese and Arab Trade in the twelfth and thirteenth Centuries, Entitled Chu-Fan-Chi*. St. Petersburg: Printing Office of the Imperial Academy of Sciences; 1911. 306 p.

27. Zhou Yunzhong 周运中. “Daoyi zhilüe” diming yu Wang Dayuan xingcheng xinkao 岛夷志略地名与汪大渊行程新考 (A New Research on the Place Names and Voyage of Wang Dayuan). In: *Yuanshi ji minzu yu bianjiang yanjiu jikan 元史及民族与边疆研究集刊 (Studies on the Mongol-Yuan and China's Bordering Area)*. 2014;1:98–131. (In Chin.)

28. Wang Zhenping. Reading Song-Ming Records on the Pre-colonial History of the Philippines. *Journal of East Asian Cultural Interaction Studies*. 2008;1:249–260.

29. Scott W. H. *Filipinos in China before 1500*. Manila: China Studies Program, De La Salle University; 1989. 52 p.

30. Juan G. B. Ma'I in Chinese Records–Mindoro or Bai? An Examination of a Historical Puzzle. *Philippine Studies*. 2005;53(1):119–138.

Информация об авторе

Колнин Илья Сергеевич – младший научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; <https://orcid.org/0000-0003-0084-0272>, minmi98@yandex.ru

Information about the author

Iliia S. Kolnin – Junior Research Fellow of the China Department, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; <https://orcid.org/0000-0003-0084-0272>, minmi98@yandex.ru

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 08 сентября 2021
Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2021
Принята к публикации: 25 ноября 2021
Опубликована: 27 декабря 2021

Article info

Submitted: September 08, 2021
Approved after peer reviewing: November 16, 2021
Accepted for publication: November 25, 2021
Published: December 27, 2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

HISTORY OF THE EAST

Universal history

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Всеобщая история

Научная статья
УДК 94(394+533)«15»

Исторические науки

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1166-1182>

Социально-экономические преобразования в Южной Аравии первой половины XVI века

Талиб Ахадович Гасанов

РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия,

gasanovt.1991@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4489-9364>

Аннотация. Гуманитарная катастрофа, продолжающаяся в Йемене на протяжении последних десяти лет, обнажает все более глубокие противоречия внутри йеменского общества. Нарастание центробежных сил и антагонизма между Севером и Югом указывает на необходимость изучения периодов йеменской истории, которые особенно повлияли на становление самосознания его жителей. Для Южного Йемена и Хадрамаута одним из таких периодов стала первая половина XVI в. События данного периода рассматриваются в настоящей статье с опорой на арабские источники, в первую очередь на историческое сочинение Мухаммада б. 'Умара ат-Таййиба Бā Фақйха аш-Шихрй «История аш-Шихра. Известия X века хиджры». Сопоставление данного источника с другими демонстрирует, в частности, как столкновение хадрамитцев с Португальской и Османской империями, а также попытка строительства централизованного южноаравийского государства султаном Бадром Бū Тувайриқом ал-Касйрй привели к более полной интеграции этого региона в глобальную политику. Интересно, что именно лояльность касиридского султана в отношении Османской империи, призванная обеспечить возвышение аш-Шихра в качестве одного из главных торговых городов Аравийского полуострова, вскоре послужила одной из причин его упадка. Наконец, в источниках отражено распространение в Южной Аравии огнестрельного оружия, которое повлияло на стратификацию общества и привело к еще большему усилению племен, которые в XVII–XVIII вв. фактически вытеснили центральную власть, сделав невозможным построение единого государства.

Ключевые слова: средневековый Йемен; история Хадрамаута; Касиридский султанат; история аш-Шихра; торговля в Индийском океане; османские завоевания

Для цитирования: Гасанов Т. А. Социально-экономические преобразования в Южной Аравии первой половины XVI века. *Ориенталистика*. 2021;4(5):1166-1182. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1166-1182>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Socioeconomic Changes in South Arabia in The First Half of The Sixteenth Century

Talib A. Gasanov*Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia,**gasanovt.1991@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4489-9364>*

Abstract. One of the world's largest humanitarian crises that have been going on in Yemen for the last ten years has highlighted the growing tensions within its society. To better understand the rising antagonism between the North and the South, it is necessary to analyze the significant historic events that influenced the development of the Yemeni identity. For the inhabitants of South Yemen and Hadramaut, many of such events took place in the first half of the sixteenth century. The following article presents an analysis of these events focusing on the available Yemeni sources, especially the "Tārīkh al-Shiḥr wa akhbār al-qarn al-'āshir", the annals by Muḥammad b. 'Umar al-Ṭayyib Bā Faqīh al-Shiḥrī (d. 17th cent. AD). The comparison of this chronicle with other sources reveals how the clash between Hadramaut, the Portuguese and the Ottoman empires, as well as an attempt by the Kathīrī Sultan Badr Bū Ṭuwairiq to establish a centralized South Arabian state, caused deeper integration of this region into global politics. Ironically, it was the Sultan's loyalty towards the Ottoman Empire meant to ensure the rise of al-Shiḥr as one of the main trade centres of the Arabian Peninsula that soon contributed to its decline. Lastly, the sources reflect the spread of firearms that had an impact on the stratification of South Arabian society and gave more power to the tribes, allowing them to subjugate the sultans, thereby preventing the creation of a unified state in the following centuries.

Keywords: medieval Yemen; Hadramaut, history; Kathiri sultanate; al-Shiḥr, the history of; trade in the Indian Ocean; Ottoman conquest

For citation: Gasanov T. A. Socioeconomic Changes in South Arabia in The First Half of The Sixteenth Century. *Orientalistica*. 2021;4(5):1166-1182. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1166-1182>.

Введение

В 1438 г. венецианский купец Эммануэль Пилоти, призывая к новому крестовому походу против исламского мира, подчеркивал, что для захвата Иерусалима и последующего установления контроля над торговыми путями из Индии и Китая необходимо «поразить врага ударом в голову, а не бить по конечностям». Под головой врага, разумеется, имелся в виду Каир, являвшийся тогда столицей сильнейшего мусульманского государства – Мамлюкского султаната. Однако, говоря о торговле специями, Пилоти упоминал также некоего могучего властелина «острова Адена», который перехватывал все корабли в далеком Южном море и изымал у них половину товара, от чего страдали «и язычники, и

христиане» [1, с. 15–16]. Конфискованные специи властелин Адена отправлял через пустыню в Дамаск и Александрию караванами, которые вели его же подданные.

Эта история, так напоминающая мифологизированный сюжет о скупом царе из далекой страны, показывает нам, что незадолго до начала эпохи Великих географических открытий даже европейцы, годами торговавшие в Каире, практически ничего не знали о Южной Аравии. Однако уже через два поколения ситуация изменилась до неузнаваемости – португальские капитаны рассказывали в своих письмах о крепостных стенах, окружавших города «мавров» [2, с. 365], а в городе аш-Шихр на южном побережье Аравийского полуострова начали появляться венецианские товары. 1507 год (дата прибытия португальских моряков под командованием Тристана да Куньи и Афонсу де Албукерке на остров Сокоатра) стал отправной точкой, изменившей уклад жизни в Южной Аравии. Последовавшая за этим череда событий, таких как гибель династии Тахиридов, попытка построения султаната ал-Касйрй и, наконец, вхождение Южной Аравии в состав Османской империи, окончательно вывела из равновесия систему международных связей, сложившуюся в Индийском океане в послемонгольский период и сохранявшую относительную стабильность на протяжении почти двухсот лет.

Несмотря на то что за последние полвека становление и устройство этой системы были подробно описаны множеством авторов (в первую очередь, несомненно, стоит выделить труды Р. Б. Сарджента, Х. Ядзими, Э. Вале, а среди отечественных исследователей – М. Б. Пиотровского, М. А. Родионова, Н. А. Иванова и Г. М. Удалову), большинство вопросов, связанных с экономической ситуацией в Хадрамауте, по сей день остается малоизученным. Во многом это связано с ограниченной источниковой базой – за исключением Ахмада Шанбала (ум. в 1582 г.) и Мухаммада Ба Фақйха аш-Шихрй (ум. в начале XVII в., точные даты жизни неизвестны), многие историки того периода практически не описывали происходившие события, ограничиваясь жизнеописаниями прославленных саййидов, факихов и султанов. Данная статья представляет собой попытку систематизировать некоторые сведения из арабоязычных текстов, связанных с интересующим нас историческим периодом, а также сопоставить их с археологическими данными, чтобы проследить, как появление новых людей, предметов и идей повлияло на социально-экономическое положение в Южной Аравии XVI в.

Положение Южной Аравии до контакта с Португальской империей

Формирование системы международной торговли в Индийском океане нередко связывается с неоднозначным влиянием монгольских завоеваний на Азиатский континент. С одной стороны, разорения,

причиненные монголами на суше, оживили морскую торговлю. С другой стороны, под властью завоевателей обширные регионы Азии – от севера Плодородного Полумесяца до Желтого моря – были частично объединены. Когда наследники Чингис-хана остановили свое продвижение и обосновались на захваченных землях, установившийся мир способствовал возвращению сухопутной торговли, в результате чего сформировалась обширная торговая сеть, охватывавшая целое полушарие. Еще персидский поэт Саади в XIII в. писал о том, как однажды на острове Киш в Персидском заливе встретил торговца, мечтавшего о последнем торговом путешествии: «Я отвезу персидскую серу в Китай... фарфор – в Грецию, а греческую парчу – в Индию, индийскую сталь – в Алеппо, а зеркала из Алеппо – в Йемен, полосатую йеменскую ткань – в Персию, и после этого уйду на покой...» [3, с. 386].

Стабильность сложившейся системы, мало изменившейся до прибытия португальцев, в значительной степени коррелировала с климатическими особенностями региона, в частности – с особым ветровым режимом. Лоции того времени описывают северо-восточный ветер *азйаб*, благодаря которому побережье становилось доступным для торговых судов из Индии и Персидского залива. Для июня характерен северный ветер *шимал*, облегчающий навигацию по Красному морю из Египта и Джидды. В октябре-ноябре корабли из Адена, в свою очередь, отправлялись в Джидду и египетский порт Айзаб. Мореплавательные календари с подробным описанием ветрового режима были известны при дворе султанов и использовались при ежегодной оценке налоговых поступлений.

Поскольку важным источником дохода для многочисленных государственных образований, появившихся и угасавших на территории Южной Аравии, являлись возраставшие доходы и пошлины от транзитной морской торговли между Индией и Средиземноморьем, для этого периода характерно усиление портовых городов. Применительно к Южной Аравии период XV–XVI вв. можно описать как конкуренцию между двумя крупнейшими портами – Аденом и аш-Шихром. На каждом из этих городов следует остановиться подробнее.

Аден, находящийся в 150 км от Баб-эль-Мандебского пролива, на протяжении веков являлся одним из крупнейших портов арабского мира и самым густонаселенным городом Южной Аравии. Этот процветающий город был окружен мощной крепостной стеной, способной противостоять даже нападению португальского флота, технологическое превосходство которого позволило португальцам подчинить себе весь Индийский океан – «от Восточной Африки до Индонезии и от Персидского залива до Бирмы» [4, с. 5]. По словам средневековых авторов, не проходило и недели, чтобы в Аден не приходили корабли из Индии, Китая или Абиссинии. Разнообразие товаров, проходивших через знаменитый Аденский порт, поражает воображение – в Индию и Китай вывозили «жемчуг,

обработанный агат, медь, ртуть, киноварь, кораллы, шерстяные и шелковые изделия, опиум, изюм, розовую воду, товары из Мекки, золотые слитки». Одновременно с этим в Аден ввозили «бисер, пряности, лекарства, рис, железо, сахар, перец, имбирь, мускус, хлопок, пряжу, кокосы, бензойную смолу, сандаловое дерево, алоэ, ревень» [5, с. 31].

Аш-Шихр, находящийся на побережье Хадрамаута примерно в 600 км к востоку от Адена, сегодня представляет собой относительно небольшой город с населением около 50 тыс. человек, уступающий ал-Мукалле и Сайуну. Однако в первой половине XVI в. на сравнительно короткий промежуток времени ему удалось стать одним из наиболее влиятельных торговых городов Аравийского полуострова.

До недавнего времени о социально-экономической ситуации в Хадрамауте не было известно практически ничего [5, с. 34]. Однако участникам французской археологической экспедиции 2007 г. удалось обнаружить в аш-Шихре несколько культурных слоев, причем находки XV–XVI вв. свидетельствуют о достаточно развитой и диверсифицированной экономике города. Жители аш-Шихра и окрестных поселений ловили рыбу, экспортировали благовония, амбру, ткани, квасцы для окраски тканей, финики, тмин и другие товары, при этом импортировали из Китая больше серебра, чем Аден [6, с. 82]. Уже для культурного слоя XV в. характерна керамика из Тихамы и Индии, а также китайский фарфор. В XVI в. развивается производство – появляется стеклодувная мастерская и, как следствие, большое количество украшений из стекла, в особенности браслетов [7, с. 135].

Среди остальных торговых городов Аравийского полуострова следовало бы упомянуть Джидду – важный транзитный узел на пути в Египет, а также ближайший порт к Мекке и Медине. На восточном побережье важную роль играл Бахрейн – один из главных экспортеров жемчуга. В XV в. Бахрейн находился под контролем Ормуза – хорошо укрепленного арабо-персидского города, который, с одной стороны, экспортировал лошадей в Индию, с другой – обкладывал пошлинами индийские товары, направлявшиеся затем караванами в Среднюю Азию и Средиземноморье.

Административная система султаната Расулидов

Говоря о политической ситуации, предшествующей изучаемому периоду, нельзя не остановиться на крупнейшем государственном образовании средневекового Йемена – султанате бану Расул, существовавшем с 1229 по 1454 г. На протяжении большей части своей истории это государство контролировало сразу несколько историко-культурных областей – Тихаму со столицей в г. Забид, южное высокогорье – ал-Йаман ал-асфал с центром в Таизе, северное высокогорье – ал-Йаман ал-а'ля с центром в

г. Сана, а также восточные территории – ал-Машāриқ, частично включающие в себя Хадрамаут. Хотя банū Расūл возводили свою генеалогию к Гасанидам, относящимся, в свою очередь, к южноарабскому племени *азд*, основатели династии были туркоманами. Следовательно, их султаны не были ни кахтанитами, ни прямыми потомками Пророка, что весьма необычно для региона, в котором племенная принадлежность и родство по сей день играют ключевую роль.

Несмотря на отсутствие у Расулидов привычной для Йемена генеалогической легитимности, период их правления нередко описывают как золотой век Южной Аравии. Султанам этой династии удалось в значительной степени установить государственный контроль над торговлей, в первую очередь, за счет создания сложного административного аппарата и разветвленной системы налогов и пошлин. Представление об устройстве расулидского государства, а также о собираемых налогах дает трактат ал-Ḥасана аш-Шарīфа ал-Ḥусайнī «Мулахḥаṣ ал-Фитан», написанный, предположительно, в 1412 г. [8, с. 23].

Административный аппарат Расулидов включал в себя множество ведомств и должностей с расписанным кругом полномочий и фиксированным жалованьем. Их деятельность включала в себя управление казной, вакуфным имуществом, армией, конюшнями, контроль над строительством, содержание крепостей, учет потребностей населения и т. д. [8, с. 25]. Территория султаната была поделена на налогово-административные единицы, для каждой из которых, в зависимости от выращиваемых сельскохозяйственных культур и иных источников доходов, отдельно высчитывались налоги. Прогнозируемые налоговые поступления обозначались терминами *мисāха*, *мустаḥрадж* и *хирāса*. Сохранилось некоторое количество документов, составлявших при дворе Расулидов и подробно описывающих источники доходов. К примеру: [9, с. 12–13].

Аден

Навигационный сезон *сā'их* из Адена в Египет начинается в 15-й день 12-го месяца [*кāнūн ал-аввал*]. Того, кто отправляется в Египет 7-го дня 4-го месяца [*нīsāн*], называют *лāхик*. Индийцы отправляются в Аден в 10-й день 10-го месяца [*тишрйн ал-аввал*], который называют началом сезона – *аввал заман*. Сезон *димāнī* [для отправляющихся] из Адена начинается в 23-й день 4-го месяца. Последнее плавание индийцев в Аден – в 8-й день 3-го месяца [*азāр*], который называют концом сезона – *āхир заман*. [Мореходный] календарь *найрўз* начинается во 2-й день 1-го месяца. [Корабли] в Могадишу придут из Адена в 7-й день 6-го месяца [*хазйрāн*]. Торговля мареной [*rubia tinctorum*] в Адене начинается в 1-й день 5-го месяца. Сезон [торговли] лошадьми начинается в Адене в 15-й день 8-го месяца [*āб*].

Аш-Шихр

Лодки из Дофара придут в 17-й день 4-го месяца, а лодки из Могадишу – в 15-й день 3-го месяца. Последний корабль индийцев [ожидается] в 9-й день 3-го месяца. [Лодки] из Адена прибывают сюда в 24-й день 4-го месяца; последнее прибытие аденцев [ожидается] в 27-й день 4-го месяца.

Финиковая пальма – опыление в 25-й день 1-го месяца, [предварительный] прогноз налогов – в 5-й месяц, [окончательная] оценка – в 6-й месяц [хазйрāн].

Абьян¹

Сорго [сорта] *сайф*: подготовка почвы в 10-й месяц, посев в 11-й месяц, оценка налогов – во 2-й месяц.

Пшено: подготовка почвы в 4-й месяц, посев в 5-й месяц, оценка налогов – в 7-й месяц.

Хлопок: подготовка почвы в 6-й месяц, посев в 14-й день 7-го месяца, [предварительный] прогноз налогов – в 11-й месяц, [окончательная] оценка – в 12-й месяц.

Сорго [сорта] *букр*: подготовка почвы в 6-й месяц, посев в 25-й день 8-го месяца, оценка налогов – в 11-й месяц.

Сорго [сорта] *гарб*: посев в 11-й месяц, оценка налогов – во время второй обрезки (*ақб*) в 12-й месяц.

Кунжут: подготовка почвы и посев в 10-й месяц, оценка налогов – в 1-й месяц.

Просо пальчатое (*eleusine coracana*): подготовка почвы и посев в 12-й месяц, оценка налогов – в 1-й месяц.

В этом же реестре перечисляется более 100 видов сельскохозяйственных культур, выращиваемых безотносительно конкретных областей, причем для каждой из них указаны сроки посева. Стоит обратить внимание на то, что помимо нескольких сортов пшеницы и сорго и множества фруктов и овощей, в реестре упоминается более десяти видов цветов – несколько видов роз, фиалки, нарциссы, жасмин и др. Это, одновременно с наличием большого количества предметов роскоши, может свидетельствовать о достаточно утонченной элитарной культуре и развитых эстетических потребностях, по крайней мере при дворе султанов. Несмотря на то что в последующие эпохи административная система южноарабских султанатов в значительной степени упростилась, некоторые ее элементы, в особенности связанные со сбором налогов, наблюдались и в середине XX в. [8, с. 25].

¹ Абьян – область, находящаяся между Аденом и Хадрамаутом.

Касиридский султанат и реформы Бадр Бў Тувайриқ

В 1454 г. султанат Расулидов прекратил свое существование. Следующие 60 лет Южной Аравией правила династия банў Тāхир. Несмотря на то что их правление ассоциируется с усилением Адена и активным строительством мечетей, школ и ирригационных сооружений, контроль над территорией султаната непрерывно ослаблялся. На севере Тахириды уступали свои позиции зейдитскому имамату, а к востоку от Адена постепенно формировалось новое политическое образование – султанат ал-Касйрй. Это зарождающееся государство, поначалу представлявшее собой достаточно рыхлое племенное образование, в начале XVI в. начало стремительно разрастаться под властью Бадр б. ‘Абдаллāха ал-Касйрй (1496–1570), прославившегося под именем Бадр Бў Тувайриқ. Хадрабийский летописец ‘Абд ал-Қāдир ал-‘Айдарўс описывал его как одного из величайших правителей своего времени, ставя в один ряд с Сулейманом Великолепным и Муҳаммадом Абў Нумаййем б. Баракāтом, шерифом Мекки [10, с. 435]. Бадр Бў Тувайриқ правил почти полвека и сумел подчинить себе огромную территорию – «от [земель] ал-‘авāлиқ на западе до Сайхута на востоке, и от южного побережья до северной пустыни» [11, с. 34]. Ведя непрерывную войну с племенами Хадрамаута и Махры, султан одновременно пытался создать единое централизованное государство, внося значительные изменения в социально-экономическую жизнь Южной Аравии.

Хадрабийский историк Муҳаммад Ибн Хāшим, ссылаясь на хронику «История аш-Шихра. Известия десятого века хиджры» Бā Фақйха аш-Шихрй, утверждает, что первым действием Бадр Бў Тувайриқ после прихода к власти стало отстранение своего визиря, Митрāна б. Мансўра, демонстрировавшего «недостойные намерения», и назначение на его должность ‘Атйфа б. ‘Алй б. Даҳдаҳа [11, с. 36]. Сами по себе подобные перестановки не были чем-то необычным, но Бā Фақйх аш-Шихрй подчеркивает, что султан Бадр не просто снял Митрāна б. Мансўра с должности, но бросил его в тюрьму сразу после вечерней молитвы, конфисковал все его имущество, а через несколько дней «втайне отпустил на свободу» [12, с. 149]. Кроме того, через шесть лет султан снова назначил его на должность визиря. Интерпретировать подобные действия за отсутствием более подробной информации непросто – можно предположить, что молодой султан таким образом демонстрировал свою решительность и готовность к немедленной расправе над противниками – качества, которые еще не раз проявились на протяжении его многолетнего правления [13, с. 30].

Одной из главных реформ Бадр Бў Тувайриқ было создание и перевооружение армии. Ранее в Хадрамауте существовало исключительно племенное ополчение, собиравшееся по приказу султанов. Йеменские историки подчеркивают нестабильность и ненадежность такой структуры – некоторые племена враждовали на протяжении многих поколений

и едва ли могли выступать единым фронтом в случае общей угрозы. Кроме того, большинство наемников-*қабілі* преследовали личные цели и ставили племенные интересы выше государственных, что приводило к низкой боеспособности и взаимному отсутствию доверия между султаном и ополчением.

Около 1520 г. султан Бадр нанял турецких офицеров под командованием Реджепа ат-Турки. Новые офицеры не были вовлечены в племенные междоусобицы, а потому сохраняли личную преданность султану, были хорошо подготовлены и показывали пример хадрабийцам. Кроме того, они принесли с собой огнестрельное оружие, которое хадрабийцы быстро освоили, прозвав «ромейскими ружьями»² – *банāдиқ ар-Рӯм*. Часть оружия также отнимали у португальцев, набеги которых проходили каждые один-два года и далеко не всегда заканчивались успехом. Первые походы султана в Хадрамаут показали эффективность новой армии – прибытие новых людей с необычной внешностью (описывают, что у Реджепа ат-Турки были длинные усы), пьющих вино [11, с. 37] и поражающих противников на расстоянии, поначалу вызывало ужас у непокорных хадрабийских племен. Впоследствии «ромейские ружья» стали производить непосредственно в Хадрамауте. В хронике Бā Фақйха аш-Шихрй огнестрельное оружие впервые упоминается уже в записи за 912 / 1506 г., причем автор отмечает, что оно тогда «еще не было известно в Йемене» [12, с. 111]. Однако начиная с 925 / 1519 г. ружья и пушки упоминаются регулярно.

Также стоит отметить, что, помимо турецких офицеров, в качестве членов нового касиридского войска были приглашены воины из зейдитского имамата, исповедовавшие шиитский ислам, малоприемлемый для традиционно шафиитского Хадрамаута. Такое устройство армии свидетельствует, с одной стороны, о дальновидности султана Бадра, не желавшего опираться на традиционные структуры племенного общества, а с другой – о его готовности пренебречь этноконфессиональными различиями ради построения единого централизованного государства.

Еще одним заметным новшеством в жизни Хадрамаута начала XVI в. была монетная реформа. Муҳаммад Ибн Хāшим пишет, что в 937 / 1521 г. в аш-Шихре «начали чеканить серебряную монету номиналом в риал, половину и четверть риала, а также малые и большие медные монеты» [11, с. 38]. Однако в хронике Бā Фақйха аш-Шихрй эта реформа описана несколько иначе:

934 / 1527 г. – «...и в этом месяце [*рабй' ал-аввал*] султан Бадр б. 'Абдаллāх б. Джа'фар приказал чеканить монету в аш-Шихре и ввести ее в оборот...» [12, с. 186].

² Этноним «ромей», обозначавший жителей Византии, употреблялся арабами применительно к туркам-османам на протяжении столетий после гибели Византийской империи.

943 / 1536 г. – «...и в этом [году] султан [приказал] чеканить бадрийскую *буқшу*...» [12, с. 240].

О «серебряной монете», упоминаемой Ибн Хāшимом, не удастся найти дополнительной информации. В то же время медная *буқша* описывается в справочной литературе следующим образом:

«*Буқша* – основная монета йеменцев. Существуют также монеты в половину, четверть и восьмую часть *буқши*. Десять *буқшей* равняются четверти австрийского риала [т. е. талера Марии Терезии, имевшего хождение на Ближнем Востоке, включая Хадрамаут], либо имамского [северойеменского]. Таким образом, 40 *буқшей* равны одному риалу, *буқша* и ее части изготавливаются из меди. [...] Название происходит от турецкого “*бохча*”, что значит “сверток” или “тряпка”, в особенности тот, в который заворачивают дирхамы» [14, с. 116].

Несмотря на спорадические упоминания в документах различных периодов, на момент середины XX в. не было найдено ни одной бадрийской *буқши* [15, с. 141]. Из этого можно сделать вывод, что общее количество отчеканенных монет было не так велико. Кроме того, в отличие от золота, медь достаточно быстро окисляется и за 100–150 лет покрывается слоем патины, что также могло бы объяснить их низкую сохранность. Тем не менее наличие в коллекциях йеменских музеев значительно более древних бронзовых монет [16, с. 17] позволяет предположить, что *буқши* нечасто использовались в торговле в силу низкого номинала и, вероятно, недостаточно высокого престижа. Одновременно с ними и в самом Хадрамауте продолжали использоваться аббасидские динары и дирхамы, а также монеты династии Расулидов [17, с. 241]. Даже в хронике Бā Фақйха аш-Шихрй использование *буқши* в торговле упоминается лишь один раз:

947 / 1540 г. – «...и в этом [году] в Хадрамауте выросли цены. *Дурра* (сорго) в Шибаме подорожала до двух *буқшей*, а финики стоят [одну] *буқшу* за одну целую и одну треть *ратля* [около 600 г], и ни того, ни другого не найти...» [12, с. 280].

Гораздо чаще авторами XVI–XVII вв. упоминается другая валюта – *ашрафй*, или ашрафийский динар. Это золотая монета, изначально производимая в мамлюкском Египте, равная 360 риалам в Адене и 300 риалам в Ормузе и Цейлоне. Хадрабийские летописцы почти всегда говорят о ней в контексте международных сделок, а также дани и выкупа на всей территории Аравийского полуострова. Примеры:

915 / 1509 г. – «...и в этом [году] португальцы на 6 кораблях взяли в осаду Ормуз, после чего обложили его ежегодной данью в 10 тысяч *ашрафй*» [18, с. 240].

935 / 1529 г. – «...и в воскресенье, 19 дня месяца *джумādā ас-сāни* в порт аш-Шихра прибыл корабль португальцев (да покинет их Бог). По совпадению они встретили там судно, перевозившее на борту марену красивую и иной груз, нужный индийцам. [Португальцы] захватили этот

корабль, после чего его хозяин выкупил его в Хайридже за 1800 *ашрафий* [12, с. 189].

945 / 1538 г. – «и в тот же день властелину аш-Шихра приказали каждый год выплачивать десять тысяч *ашрафий*» [12, с. 258].

Последний пример относится к договоренности Бадр Бӯ Тувайриқа с Османской империей. Тогда Хадрамаут формально признал главенство Высокой Порты, обязуясь выплачивать ежегодный налог и принимать у себя турецкий гарнизон. В обмен на это паша Сулейман ат-Тавāший предоставил султану Бадру высочайший фирман на владение землями «от ворот Адена до пределов Дофара» и звание османского санджакбея [13, с. 29]. Кроме того, такое ограничение суверенитета позволило султанату ал-Касйрй защититься от набегов португальцев и сосредоточиться на борьбе с непокорными племенами. Известно, что договоренность с османскими властями соблюдалась даже после смерти Бадр Бӯ Тувайриқа, потомки которого оказались не в состоянии продолжить его политику и начали терять власть. Тем не менее ежегодный налог продолжал выплачиваться вплоть до времен Ван ден Бруке в начале XVII в. Сам Ван ден Бруке оценил эту сумму в 4000 пиастров и 20 фунтов хорошей амбры [15, с. 96].

Можно предположить, что османское подданство должно было способствовать дальнейшему усилению султаната ал-Касйрй и процветанию его главного порта – аш-Шихра. Находясь в 3500 км от Высокой Порты, хадрабийские султаны могли, с одной стороны, не опасаться излишне жесткого контроля со стороны османских властей, а с другой – рассчитывать на их поддержку в обмен на выплачиваемый налог и некоторые формальные проявления лояльности. Кроме того, османам удалось значительно обезопасить торговлю в Индийском океане. Так, в период с 1507 по 1538 г. Аравийский полуостров пережил 17 набегов португальцев, три из которых закончились разграблением аш-Шихра. После признания Касиридским султанатом власти Османской империи и с расширением турецкого присутствия в Индийском океане за 48 лет с 1538 по 1586 г. произошло лишь 15 столкновений с португальцами [19, с. 9], причем большинство из них носили локальный характер и все реже сопровождались крупными сражениями или осадой городов.

Тем не менее возврата к поступательному развитию, характерному для допортугальского периода, не произошло. Став глобальной морской державой и многому научившись у португальцев [19, с. 17], османы начали менять систему торговли в Индийском океане в соответствии с собственными интересами. Главным южноаравийским портом и новыми «воротами в Красное море» стал когда-то второстепенный город Моха – согласно записям португальского миссионера Жирониму Лобу, именно там теперь должны были выплачивать пошлины все корабли, отправлявшиеся в Египет. Остальные города на побережье Аравийского полуострова постепенно начали приходить в упадок – современники писали, что даже в Аден

неделями не приходили корабли, и город пришел в запустение. Это тем более касалось аш-Шихра, который, находясь слишком далеко как от Красного моря, так и от Персидского залива, утратил свою ценность в новую эпоху и превратился из центра региональной торговли в провинциальный городок на окраине великой империи. Его географическое положение из главного достоинства превратилось в главный недостаток.

Судьба хадрамейских товаров

В завершение рассмотрим изменения в восприятии двух традиционных товаров континентального Хадрамаута. В работах по истории Южной Аравии неоднократно упоминалось, что торговля благовониями – ладаном, миррой и другими смолами – играла важную роль в экономике этого региона начиная с доисламского периода. Однако значение этого товара в Средние века и Новое время изучено гораздо хуже.

Сравнение археологических находок с результатами анализа источников выявляет интересное противоречие. С одной стороны, экспедиция 2007 г. в аш-Шихре подтверждает наличие в каждом культурном слое нескольких новых типов курильниц для благовоний, причем их форма и размер свидетельствуют о более массовом производстве по сравнению с доисламским периодом. Косвенным подтверждением этой гипотезы служит широкое распространение благовоний в современном Хадрамауте. Однако вместе с тем отмечается все более редкое упоминание благовоний в письменных текстах XIV–XVII вв. Один из главных источников информации об экономике расулидского султаната – вышеупомянутый «Мулаххас ал-фитан» – и вовсе обходит их стороной, называя аш-Шихр третьим портом Йемена по величине прибыли от торговли амброй, камфорой, жемчугом, индийскими рабынями-танцовщицами и виверрами – но не благовониями [20, с. 52]. То же касается и хроники Бā Фақйха аш-Шихрй, где ладан (*ал-луббāн*) не упоминается вовсе.

В связи с вышесказанным некоторые исследователи утверждают, что торговля благовониями в Южной Аравии пришла в упадок к XVI в. Однако имеет смысл говорить скорее о ее переориентации. С одной стороны, экспорт благовоний в Средиземноморский регион действительно сокращался – сначала с приходом христианства, а затем – по мере того как Европа находила иные источники ладана. Кроме того, в отдельные периоды на торговлю благовониями налагался официальный запрет [15, с. 169]. В то же время потребление благовоний оставалось частью традиционной культуры жителей Южной Аравии и никогда не прекращалось, что отмечали участники португальских набегов [15, с. 172]. Кроме того, несмотря на прибытие португальцев и турок и последующее снижение роли аш-Шихра в трансконтинентальной морской торговле, некоторые рынки, включая китайский, оставались открытыми для хадрамейских торговцев благовониями.

Что касается финиковой пальмы, ее основополагающее значение для выживания населения Хадрамаута сохраняется до Новейшего времени, причем различные части этого дерева используются в самых разных целях – для строительства, разведения огня, изготовления бытовой утвари и т. д. В начале XX в. в Хадрамауте насчитывалось около 200 тысяч финиковых пальм – в два раза больше, чем во всем остальном Йемене [22, с. 205]. Если судить по признакам культивации на ныне заброшенных территориях, в прошлом их количество могло быть еще выше.

Неудивительно, что установление контроля над финиковыми рощами с глубокой древности было одной из основных целей любого завоевательного похода. Интереснее, однако, то, что даже в мирное время вознаграждение за защиту рощ, принадлежавших богатым землевладельцам, было важной статьёй дохода для некоторых племен. С появлением огнестрельного оружия, которое окончательно закрепило неравенство между племенами и остальными социальными стратами, лишенными права носить оружие [23, с. 23], защита финиковых пальм (*ширāха*) все чаще стала носить характер вымогательства. Представители племен делили культивируемые территории на зоны влияния и фактически навязывали свои услуги собственникам, требуя за свою работу «десятину», порой превышавшую половину урожая [24, с. 309].

Подобная узурпация государственных функций со стороны племен, разумеется, не вызывала энтузиазма ни у землевладельцев, ни у центральной власти. Тем не менее касиридским султанам (а впоследствии и британской колониальной администрации) так и не удалось искоренить эту практику. Более того, со временем право на защиту финиковых рощ развилось в некое подобие ограниченного вещного права³, с возможностью возмездного отчуждения третьим лицам и выкупа самим собственником земельного участка. Это явление, включающее в себя элементы инвестиционного механизма и – одновременно – организованной преступности, высвечивает множество противоречий между различными стратами хадрамийского общества, и уже в силу этого требует дальнейшего изучения.

Выводы

Сопоставление рассмотренных источников позволяет говорить о стремительных и разносторонних преобразованиях, изменивших экономическую и общественную жизнь Южной Аравии в первые десятилетия XVI в. Во-первых, одновременное столкновение с двумя крупными империями и попытка строительства централизованного южноаравийского

³ Ограниченные вещные права – абсолютные субъективные права на использование чужого, как правило недвижимого, имущества в своем интересе и без посредства собственника.

государства привели к более полной интеграции этого региона в глобальную политику, а также способствовали формированию локальной хадра-мийской идентичности. Кроме того, османское подданство, призванное обеспечить возвышение аш-Шихра в качестве одного из главных торговых городов Аравийского полуострова, всего через несколько десятилетий послужило одной из причин его упадка. Наконец, распространение огнестрельного оружия повлияло на стратификацию южноаравийского общества и привело к еще большему усилению племен, которые в XVII–XVIII вв. фактически вытеснили центральную власть, сделав невозможным построение единого государства.

Дальнейшее исследование данной тематики возможно в нескольких направлениях. С одной стороны, стоило бы включить в научный обиход большее количество малоизученного текстового материала, в том числе османские и португальские источники. С другой стороны, имеет смысл сосредоточиться на исследовании конкретных отраслей южноаравийской экономики, а также постепенного отмирания расулидских административных механизмов и их замены племенными институтами. Роль этих институтов в Новейшее время, включая события последних десяти лет, также нуждается в рассмотрении.

Литература

1. Vallet É. *L'Arabie marchande: État et commerce sous les sultans rasūlides du Yémen (626–858 / 1229–1454)*. Paris: Éditions de la Sorbonne; 2010. 870 p.
2. *Cartas de Affonso de Albuquerque seguidas de documentos que as elucidam*. Lisboa: Academia real das ciencias de Lisboa; 1903. 438 p.
3. Mackintosh-Smith T. *Arabs: A 3,000-Year History of Peoples, Tribes, and Empires*. New Haven, Connecticut: Yale University Press; 2019. 656 p. DOI: 10.2307/j.ctvd1c99p
4. Хазанов А. М. Португалия и мусульманский мир (XV–XVI вв.). М.: ПАУ-Университет; 2003. 319 с.
5. Удалова Г. М. *Йемен в период первого османского завоевания (1538–1635)*. М.: Наука; 1988. 200 с.
6. Hardy-Guilbert C. The Harbour of al-Shih̄r, Ḥaḍramawt, Yemen: Sources and Archaeological Data on Trade. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 2005;35:71–85.
7. Boulogne S., Hardy-Guilbert C. Glass Bangles of al-Shih̄r, Ḥaḍramawt (Fourteenth-Nineteenth Centuries), a corpus of new data for the understanding of glass bangle manufacture in Yemen. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 2010;40:135–148.
8. Serjeant R. B., Cahen C., Serjeant R. B. A Fiscal Survey of the Medieval Yemen. *Arabica*. 1957;4(1):23–28. DOI: 10.1163/157005857X00183.
9. Varisco D. M. A Royal Crop Register From Rasulid Yemen. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1991;34(1/2):1–22. DOI:10.2307/3632276.

10. Al-'Aydarūs 'Abd al-Qādir b. Shaykh b. 'Abdullāh. *Al-nūr al-sāfir 'an akhbār al-qarn al-'āshir*. Beirut: Dār Ṣādir; 2001. 663 p. (На араб. яз.)
11. Ibn Hāshim Muḥammad. *Ḥaḍramawt: Tārīkh al-dawla al-kathīriyya*. Cairo: 'Alī al-Jifrī; 1948. 196 p. (На араб. яз.)
12. Bā Faqīh al-Shihri Muḥammad b. 'Umar al-Ṭayyib. *Tārīkh al-Shiḥr wa akhbār al-qarn al-'āshir*. Sanaa: Maktabat al-Irshād; 1999. 520 p. (На араб. яз.)
13. Родионов М. А. *Культурная память и мерная речь на Юге Аравии: Хадрамаут*. СПб.: МАЭ РАН; 2014. 154 с.
14. Al-Māzandarānī Mūsā al-Ḥusainī. *Tārīkh al-nuqūd al-islāmiyya*. Beirut: Dār al-'ulūm; 1988. 370 p. (На араб. яз.)
15. Serjeant R. B. *The Portuguese off the Arabian Coast*. Beirut: Librairie du Liban; 1974. 233 p.
16. Sedov A. V., Aidarus U. The Coinage of Ancient Hadramawt. The Pre-Islamic Coins in the al-Mukalla Museum. *Arabian Archaeology and Epigraphy*. 1995;6:15–60. DOI: 10.1111/j.1600-0471.1995.tb00075.x
17. Al-Shāṭirī Muḥammad b. Aḥmad. *Adwār al-tārīkh al-ḥaḍramī*. Jeddah: 'Ālam al-ma'rafa; 1983. 566 p. (На араб. яз.)
18. Shanbal Aḥmad b. 'Abdullāh. *Tārīkh Ḥaḍramawt*. Sanaa: Maktabat Sana'ā; 1994. 292 p. (На араб. яз.)
19. D'Alòs-Moner A. M. Conquistadores, Mercenaries, and Missionaries: The Failed Portuguese Dominion of the Red Sea. *Northeast African Studies*. 2012;12(1):1–28. DOI: 10.1353/nas.2012.0003
20. Hardy-Guilbert C., Le Maguer S. Chihr de l'encens (yémen). *Arabian Archaeology and Epigraphy*. 2010;21(1):46–70.
21. Le Maguer S. The incense trade during the Islamic period. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 2015;45:175–183.
22. Popenoe P. Scale-insects of the date-palm. *Journal of the American Oriental Society*. 1922;42:205–206.
23. Rodionov M. A. The Western Ḥaḍramawt: Ethnographic Field Research, 1983–91. In: *Orientwissenschaftliches Heft. OWZ der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg*. 2007. Hft. 24. 307 p.
24. Serjeant R. B. A Maqāmah on Palm-Protection (Shirāḥah). *Journal of Near Eastern Studies*. 1981;40(4):307–322.

References

1. Vallet É. *L'Arabie marchande: État et commerce sous les sultans rasūlides du Yémen (626–858 / 1229–1454)*. Paris: Éditions de la Sorbonne; 2010. 870 p.
2. *Cartas de Affonso de Albuquerque seguidas de documentos que as elucicam*. Lisboa: Academia real das ciencias de Lisboa; 1903. 438 p.
3. Mackintosh-Smith T. *Arabs: A 3,000-Year History of Peoples, Tribes, and Empires*. New Haven, Connecticut: Yale University Press; 2019. 656 p. DOI: 10.2307/j.ctvd1c99p
4. Khazanov A. M. *Portugal and the Muslim World (15–16 Centuries)*. Moscow: RAU-Universitet; 2003. 319 p. (In Russ.)
5. Udalova G. M. *Yemen During the First Ottoman Conquest (1538–1635)*. Moscow: Nauka; 1988. 200 p.

6. Hardy-Guilbert C. The Harbour of al-Shiḥr, Ḥaḍramawt, Yemen: Sources and Archaeological Data on Trade. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 2005;35:71–85.

7. Boulogne S., Hardy-Guilbert C. Glass Bangles of al-Shiḥr, Ḥaḍramawt (Fourteenth-Nineteenth Centuries), a corpus of new data for the understanding of glass bangle manufacture in Yemen. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 2010;40:135–148.

8. Serjeant R. B., Cahen C., Serjeant R. B. A Fiscal Survey of the Medieval Yemen. *Arabica*. 1957;4(1):23–28. DOI: 10.1163/157005857X00183.

9. Varisco D. M. A Royal Crop Register From Rasulid Yemen. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 1991;34(1/2):1–22. DOI:10.2307/3632276.

10. Al-'Aydarūs 'Abd al-Qādir b. Shaykh b. 'Abdullāh. *Al-nūr al-sāfir 'an akhbār al-qarn al-'āshir*. Beirut: Dār Ṣādir; 2001. 663 p. (In Arabic)

11. Ibn Hāshim Muḥammad. *Ḥaḍramawt: Tārīkh al-dawla al-kathīriyya*. Cairo: 'Alī al-Jifri; 1948. 196 p. (In Arabic)

12. Bā Faqīh al-Shihrī Muḥammad b. 'Umar al-Ṭayyib. *Tārīkh al-Shiḥr wa akhbār al-qarn al-'āshir*. Sanaa: Maktabat al-Irshād; 1999. 520 p. (In Arabic)

13. Rodionov M. A. *Cultural Memory and Metered Speech in Southern Arabia: Ḥaḍramawt*. St. Petersburg: Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography Press; 2014. 154 p. (In Russ.)

14. Al-Māzandarānī Mūsā al-Ḥusainī. *Tārīkh al-nuqūd al-islāmiyya*. Beirut: Dār al'ulūm; 1988. 370 p. (In Arabic)

15. Serjeant R. B. *The Portuguese off the Arabian Coast*. Beirut: Librairie du Liban; 1974. 233 p.

16. Sedov A. V., Aidarus U. The Coinage of Ancient Hadramawt. The Pre-Islamic Coins in the al-Mukalla Museum. *Arabian Archaeology and Epigraphy*. 1995;6:15–60. DOI: 10.1111/j.1600-0471.1995.tb00075.x

17. Al-Shāṭirī Muḥammad b. Aḥmad. *Adwār al-tārīkh al-ḥaḍramī*. Jeddah: 'Ālam al-ma'rafa; 1983. 566 p. (In Arabic)

18. Shanbal Aḥmad b. 'Abdullāh. *Tārīkh Ḥaḍramawt*. Sanaa: Maktabat Sana'ā; 1994. 292 p. (In Arabic)

19. D'Alòs-Moner A. M. Conquistadores, Mercenaries, and Missionaries: The Failed Portuguese Dominion of the Red Sea. *Northeast African Studies*. 2012;12(1):1–28. DOI: 10.1353/nas.2012.0003.

20. Hardy-Guilbert C., Le Maguer S. Chihr de l'encens (yémen). *Arabian Archaeology and Epigraphy*. 2010;21(1):46–70.

21. Le Maguer S. The incense trade during the Islamic period. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*. 2015;45:175–183.

22. Popenoe P. Scale-insects of the date-palm. *Journal of the American Oriental Society*. 1922;42:205–206.

23. Rodionov M. A. The Western Ḥaḍramawt: Ethnographic Field Research, 1983–91. In: *Orientalwissenschaftliches Heft. OWZ der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg*. 2007. Hft. 24. 307 p.

24. Serjeant R. B. A Maqāmah on Palm-Protection (Shirāḥah). *Journal of Near Eastern Studies*. 1981;40(4):307–322.

Информация об авторе

Талиб Ахадович Гасанов – ассистент кафедры перевода Института иностранных языков РГПУ им. А. И. Герцена, аспирант Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия; <https://orcid.org/0000-0003-4489-9364>, e-mail: gasanovt.1991@gmail.com

Information about the author

Talib A. Gasanov – teaching assistant at the Translation Studies Department (Institute of Foreign Languages) at Herzen State Pedagogical University, Ph D student at the Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg, Russia; <https://orcid.org/0000-0003-4489-9364>, e-mail: gasanovt.1991@gmail.com

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18 августа 2021
Одобрена после рецензирования: 15 ноября 2021
Принята к публикации: 25 ноября 2021
Опубликована: 27 декабря 2021

Article info

Submitted: August 18, 2021
Approved after peer reviewing: November 15, 2021
Accepted for publication: November 25, 2021
Published: December 27, 2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Orientalistica» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

HISTORY OF THE EAST

Historiography, source critical studies, historical research methods

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья

Исторические науки

УДК 930.2 + 94(510).05

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1183-1198>

О печатном фрагменте на монгольском языке из фондов ИВР РАН

Сергей Владимирович Сидорович

независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия,

sscc@zmail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7817-4890>

Аннотация. В фондах ИВР РАН хранится ксилографированный фрагмент на монгольском языке с рукописным текстом на обороте (шифр G 110 gesto), привезенный экспедицией П. К. Козлова из Хара-Хото в 1909 г. Текст, выполненный классическим монгольским письмом, содержащий несколько глосс китайскими иероглифами и нижний колонтитул (транскрипцию китайского названия главы и порядковый номер страницы), более 50 лет назад был прочитан Н. Ц. Мункуевым, который, учитывая палеографические особенности, датировал его XIV в. Также, опираясь на сообщение официальной истории «Юань ши», исследователь предположил, что перед ним монгольский перевод законодательного сборника «Да Юань тун-чжи», и привел два возможных варианта изначального китайского названия главы, к сожалению, как теперь понятно, остановив свой выбор на неверном варианте. «Да Юань тун-чжи» дошел до наших дней не в полном объеме, основная часть памятника, включая интересующие нас главы, была утеряна, таким образом не был обнаружен искомый текст и также не могла быть выявлена ошибка в реконструкции названия главы. Однако в 2002 г. в Южной Корее была найдена часть сборника «Чжи-чжэн тяо-гэ», обнаруженного в 1346 г. и явившегося на смену устаревшему «Да Юань тун-чжи». В одной из предыдущих статей автором было показано, что оба сборника выстроены по единой схеме, выработанной еще в эпоху Тан (618–907). Это позволило реконструировать название главы, упомянутой во фрагменте. К счастью, в обнаруженной части сборника «Чжи-чжэн тяо-гэ» сохранились интересующие нас главы, а глоссы в тексте фрагмента позволили найти исходный китайский текст, которым оказался документ от 1303 г., судя по дате – явно попавший в оба сборника. В статье также приводится китайский текст документа и его комментированный перевод.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: эпоха Юань; Монгольская империя; «Да Юань тун-чжи»; «Чжи-чжэн тяо-гэ»; Хара-Хото; Козлов [Петр Кузьмич]; классическое монгольское письмо; Институт восточных рукописей РАН

Для цитирования: Сидорович С. В. О печатном фрагменте на монгольском языке из фондов ИВР РАН. *Ориенталистика*. 2021;4(5):1193–1198. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1183-1198>.

Original article

History studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1183-1198>

On the Printed Fragment in Classical Mongolian Script from the Collection of IOM, RAS

Sergey V. Sidorovich*independent Researcher, St. Petersburg, Russia,
sscc@zmail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7817-4890>*

Abstract. The Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences possesses a xylographed fragment in classical Mongolian script with a handwritten text on the reverse side (call mark G 110 recto), which was obtained in 1909 during P. K. Kozlov's expedition in Khara-Khoto. The printed text in classical Mongolian script with several interlinear glosses in Chinese and a page footer (of the transcription of the Chinese name of the chapter and the page number) was read by the Soviet Orientalist N. Ts. Munkuyev more than 50 years ago. Munkuyev dated it by the XIV century based on the paleographic peculiarities. Moreover, based on the official history *Yuan shi*, he supposed that the text might be a Mongolian translation of the legislative code *Da Yuan tong-zhi* and suggested two possible versions of original Chinese name of the chapter, out of which an incorrect one was unfortunately chosen. Since *Da Yuan tong-zhi* was not preserved in full and the major part of the written monument including the chapters of interest were lost, it was impossible to find the text in scope, and the mistake in the reconstruction of the chapter name also could not be detected. However, in 2002 in South Korea a part of *Zhi-zheng tiao-ge* code was found, which was promulgated in 1346 and was intended to replace the outdated *Da Yuan tong-zhi*. In one of his previous articles, the author has shown that both codes were built according to a general pattern elaborated as far back as the Tang epoch (618–907). This enabled reconstruction of the name of the chapter mentioned in the fragment. Fortunately, the surviving part of the *Zhi-zheng tiao-ge* code contains the required chapters, and the Chinese glosses in the fragment allowed us to find the original Chinese text, which turned out to be a document dated 1303 and, according to the date, was evidently included in both codes. The article also contains the Chinese text of the document and its annotated translation.

Keywords: Yuan Dynasty; Mongolian Empire; *Da Yuan tong-zhi*; *Zhi-zheng tiao-ge*; Khara-Khoto; Kozlov [Pyotr Kuzmich]; classical Mongolian script; Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

For citation: Sidorovich S. V. On the Printed Fragment in Classical Mongolian Script from the Collection of IOM, RAS. *Orientalistica*. 2021;4(5):1183–1198. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1183-1198>.

Введение

В 1909 г. экспедицией П. К. Козлова¹ в числе прочих находок были привезены из Хара-Хото два печатных фрагмента на монгольском языке². Первое предварительное описание интересующего нас фрагмента ксилографа (G 110 recto) было сделано В. Л. Котвичем, который отметил, что это – текст юридического содержания, и вместе с остальными монгольскими документами, обнаруженными в ходе раскопок в Хара-Хото, отнес его «ко времени мирового господства монголов, т. е. до 1368 г.» [2, с. 562]. Н. Ц. Мункуев, опубликовавший фотографии фрагмента и предложивший свой вариант прочтения и перевода текста, сделал важный вывод: «...есть основание предположить, что этот печатный текст, являющийся частью книги юридического содержания, представляет собой фрагмент монгольского перевода сборника юридических и административных распоряжений *Да Юань тун-чжи* (“Всеобщие законы Великой Юань”) 1323 г., от которого сохранилась только одна небольшая часть (*Тун-чжи тяо-гэ*). О монгольском переводе этого сборника упоминается в Юань ши за 1324 г.» [3, с. 449]. В дальнейшем свой вариант чтения и перевода предложил проф. Д. Кара [4, р. 5]. Для удобства читателя оба варианта транслитерации и перевода сведены в таблицу 1. Приведенные в таблице китайские иероглифы – оригинальные глоссы.

Т а б л и ц а . Транслитерация и перевод текста фрагмента
T a b l e . Transliteration and translation of the text of the fragment

Транслитерация и перевод по Н. Ц. Мункуеву	Транслитерация и перевод по Д. Кара
[1] [...] <i>šinjilen ajuyu. jiu</i> ᠶ᠋ᠢᠨᠵᠢᠯᠢᠨ ᠠᠵᠢᠶᠤᠨ .ᠵᠢᠣᠳ [...]	[1] [.....?]
[2] <i>bolγayan asayqu noyad düled daran</i>	[2] <i>sinjilen ajuyu . (zhou) čiu qotod [...]</i>
[3] <i>kürgegdekü bui. ede üiles bügüde čui</i> ᠵᠢ	[3] <i>bolγayan asayqu noyad (?) düled TWR[...]</i>
[4] <i>gon-a</i> ᠭᠣᠨᠠᠨ ᠶ᠋ᠳᠠᠶᠠᠲᠤ ᠶᠢᠯᠡᠪᠢ .ᠵᠢᠷᠪᠡ [...]	[4] <i>kürgegdekü bui. ede üiles bügüde (chui) čui</i>
[0] <i>Yuu gon nököge debter arban tabun</i>	[5] <i>(guan) gon-a γadayatu üile bui. ker be</i>
	[0] <i>Yuu gon nököge debter arban tabun</i>

¹ Петр Кузьмич Козлов (03.10.1863–26.09.1935), путешественник, географ. Возглавляемая им Монголо-Сычуаньская экспедиция 1907–1909 гг. исследовала руины основанного тангутами в 1032 г. и разрушенного минскими войсками в XIV в. города Эдзина (Хара-Хото, *kum*. Хэйчэн 黑城, Хэйшуйчэн 黑水城, городище находится в хошуне Эдзин-Ци аймака Алашань, Автономный район Внутренняя Монголия, КНР). Здесь в ходе раскопок было найдено уникальное собрание книг на тангутском, китайском и других языках.

² В «Каталоге монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Российской академии наук» данные фрагменты учтены следующим образом: «G 110–111, (Козлов, 6–7), инв. № 2271–2272 Два ксилографированных фрагмента. Привезены П. К. Козловым из Хара-Хото в 1909 г.» [1, с. 201].

Транслитерация и перевод по Н. Ц. Мункуеву	Транслитерация и перевод по Д. Кара
...investigated. The officers who are bound to interrogate (the criminals), examining (them) in the capacity... in the district towns all the more are sent at once. All these affairs are outside affairs for a <i>čui gon</i> (<i>t'ui-kuan</i>). If... <i>Yuu gon</i> (Chin. <i>Ju-kuan</i> , "Entering the service"), second part, (sheet) fifteen [5, p. 349]	[1] [...] [2] "[They] have examined [it]. [In] the cities [of the status of] <i>zhou</i> [...], [3] the officials (?) who[se task is to] observe and query should rather [4] send [it to ...?]. All these deeds [5] are external deed[s] for the [official] <i>chuiguan</i> . If [...]" [0] " <i>Yuu gon</i> , volume two, fifteen". [4, p. 5]

Реконструкция названия главы и поиск исходного документа

Н. Ц. Мункуев отмечал, что предлагаемый им перевод – приближенный, поскольку фрагмент очень краткий и содержимое фраз или обрывков фраз во многих случаях невозможно понять вне контекста [5, р. 349]. Однако не подлежит сомнению, что сохранившийся фрагмент затрагивает круг задач так называемых *туй-гуаней*³. Отметив этот важный момент, обратимся к колонтитулу обсуждаемого текста. Оба исследователя указывают, что в строке [0] содержится название главы (*Yuu gon*, часть вторая) и порядковый номер страницы (пятнадцать). В качестве варианта названия главы Н. Ц. Мункуев предлагает *жу-гуань* 入官 (поступление на службу). В комментариях к переводу исследователь также поясняет, что возможен вариант *юй-гуань* 獄官 (тюремная администрация, в переводе Н. Ц. Мункуева – prison warden), однако отказывается от него (как впоследствии выяснится – совершенно напрасно) в пользу *жу-гуань* [5, р. 356]. В связи с этим также уместно отметить, что, по мнению Д. Кара, вариант *жу-гуань* неплох с точки зрения контекста, но вызывает вопросы с точки зрения фонетики того времени [4, р. 5].

Согласно официальной истории «Юань ши»⁴, законодательный сборник «Да Юань тун-чжи» 大元通制 («Всеобщие установления Великой Юань») был составлен во времена правления императора Ин-цзуна⁵

³ *Туй-гуань* 推官, букв. «расследующий чиновник». «Большой китайско-русский словарь» дает следующее толкование термина: чиновник, ведающий судебными делами [6, с. 340], здесь и далее для удобства переводится как «чиновник по судебным вопросам». В *лу* 路 (административная единица в эпоху Юань, на один разряд ниже, чем *шэн* 省 (провинция) [7, гл. 58, с. 1346]) в Управлениях главного администратора (*цзун-гуань* 府 總管府, высший административный орган *лу*) с 1286 г. стали назначать двух чиновников по судебным вопросам, которые занимались исключительно уголовными наказаниями. В областях (*фу* 府) назначали одного чиновника [7, гл. 91, с. 2316, 2317]. Из текста юаньских документов видно, что они занимались проведением следственных мероприятий.

⁴ Юань ши 元史, «История [эпохи] Юань», официальная история империи Юань, включает в себя 210 глав. Составлена в 1370 г., в самом начале эпохи Мин (1368–1644) по приказу императора Тай-цзу 太祖 (Чжу Юань-чжан 朱元璋, 1328–1398, прав. 1368–1398).

⁵ Ин-цзун 英宗 – храмовое имя Шидэбалы (Шо-дэ-ба-ла 碩德八剌, 1302–1323), императора Юань с 1320 по 1323 г.

и состоял из трех основных частей: 1) «Высочайшие указы» (чжао-чжи 詔制), всего 94 статьи; 2) «Постатейно-систематизированные нормы» (тяо-гэ 條格), всего 1151 статья; 3) «Примеры [судебных] решений» (дуань-ли 斷例), всего 717 статей [7, гл. 102, с. 2603–2604]. До наших дней сохранилась лишь неполная часть *тяо-гэ* данного сборника (653 статьи), опубликованная в 1930 г. под названием «Тун-чжи тяо-гэ» 通制條格 («Постатейно-систематизированные нормы из Всеобщих установлений»). Как было показано автором в одной из предыдущих работ, по своей сути данная часть представляет собой свод законов категории *лин* 令, т. е. общеобязательных предписаний⁶. Общая схема подобного свода была определена еще в эпоху Тан⁷ и, так как по этому же принципу выстроен последний юаньский законодательный сборник «Чжи-чжэн тяо-гэ»⁸, можно сделать вывод, что она продержалась как минимум до конца эпохи Юань (1271–1368) [8].

Поскольку текст рассматриваемого фрагмента затрагивает круг задач чиновников по судебным вопросам, то исходный китайский документ явно должен был находиться не среди документов частей «Высочайшие указы» и «Примеры [судебных] решений», а среди регулировавших деятельность администрации предписаний, т. е. в части «Постатейно-систематизированные нормы». В связи с этим важно отметить, что среди глав «стандартного» свода законов категории *лин* имеется глава под названием *юй-гуань* 獄官 (тюремная администрация) [9, с. 689], что прекрасно согласуется с одной из приведенных выше версий Н. Ц. Мункуева относительно трактовки транскрипции *Yuu gon*, от которой он, к сожалению, отказался.

Одноименная глава в составе «Да Юань тун-чжи» не сохранилась, в обнаруженной и опубликованной под названием «Тун-чжи тяо-гэ» части данного памятника ее нет. К счастью, в 2002 г. в Южной Корее была найдена часть памятника «Чжи-чжэн тяо-гэ», сохранившиеся главы 33 и 34 которого как раз носят искомое название *юй-гуань*. «Чжи-чжэн тяо-гэ» вышел на смену устаревшему «Да Юань тун-чжи», и в него вошли не только новые документы, но и уже входившие в прежний

⁶ Законы *лин* 令, или «предписания», не устанавливали меру наказания за преступления, а содержали различные общественные нормы и регулировали деятельность администрации.

⁷ Хотя танские *лины* не дошли до нас в изначальном виде, часть из них была реконструирована японским исследователем Ниидо Нобору (仁井田陞, 1904–1966) и опубликована в 1933 г. в его труде 唐令拾遺 (Tōrei Shūi, «Танские [законы категории] *лин*: восполнение утраченного [текста] посредством сбора цитат»).

⁸ Чжи-чжэн тяо-гэ 至正條格, «Постатейно-систематизированные нормы [периода правления] Чжи-чжэн», имеется в виду обнаруженная в Южной Корее в 2002 г. часть памятника, обнаруженного в 1346 г. во время правления императора Хуэй-цзуна 惠宗 (Тогон-Тэмур (То-хуань-те-му-эр 妥懽帖睦爾), 1320–1370, прав. 1333–1370).

сборник и не потерявшие своей актуальности к моменту составления нового (подробнее об этом см.: [8]). Поэтому документы, выпущенные до обнародования «Да Юань тун-чжи» в 1323 г. и вошедшие в главы 33 и 34 «Чжи-чжэн тяо-гэ», явно содержались также в утерянной части «Да Юань тун-чжи».

При поиске нужного текста автор с определенной оговоркой имеет в виду предлагаемые Н. Ц. Мункуевым и Д. Кара варианты перевода, при этом опирается на приведенные в тексте фрагмента маркеры – глоссы. Таким образом, ставится цель найти отрывок, в котором упоминаются обязанности чиновников по судебным вопросам (*туй-гуань* 推官), предыдущая фраза должна содержать знак *чжоу* 州, а следующая фраза должна начинаться с «если / ежели». Такой отрывок, к счастью, всего один: 如就州縣審理, 尤宜究心. 此皆推官之責也. 若 [10, с. 142]. «Например, когда [подведомственные] округа и уезды проводят судебные разбирательства, еще более надлежит расследовать с особым тщанием. Это все – обязанности чиновников по судебным вопросам. Ежели...». Содержащий данный отрывок документ датирован 1303 г., т. е. должен был попасть в свое время в «Да Юань тун-чжи», а в «Чжи-чжэн тяо-гэ» он находится в главе 34, т. е. последней (*ся* 下) из двух глав данного раздела *юй-гуань* 獄官 (тюремная администрация).

Текст исходного китайского документа и его перевод

Ниже приводится полный китайский текст данного документа и его комментированный перевод, сделанный автором:

推官理獄

大德七年八月, 御史臺呈: 「切惟: 聖朝以恤刑為心, 路府添設推官, 專問獄訟. 其餘府事, 並不僉押, 亦無差占. 近年通署府事, 既分辨庶務, 日積月累, 囚徒滋多, 有專設之名, 不得守職. 」都省議得: 「推鞠刑獄, 大與其它庶務不同. 諸囚事發之源, 起自巡尉. 司縣官吏, 公明廉正者, 固亦有之. 然推問之術, 少得其要. 況雜進之人十有八九, 不能洞察事情, 專尚箠楚, 期於獄成而已. 甚至受賂枉法, 變亂是非, 顛倒輕重. 欲使獄無枉濫, 其可得乎? 兼囚徒所犯, 小則決刺徒流, 大則人命所繫, 不加詳審, 害政實深. 事既到路, 推官應須先自細看文案, 披詳詞理, 察言觀色, 庶得其情. 且古者察獄之官, 先備五聽. 如就州縣審理, 尤宜究心. 此皆推官之責也. 若差調奪於外, 餘事擾其中, 雖欲留情獄事, 不可得矣. 今擬: 路府推官仍舊專管刑獄, 通署刑名追會文字, 其餘事務並不僉押. 諸官府亦不得差占. 凡有罪囚, 推官先行窮問實情, 須待獄成, 同審圓署. 事須加刑, 與同職官圓問. 掌管刑名司吏, 聽推官於見役人吏內選擇, 具姓名申報, 廉訪司照驗, 同僚官不得阻當移換. 路府長官通行提調, 長司. 首領官主管文案, 合追會者, 常加檢舉. 違者許推官直申省部, 仍令各道廉訪司嚴行究治. 若推官承差, 不申上司, 輒離本職者, 亦行治罪. 其巡按官, 取具平反冤抑, 并在禁淹延輕重起數, 行移本路, 候推官任滿, 解由內開寫, 以憑考其殿最, 約量陞降. 」 [10, с. 142].

Чиновники по судебным вопросам ведают судебными решениями

8-й месяц 7-го года [правления под девизом] *Да-дэ* (12.09.–10.10.1303), Цензорат⁹ доложил: «[По нашему] покорному мнению, совершенно-мудрая [царствующая] династия полагает бережное [отношение в применении] наказаний [своей главной] заботой, *лу* [и] области дополнительно учреждают [должности] чиновников по судебным вопросам исключительно для ведения допросов и судебных дел. За прочие официальные дела [они] совершенно не [должны] нести ответственность¹⁰ [и] также не [должны] отправляться с поручениями. [Однако] в последние годы [они стали] совместно подписывать официальные дела [и] уже [им в учреждениях] выделены различные обязанности. [Между тем] дни накапливаются, месяцы следуют один за другим, заключенные¹¹ растут числом, имеются специально подготовленные [для этих дел] люди, [но им] не дозволено исполнять [свои прямые] обязанности». Столичный секретариат¹² обсудил и пришел к выводу: «Допросы [и] уголовные наказания сильно отличаются в сравнении с прочими различными обязанностями. Источник раскрытия преступлений, [совершенных] заключенными, берет начало от [начальников] Патрульно-контрольного управления и начальников уездной] охраны¹³. [Что касается] чиновников и делопроизво-

⁹ *Юй-ши-тай* 御史臺, Цензорат. Данное учреждение занималось выявлением случаев нарушения законов, неисполнения императорских указов, неправомерного использования полномочий, притеснений населения, а также некомпетентности или коррупции чиновников. Цензорат имел возможность прямого контакта с императором. При монголах Цензорат был учрежден в 1268 г. в Даду (大都, букв. «Великая столица», располагалась в районе современного Пекина). Также были учреждены Передвижные цензораты (*син юй-ши-тай* 行御史臺): Южный (*нань-тай* 南臺) в Цзяннани и Западный (*си-тай* 西臺) в Шэньси. Подробнее см.: [7, гл. 86, с. 2177–2178; 11, р. 241–245; 12].

¹⁰ Здесь в документе стоит *бин-бу цянь-я* 並不僉押, «совершенно не подписываются (не ставят подпись)», т. е. не несут ответственности, отсюда перевод.

¹¹ Уголовное законодательство не подразумевало наказания в виде лишения свободы с отбыванием срока в тюрьме. «Управление тюремной системой в период Юань и во времена правления предыдущих династий было различным. Поскольку наказания ссылкой и высылкой при династии Юань делали акцент на использовании труда, функция тюрьмы заключалась не в том, чтобы лишить правонарушителя свободы как таковой, а скорее в том, чтобы поместить подозреваемого под стражу до или во время суда, или задержать осужденного до окончательного вынесения приговора» [13, р. 73]. Таким образом, юаньская тюрьма скорее соответствовала современному следственному изолятору.

¹² *Ду-шэн* 都省, «столичный шэн», здесь подразумевается *чжун-шу шэн* 中書省, т. е. Центральный секретариат. В рассматриваемое время являлся высшим административным органом империи, подробнее см.: [7, гл. 85, с. 2120–2123; 11, р. 169–175].

¹³ *Сюнь-вэй* 巡尉 – собирательный термин, под которым понимаются входившие в уездную администрацию начальник Патрульно-контрольного управления или патрулирующий инспектор (*сюнь-цзянь* 巡檢) и начальник уездной охраны (*сянь-вэй* 縣尉) [14, с. 565–566, прим. 1]. Патрульно-контрольные управления (*сюнь-цзянь сы* 巡檢司) создавались в уездах для обхода территории и поимки злодеев [7, гл. 91, с. 2318; гл. 101, с. 2594].

дителей [лу-ши] сы и уездов¹⁴, [то среди них], несомненно, также имеются беспристрастные и честные. [Однако] методы справедливого ведения расследования редко становятся их стремлением. Что же тогда говорить о людях, которых без разбора берут на службу, из десяти [человек которых] – восемь-девять не способны разобраться в обстоятельствах преступления, только лишь чтут наказание батогами¹⁵, желают [лишь, чтобы] судебное дело [скорее] завершилось, только и всего. Дело доходит до того, что [они] получают взятки с [последующим] извращением закона¹⁶, приводят в хаотическое состояние правду и ложь, меняют местами незначительные и тяжелые [преступления]. Стремление сделать так, что судебное решение не будет извращать [закон] и злоупотреблять

¹⁴ Сы-сянь 司縣. Первый знак данного собирательного термина представляет собой сокращение от лу-ши сы 錄事司, что можно трактовать как «Управление по регистрации [населения]». Данные управления начиная с 1261 г. создавались в административных центрах таких единиц, как лу и фу, и занимались делами городского населения [7, гл. 91, с. 2317]. Д. Фаркуар переводит название учреждения как *Municipal Affairs Office*, т. е. «Управление по городским делам», поясняя, что оно занималось подробной регистрацией населения и исполняло многочисленные полицейские функции [11, р. 416]. Второй знак обозначает младшую административную единицу при Юань – уезд (сянь 縣). В уездах, в которых размещалась администрация лу или фу, отведенный для лу-ши сы район находился под непосредственным управлением этого лу или фу, а не данного конкретного уезда. Таким образом, сы-сянь – это общее наименование лу-ши сы и уездов, подробнее см.: [13, р. 70].

¹⁵ Чуй-чу 箠楚, наказание поркой батогами. Батоги – палки для телесных наказаний, изготовлялись из ветвей прутья китайского (*лат.* *Vitex negundo*). Различали тонкие батоги (чи 笞), толстые батоги (чжан 杖) и батоги для дознания (сюнь-чжан 訊杖). Тонкие батоги: диаметр толстого конца – 2 фэнь 7 ли (0,918 см), диаметр тонкого конца – 1 фэнь 7 ли (0,578 см). Толстые батоги: диаметр толстого конца – 3 фэнь 2 ли (1,088 см), диаметр тонкого конца – 2 фэнь 2 ли (0,748 см). Батоги для дознания: диаметр толстого конца – 4 фэнь 5 ли (1,53 см), диаметр тонкого конца – 3 фэнь 5 ли (1,19 см), длина – 3 чи 5 цунь (119 см). С веток стесывались сучки, не допускалось склеивать батоги вместе. Батоги использовались тонким концом, при порке тонкими или толстыми батогами ударам подвергались ягодицы наказуемого. При проведении допроса под пыткой ударам подвергались ягодицы и бедра [10, с. 146]. Традиционная для императорского Китая система пяти видов наказаний у син 五刑 включала в себя порку тонкими батогами (пять степеней: 10, 20, 30, 40, 50 ударов), порку толстыми батогами (пять степеней: 60, 70, 80, 90, 100 ударов), временную высылку на принудительные работы (пять степеней: 1 год, 1,5 года, 2 года, 2,5 года, 3 года, сопровождавшиеся соответственно 60, 70, 80, 90, 100 ударами толстыми батогами), вечную ссылку (три степени: на 2000 ли (ок. 1100 км), 2500 ли, 3000 ли), казнь (два вида: удавление, обезглавливание). Во времена правления монголов в Китае количество ударов в каждой степени наказания поркой было уменьшено на три, а порка тонкими батогами стала насчитывать шесть степеней. Другими словами, порка тонкими батогами имела степени: 7, 17, 27, 37, 47, 57 ударов, а порка толстыми батогами – следующие степени: 67, 77, 87, 97, 107 ударов. Исследователь юаньского права П. Чэнь полагал, что причиной тому мог служить тот факт, что монголы отдавали предпочтение нечетным числам [13, р. 49–50].

¹⁶ Под извращением закона (*ван-фа 枉法*) понимается нарушение закона в пользу взяткодателя.

[наказаниями] – можно ли этого добиться? Вместе с тем, [что касается] совершенного заключенным преступления, [если оно] незначительное, то [следует] выносить решение о клеймении¹⁷, высылке¹⁸ [или] ссылке¹⁹, [если] серьезное, то [выносить решение], связанное с человеческой жизнью (т. е. решение о смертной казни. – С. С.). Без проведения тщательного расследования – ущерб делам управления [будет нанесен] действительно сильный. [Когда] дело поступает в *лу*, чиновникам по судебным вопросам следует прежде всего самим подробно рассмотреть документацию, провести тщательную сверку доводов, прислушиваться к речам и вглядываться в выражение лица [допрашиваемого], только в этом случае можно [понять] его искренность. Ведь и в древности чиновники, [ведающие] судебными разбирательствами, прежде всего имели наготове пять способов проверки правдивости [показаний]²⁰. Например, когда [подве-

¹⁷ В данном месте в тексте стоит знак *ла* 刺, однако это ошибка переписчика либо опечатка редакторов современного издания, и здесь следует читать знак *цы* 刺, т. е. клеймить, татуировать. Рассматриваемый документ также содержится в «Юань дьянь-чжан», и в данном месте стоит иероглиф *цы* 刺 [15, с. 1375]. В юаньский период лица, совершившие кражу или грабёж, в дополнение к полагающемуся основному наказанию в зависимости от тяжести преступления подлежали татуированию (*цы-цы* 刺字) на руке или шее. Далее они ставились на особый учет и в течение определенного срока должны были помогать в поимке преступников. Следует специально отметить, что татуирование не распространялось на женщин, а также на монголов и западных инородцев различных национальностей (*сэ-му жэнь* 色目人, букв. «люди разных мастей»), подробнее, см.: [7, гл. 38, с. 823; гл. 104, с. 2656; 13, р. 63–64, 66–67, 82–83]. То, что преступников-китайцев в отличие от монголов и выходцев из Западного края подвергали татуированию, традиционно приводится в качестве аргумента, подтверждающего дискриминацию покоренного китайского населения. Однако несмотря на то что сам факт дискриминации не вызывает сомнений, татуирование вряд ли в данном случае может являться серьезным доводом, поскольку в Китае данный вид наказания, в отличие от Монголии и Средней Азии, применялся с давних времен.

¹⁸ *Ту* 徒 – временная высылка на принудительные работы. Один из традиционных пяти видов наказаний (*у син* 五刑). Во времена Юань различали пять степеней данного наказания, каждая из которых, кроме собственно высылки, включала в себя также порку толстыми батогами: один год и 67 ударов, полтора года и 77 ударов, два года и 87 ударов, два с половиной года и 97 ударов, три года и 107 ударов [7, гл. 102, с. 2605].

¹⁹ *Лю* 流 – вечная (пожизненная) ссылка. Один из традиционных пяти видов наказаний (*у син* 五刑). При Юань южан обычно ссылали в Ляоян 遼陽 (территории на западе доходили до рек Луаньхэ, Ляохэ, Нэньцзян, на востоке до Охотского и Японского морей, на севере до Станового хребта, на юге до северо-восточной части Кореи) и более северные территории, а северян ссылали в Хугуан 湖廣 (территории современных провинций Хунань, Хубэй (частично), Гуанси, Гуандун (частично), Гуйчжоу) [7, гл. 102, с. 2604–2605].

²⁰ *У-тин* 五聽, пять способов проверки правдивости показаний, сформулированные еще в древнем памятнике «Чжоу ли» («Чжоуские ритуалы», 周禮): вникать в показания допрашиваемого (*цы-тин* 辭聽), проверять правдивость показаний по выражению и цвету лица (*сэ-тин* 色聽), следить за дыханием допрашиваемого (*ци-тин* 氣聽), следить за тем, как допрашиваемый слушает и реагирует на слова (*эр-тин* 耳聽), следить за выражением глаз допрашиваемого (*му-тин* 目聽) [16; 17, р. 315–316, п. 3].

домственные] округа и уезды проводят судебные разбирательства, еще более надлежит расследовать с особым тщанием. Это все – обязанности чиновников по судебным вопросам. Ежели [их постоянно] направляют [для] вынесения решений за пределы [подведомственной территории, либо] посторонними делами беспокоят внутри этих [пределов, то] пусть [они] даже и хотят обратить [свое] внимание на судебные дела, [то все равно] не могут [заняться ими]! Настоящим предлагаем: “Чиновники по судебным вопросам лу [и] областей по-прежнему ведают исключительно [уголовными] наказаниями, совместно подписывают официальные документы [относительно] расследования [и] мер наказания, за посторонние дела [они] совершенно не несут ответственности, начальству также не разрешается отправлять [их] с поручениями. Всякий раз, когда имеются заключенные, чиновники по судебным вопросам прежде всего направляются [для] проведения допроса и выяснения фактических обстоятельств [дела], обязательно дожидаются завершения суда, совместно проводят следствие [и] вместе²¹ подписывают [протоколы. Если по данному] делу требуется подвергнуть [заключенного допросу под] пыткой, вместе с сослуживцами проводят допрос. [Что касается] ведающих мерами наказания делопроизводителей, разрешить чиновникам по судебным вопросам производить отбор из числа служащих в настоящее время писарями, письменно сообщить фамилии [и] имена, подать рапортом, Управлениям ревизоров²² провести проверку, чиновникам-сослуживцам не разрешается препятствовать [их] перемещению. Начальники администрации лу [и] областей осуществляют общее руководство, начальники присутствий [и] старшие письмоводители²³ заведуют [канцелярскими] делами, [в отношении] тех [дел], по которым следует проводить расследование, [надлежит] постоянно усиливать

²¹ Букв. «всем кругом [присутствующих лиц]». Поскольку все вопросы обычно решались коллегиально во время проведения совещаний (*юань-цзо* 圓座, букв. «салятся в круг», т. е. проводят совещание), то знак *юань* 圓 в данном выражении следует понимать как «совместно», «вместе», см.: [12, р. 157, п. 5].

²² *Лянь-фан сы* 廉訪司, сокращение от *су-чжэн лянь-фан сы* 肅政廉訪司, букв. «Управление ревизоров [для обеспечения морально] чистого управления». Поскольку подобный перевод выглядит неуклюже, был выбран чуть более благозвучный вариант: Управление ревизоров для приведения в порядок администрации. Данные учреждения являлись подразделениями Цензората и каждое из них имело юрисдикцию в пределах своего цензорского округа (см. прим. 24). Их задачей являлся контроль за деятельностью местного чиновничества. В англоязычной научной литературе обычно упоминаются под именем Surveillance Commission, т. е. надзорная комиссия.

²³ *Шоу-лин гуань* 首領官. Н. П. Свистунова переводит термин как «старшие канцелярские чиновники» [18, с. 65–67]. Изучению данного понятия уделено место в монографии Э. Эндикотт-Вест, которая переводит его как “document routers” [19, p. 54, 115–118]. Наиболее близкий по смыслу эквивалент в русском языке – «старший письмоводитель», который и использован в предлагаемом переводе.

проверку и изобличение. [В отношении] нарушивших, позволить чиновникам по судебным вопросам подавать рапорт напрямую Секретариату [и] Ведомствам, по-прежнему велеть Управлениям ревизоров во всех цензорских округах²⁴ со всей строгостью привлекать [виновных] к ответственности. Если [есть] те, кто посылает чиновников по судебным вопросам [с различными поручениями], не подавая рапорт начальству, самовластно отстраняет [их] от основных служебных обязанностей, [то таких] также подвергнуть наказанию. Что касается чиновников, совершающих инспекционные объезды²⁵, [то они] выбирают и письменно подготавливают [сводку по] количеству судебных дел несправедливо обиженных, [в отношении которых надлежит] исправить судебную ошибку, и по количеству дел находящихся под арестом как за незначительные, так и за тяжелые [преступления, по которым рассмотрение] задержано, [о чем] отправляют уведомление [администрации] данного лу. К тому времени, когда истечет срок службы [данного] чиновника по судебным вопросам, [в его] свидетельство о сложении должности²⁶ делается подробная запись, чтобы на основании [ее] определить последних и первых (т. е. худших и лучших. – С. С.), [чтобы] соразмерно [успехам и неудачам] увольнять [одних] и продвигать [других]”».

Заключение

На сегодняшний момент можно с уверенностью утверждать, что рассматриваемый фрагмент ксилографа является частью монгольского

²⁴ Дао 道, название особой административно-территориальной единицы на один разряд ниже, чем шэн 省 (провинция). Здесь и далее переводится как цензорский округ.

²⁵ Сюнь-ань гуань 巡按官, букв. «чиновники, совершающие инспекционный объезд». Чиновники Управления ревизоров (лянь-фан сы) были обязаны проводить инспекционные поездки, которые обычно начинались в середине 8-го лунного месяца. В пределах своей юрисдикции каждый чиновник учреждал так называемое [местное] отделение Управления ревизоров (лянь-фан фэнь сы 廉訪分司), откуда он и совершал проверки учреждений. Даже если чиновник справлялся со своей работой до установленного срока (середина 4-го лунного месяца следующего года), он был обязан оставаться в местном отделении до этого времени, подробнее см.: [16; 15, с. 174; 12, р. 5–6, 88].

²⁶ Присутствие заводило на каждого чиновника документ, в котором фиксировались детали прохождения им службы на данном посту. По истечении трехлетнего срока пребывания в должности чиновник должен был проходить очередную переаттестацию, при которой учитывались сведения, указанные в данном документе, который носил название цзе-ю 解由. Стандартная форма цзе-ю описана в «Юань дэнь-чжан» [15, с. 397–401], перевод см.: [17, р. 98–103]. Что касается буквального толкования термина, то в «Ли-сюэ чжи-нань» сказано следующее: 考滿職除曰解, 歷其殿最曰由 [16]. «Цзе – означает истечение срока службы и отстранение от должности [чиновника], а ю – история его упущений и достижений». В англоязычной исследовательской литературе термин цзе-ю 解由 обычно описательно переводится как “certificate of discharge”, см., например: [13, р. 116, n. 28], отсюда перевод как «свидетельство о сложении должности».

перевода приведенного выше китайского текста²⁷. Данный оригинальный китайский документ с некоторыми незначительными текстуальными отличиями содержится в «Юань дянь-чжан», в «Чжи-чжэн тяо-гэ» и, как было показано, он явно должен был войти в свое время в «Да Юань тун-чжи». Следует отметить, что на момент проведения исследования Н. Ц. Мункуев мог располагать лишь версией данного документа, сохранившейся в полностью дошедшем до нас сборнике «Юань дянь-чжан», однако полвека назад подобный поиск представлял собой гораздо более сложную задачу. Кроме того, «Юань дянь-чжан» был выпущен по инициативе местных властей в Цзянси и в общем имеет полуофициальный статус и совершенно отличную от обоих других вышеуказанных памятников структуру, при этом в нем вообще нет требуемого раздела *юй-гуань* 獄官 (тюремная администрация), чье название удалось уточнить выше.

Наиболее вероятно, что перед нами – фрагмент перевода именно «Да Юань тун-чжи», поскольку о переводе данного сборника на монгольский язык в сообщении за 1324 г. упоминает официальная история «Юань ши» [7, гл. 29, с. 643], а сведениями о существовании перевода «Чжи-чжэн тяо-гэ» мы не располагаем. Данный раздел «Да Юань тун-чжи» не дошел до наших дней, тем не менее, исходя из рассмотренных прежде структуры памятника, а также номеров и названий сохранившихся глав [8], наиболее вероятно, что он представлял собой две последовательные главы из диапазона номеров 23–26.

Таким образом, сделанное более полвека назад Н. Ц. Мункуевым блестящее предположение смогло с некоторыми уточнениями в итоге получить заслуженное подтверждение.

²⁷ Пользуясь случаем, автор выражает признательность к. и. н. П. О. Рыкину (Институт лингвистических исследований РАН, СПб.), который любезно ознакомился с черновым вариантом данной статьи и отметил, что отождествление китайского текста не вызывает возражений. Относительно использования китайского оригинала для возможного уточнения переводов фрагмента, сделанных Н. Ц. Мункуевым и Д. Кара, П. О. Рыкин сообщил, что ввиду особенностей китайско-монгольских двуязычных текстов вряд ли стоит ожидать от обнаруженного китайского оригинала серьезных подсказок в понимании монгольского перевода, тем более для такого краткого и отрывочного фрагмента, поэтому каких-то поправок и дополнений к указанным переводам у него нет. Что касается слова, которое Н. Ц. Мункуев читает как *daran*, а Д. Кара как TWR[...], то оно действительно плохо читается, поскольку в этом месте по листу проходит обрыв. Также автор выражает признательность анонимному рецензенту, сделавшему на стадии рецензирования настоящей статьи следующее уточнение: «Правильным следует признать чтение Д. Кары, вторая графема – W. По поводу этого слова: монгольское выражение TWR[...] *küggdekü bui* соответствует китайскому 究心. Можно предположить, что TWR[...] читается как *duran* (= 心). Ср.: Taube, *Die Mongolica Der Berliner Turfansammlung*, с. 80: “12r8 *duran*: Die altere Bedeutung “Herz, Gemüt”...” Факсимиле: Haenisch, *Der Berliner Turfan-Sammlung I*, 158r8».

Литература

1. Сазыкин А. Г. *Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Российской академии наук*. Т. III. Отв. ред. Д. Кара. М.: Восточная литература; 2003. 280 с.
2. Козлов П. К. *Монголия и Амдо и мертвый город Хара-хото. Экспедиция Русского географического общества в Нагорной Азии П. К. Козлова, почетного члена Русского географического общества 1907–1909*. Москва – Петроград: Госиздат; 1923. 678 с.
3. Мункуев Н. Ц. Монгольские документы из Хара-хото. В: Hazai G., Zieme P. (Hrsgb.) *Sprache, Geschichte und Kultur der Altaischen Völker. Protokollband der XII. Tagung der Permanent International Altaistic Conference 1969 in Berlin*. Berlin: Akademie-Verlag; 1974. (Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients, 5). С. 447–450. <https://doi.org/10.1515/9783112320778-064>.
4. Kara G. Mediaeval Mongol Documents from Khara Khoto and East Turkestan in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies. *Manuscripta Orientalia. International Journal for Oriental Manuscript Research*. 2003;9(2):3–40.
5. Munkuev N. Ts. Two Mongolian printed fragments from Khara-khoto. In: Ligeti L. (ed.) *Mongolian Studies*. Budapest: Akadémiai Kiadó; 1970. P. 341–357.
6. *Большой китайско-русский словарь*. Под ред. И. М. Ошанина. Т. 1–4. Т. 2. М.: Наука; 1983. 1100 с.
7. Сун Лянь 宋濂. *Юань ши 元史 (История [эпохи] Юань)*. Пекин: Чжун-хуа шу-цзюй 北京:中華書局; 1976 (переизд. 2005). 4678 с. (На кит. яз.)
8. Сидорович С. В. Последний свод законов империи Юань: история и текст. *Ориенталистика*. 2021;4(3):635–661. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-3-635-661>
9. Ниида Нобору 仁井田陞. *Тан лин ши и 唐令拾遗 (Танские [законы категории] лин: восполнение утраченного [текста] посредством сбора цитат)*. Сост. и пер.: Ли Цзинь 栗劲, Хо Цунь-фу 霍存福, Ван Чжань-тун 王占通, Го Янь-дэ 郭延德. Чанчунь: Чанчунь чу-бань-шэ 长春:长春出版社; 1989. 926 с. (На кит. яз.)
10. Чжи-чжэн тяо-гэ цзяо-чжу бэнь 至正條格校注本 («Постатейно-систематизированные нормы [периода правления] Чжи-чжэн»). *Сверенное и снабженное комментарием издание*. Сеул: Гуманист 서울:인본주의 자; 2007. 490 с. (На кор. и кит. яз.)
11. Farquhar D. M. *The Government of China under Mongolian rule: a reference guide*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag; 1990. 594 p.
12. Hung Chin-fu. *The Censorial System of Yüan China*. (Ph. D. Dissertation, Harvard University). Cambridge, Massachusetts; 1982. 257 p.
13. Ch'en Paul Heng-chao. *Chinese Legal Tradition under the Mongols: The Code of 1291 as Reconstructed*. Princeton–New Jersey: Princeton University Press; 1979. 205 p.
14. Тун-чжи тяо-гэ цзяо-чжу 通制條格校注 (Сверенные и снабженные комментарием «Постатейно-систематизированные нормы из Всеобщих установлений»). Сверка и комментарии: Фан Лин-гуй 方齡貴. Пекин: Чжун-хуа шу-цзюй 北京:中華書局; 2001. 744 с. (На кит. яз.)

15. Юань дьянь-чжан 元典章 (*Уложение Юань*). Сверка и разметка текста: Чэнь Гао-хуа 陳高華 и др. Пекин: Чжун-хуа шу-цзюй 北京:中華書局; 2011. 2490 с. (На кит. яз.)
16. Сюй Юань-жуй 徐元瑞. *Ли-сюэ чжи-нань 吏學指南 (Руководство по изучению бюрократии)*. – URL: <https://zh.wikisource.org/zh/吏學指南> (На кит. яз.)
17. Ratchnevsky P. *Un Code des Yuan*. Т. 1. Paris: Institut des Hautes Études Chinoises; 1937 (réimpression 1985). 349 p.
18. *Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли)*. Пер. с кит. Н. П. Свистуновой. Ч. I. М.: Восточная литература; 1997. 573 с.
19. Endicott-West E. *Mongolian Rule in China: Local Administration in the Yuan Dynasty*. Harvard-Yenching Institute Monograph Series 29. Cambridge (Mass.) and London: Harvard University Press; 1989. 217 p.

References

1. Sazykin A. G. *Catalogue of the Mongol Manuscripts and Xylographs of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences*. Vol. III. Ed. G. Kara. Moscow: Vostochnaya literatura; 2003. 280 p. (In Russ.)
2. Kozlov P. K. *Mongolia and Amdo and the Dead City of Khara-khoto. Expedition of the Russian Geographical Society in Mountainous Asia of P. K. Kozlov, Honorary Member of the Russian Geographical Society, of 1907–1909*. Moscow–Petrograd: Gosizdat (State Publishing House); 1923. 678 p. (In Russ.)
3. Munkuyev N. Ts. Mongol'skie dokumenty iz Khara-khoto (Mongolian documents from Khara-Khoto). In: Hazai G., Zieme P. (Hrsgb.) *Sprache, Geschichte und Kultur der Altaischen Völker. Protokollband der XII. Tagung der Permanent International Altaistic Conference 1969 in Berlin*. Berlin: Akademie-Verlag; 1974. (Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients, 5). S. 447–450. <https://doi.org/10.1515/9783112320778-064>. (In Russ.)
4. Kara G. Mediaeval Mongol Documents from Khara Khoto and East Turkestan in the St. Petersburg Branch of the Institute of Oriental Studies. *Manuscripta Orientalia. International Journal for Oriental Manuscript Research*. 2003;9(2):3–40.
5. Munkuyev N. Ts. Two Mongolian printed fragments from Khara-Khoto. In: Ligeti L. (ed.) *Mongolian Studies*. Budapest: Akadémiai Kiadó; 1970, pp. 341–357
6. Oshanin I. M. (ed.) *Comprehensive Chinese-Russian Dictionary*. Vol. 1–4. Vol. 2. Moscow: Nauka; 1983. 1100 p.
7. Song Lian 宋濂. *Yuan shi 元史 (History of the Yuan [Dynasty])*. Beijing: Zhonghua shu-ju 北京:中華書局; 1976 (reprint 2005). 4678 p. (In Chin.)
8. Sidorovich S. V. The last Legal Code of the Yuan Empire: History and Text. *Orientalistica*. 2021;4(3):635–661. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-3-635-661>
9. NIIDA Noboru 仁井田陞. *Tang ling shi yi 唐令拾遺 (Tang statutes: reconstruction of omissions by gathering of citations)*. Ed. and transl. by Li Jin 栗劲, Huo Cun-fu 霍存福, Wang Zhan-tong 王占通, Guo Yan-de 郭延德. Changchun: Changchun chu-ban-shе 长春: 长春出版社; 1989. 926 p. (In Chin.)

HISTORY OF THE EAST

Sidorovich S. V. On the Printed Fragment in Classical Mongolian Script from...
Orientalistica. 2020;4(5):1183–1198

10. *Zhi-zheng tiao-ge jiao-zhu ben* 至正條格校注本 (*Itemized Regulations of the Zhi-zheng [era]*). Checked and annotated edition). Seoul: Humanist 서울: 인본주의 자; 2007. 490 p. (In Kor. and Chin.)
11. Farquhar D. M. *The Government of China under Mongolian rule: a reference guide*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag; 1990. 594 p.
12. Hung Chin-fu. *The Censorial System of Yüan China*. (Ph. D. Dissertation, Harvard University), Cambridge, Massachusetts; 1982. 257 p.
13. Ch'en Paul Heng-chao. *Chinese Legal Tradition under the Mongols: The Code of 1291 as Reconstructed*. Princeton–New Jersey: Princeton University Press; 1979. 205 p.
14. *Tong-zhi tiao-ge jiao-zhu* 通制條格校注 (Checked and annotated *“Itemized Regulations from Comprehensive Institutions”*). Checked and annotated by Fang Ling-gui 方齡貴. Beijing: Zhong-hua shu-ju 北京: 中華書局; 2001. 744 p. (In Chin.)
15. *Yuan dian-zhang* 元典章 (*Institutions of Yuan*). Checked and punctuated by: Chen Gao-hua 陳高華 et al. Beijing: Zhong-hua shu-ju 北京: 中華書局; 2011. 2490 p. (In Chin.)
16. Xu Yuan-rui 徐元瑞. *Li-xue zhi-nan* 吏學指南 (*Guidance to the Studies of a Bureaucracy*). – URL: <https://zh.wikisource.org/zh/吏學指南> (In Chin.)
17. Ratchnevsky P. *Un Code des Yuan*. Vol. 1. Paris: Institut des Hautes Études Chinoises; 1937 (réimpression 1985). 349 p.
18. Svistunova N. P. (ed. and transl. from Chin.) *Laws of the Great Ming Dynasty with the Consolidated Commentary and Application Regulations (Da Ming lü ji jie fu li)*. Vol. I. Moscow: Vostochnaya literatura; 1997. 573 p. (In Russ.)
19. Endicott-West E. *Mongolian Rule in China: Local Administration in the Yuan Dynasty*. Harvard-Yenching Institute Monograph Series 29. Cambridge (Mass.) and London: Harvard University Press; 1989. 217 p.

Информация об авторе

Сидорович Сергей Владимирович – независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия; <https://orcid.org/0000-0002-7817-4890>, e-mail: sscc@zmail.ru

Information about the author

Sergey V. Sidorovich – independent researcher, St. Petersburg, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-7817-4890>, e-mail: sscc@zmail.ru

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14 сентября 2021
Одобрена после рецензирования: 29 октября 2021
Принята к публикации: 09 ноября 2021
Опубликована: 27 декабря 2021

Article info

Submitted: September 03, 2021
Approved after peer reviewing: October 29, 2021
Accepted for publication: November 09, 2021
Published: December 27, 2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

HISTORY OF THE EAST

Historiography, source critical studies, historical research methods

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья

Исторические науки

УДК 930.2(26=03.411.16=161.1)«15»

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1199-1218>

Пинкасы – записные книжки и пинкасы – книги записей: эволюция и структурно-композиционное оформление

Евгения Дмитриевна Зарубина

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия, evgeniya.zarubina93@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7520-4281>

Аннотация. Книги записей (пинкас) являются одними из самых ценных источников для изучения истории еврейских общинных институтов вплоть до XX в. и содержат разнообразные сведения об их повседневном функционировании. В научных контекстах с помощью слова «пинкас» обозначают не только общинные книги записей и книги записей внутриобщинных объединений, но и личные книги записей. Статья исследует эволюцию этой категории источников, развитие которой прослеживается от личных книг записей, датируемых по меньшей мере XI в., до общинных пинкасов и книг записей внутриобщинных объединений на примере двенадцати рукописей преимущественно европейского происхождения, дополненных несколькими восточными документами. Процесс развития подобных документов рассматривается путем анализа внутренней структуры и композиции рукописей. Особое внимание уделяется методам, использовавшимся для выражения этой структуры на кодикологическом и палеографическом уровнях. Собранные сведения позволяют предположить, что в начале Нового времени в ответ на запрос быстро развивающихся общинных институтов некоторые из книг записей были перемещены из приватной в публичную сферу. Поскольку общинные пинкасы должны были отвечать потребностям расширившейся аудитории различного происхождения, их структура стала более единообразной по сравнению с личными книгами записей; также начали использоваться приемы навигации (например, записи на полях). Итальянские общинные книги записей раннего Нового времени представляются самыми структурированными.

Ключевые слова: пинкас; книга записей; рукописи; итальянские пинкасы; кодикология

Благодарности: автор благодарит С. В. Лахути за замечания к черновику данной статьи; анонимного рецензента «Ориенталистики» за комментарии.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Зарубина Е. Д. Пинкасы – записные книжки и пинкасы – книги записей: эволюция и структурно-композиционное оформление. *Ориенталистика*. 2021;4(5):1199–1218. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1199-1218>.

Original article

History studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-901-928>

Pinkas-notebook and pinkas-register book: evolution, structure, and composition

Evgeniya D. Zarubina

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
evgeniya.zarubina93@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7520-4281>*

Abstract. Minute books (pinkas) constitute one of the most valuable sources for studying the history of the Jewish communal institutions up to the 20th century. They comprise rich and diverse data on the everyday activities of the Jewish people. In the academic language, the word “pinkas” is applied not only to the communal minute books and minute books of the communal bodies but also to private minute books. The article deals with the development of this category of sources which evolved from private minute books dating back to at least the 11th century to the communal ones as well as the minute books of the communal bodies based on the dozen manuscript examples. These are mostly of European origin, however, with a few Eastern additions. This evolution process becomes visible as a result of the analysis of the manuscripts’ internal structure and composition. Special attention is paid to the techniques used to enforce this structure on codicological and paleographic levels. The data at hand suggest that at the beginning of the Modern period some of the minute books were shifted from private to the public domain. This was a response to the demand from the rapidly evolving communal institutions. To suit the widened audience of varying backgrounds the communal minute books compared to those for private use adopted a more uniform structure as well as with a set of “navigation” or referencing tools, such as captions written on margins. The early modern Italian communal minute books tend to be the most structured ones.

Keywords: pinkas; minute book; manuscripts; Italian minute books; codicology

Acknowledgments: author would like to thank Sofia Lahuti for her remarks on the draft of this paper, and an anonymous reviewer of the *Orientalistica* for their comments.

For citation: Zarubina E. D. Pinkas-notebook and pinkas-register book: evolution, structure, and composition. *Orientalistica*. 2021;4(5):1199–1218. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1199-1218>.

Введение: значение термина «пинкас» и предварительная типология источников данной категории

Слово «пинкас» имеет несколько значений. В современном иврите, согласно словарю Б. Подольского [1], их три: «записная книжка»; «книжка, блокнот»; «книга записей (общины)». Также слово используется в

составе устойчивых словосочетаний, например, «членский билет» (פנקס חבר), «кадастр недвижимости» (פנקס מקרקעין) и так далее. Считается, что слово происходит от греческого «пинакс», что в переводе означает «доска» [2]. В современном музейном обиходе данный термин применяется не только к предметам из дерева, но и к изделиям из глины, на которые нанесены изображения и знаки (каталог предметов, отнесенных к категории «пинакс», в Британском музее, см.: [3]).

В английском и русском языках, а также в специфических контекстах в иврите (например, в библиотечных каталогах) слово «пинкас» употребляется в своем третьем значении – как термин «книга записей». Этот термин объединяет три типа исторически существовавших «книг записей»: книги записей общины; книги записей внутриобщинного объединения; книги записей отдельного человека.

В самом узком своем значении под «пинкасами» понимаются актовые книги еврейских общин (Электронная еврейская энциклопедия) [2]. В них фиксировался устав того или иного еврейского общинного института, заносилась информация, касавшаяся его функционирования (результаты выборов должностных лиц, описания значимых событий и т. д.). «Энциклопедия иудаика», авторитетное англоязычное издание, дает следующее определение пинкаса: «книга записей независимых еврейских общностей, использовавшаяся преимущественно в Средние века» (перевод мой. – Е. З.) [4, с. 169].

В число социальных институтов, в которых могли вестись пинкасы, входили не только общины в целом (например, еврейская община Рима), которые упоминаются в определении Электронной еврейской энциклопедии, но и внутриобщинные объединения и институты: братства, кассы, общества, суды. Их пинкасы и пинкас еврейской общины соответствующего города, таким образом, существовали одновременно. Как правило, пинкасы общин и внутриобщинных объединений велись на иврите с использованием ивритского алфавита или на иврите и каком-либо местном языке с использованием латинской или арабской графики.

Одновременно и параллельно с книгами записей различных социальных институтов существуют и личные записные книжки. В библиотечных каталогах они обозначаются как, например, «пинкас врача», «пинкас *моэля*», т. е. специалиста по обрезанию, и т. д. Документы всех трех типов в современном англо- и русскоязычном научном обиходе и в некоторых контекстах в современном иврите обозначаются термином «пинкас». Чтобы избежать путаницы, в данной статье индивидуальные записные книжки обозначаются как «личные пинкасы», актовые книги общин – как «общинные пинкасы», а актовые книги внутриобщинных объединений – как «пинкас братства / кассы [...]». Документы всех трех типов представляют собой набор записей. Различаются составитель, характер записей, цель составления, внутренняя структура и оформление рукописи.

Электронная еврейская энциклопедия и «Энциклопедия иудаика» определяют пинкасы преимущественно как актовые книги общин, в то время как личные пинкасы и актовые книги внутриобщинных объединений не выделяются в качестве отдельных типов. Среди примеров в обеих энциклопедиях не упоминаются общинные или иные пинкасы из восточных (в данном случае – неевропейских) еврейских общин, в то время как в неевропейских еврейских сообществах, как будет показано ниже, пинкасы велись. Период, когда составлялись актовые книги, также обозначен достаточно общо. «Энциклопедия иудаика» указывает в качестве такового «Средние века», Электронная еврейская энциклопедия, имея в виду общинные пинкасы, уточняет, что «пинкасы велись главным образом до конца XVIII в. (в Восточной Европе до начала XX в.)» [2]. Личные же пинкасы велись в течение гораздо более продолжительного периода времени, чем Средневековье, существуя по меньшей мере с XI в. Связаны ли общинные пинкасы и пинкасы внутриобщинных объединений с личными пинкасами чем-либо, кроме используемого для их обозначения термина? Если да, то как они соотносятся друг с другом?

Здесь развитие категории «пинкасов» рассматривается как процесс эволюции, в рамках которой личные пинкасы представлены как более ранний этап развития книг записей общин и внутриобщинных объединений. В раннее Новое время в ответ на появившийся запрос на фиксацию событий общинной жизни часть пинкасов переходит в публичную сферу, формируя корпус общинных пинкасов и пинкасов внутриобщинных ассоциаций, братств и касс. Этот переход, означавший и переориентацию на широкий круг читателей (в отличие от индивидуального читателя – составителя личного пинкаса), сопровождается усложнением структурно-композиционного оформления структуры книг записей. Личные книги записей продолжают существовать параллельно публичным, и вместе они составляют единую категорию.

Общинные пинкасы, по выражению И. Барталя, являлись «определяющим текстом досовременной еврейской корпоративной идентичности» [5, с. 22], однако их систематическое исследование сейчас только начинается. По этой причине большинство известных автору пинкасов существует в форме рукописей, а не комментированных изданий. В последние десятилетия были изданы некоторые книги записей [6–7], а также проведено несколько школ и мастер-классов [8], направленных на их изучение, однако эта тема нуждается в дополнительном внимании.

Хронологические рамки существования общинных пинкасов, которые включали бы в себя актовые книги из восточных еврейских общин, пока определены нечетко. В целом их появление относят к XVI в. [9, с. 8; 10, с. 86] и связывают с развитием государственных или квазигосударственных институтов. Если это еврейские общинные институты, то начало ведения пинкасов совпадает с появлением у общин письмен-

ных установлений, регулирующих функции еврейских организаций [10, с. 86]. Если появление пинкасов в еврейском обиходе интерпретируется как заимствование из христианской (преимущественно итальянской и немецкой) практики [9, с. 8], то оно соотносится с развитием европейских христианских государственных институтов.

Работа по выявлению всего корпуса еврейских рукописей из Европы продолжается до настоящего времени (см. о так называемой Итальянской генизе [11]), и можно ожидать, что среди обнаруженных рукописей могут быть найдены и те, что прольют свет на данный вопрос. Что же касается книг записей из неевропейских еврейских общин и личных пинкасов, то они исследованы пока мало.

Книги записей как целых общин (например, книга записей еврейской общины Рима), так и различных внутриобщинных организаций (например, книга записей «Братства соблюдающих утро» из Венеции) представляют собой ценный источник для изучения социально-экономической жизни еврейских сообществ. Документы, относящиеся к этой категории, являются непосредственными свидетелями еврейской внутриобщинной жизни. В отличие от статутов, хартий и иных регламентов, составлявшихся представителями христианской или мусульманской администрации, книги записей отражают внутриеврейский взгляд на общинные институты, процессы и события. Личные книги записей позволяют заглянуть в повседневную жизнь их составителей, понять, какие именно вопросы их волновали и почему, какого рода информация выбиралась для фиксации в письменной форме. Они также важный источник для изучения микроистории. Так, прослеживая историю ашкеназских пинкасов вплоть до XX в., И. Барталь пишет, что в общинах переселенцев из Европы пинкас принял свою финальную форму – форму «антологии, подводящей итог истории общины, которой больше не существовало» [5, с. 37], и подчеркивает его роль в формировании коллективной памяти [5, с. 38].

В ходе работы с различными типами преимущественно итальянских пинкасов автором были выявлены основные приемы, использовавшиеся для их структурно-композиционного оформления. Чтобы их проиллюстрировать в ограниченном объеме статьи, были подобраны двенадцать примеров рукописей, внешний облик которых является, как представляется автору, наиболее показательным. В число примеров включены как личные пинкасы, в том числе самые ранние из известных, так и пинкасы общин и внутриобщинных объединений. В представленную здесь подборку также вошли рукописи из различных регионов (например, города Луго, Верона, Модена, Измир, Каир, территории современных Афганистана и Испании), охватывающие период от XI до XVIII – начала XIX в. Работа проводилась на материале каталога оцифрованных еврейских рукописей

Британской библиотеки [12] и поисковой системы «Ктив»¹ [13], созданной Национальной библиотекой Израиля и стремящейся предоставить возможность поиска среди всех оцифрованных рукописей на еврейских языках вне зависимости от физического места их хранения [14].

Далее будет рассмотрена история книг записей различных типов, которые, начавшись как личные записные книжки, чье содержание и оформление зависят только от удобства и желания владельца, в определенный исторический момент превратились в общинные актовые книги, актуальные для сообществ в целом. Затем, опираясь в основном на пинкасы, происходящие из итальянских еврейских общин раннего Нового времени, которые представляются самыми высокоструктурированными образцами общинных пинкасов, будут выделены основные приемы структурно-композиционного оформления. Наконец, чтобы показать неравномерность протекания данного процесса, будут подробнее проанализированы две рукописи, происходящие из «восточных» еврейских общин.

Пинкасы: от личной записной книжки к актовой книге

Самой ранней формой книги записей, по-видимому, являются сборники записей, сделанных отдельным человеком вне публичного контекста для личных целей и предполагавших единственного читателя – автора записей (или нескольких читателей, относившихся к кругу ближайших знакомых или родственников автора). Содержание и внешний облик таких записных книжек зависели только от удобства и целей составителя, поэтому в них может содержаться информация, например, о товарах, ценах, расходах в случае, если владелец занимался торговлей, имена, даты и сведения обрезаемых, если владелец был *моэлем*, сведения о больных, если владелец был врачом.

Самая ранняя известная нам рукопись данного типа происходит из так называемой Афганской генизы. Афганская гениза – собрание документов, найденных на территории современного Афганистана, в котором сохранились рукописи XI–XIII вв., происходящие из еврейских общин, существовавших на этой территории [15]. В данный момент собрание частично приобретено Национальной библиотекой Израиля, где начато его изучение.

В поисковой системе «Ктив» автором было найдено две такие рукописи (Ms. Heb. 8333.220=4 [16] и Ms. Heb. 8333.206=4 [17]), обе достаточно широко датированные – 1000–1099 гг. Первая обозначена как «пинкас

¹ Ссылки на оцифрованные копии рукописей размещены в списке литературы; к сожалению, привести здесь отдельные фрагменты рукописей в качестве иллюстраций затруднительно в силу сложной ситуации с правами на изображения, размещенные в поисковой системе «Ктив».

торговцев», вторая как «пинкас записей: на иудео-персидском² [языке]». «Пинкас записей» представляет собой типичный образец личной записной книжки, для которой характерны нерегулярность оформления и ориентированность на нужды одного или узкой группы читателей. Так, записи почти никак не формализованы (кроме нескольких списков) и представляют собой сплошной текст; записи иногда отделяются друг от друга, иногда – нет; на некоторых листах строки накладываются друг на друга, некоторые записи обведены или перечеркнуты. Кроме ивритского алфавита используется арабский.

С течением времени оформление некоторых личных книг записей становится более строгим: например, могут появляться поля – с одной боковой стороны листа, с двух боковых сторон, а также нижние и верхние, красные строки или иные способы выделения начала нового абзаца, например, с помощью буквы или слова большего размера. Примером четко оформленного личного пинкаса является книга записей, содержащая счета еврейского торговца из Италии (РГБ Ms. Guenzburg 572 [19]). Текст разделен на абзацы, между которыми оставлено пустое пространство, строки не пересекают друг друга и не накладываются (как, например, в упомянутом выше «пинкасе записей» из Афганской генизы). Но даже такие книги записей продолжают находиться в личном, а не общественном обороте.

К Средним векам относятся первые известные нам книги записей, находящиеся в публичном ведении группы людей, будь то община или внутриобщинная организация. Точное число дошедших до нас документов такого типа установить пока невозможно, поскольку некоторые из них могли быть изъяты светской или церковной христианской администрацией и после переработки быть использованы для изготовления переплетов других книг (см.: [20] – для общей информации и «Пинкас судебных свидетельств» [21] – как пример данной практики). Один из возможных примеров: пинкас счетов общины Арагона, Испания, датированный XV в. (Israel Ms. Yah. Heb. 242 [22]). В этом документе все записи начинаются с новой строки, соблюдаются поля, а свободное место, остающееся на странице слева, перестает заполняться новыми записями, как могло случаться, например, в личных книгах записей. Тенденция к регулярности, заметная в этом пинкасе, будет характеризовать и дальнейшее развитие оформления подобных документов. На примере этой книги записей видно также, что унификация внешнего облика рукописи происходит, как только книга записей становится документом в совместном ведении группы людей (с возможным привлечением профессионального писца).

---

² Иудео-персидский язык считается диалектом персидского, имевшим распространение среди евреев; использовался с ивритским алфавитом. Подробнее см.: [18, р. 548].

С изгнанием евреев из Испании и Португалии начинается новая эпоха в еврейской истории Средиземноморья. Большая часть еврейских общин не однородна, а представляет собой конгломерат из конгрегаций различного происхождения (испанского, итальянского, немецкого, центральноевропейского). Конгрегации сталкиваются с необходимостью не только поддерживать собственную структуру, но и выстраивать отношения с другими еврейскими внутриобщинными объединениями и ассоциациями. Неполный список их задач включает содержание религиозной инфраструктуры, сбор налогов и взносов со своих членов, внутреннее администрирование, взаимодействие с нееврейской администрацией.

Именно в раннее Новое время (XVI–XVII вв.) получают широкое распространение книги записей, находящиеся в ведении не только общин, но и различных внутриобщинных организаций, например погребального общества или благотворительного братства. Вместо одного частного читателя книга записей теперь адресована аудитории, состоящей из должностных лиц (светских распорядителей, казначея, кантора и т. д.) общины или внутриобщинной организации, рядовых членов объединения, иногда – представителей христианской администрации, осуществляющих цензуру [23–24]. В таких условиях оформление книги записей не может быть подчинено желаниям и удобству одного человека, как в случае с личными пинкасами, а должно следовать общепринятым или, по меньшей мере, знакомым многим образцам.

Изменение внешнего облика пинкаса и принципов его оформления становится способом приспособить книгу записей к новым условиям, а регулярность его оформления превращается в значимую характеристику. Регулярность проявляется на нескольких уровнях: появление разделов, глав или иных способов разделить текст устава на части, обычно снабженные заголовками; использование определенного сочетания шрифтов на протяжении всей рукописи или ее части. Параметры внешнего оформления (регулярность³ полей, регулярность строк, соблюдение и регулярность пробелов, разделяющих абзацы, регулярность размера шрифта и т. д.) становятся более однотипными, унифицированными и повторяющимися от страницы к странице. В некоторых рукописях появляются замечания и комментарии на полях, позволяющие ориентироваться в книге записей быстрее. Привлечение к работе над пинкасами профессиональных писцов усиливает тенденцию к регулярности.

Например, в рукописи пинкаса «Братства соблюдающих утро» из Венеции (РГБ Ms. Guenzburg 793 [25]) на протяжении всего текста, как в уставе, так и в датированных записях, используются заголовки; те-

---

³ Регулярность здесь понимается, в первую очередь, как повторяемость: если поля определенного размера, значит, они такого размера во всей или значительной части рукописи; если строка определенной длины и высоты, то длина и высота соблюдаются во всей или значительной части рукописи и т. п.

матически сходный материал располагается вместе, будучи визуально отделен от прочего текста; широко применяется чередование типов и размера шрифта. Так, в первом уставе квадратный итальянский шрифт большего размера служит для основного текста устава, а итальянский полукурсив меньшего размера – для заголовков отдельных положений.

На этом основании представляется необходимым дополнить существующее определение пинкаса, предлагаемое энциклопедиями и справочными ресурсами. Категория книг записей является более широкой, чем «актовые книги» общины, появившиеся в Новое время как ответ на меняющуюся социальную обстановку, в рамках которой возник спрос на публичную документацию жизни общины или внутриобщинного объединения, и, кроме публичных актов книг, включает широкий спектр личных пинкасов. Расширение круга предполагаемых читателей публичной книги записей обусловило появление спроса на функциональность. Он, в свою очередь, удовлетворялся с помощью набора формальных структурно-композиционных приемов, с одной стороны, и упорядочивания тематики текстов, которые попадали в книги записей, – с другой.

Личные пинкасы продолжают существовать параллельно с книгами записей общин и внутриобщинных ассоциаций. Изучение их развития, равно как и характерных для них приемов оформления остается предметом дальнейшего исследования. Ниже представлен анализ общинных пинкасов и книг записей внутриобщинных объединений.

Основные приемы, используемые для структурирования сведений в книгах записей общин и внутриобщинных объединений

Степень сложности внутренней структуры публичного пинкаса, спектр используемых приемов композиционного оформления, а также внешний облик рукописи в целом зависели от набора факторов. В их число могли входить, например, финансовые возможности объединения, профессиональные компетенции писца или иного составителя (составителей) книги записей, соображения престижа и личные предпочтения составителей или заказчиков. Но, несмотря на то что каждая книга записей является продуктом уникальных обстоятельств, в рамках которых она была создана, представляется возможным выделить и перечислить наиболее типичные приемы формального структурирования содержания пинкасов. Здесь это сделано на примере итальянских публичных книг записей, поскольку в них представлено наибольшее разнообразие таких приемов и их сочетаний.

К числу основных формальных приемов, применяемых для выстраивания композиции книги записей и облегчения навигации, относится выбор шрифта и его размера (как в рукописи пинкаса «Братства соблюдающих утро» из Венеции, где для текста устава используется квадрат-

ный шрифт, а для записей о результатах выборов – полукурсив), выделение полей, обозначение красных строк и отступов, использование пустого пространства разного размера, чтобы отделить блоки текста друг от друга. В некоторых документах появляются записи и пометки на полях, суммирующие содержание соответствующего блока текста и дополнительно облегчающие навигацию по рукописи.

Приемы могут комбинироваться и применяться одновременно. Например, список присутствовавших при каком-либо событии лиц может быть выделен отступами, размещен в виде одного длинного столбца по центру страницы или же в несколько более коротких столбцов, параллельных друг другу. Внутри списка обычно присутствует последовательность: вначале уважительное обращение (в форме аббревиатуры), после которого называется личное имя, затем фамилия или иное уточнение, в качестве которого может быть использовано имя отца, географическое название («из Анконы», «из Равенны») и т. д.

Рассмотрим основные приемы и их комбинации на примере четырех итальянских книг записей XVII в. Рукопись «Братства прислушивающихся к душе» [26] происходит из еврейской общины Модены и датируется 1614–1659 гг. На открывающей устав братства странице фрагменты, содержащие важную информацию (дата собрания, название братства), записаны итальянским квадратным шрифтом бóльшего размера, в то время как для рассказа о том, как было основано сообщество, применяется итальянский полукурсив меньшего размера. Сам текст написан с соблюдением полей, пробелы используются для отделения текстовых блоков.

Далее в этом же пинкасе встречаются комбинации приемов. Индивидуальные предписания устава оформляются в абзацы, первые буквы которых выделены размером шрифта [26, например, f.12[כ׳]v по пагинации рукописи]. Абзацы нумеруются с помощью букв ивритского алфавита, которые вынесены на поле перед началом абзаца в книге записей. Такая нумерация позволяет быстрее ориентироваться в тексте. Заголовки записей [26, например, f.14[ט׳]r по пагинации рукописи] отделяются от текста не только пробелами, но и увеличением размера шрифта.

В книге записей из Модены достаточно часто встречаются списки, в которых обыкновенно представлены или имена членов объединения, или имена всех присутствовавших при определенном событии. Списки организуются в столбцы. Вне зависимости от их числа, в них очень точно и последовательно соблюдается как горизонтальное, так и вертикальное выравнивание. К сожалению, качество изображения, представленного в системе «Ктив», не позволяет судить, был ли лист расчерчен предварительно. Имена предваряются сокращением «уважаемый учитель наш, реб» (ר׳מב), представляющим собой вежливую формулу обращения.

Употребление подобных формулировок, однако, не является строго обязательным. Даже в рамках одной книги записей они могут как при-

существовать, так и опускаться. Например, в датируемой 1539–1670 гг. книге записей еврейской общины Вероны (Национальная библиотека Израиля, Ms. Heb. 4°555 [27]) на странице 18⁴ в списке эта аббревиатура не используется. А в том же пинкасе на странице 38⁵ имена членов общины уже предваряются сокращениями. В этом же списке используются для разделения горизонтальные линии, с помощью которых члены общины объединяются в группы по три. Таким образом, в одном пинкасе могут одновременно присутствовать как менее, так и более регулярно оформленные элементы.

В книге записей «Общества помощи нуждающимся» из Вероны [28], содержащей части, относящиеся к XVI в.⁶, для облегчения навигации отдельные положения устава пронумерованы с помощью букв ивритского алфавита, вынесенных на правое поле [28, например, f.1r, 1v или f.2r по архивной пагинации]. Друг от друга они отделены пустым пространством. Положения устава заключают собственноручные подписи членов братства [28, f.2r по архивной пагинации]. Списки присутствовавших на собраниях членов братства организованы в столбцы (три-четыре параллельных [28, например, f.6r или f.13v по архивной пагинации]), выровненные как по горизонтали, так и по вертикали; широко применяется чередование шрифтов для обозначения переходов от одного фрагмента текста к другому.

Нумерация на полях используется в этом пинкасе и в другом случае: при перечислении решений, принятых на одном собрании [28, f.10v, f.11r по архивной пагинации]. Отдельные решения, как и положения устава, отделяются друг от друга пустым пространством. Любопытно отметить, что под седьмое решение было оставлено место и поставлена буква на правом поле (ט, буква «заин», числовое значение «семь» [28, f.11r по архивной пагинации]), а вот само решение так и не было переписано, в результате чего на середине страницы осталось свободное место.

В уставе еврейской общины Луго [29], пинкас которой датируется 1621–1630 гг., для выделения отдельных положений устава используется смена применяемого шрифта. Так, первое слово каждого нового установления выделяется квадратным (в противоположность итальянскому полукурсиву, которым написан основной текст) итальянским шрифтом приблизительно в полтора-два раза большим, чем текст самих положений устава [29, см. f.1v-f.2v].

Пинкас еврейской общины Вероны [30], датируемый XVII в., представляется одним из наиболее ярких примеров развитого жанра книги

⁴ По счету оцифровки.

⁵ Также по счету оцифровки.

⁶ В целом рукопись датируется специалистами Национальной библиотеки Израиля 1576–1802 гг.

записей, очень качественно и строго оформленного. В нем широко используется чередование типа и размера шрифта для отделения частей текста друг от друга. Как правило, первое слово записывается квадратным итальянским шрифтом большего размера, в то время как для основного текста используется итальянский полукурсив меньшего размера [30, например, f.8r по оригинальной пагинации или f.7r по оригинальной пагинации].

Для этой же книги записей характерен языковой параллелизм. Иными словами, датированные записи существуют в двух зеркально расположенных на развороте рукописи вариантах, ивритском и итальянском [30, например: f.8r- f.7r по оригинальной пагинации]. Ивритский вариант расположен слева, итальянский – справа. При этом интересно заметить, что с точки зрения структуры записи они оформлены одинаково.

Как личные, так и публичные книги записей велись и в европейских, и в «восточных»⁷ еврейских общинах, однако для «восточных» пинкасов была характерна меньшая степень строгости и регулярности оформления. Ниже это будет рассмотрено на примерах книги записей суда еврейской общины Каира (BL Or 6356, датирована 1683 г.) и книги записей братства из Измира (Israel Ms. O 157, датирована 1798–1801 гг.).

В отличие от итальянских пинкасов, в книге записей из Каира сложно проследить четкую формальную структуру, формальный план или образец, согласно которому информация размещается на странице. Несмотря на то что текст разделен на абзацы, в нем почти не встречаются заголовки, а изменение типа или размера шрифта не используется для членения текста или его структурирования. Поскольку рукопись имеет следы реставрации, сложно судить, предполагались ли в ней изначально поля, но на данный момент они отсутствуют.

Как и в итальянских книгах записей, в каирском пинкасе присутствуют списки, однако организованы они не вертикально в несколько столбцов, как в предыдущих примерах, а горизонтально, в виде строк [31, например, f.3r]. При этом их размер нерегулярен, они могут иметь или не иметь заголовков и не выделяются с помощью изменения типа или размера шрифта.

Более поздняя книга записей кассы «Имя вечное» из Измира [32], датированная специалистами Национальной библиотеки Израиля концом XVIII – началом XIX в., имеет некоторые особенности, отмеченные на примере итальянских книг записей. Так, используется выделение квадратным шрифтом большего размера наиболее значимых частей текста (например, названия кассы); отдельные положения устава нумеруются с помощью букв ивритского алфавита. Такая нумерация вынесена, как и

⁷ Здесь под «восточными» еврейскими сообществами понимаются общины Османской империи.

в итальянских пинкасах, на правое поле, сами буквы написаны квадратным шрифтом бóльшего размера, чем основной текст. Их использование позволяет быстрее ориентироваться на странице.

При этом текст как устава, так и записей за редким исключением не делится на абзацы, пробелы также не используются в качестве средства отделения различных типов информации друг от друга. В книге записей встречаются списки (в данном случае – списки расходов), которые структурируются вертикально, каждая новая строка начинается с двух параллельных линий, после которых фиксируется сумма. Также есть случаи, когда страница делится на две части, на каждой из которых размещается отдельная запись, не всегда имеющая заголовок.

Развернутая сравнительная характеристика структурных и кодико-логических особенностей европейских и «восточных» пинкасов остается задачей для дальнейшего исследования, однако и представленный выше ограниченный материал показывает разницу между «восточными» и «европейскими» пинкасами как в общей строгости и регулярности структурной организации текста, так и в разнообразии используемых приемов. Для итальянских книг записей в гораздо большей степени характерно стремление к унифицированности и функциональности.

Развитие оформления рукописи проявлялось через усложнение структурно-композиционной организации, появление формально (например, с помощью заголовков, чередования шрифтов и т. п.) выделенных разделов, способов навигации в тексте, группировку в одном месте материала одной тематики и т. д. Под усложнением структурно-композиционной организации здесь понимается развитие способов компоновки текста на странице в зависимости от его тематики и назначения, а также использование формальных способов структурирования (например, нумерация, списки, пробелы, увеличение размера шрифта, дополнительный текст на полях).

Итальянские публичные книги записей раннего Нового времени можно сравнить с изданиями Вавилонского Талмуда, где также присутствует чередование шрифтов, буквенная нумерация и т. д. Однако привычное современному читателю оформление страницы Талмуда закрепляется, по-видимому, только в печатных изданиях. Например, в так называемом Мюнхенском Талмуде (1342, Франция), который считается единственной сохранившейся средневековой рукописью этого текста [33], такое оформление еще не появляется, хотя в рукописи, безусловно, присутствует формальная структура (см., например, f.7v, где используются шрифты различного типа и размера, а также выделение как текста, так и отдельных слов с помощью пустого пространства [34]). Сравнение традиции оформления Талмуда, как в рукописной, так и в печатной форме, с оформлением пинкасов представляет безусловный интерес, однако выходит за рамки настоящей статьи.

Заключение

На протяжении всей истории своего существования пинкасы, вне зависимости от своего типа, служат для последовательной письменной фиксации значимых сведений. Адресат книги записей, предполагаемая аудитория, для которой представленные сведения важны, влияет как на содержание книги записей, так и на ее внешний облик. В случае личных пинкасов сведения имеют значимость для одного человека или узкой группы людей, в случае общинных пинкасов или пинкасов внутриобщинных ассоциаций – для всех членов объединения. Исторически общинные книги записей и книги записей внутриобщинных объединений появляются позже. Их выделение связано с усложнением социальных институтов еврейской общины в раннее Новое время и, как следствие, появлением спроса на общественно доступную документацию публичной жизни.

Общинные пинкасы и книги записей внутриобщинных организаций («актовые книги» из классического определения), будучи адресованными группе людей, отличаются гораздо большей регулярностью оформления по сравнению с личными книгами записей. Содержание личных пинкасов слабо поддается классификации, поскольку тесно связано с индивидуальными интересами автора; публичные же пинкасы, как правило, включают сведения, значимые для сообщества: положения уставов и порядок определения размера ежемесячного взноса или налога, результаты выборов должностных лиц или сообщения о беспорядках и ссорах. В отражении этих аспектов определения Электронной еврейской энциклопедии и «Энциклопедии иудаики» вполне точны, однако их можно расширить, упомянув личные пинкасы как более раннюю форму существования книги записей.

Поскольку общинные пинкасы и пинкасы внутриобщинных объединений были адресованы сравнительно широкому кругу читателей и, кроме этого, служили одним из документов соответствующего сообщества, информацию в них стремились оформлять с той или иной степенью регулярности. В процессе своего развития публичные книги записей проходят путь от относительно простых с точки зрения структуры комментированных списков, подобных пинкасу расходов из Арагона, до строго и сложно оформленных документов, подобных книге записей еврейской общины Вероны. По мере развития традиции ведения пинкасов усложняются приемы структурно-композиционного оформления текста, что может свидетельствовать как о том, что к общинным пинкасам получало доступ все больше людей различного происхождения и рода занятий, которые формировали спрос на четкую и понятную для всех структуру текста, так и о том, что пинкас постепенно становился предметом престижа.

Знакомство с этапами эволюции документов, обозначаемых как «пинкасы», а также знание выделенных выше приемов структурно-композиционного оформления представляется полезным для современного

исследователя рукописей. Понимание, к какой из подкатегорий относится тот или иной документ, умение ориентироваться в системе навигации по рукописи, построенной на чередовании шрифтов, пометках на полях и цифровых обозначениях, не только углубляет анализ источника в целом, но и облегчает поиск конкретной информации.

Литература

1. Большой иврит-русско-ивритский словарь д-ра Баруха Подольского и программы для изучения иврита. – *פנקס*. Available from: <https://slovar.co.il/translate.php> [Accessed 17th June 2021].

2. Электронная Еврейская Энциклопедия. *Пункас*. – Available from: <https://eleven.co.il/judaism/community-synagogue/13218/> [Accessed 17th June 2021].

3. The British Museum. *Pinax*. – Available from: <https://www.britishmuseum.org/collection/term/x8418> [Accessed 30th September 2021].

4. Skolnik F. (ed.) *Encyclopaedia Judaica*. 2nd ed. Vol. 16: *Pes–Qu*. Farmington Hills: Thomson Gale; 2006. VIII+807 p.

5. Bartal I. The Pinkas: From Communal Archive to Total History. In: Aleksiu N., Horowitz B., Polonsky A. (eds) *Polin: Studies in Polish Jewry*. Vol. 29: *Writing Jewish History in Eastern Europe*. Liverpool: Liverpool University Press; 2017. P. 21–40.

6. Carpi D. (ed.) *Minutes Book of the Council of the “Italian” Jewish Community of Venice 1644–1711*. פנקס ועד ק' ק איטאליאני בוויניציאה ת' ד' תע"ד. Jerusalem: Ben Zvi Institute for the Study of Jewish Communities in the East, Yad Izhak Ben-Zvi and the Hebrew University of Jerusalem; 2003. 308 p.

7. Attal R., Avivi J. (eds) *Registre Matrimonial De La Communauté Juive Portugaise De Tunis (1843–1854)*. Jérusalem: Institut Ben-Zvi; 2000. 81, 79 p. (Also in Heb.)

8. Central European University. *Call For Applications: Summer School in the Study of Ashkenazic Pinkassim*. – Available from: <https://nationalism.ceu.edu/article/2017-12-12/call-applications-summer-school-study-ashkenazic-pinkassim> [Accessed 17th June 2021].

9. Litt S. *Pinkas, Kahal, and the Mediene: The Records of Dutch Ashkenazi Communities in the Eighteenth Century as Historical Sources*. Leiden: Brill; 2008. VIII+233 p.

10. Lattes Y. A. The Type of Community Minute Books – Some Preliminary Conclusions. In: Simonsohn Sh., Shatzmiller J. (eds.) *The Italia Judaica Jubilee Conference*. Leiden-Boston: Brill; 2013. P. 87–95.

11. Perani M. “The Italian Genizah”: Hebrew Manuscript Fragments in Italian Archives and Libraries. *Jewish Studies*. 1994;34:39–54.

12. The British Library. *Digitised Manuscripts*. – Available from: <https://www.bl.uk/manuscripts/> [Accessed 17th June 2021].

13. The National Library of Israel. *Ktiv. The International Collection of Digitized Hebrew Manuscripts*. – Available from: <https://web.nli.org.il/sites/NLIS/en/ManuScript/> [Accessed 17th June 2021].

14. The National Library of Israel. *About the “Ktiv” Project*. – Available from: https://web.nli.org.il/sites/nlis/en/manuscript/Pages/manuscripts_about.aspx [Accessed 17th June 2021].

15. Haim O. What is the “Afghan Genizah”? A short guide to the collection of the Afghan Manuscripts in the National Library of Israel, with the edition of two documents. *Afghanistan*. 2019;2(1):70–90. DOI: <https://doi.org/10.3366/afg.2019.0026>.

16. The National Library of Israel. *Ms. Heb. 8333.220=4*. – Available from: https://web.nli.org.il/sites/NLI/English/digitalibrary/pages/viewer.aspx?&presentorid=MANUSCRIPTS&docid=PNX_MANUSCRIPTS990039238270205171-1#|FL36901904 [Accessed 17th June 2021].

17. The National Library of Israel. *Ms. Heb. 8333.206=4*. – Available from: https://web.nli.org.il/sites/NLI/English/digitalibrary/pages/viewer.aspx?&presentorid=MANUSCRIPTS&docid=PNX_MANUSCRIPTS990039250400205171-1#|FL45509215 [Accessed 17th June 2021].

18. Skolnik F. (ed.) *Encyclopaedia Judaica*. 2nd ed. Vol. 11: *Ja–Kas*. Farmington Hills: Thomson Gale; 2006. VIII+861 p.

19. The Russian State Library. *Ms. Guenzburg 572*. – Available from: https://web.nli.org.il/sites/NLI/English/digitalibrary/pages/viewer.aspx?&presentorid=MANUSCRIPTS&docid=PNX_MANUSCRIPTS990000695590205171-1 [Accessed 17th June 2021].

20. Books Within Books. *About the project*. – Available from: <http://www.hebrewmanuscript.com/> [Accessed 17th June 2021].

21. Historical Archives of Girona. *Spain Ms. 1.182*. – Available from: https://web.nli.org.il/sites/NLI/English/digitalibrary/pages/viewer.aspx?&presentorid=MANUSCRIPTS&docid=PNX_MANUSCRIPTS997008983477605171-1 [Accessed 17th June 2021].

22. The National Library of Israel. *Ms. Yah. Heb. 242*. – Available from: https://web.nli.org.il/sites/NLI/English/digitalibrary/pages/viewer.aspx?&presentorid=MANUSCRIPTS&docid=PNX_MANUSCRIPTS990000411620205171-1#|FL7872647 [Accessed 17th June 2021].

23. Francesconi F. “This Passage Can Also Be Read Differently...:” How Jews and Christians Censored Hebrew Texts in Early Modern Modena. *Jewish History*. 2012;26(1/2):139–60.

24. Phillips A. E. Censorship of Hebrew Books in Sixteenth Century Italy. A Review of a Decade of English and French Language Scholarship. *La Bibliofilia*. 2016;118(3):409–26.

25. The Russian State Library. *Ms. Guenzburg 793*. – Available from: https://web.nli.org.il/sites/NLI/English/digitalibrary/pages/viewer.aspx?&presentorid=MANUSCRIPTS&docid=PNX_MANUSCRIPTS990000876770205171-1 [Accessed 17th June 2021].

26. Jewish Community of Ferrara. *Ms. 90*. – Available from: https://web.nli.org.il/sites/NLI/English/digitalibrary/pages/viewer.aspx?&presentorid=MANUSCRIPTS&docid=PNX_MANUSCRIPTS990001810180205171-1#|FL61720688 [Accessed 17th June 2021].

27. The National Library of Israel. *Ms. Heb. 4°555*. – Available from: https://www.nli.org.il/en/manuscripts/NNL_ALEPH002588110/NLI#%FL7892967 [Accessed 17th June 2021].

28. The National Library of Israel. *Ms. Heb. 4°560*. – Available from: https://web.nli.org.il/sites/NLI/English/digitalibrary/pages/viewer.aspx?&presentorid=MANUSCRIPTS&docid=PNX_MANUSCRIPTS990025881160205171-1 [Accessed 17th June 2021].

29. The British Library. *Or 5976*. – Available from: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=or_5976_fs001r [Accessed 17th June 2021].

30. The National Library of Israel. *Ms. Heb. 34°564*. – Available from: https://web.nli.org.il/sites/NLI/English/digitallibrary/pages/viewer.aspx?&presentorid=MANUSCRIPTS&docid=PNX_MANUSCRIPTS990025881230205171-1#|FL153528987 [Accessed 17th June 2021].

31. The British Library. *Or 6356*. – Available from: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=or_6356_fs001r [Accessed 17th June 2021].

32. The National Library of Israel. *Ms. O 157*. – Available from: https://web.nli.org.il/sites/NLI/English/digitallibrary/pages/viewer.aspx?&presentorid=MANUSCRIPTS&docid=PNX_MANUSCRIPTS990001510510205171-1#|FL34517120 [Accessed 17th June 2021].

33. Bayerische Staatsbibliothek of Munich. *Collections. Oriental manuscripts*. – Available from: <https://www.bsb-muenchen.de/en/collections/manuscripts/languages-regions/oriental-manuscripts/> [Accessed 30th September 2021].

34. Bayerische Staatsbibliothek of Munich. *BSB Cod. hebr. 95*. – Available from: <https://www.digitale-sammlungen.de/en/view/bsb00003409?page=22,23> [Accessed 30th September 2021].

References

1. Big Hebrew-Russian-Hebrew dictionary by Dr. Baruch Podolsky and programs for studying Hebrew. פנקס. – Available from: <https://slovar.co.il/translate.php> [Accessed 17th June 2021].

2. The Electronic Jewish Encyclopedia. *Pinkas*. – Available from: <https://eleven.co.il/judaism/community-synagogue/13218/> [Accessed 17th June 2021].

3. The British Museum. *Pinax*. – Available from: <https://www.britishmuseum.org/collection/term/x8418> [Accessed 30th September 2021].

4. Skolnik F. (ed.) *Encyclopaedia Judaica*. 2nd ed. Vol. 16: *Pes-Qu*. Farmington Hills: Thomson Gale; 2006. VIII+807 p.

5. Bartal I. The Pinkas: From Communal Archive to Total History. In: Aleksium N., Horowitz B., Polonsky A. (eds.) *Polin: Studies in Polish Jewry*. Vol. 29: *Writing Jewish History in Eastern Europe*. Liverpool: Liverpool University Press; 2017, pp. 21–40.

6. Carpi D. (ed.) *Minutes Book of the Council of the "Italian" Jewish Community of Venice 1644–1711*. פנקס ועד ק' ק' איטאליאני בוויניציאה ת' ד' תע' א' א'. Jerusalem: Ben Zvi Institute for the Study of Jewish Communities in the East, Yad Izhak Ben-Zvi and the Hebrew University of Jerusalem; 2003. 308 p.

7. Attal R., Avivi J. (eds) *Registre Matrimonial De La Communauté Juive Portugaise De Tunis (1843–1854)*. Jérusalem: Institut Ben-Zvi; 2000. 81, 79 p. (Also in Heb.)

8. Central European University. *Call For Applications: Summer School in the Study of Ashkenazic Pinkassim*. – Available from: <https://nationalism.ceu.edu/article/2017-12-12/call-applications-summer-school-study-ashkenazic-pinkassim> [Accessed 17th June 2021].

9. Litt S. *Pinkas, Kahal, and the Mediene: The Records of Dutch Ashkenazi Communities in the Eighteenth Century as Historical Sources*. Leiden: Brill; 2008. VIII+233 p.

10. Lattes Y. A. The Type of Community Minute Books – Some Preliminary Conclusions. In: Simonsohn Sh., Shatzmiller J. (eds) *The Italia Judaica Jubilee Conference*. Leiden–Boston: Brill; 2013, pp. 87–95.

11. Perani M. “The Italian Genizah”: Hebrew Manuscript Fragments In Italian Archives And Libraries. *Jewish Studies*. 1994;34:39–54.

12. The British Library. *Digitised Manuscripts*. – Available from: <https://www.bl.uk/manuscripts/> [Accessed 17th June 2021].

13. The National Library of Israel. *Ktiv. The International Collection of Digitized Hebrew Manuscripts*. – Available from: <https://web.nli.org.il/sites/NLIS/en/ManuScript/> [Accessed 17th June 2021].

14. The National Library of Israel. *About the “Ktiv” Project*. – Available from: https://web.nli.org.il/sites/nlis/en/manuscript/Pages/manuscripts_about.aspx [Accessed 17th June 2021].

15. Haim O. What is the “Afghan Genizah”? A short guide to the collection of the Afghan Manuscripts in the National Library of Israel, with the edition of two documents. *Afghanistan*. 2019;2(1):70–90. DOI: <https://doi.org/10.3366/afg.2019.0026>.

16. The National Library of Israel. *Ms. Heb. 8333.220=4*. – Available from: https://web.nli.org.il/sites/NLI/English/digitallibrary/pages/viewer.aspx?&presentorid=MANUSCRIPTS&docid=PNX_MANUSCRIPTS990039238270205171-1#|-FL36901904 [Accessed 17th June 2021].

17. The National Library of Israel. *Ms. Heb. 8333.206=4*. – Available from: https://web.nli.org.il/sites/NLI/English/digitallibrary/pages/viewer.aspx?&presentorid=MANUSCRIPTS&docid=PNX_MANUSCRIPTS990039250400205171-1#|-FL45509215 [Accessed 17th June 2021].

18. Skolnik F. (ed.) *Encyclopaedia Judaica*. 2nd ed., Vol. 11: *Ja–Kas*. Farmington Hills: Thomson Gale; 2006. VIII+861 p.

19. The Russian State Library. *Ms. Guenzburg 572*. – Available from: https://web.nli.org.il/sites/NLI/English/digitallibrary/pages/viewer.aspx?&presentorid=MANUSCRIPTS&docid=PNX_MANUSCRIPTS990000695590205171-1 [Accessed 17th June 2021].

20. Books Within Books. *About the project*. – Available from: <http://www.hebrewmanuscript.com/> [Accessed 17th June 2021].

21. Historical Archives of Girona. *Spain Ms. 1.182*. – Available from: https://web.nli.org.il/sites/NLI/English/digitallibrary/pages/viewer.aspx?&presentorid=MANUSCRIPTS&docid=PNX_MANUSCRIPTS997008983477605171-1 [Accessed 17th June 2021].

22. The National Library of Israel. *Ms. Yah. Heb. 242*. – Available from: https://web.nli.org.il/sites/NLI/English/digitallibrary/pages/viewer.aspx?&presentorid=MANUSCRIPTS&docid=PNX_MANUSCRIPTS990000411620205171-1#|FL7872647 [Accessed 17th June 2021].

23. Francesconi F. “This Passage Can Also Be Read Differently...:” How Jews and Christians Censored Hebrew Texts in Early Modern Modena. *Jewish History*. 2012;26(1/2):139–60.

24. Phillips A. E. Censorship of Hebrew Books in Sixteenth Century Italy. A Review of a Decade of English and French Language Scholarship. *La Bibliofilia*. 2016;118(3):409–26.

HISTORY OF THE EAST

Zarubina E. D. Pinkas-notebook and pinkas-register book...
Orientalistica. 2021;4(5):1199–1218

25. The Russian State Library. *Ms. Guenzburg 793*. – Available from: https://web.nli.org.il/sites/NLI/English/digitallibrary/pages/viewer.aspx?&presentorid=MANUSCRIPTS&docid=PNX_MANUSCRIPTS990000876770205171-1 [Accessed 17th June 2021].

26. Jewish Community of Ferrara. *Ms. 90*. – Available from: https://web.nli.org.il/sites/NLI/English/digitallibrary/pages/viewer.aspx?&presentorid=MANUSCRIPTS&docid=PNX_MANUSCRIPTS990001810180205171-1#|FL61720688 [Accessed 17th June 2021].

27. The National Library of Israel. *Ms. Heb. 4°555*. – Available from: [https://www.nli.org.il/en/manuscripts/NNL_ALEPH002588110/NLI#\\$FL7892967](https://www.nli.org.il/en/manuscripts/NNL_ALEPH002588110/NLI#$FL7892967) [Accessed 17th June 2021].

28. The National Library of Israel. *Ms. Heb. 4°560*. – Available from: https://web.nli.org.il/sites/NLI/English/digitallibrary/pages/viewer.aspx?&presentorid=MANUSCRIPTS&docid=PNX_MANUSCRIPTS990025881160205171-1 [Accessed 17th June 2021].

29. The British Library. *Or 5976*. – Available from: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=or_5976_fs001r [Accessed 17th June 2021].

30. The National Library of Israel. *Ms. Heb. 34°564*. – Available from: https://web.nli.org.il/sites/NLI/English/digitallibrary/pages/viewer.aspx?&presentorid=MANUSCRIPTS&docid=PNX_MANUSCRIPTS990025881230205171-1#|FL153528987 [Accessed 17th June 2021].

31. The British Library. *Or 6356*. – Available from: http://www.bl.uk/manuscripts/Viewer.aspx?ref=or_6356_fs001r [Accessed 17th June 2021].

32. The National Library of Israel. *Ms. O 157*. – Available from: https://web.nli.org.il/sites/NLI/English/digitallibrary/pages/viewer.aspx?&presentorid=MANUSCRIPTS&docid=PNX_MANUSCRIPTS990001510510205171-1#|FL34517120 [Accessed 17th June 2021].

33. Bayerische Staatsbibliothek of Munich. *Collections. Oriental manuscripts*. – Available from: <https://www.bsb-muenchen.de/en/collections/manuscripts/languages-regions/oriental-manuscripts/> [Accessed 30th September 2021].

34. Bayerische Staatsbibliothek of Munich. *BSB Cod. hebr. 95*. – Available from: <https://www.digitale-sammlungen.de/en/view/bsb00003409?page=22,23> [Accessed 30th September 2021].

Информация об авторе

Зарубина Евгения Дмитриевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; <https://orcid.org/0000-0002-7520-4281>, evgeniya.zarubina93@gmail.com

Information about the author

Evgeniya D. Zarubina – Ph. D. (Hist.), Research Fellow, Department of Literary Monuments of the Peoples of the East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-7520-4281>, evgeniya.zarubina93@gmail.com

Author's Links

**Раскрытие информации
о конфликте интересов**

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 18 июня 2021
Одобрена после рецензирования: 08 ноября 2021
Принята к публикации: 25 ноября 2021
Опубликована: 27 декабря 2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: June 18, 2021
Approved after peer reviewing: November 08, 2021
Accepted for publication: November 25, 2021
Published: December 27, 2021

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

HISTORY OF THE EAST

Historiography, source critical studies, historical research methods

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья

Исторические науки

УДК 930.2(091=222.18=116.1)«14/15»

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1219-1237>

Между Средневековьем и Новым временем: датировка нескольких фрагментов еврейско-персидской рукописи (С40 Евр. фонда ИВР РАН)

Екатерина Максимовна Белкина

Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия, belkinakat@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2592-8679>

Аннотация. В статье рассматриваются палеографические и кодикологические аспекты нескольких фрагментов недатированного конволюта С40 из Еврейского фонда Института восточных рукописей РАН. Это список «Муса-наме» Шахина, сформированный из большого количества разрозненных отрывков. По-видимому, три крупных фрагмента рукописи – это части средневековых рукописей, которые оказались в руках одного мастера-«реставратора» в XIX в. Основываясь на сравнительно-историческом методе, автор предлагает вариант возможной датировки каждого фрагмента, считая, что перед нами отрывки рукописей конца XV – начала XVI в., созданных в регионе, где расположены города Кум и Кашан в Иране. Более точную локализацию сегодня, к сожалению, установить не удастся. Однако большинством тех же свойств писчего материала, типа и вида письма, а также характером фиксации текста в памятнике (аппаратом работы писца с текстом) обладают несколько датированных и исследованных еврейских рукописей этого периода и этого региона. Датировка исследуемых фрагментов позволит ввести рукопись в научный оборот как один из редких средневековых памятников евреев Востока.

Ключевые слова: еврейские рукописи; еврейско-персидский; палеография; кодикология; медиевистика; средневековые рукописи; иудаика; Шахин

Благодарности: исследование было проведено в рамках программы стипендий Исследовательского центра Частного учреждения культуры «Еврейский музей и Центр толерантности» (Москва) при финансовой поддержке А. И. Клячина.

Для цитирования: Белкина Е. М. Между Средневековьем и Новым временем: датировка нескольких фрагментов еврейско-персидской рукописи (С40 Евр. фонда ИВР РАН). *Ориенталистика*. 2021;4(5):1219–1237. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1219-1237>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Medieval or Early Pre-Modern? Dating Several Fragments from a Judeo-Persian Manuscript (C40 Hebrew, the IOM RAS)

Ekaterina M. Belkina

*Institute of Oriental Manuscripts RAS, St. Petersburg, Russia,
belkinakat@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2592-8679>*

Abstract. The article examines some paleographic and codicological aspects of several fragments of the undated manuscript C40 from the Hebrew Collection in the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (IOM RAS). This is a codex of Shahin's Musa-name, formed from some different, scattered fragments. Apparently, three large fragments of this manuscript are taken from medieval codices, which were gathered by one person (the so-called “restorer”) in the 19th century. Judging from the results of their comparative and historical analysis, one can suggest some possibilities for dating of each fragment. The author dates these fragments back to the late 15th early 16th centuries C.E. According to her, they were transcribed in the region where the cities of Qum and Kashan are located (the current provinces of Qum and Isfahan in Iran). Unfortunately, it is hardly possible to provide a more accurate localization. However, several dated and previously studied Jewish manuscripts from this period and this area have nearly the same attributes, quality, or characteristics of the writing material and the type of writing, as well as some textual pattern.

Keywords: Jewish manuscripts; Judeo-Persian; Palaeography; Codicology; Medieval studies; Medieval manuscripts; Jewish studies; Shahin

Acknowledgments: this research was conducted within the frame of the Scholarship program of the Research center of the Private Cultural Institution “Jewish Museum and Tolerance Center” (Moscow), with financial support of A. Klyachin.

For citation: Belkina E. M. Medieval or Early Pre-Modern? Dating Several Fragments from a Judeo-Persian Manuscript (C40 Hebrew, the IOM RAS). *Orientalistica*. 2021;4(5):1219–1237. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1219-1237>.

Введение

Среди всего разнообразия еврейско-персидских рукописей особое место занимают памятники, написанные до эпохи правления Сефевидов в Иране, то есть до XVI в. Еврейские рукописи этого региона более поздних периодов, Нового времени, вне зависимости от языка имеющих в них текстов, исчисляются тысячами и дошли до нас в хорошей сохранности. В XVI–XVII вв. персидская рукописная традиция получила новый виток развития благодаря тому, что правители пришедшей к власти династии оказались неравнодушны к искусству; местные же еврейские переписчики вторили новшествам и тенденциям своего времени. До нашего времени дошло значительное количество созданных ими рукописных памятников: это и современные им произведения, и списки лучших поэм прошлого, в том числе богато иллюстрированные. Что же касается более ранних пери-

одов истории Большого Ирана¹, то из-за многочисленных волн гонений и притеснений евреев на этих территориях, которые сопровождались попытками уничтожения целых общин, нам практически неизвестны имена средневековых еврейских поэтов Персии, за исключением, например, Имрани и Шахина. На сегодняшний день в руках исследователей находится всего менее тысячи рукописей старше XV в. [1, с. 1–20]. Именно поэтому интерес к тем памятникам, которые могут хранить в себе «следы» средневековой истории евреев Большого Ирана, особенно велик².

В настоящей статье речь пойдет о еврейско-персидской рукописи С40 Евр. фонда из собрания Института восточных рукописей РАН. Она представляет собой недатированный конволют поэмы «Муса-наме» Шахина. Из всего корпуса памятника можно выделить условное «ядро» – три наиболее крупных по объему фрагмента текста – и вставки-дополнения, сделанные позднее другими переписчиками [2]. «Ядро» занимает более двух третей всего памятника: около 31% принадлежат руке одного мастера, 5% в середине рукописи – второго и 31% в конце – третьего переписчика.

Ниже указано полистное распределение всех трех фрагментов (согласно палеографическим данным):

- Первый мастер (переписчик № 3³): ff. 22a–26б, 28a–44б, 51a–56б, 65a–100б, 102a–121б, 123a–124б;
- Второй мастер (переписчик № 4): ff. 125a–130б, 133a–140б;
- Третий мастер (переписчик № 6): ff. 141a–164б, 166a–171б, 173a–182б, 184a–187б, 195a–205б, 231a–259б.

Стоит также отметить, что изучаемая рукопись имеет условного «близнеца» в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Евр. Нов. Серия 150). Это список поэмы «Берешит-наме» Шахина, «ядро» которого создано, по-видимому, тем же писцом, что и один из фрагментов рукописи С40 (речь идет об указанном выше переписчике № 6). Этот памятник также был отреставрирован позднее, а способ компоновки всего конволюта довольно схож с исследуемым источником («ядро» + вставка + реставрация).

¹ Под термином «Большой Иран» мы подразумеваем территории, исторически и/или культурно находившиеся в Средние века под персоязычным влиянием, в том числе территории Центральной Азии (ныне Туркменистан, Узбекистан и т. д.) и Афганистана.

² Во введении к каталогу еврейско-персидских рукописей Еврейской теологической семинарии в Нью-Йорке д-р Вера Баш Морин приводит данные по всем обработанным ею в 1990-е гг. мировым коллекциям, содержащим от нескольких десятков до нескольких сотен еврейско-персидских памятников разных времен. Некоторые ее наработки, как, например, исследование таких коллекций в Санкт-Петербурге, так и не были опубликованы, о чем она сама пишет. С момента издания «Каталога» эта информация все еще актуальна. Подробнее см.: [1, с. 1–20].

³ В более ранней статье (2019) мною уже приводился подробный перечень последовательного полистного распределения фрагментов в соответствии с их принадлежностью тому или иному писцу (по палеографическим аспектам текста). Чтобы не вводить читателя в заблуждение, здесь оставлена та же последовательность переписчиков в скобках [2].

Все перечисленные фрагменты представляют собой наиболее ранние рукописные списки в памятниках по сравнению с другими частями. На это указывают их палеографические и кодикологические особенности, о которых подробно речь пойдет ниже. По-видимому, перед нами компиляция нескольких поврежденных рукописей в одну, выполненная с целью сохранения оригинальных источников (применимо к рукописи С40) или же с целью реставрации текста поэмы посредством восполнения лакун рукописи анонимным мастером в XIX в. самостоятельно и / или же с помощью разрозненных фрагментов других имеющихся у него списков этого же произведения (применимо к обеим рукописям). Однако ни в одной из данных частей мы не встречаем дат создания рукописи, нет ни одного колофона.

Мы обратимся к палеографическим и кодикологическим аспектам этих фрагментов для попытки косвенно датировать их. Применение сравнительно-исторического метода в работе позволяет проследить, к какому из периодов можно отнести тот или иной источник. Опорой же для такого анализа в настоящем исследовании станет самая крупная электронная база всех датированных еврейских рукописей – SfarData [3]. На сегодняшний день в нее добавлены данные по более чем пяти тысячам еврейских средневековых манускриптов, с X в. по 1550 г., и к большинству из них приложены фотографии источников. Это позволяет проследить последовательную трансформацию шрифтов и манеры начертания букв многими переписчиками в различных регионах компактного проживания еврейских диаспор.

Палеографические аспекты

Перед тем как начать сравнительное исследование, стоит дать описание всех трех почерков, которые встречаются в «ядре» рукописи. Хотелось бы также акцентировать внимание на структурные элементы каждого из них. Проф. Малахи Бейт-Арье в описании своего видения компаративистики в отношении еврейских рукописей однажды указал на то, что метод, предложенный Дж. Маллон для сравнительной палеографии латинских рукописей, также хорош и для еврейских памятников: следует учитывать пропорции высоты и ширины каждой буквы, угол начертания, порядок начертания элементов одной буквы и их последовательность и, наконец, «вес» каждой буквы (то есть соотношение ширины вертикальных и горизонтальных элементов) [4].

В рамках Еврейского палеографического проекта (Hebrew Palaeography Project), основанного еще в 1965 г. проф. Бейт-Арье и Колетт Сират, был разработан «опросник», при заполнении которого исследователями учитывались бы все или почти все данные по кодикологии и палеографии еврейских рукописей. Он использовался при дальнейшем составлении базы SfarData, ее структура поиска и фильтрации памятников опирается как раз на те пункты, которые значились в этом «опроснике». В настоящей статье при описании почерков и писчего материала используется большинство

пунктов из этой анкеты, однако остаются за рамками исследования те данные, которые не смогут помочь в датировке и локализации фрагментов рукописей⁴.

Первый мастер: переписчик № 3

Все буквы почти полностью вписаны в условный квадрат⁵, нет сильных отклонений в курсивный тип письма. Верхние элементы букв

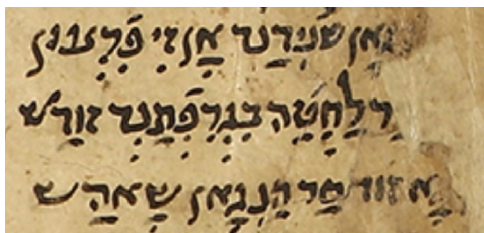

Рис. 1. Лист 23а, столбец 1, строки 11–13. С40 Евр. фонд, ИВР РАН

Fig. 1. Folio 23a, column 1, lines 11–13. C40 Hebrew, the IOM RAS

⁴ Англоязычный вариант «опросника» был подготовлен проф. Ольшови-Шлангер с учетом последующих наработок и того вида типологизации шрифтов, который был ею предложен. Читатель может ознакомиться с опубликованной сокращенной этой версией опросника на сайте проекта по изучению фрагментов еврейских рукописей в переплетах европейских книг и рукописей «Книги внутри книг» (Books within Books), автором которого является проф. Ольшови-Шлангер [5].

⁵ Эта характерная деталь так называемого *квадратного* типа письма. Для дальнейшего описания важно отметить, что будут использованы две основные типологизации еврейских средневековых шрифтов, без которых, по мнению автора, невозможно палеографическое исследование.

1. Всего в палеографии еврейских рукописей можно указать три основных *типа письма*: квадратный тип («уставной» тип письма, буквы вписаны в рамки некоего предполагаемого квадрата, буквы написаны без наклона, перпендикулярно строке), полукурсивный тип (некоторый наклон и небрежность в соблюдении рамок «квадрата», возможное пересечение элементов соседних букв, но буквы различимы и не вызывают сложности прочтения и отождествления) и курсивный тип письма (скорое начертание букв без соблюдения каких-либо рамок, слитное написание некоторых элементов нескольких букв). В англоязычной литературе используется термин *script mode*, в ивритоязычной – «ג'ס».

2. Все имеющиеся сегодня в руках исследователей типы средневекового еврейского письма были разделены на несколько регионов по географическому признаку, по месту наибольшего распространения рукописей с подобным шрифтом. Это пять основных *видов письма*: итальянский, византийский, сефардский (Пиренейский полуостров), ашкеназский (Западная и Центральная Европа) и восточный (Ближний Восток и Центральная Азия) [6]. В англоязычной литературе используется термин *script type*, в ивритоязычной – «ס'פוס».

Сочетание видов и типов письма дает возможность не только говорить о разнообразии еврейских шрифтов, но и выявить среди всего этого разнообразия вариант конкретного шрифта, используемый в том или ином письменном памятнике. Русскоязычная терминология для палеографического описания, используемая в данной статье, была предложена проф. С. М. Якерсоном (более подробно см.: [7]). Стоит также отметить, что проф. Ольшови-Шлангер благодаря своей работе с многочисленными документами, обнаруженными в Каирской генизе, предложила типологизацию, в рамках которой она различает шрифты, используемые в большей степени в рукописях (*bookhand*), и шрифты, характерные для восточных документов X–XI вв. (*documentary*) [8]. Безусловно, эта типологизация является одной из важнейших в изучении истории развития и трансформации еврейских шрифтов в Средние века, однако для данного исследования она не столь релевантна. В работах д-ра Эдны Энгель, например, при составлении Каталогов еврейских шрифтов (*Specimens of Mediaeval Hebrew Scripts*) [9], а также в монографии д-ра Ады Ярдени [10] предложены варианты «протополукурсивного типа письма» и «протокурсивного типа письма» в еврейских кодексах, которые, как представляется, описывают более последовательную картину трансформации еврейских шрифтов, чем предложенная проф. Ольшови-Шлангер версия.

имеют полукруглую форму (буквы *бет*, *тав*, *далет*, *реш*⁶), вертикальные элементы не имеют ярко выраженной округлости, при этом также нельзя говорить об их следовании перпендикуляру к строке. Перед нами вариант восточного полукурсивного письма, который, однако, стремится сохранить в себе черты «уставного» квадратного типа. Почерк переписчика нельзя назвать «небрежным», это не тот полукурсив, который мы можем встретить во многих рукописях, созданных для личного пользования, например, где буквы намного более схематичны, начинают соединяться между собой, где некоторые элементы сливаются в единую черту при начертании. Здесь же на протяжении всего текста, который мы относим к работе переписчика № 3, не наблюдается подобной тенденции.

Для наглядности обратим внимание на написание буквы *шин* на рис. 1. На строке 12 (вторая строка на рисунке) буква *шин* находится в самом конце строки и имеет удлинённый правый элемент, выходящий над строкой, над буквой *далет*. На строке 13 (третья строка на рисунке) мы видим ту же букву *шин*, выписанную в последнем слове дважды в одну строку, без изгиба, без изменения высоты всех элементов. Первый раз – в начале слова – буква имеет равную пропорцию ширины и высоты. Такой вариант является основным для переписчика: при написании слова внутри строки или в ее начале он использует именно этот, наиболее приближенный к квадратному, «равносторонний» тип шрифта. Второй раз – в конце слова – мы наблюдаем удлинение правого элемента, скорее всего, как один из способов заполнения строки. Переписчик на протяжении всего текста старается не выходить за рамки условного квадрата при письме. Такой вариант, как на строке 12, мы видим исключительно в постпозиции, когда остается недостаточно места для написания полноценно пропорциональной буквы. Его «не-стремление» выписывать буквы более схематично выражается также в том, что мастер мог бы пренебречь пространством между буквами *далет* и *шин* и начать писать последнюю букву, практически не отступая от верхнего элемента предыдущей. Тем не менее он так не делает. При этом отметим, что буквы одного слова прописаны плотно, без дополнительных, излишних отступов между собой.

Предлагаю обратить внимание на рис. 1 на букву *алеф*: она представляет собой сочетание трех элементов, основным из которых является широкий *поперечный* элемент. К нему приписан довольно широкий левый вертикальный элемент (обычно без изгиба снизу), верхний же представляет собой точку, от которой движением вверх и влево начерчена диагональная строка вниз к поперечному элементу. Этот способ написания буквы *алеф* мы увидим еще у переписчика № 6 в исследуемой рукописи.

⁶ Наименования всех букв приводятся в данной статье в упрощенной транслитерации.

Второй мастер: переписчик № 4

Визуально текст этого фрагмента довольно похож на предыдущий (рис. 2). Разницу можно обозначить в соотношении длины и ширины вертикальных (более тонкие) и горизонтальных (более полные, широкие) элементов, о чем будет подробнее сказано ниже. Однако при детальном рассмотрении сразу становится заметна совершенно другая манера написания буквы *алеф* у этого мастера: он выписывает поперечный элемент либо ровно без отклонений, либо с небольшим изгибом влево, как будто очерчивая полукруг. Левый элемент имеет не вертикальную, а также изогнутую форму, в основном волнообразную, правый же начертан с изгибом вправо (движением руки слегка вверх и вправо).

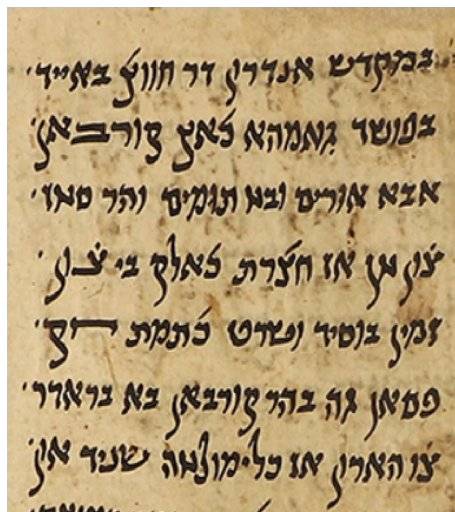

Рис. 2. Лист 126а, столбец 1, строки 1–7. С40 Евр. фонд, ИВР РАН
Fig. 2. Folio 126b, column 1, lines 1–7. C40 Hebrew, the IOM RAS

На рис. 3 представлены для сравнения способы начертания букв *алеф* обоих мастеров. Здесь отчетливо видна разница в манере написания букв (с изгибом или без, в какую сторону изгиб направлен). Она прослеживается систематически в обоих фрагментах, что позволяет утверждать о работе двух переписчиков и, вероятно, о наличии двух исходных рукописных памятников. Безусловно, это предположение основывается не исключительно на способе начертания буквы *алеф*, о чем речь пойдет ниже, однако именно написание *алеф*, на мой взгляд, наиболее показательно отражает многие характеристики, присущие почеркам обоих переписчиков.

В целом стоит отметить некую утонченность работы второго мастера. Если буквы переписчика № 3 сохраняют полноту написания, т. е. вертикальные и горизонтальные элементы не сильно отличаются друг от друга по объему, по ширине, то почерк переписчика № 4 выглядит более изящным из-за последовательного утончения вертикальных черт. В отличие от своего коллеги, он пользуется полукурсивом свободно, будто не стремясь сохранять рамки условного квадрата для каждой буквы.

Обратим также внимание на вертикальные элементы тех букв, которые выходят за строку, например, *нун-софит* (ן-) и *коф* (ך-) (рис. 2). Переписчик начина-

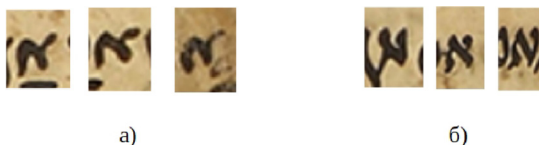

Рис. 3. Способы начертания буквы *алеф* у а) переписчика № 3 и б) переписчика № 4. С40 Евр. фонд, ИВР РАН
Fig. 3. Letters Aleph: a) scribe No. 3 and b) scribe No. 4. C40 Hebrew, the IOM RAS

ет их выводить с середины строки и не соблюдает перпендикуляр к строке, как, например, в букве *lamed*. Напротив, он будто намеренно выписывает их в форме волны, тем самым выделяя эту букву среди других. Это черту можно также назвать характерной для данного фрагмента.

Более того, на протяжении всего фрагмента мы наблюдаем наличие точки в середине стихотворного байта, то есть в конце первого столбца, и двоеточие в конце строки, в конце второго столбца. Эта деталь относится к аппарату работы мастера с текстом⁷. Она отличает первого мастера от второго, но сближает его с третьим.

Третий мастер: переписчик № 6

Для наглядности последнего тезиса приведу в пример разворот, где завершается фрагмент переписчика № 4 и начинается текст переписчика № 6 (рис. 4).

Рис. 4. Фрагмент разворота ff. 140b (второй столбец) и 141a (первый столбец), строки 1–10. Последовательность на рисунке справа (f. 140b) налево (f. 141a).

C40 Евр. фонд, ИВР РАН

Fig. 4. A fragment of the ff. 140b (column 2) and 141a (column 1), lines 1–10. From right (f. 140b) to left (f. 141a). C40 Hebrew, the IOM RAS

⁷ Аппарат работы мастера с текстом – это набор технических приемов, которые помогали писцу справиться с задачей расположения материала (самого текста рукописи) в рамках текстового поля. К ним относятся: заполнение строки, выделения определенных букв, слов или фраз в тексте, исправление допущенных при фиксации текста ошибок и любая другая корректура, а также расположение стихотворных строф и обозначение их начала, середины и конца при необходимости (подробнее см.: [7, с. 65–75]).

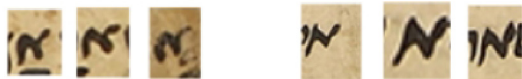
Оба мастера пользуются идентичным аппаратом работы с текстом: завершение середины строфы и окончания строфы сопровождается графическими дополнениями (точками и двоеточием); для выделения звуков персидского языка, отсутствующих в иврите, или для обозначения конкретного звука, если позиционно буква имеет разные варианты прочтения, они используют наклонную черту над буквой (например, *пей* с чертой в верхней строке в обоих столбцах – для звука *ф*) или же точку для букв, которые замещают сразу несколько звуков (например, буква *цаде* с точкой для обозначения звука *ч*; строка 3, f. 140б на рис. 4). К тому же подобное единство можно наблюдать и в оформлении полистных кустод.

Отличие же обнаруживается в способе выделения заглавий. Тогда как второй мастер только лишь увеличивает размер букв и выравнивает шрифт по центру (не отражено на рис. 4), третий же украшает буквы сверху троеточием и наклонными чертами, создавая при этом своеобразный графический орнамент (рис. 4, f. 141а).

Его способ начертания буквы *алеф*, как уже упоминалось выше, сближает его манеру письма с манерой первого мастера и отличает от второго. Все три элемента написаны примерно под углом в 45% друг к другу; этим они визуалью напоминают латинскую букву N. Правый элемент также выписывается движением руки влево, но при этом изгиб от точки, с которой начинается штрих, не столь очевиден, как у первого мастера (рис. 5). Надо отметить, что крайние правый и левый элементы в целом более тонкие, чем центральный диагональный элемент, но все они не имеют той изогнутости, которая наблюдалась у других переписчиков в данном исследовании.

Остальные буквы написаны также более утонченно, заметно различие в ширине между вертикальными (более тонкими) и горизонтальными / поперечными (более полными) элементами. К тому же, несмотря на плотность начертания всех букв одного слова, ни одна из них не соединяется с другой, между соседними буквами всегда есть пространство. Даже при заполнении строки посредством удлинения одного из элементов буквы размер этого пространства сохраняется (буква *шин*, рис. 4, строка 10).

В отличие от своих коллег, последнему мастеру зачастую не удается вписать весь необходимый текст в одну строку или столбец, поэтому последнее слово он пишет под наклоном. Оно начинается чуть выше уровня строки, что отчетливо видно сразу на нескольких стоках на рис. 4.

* * *

Итак, все три переписчика пользуются вариантами полукурсивного письма. Некоторые буквы прописаны детально и соответствуют шрифту, который

а)
б)
Рис. 5. Способы начертания буквы алеф у а) переписчика № 3 и б) переписчика № 6. С40 Евр. фонд, ИБР РАН
Fig. 5. Letters Aleph: a) scribe No. 3 and b) scribe No. 6. C40 Hebrew, the IOM RAS

мы встречаем во многих рукописных памятниках с квадратным еврейским письмом, с его уставным типом фиксации. Другие же буквы написаны схематично, с соединением нескольких элементов, более небрежно, однако последовательно: одна и та же форма соединения прослеживается на протяжении всего фрагмента. Представляется, что за выбором подобного типа письма кроется стремление переписчиков сохранить черты квадратного шрифта, его четкость форм и каноничность написания отдельных элементов букв (например, ясное сочетание вертикальных и горизонтальных элементов, отсутствие слитности в их фиксации), поэтому отчасти этот тип письма может быть отнесен к «протополукурсивному».

В то же время на примере буквы *алеф* уже была предпринята попытка описать ту трансформацию буквы, которую можно было бы назвать «полукурсивной». У каждого мастера виден свой собственный подход к ее формированию, но *поперечный* элемент остается неизменной основой для всех описываемых выше почерков⁸. Это одна из характерных деталей восточного вида письма и *квадратного* типа письма как такового. Что же касается боковых элементов буквы, то здесь уже проявляется почерк каждого мастера: у одного эти элементы почти вертикальные, у другого более изогнутые, у третьего более тонкие. Именно эти характеристики не позволяют утверждать, что перед нами квадратный тип письма.

Подобные шрифты встречаются в рукописях с территории Персии в двух датированных памятниках: это рукопись из Тарома 1422 г. и рукопись из Кума 1484–1485 гг.⁹ Действительно, уже в кодексах, написанных на еврейско-арабском языке в самом начале XV в., можно встретить подобную переписчику № 6, нашему третьему мастеру, манеру фиксации текста на странице¹⁰. Это и способ начертания некоторых букв (той же буквы *алеф*), и плотность заполнения строки, и один из способов завершения строки посредством вынесения последнего слова над строкой при нехватке места на строке, хоть и не основной. Однако все буквы написаны намного более схематично, чем те, что мы видим в исследуемой рукописи.

Складывается впечатление, что перед нами некий следующий этап в развитии и трансформации еврейского квадратного и полукурсивного типа письма в регионе Большого Ирана в этот период: буквы уже «наползают» на пространство друг друга, вторая буква начинается над нижними элементами предыдущей, систематически используются лигатурные

⁸ Автор считает возможным выделить эту особенность почерка потому, что в других регионах распространения еврейской рукописной традиции подход к выделению основных и «дополнительных» элементов букв будет варьироваться.

⁹ Рукопись из Тарома 1422 г.: частная коллекция М. Бенаяху (M. Benayahu), Иерусалим, Израиль. В базе SfarData: 0A071. Рукопись из Кума 1484–1485 гг.: Heb. e. 60 Бодлеанская библиотека, Оксфорд, Великобритания. В базе SfarData: 0C336.

¹⁰ Например, в рукописи шифра Евр.–Ар. I 1814 (ОР РНБ) 1405 г. Это комментарий на еврейско-арабском языке к Танаху, Еврейской Библии. В базе SfarData: 0R202.

сочетания букв *алеф* и *ламед* – их переписчик выписывает буквально в две черты, пренебрегая всеми остальными элементами этих букв (все-го шесть)¹¹. В рукописи из Тарома, немного более позднего времени, чем упомянутые выше еврейско-арабские, такого еще нет. Все буквы уже наделены «полукурсивными» характеристиками (удлиненные и более изогнутые), но все же общая структура текста на странице еще сохраняет в себе черты уставного типа письма. Строка следует за строкой, буква отстоит от предыдущей. Аппарат работы с текстом переписчика № 6 и мастера из Тарома также объединяет еще следование *вертикали текста* на странице: слово целиком прописано перпендикулярно строке; даже если отдельные буквы приобретают тенденцию наклонного начертания, соседние буквы с вертикальными элементами их будто сдерживают, уравнивают и выпрямляют вертикально вверх. Отсюда появляется визуальный эффект «прямого угла» между столбцом текста и строками.

Таким образом выявляется проблема косвенной датировки восточных еврейских рукописей. Если в текстах на еврейско-арабском языке 1405 г. уже заметен следующий шаг развития шрифта, тогда как в еврейско-персидских материалах 1422 г. все еще присутствует описываемая стадия, есть основания говорить о нескольких возможных вариантах развития еврейской письменной традиции в регионе: первый – еврейская письменная традиция в Персии отставала от традиции в арабских странах; второй – еврейская традиция в Персии отличалась от «арабской» и должна изучаться отдельно и иметь свою хронологию. Тем не менее каждое из этих утверждений нуждается в комментарии и, возможно, даже в опровержении. Неправоммерно говорить об отставании одной традиции от другой, не имея равной выборки. К сожалению, еврейских и / или еврейско-персидских датированных материалов начала XV в. из Большого Ирана сохранилось слишком мало, чтобы обеспечить нас данными для подобного сравнения. Более того, все недатированные материалы, которые исследователи определяют как «восточные», опираясь на палеографические аспекты рукописи, делятся в основном по языковым параметрам, и потому локализации памятника, написанного на иврите, оказывается вне компетенции палеографа, так как и среди еврейско-арабских материалов, и среди еврейско-персидских наблюдается схожая тенденция развития шрифтов¹². Большинство недатированных библейских

¹¹ Такую манеру начертания букв палеографы называют «переплетением» (*nesting letters*) и «встраиванием» (*embedded letters*). Подобные явления можно отмечать в более ранних рукописных памятниках с территории современных арабских стран (см.: [11, с. 304–308]). Среди известных сегодня домонгольских «персидских» еврейских памятников (до XIII в.) такой способ расположения букв встречается в письмах Афганской генизы, в кодексах он отмечается с более позднего времени.

¹² Отличительные особенности развития еврейского письма можно указать только для рукописей XV–XVI вв. в Бухаре. Это намного более вытянутые в горизонталь буквы, с заметным удлинением нижних элементов [10, с. 222–223].

кодексов или их переводов на арамейский язык (таргумов) попадают в категорию «восточная рукопись» без уточнения локализации – Ближний Восток или Центральная Азия.

Итак, автор предлагает рассматривать вторую четверть XV в. как нижнюю границу предполагаемой датировки исследуемой рукописи, а именно фрагмента третьего мастера (переписчик № 6).

Некоторые из характеристик такого типа письма прослеживаются в упомянутой выше рукописи из Кума 1484–1485 гг.: например, та же плотность букв в слове и на строке, тот же способ формирования буквы *алеф*. Однако здесь можно наблюдать уже не такую строгость в написании вертикальных элементов букв, выходящих за пределы строк (*нун софит* (י-), *куф* (ך-), *ламед* (ל-) и др.), так как большинство из них написано волнообразно в той или иной степени (нижние элементы имеют сильный изгиб, верхние элементы – нет). В другой рукописи, 1494 г. из Кашана¹³, также можно увидеть подобные характеристики, а главное – сходную систему работы мастера с текстом, его аппарат фиксации текста на листе. Безусловно, каждая рукопись имеет свои особенности в силу разницы почерков переписчиков, но «вес» текста и отдельных букв на строке и листе, их расположение относительно друг друга, их угол наклона свидетельствуют об одном уровне развития и трансформации еврейского письма в это время в этом регионе. Эти же свойства были отмечены выше у переписчиков № 3 и № 4.

Надо отметить, что уровень изгиба разных элементов букв, свойственный фрагменту переписчика № 4, намного более свободный, текст визуально кажется более витиеватым. Автору не удалось найти среди датированных рукописей примера подобного шрифта, однако, базируясь на более ранних и более поздних источниках, можно с уверенностью утверждать, что перед нами фрагмент рукописи начала XVI в. По сравнению с рукописями из Кума и Кашана, текст второго мастера выделяется своей «изящностью» в палеографическом плане. Весь фрагмент отличается сложностью форм букв и наличием закруглений почти у всех элементов, чего не прослеживается в более ранних рукописях. По-видимому, это один из этапов дальнейшего развития полукурсивного типа письма в регионе в данный период.

Любопытно, что среди датированных еврейско-персидских рукописей можно также проследить вариант верхней границы существования всех описываемых в статье характеристик такого типа письма. При сравнении всех трех фрагментов с рукописью 1590 г.¹⁴ действительно ясно

¹³ Рукопись из Института Бен-Цви № 4562. Описание и иллюстрации опубликованы в каталоге А. Нецера [12]. В базе SfarData: 0A093.

¹⁴ Рукопись из Института Бен-Цви № 1077. Описание и иллюстрации опубликованы в каталоге А. Нецера [12]. В базе SfarData уже не учитывается (только рукописи до 1550 г.).

видны те или иные свойства, присущие исследуемым здесь почеркам, особенно по манере начертания некоторых букв, но при этом также наличествует совершенно другой аппарат работы с текстом. Например, расстояние между словами заметно увеличено, угол наклона букв различается от слова к слову, соотношение высоты и объема букв в слове также различно. Скорее всего, в этой рукописи представлен тот вариант развития письма, который можно назвать промежуточным между исследуемыми здесь списками и рукописями XVII – начала XVIII в.

Итак, основываясь на палеографических аспектах данных фрагментов рукописи, можно датировать их в следующих границах:

- самая нижняя граница датировки этих фрагментов – вторая четверть XV в.;

- самая верхняя граница датировки – конец XVI в.

Стоит отметить, что такой разброс дат сокращается благодаря текстам в рукописях из Кума и Кашана. Первый и второй фрагменты, по-видимому, принадлежат к этой же региональной письменной традиции и восходят к концу XV – началу XVI в. Самым проблематичным оказывается текст переписчика № 6, так как именно по его характеристикам выстраивается структура крайних границ датировки (с разницей в более чем 150 лет!). Однако нельзя сказать, что его не следует сравнивать с источниками из Кума и Кашана. Притом что отдельные черты проявляются как в 1422 г., так и в 1590 г., целостность текста обеспечивается совокупностью манеры начертания букв писцом и его работы со всем текстом на листе, т. е. типом письма и аппаратом работы с текстом. Таромская рукопись еще не демонстрирует той описываемой последовательности в работе с текстом, хотя уже содержит ключевые палеографические аспекты, как указано выше, а текст рукописи 1590 г.¹⁵ уже превосходит тот этап развития, который мы видим на исследуемом фрагменте. Поэтому памятник, принадлежащий третьему мастеру, с большой вероятностью можно датировать также концом XV – первой половиной XVI в.

Кодикологические аспекты

Кодикологические аспекты всех трех фрагментов не так различаются между собой, как типы шрифта, зафиксированные на этих страницах. Во всех трех случаях мастера пользуются бумагой восточного типа двух образцов: без каких-либо видимых волокон и бумагой верже. Первый тип встречается у переписчика № 3, два других – преимущественно во всех тетрадах переписчиков № 4 и № 6. Не найдено ни одного развернутого листа с понтюзо, ни одного листа с водяными знаками.

---

¹⁵ Автор намеренно избегает указывать место создания рукописи в данной статье, так как этот топоним вызывает дискуссии среди исследователей. Есть предположения, что «Санджан, что на реке Фархан / Фаркан / Паркан», как написано в рукописи, – это Саманган в нынешнем Афганистане или же, наоборот, город в Ираке [12, № 1077].

Так как рукопись была отреставрирована в XIX в. (см.: [2]), сегодня сложно достоверно определить исходную структуру тетрадей одного или всех фрагментов. Тем не менее на сегодняшний день они скомпонованы из трех листов, из чего можно предположить, что когда в XX в. рукопись попала в руки профессиональных реставраторов, они сохранили то же строение книги, какое зафиксировал мастер в XIX в.

Вся бумага, по-видимому, была светло-коричневого или кремового цвета, сейчас же зачастую имеет коричневатый оттенок, особенно по краям листов. Она довольно плотная, но изготовлена с некоторой, скажем, небрежностью, так как отчетливо видны на просвет места, где волокна сбились в одном месте, и между ними образовались более тонкие и потому заметные и светлые слои бумажной массы. Однако на других листах отчетливо заметна структура верже, и таких просветов становится все меньше. Бумага здесь имеет некоторую внутреннюю «систематизированность». Все эти свойства Хелен Лавдей указывает в своем описании персидской бумаги. Разные оттенки коричневого цвета, как она пишет, присущи более ранним кодексам, а начиная с XV в. улучшается качество бумаги, и цвет становится более светлым. Она также отмечает, что в персидской бумаге вплоть до XV в. не часто встречается равномерное распределение волокон по одному листу; только с этого времени качество бумажной массы начинает изменяться (в лучшую сторону) и проявляется некоторая упорядоченность в производстве бумаги, что отражается на самом листе. В XVI–XVII вв. персидскую бумагу характеризует даже излишняя волокнистость, верже видны невооруженным глазом [13, с. 59–76]. В исследуемой здесь рукописи такого еще нет¹⁶.

Проф. Малахи Бейт-Арье, в свою очередь, описывает подобные свойства относительно используемой в *еврейских* кодексах восточной бумаги [14]. Он отмечает, что бумага без видимых верже или понтюзо широко использовалась иудеями на Ближнем Востоке и в Большом Иране начиная с XI в. и вплоть до конца Средних веков. В 18% памятников персидского происхождения использована именно такая бумага, что значительно чаще, чем в соседнем Сиро-Палестинском регионе. Что же касается бумаги верже, то в еврейских восточных рукописях это – самый распространенный вариант писчего материала в Средние века. Хотя к концу XIV в. в западных районах он уступает место другим типам бумаги, в восточных районах (Ирак, Иран и Центральная Азия) он продолжает использоваться, так как его производство здесь не заканчивалось и в XVI в.

Оба исследователя не противоречат друг другу, и, в свою очередь, их данные соотносятся с тем, что можно наблюдать в исследуемой рукопи-

¹⁶ Интересно, что подобное же Х. Лавдей пишет и о бумаге производства Сирии или Египта. Однако она указывает на существенное отличие: к XV в. и далее сиро-египетская бумага верже все больше вытесняется бумагой с понтюзо, становится все светлее и более высокого качества. В Персии этот скачок происходит резко как раз в XV столетии [13, с. 70–76].

си. По-видимому, во всех трех фрагментах – бумага персидского производства XV в. или начала XVI в. Однако нельзя исключить, что это может быть бумага более раннего времени и / или же завозная из соседних регионов. Столь общие данные по ее внешнему виду и структуре совпадают с основным для многих восточных регионов типом. Однако стоит отметить, что производство бумаги с понтюзо все больше приобретало популярность в регионе Востока, поэтому процент систематического использования бумаги верже в рукописях становился все меньше. Это позволяет утверждать, что перед нами рукопись не младше XVI в.

В уже упомянутых рукописях из Тарома, Кума и Кашана использовалась бумага тех же видов. Причем стоит отметить, что в более ранней рукописи, то есть 1422 г., исследователи не отмечают наличие листов верже, только бумагу без видимых волокон. В рукописях конца XV в. бумага верже используется весьма широко, однако понтюзо не было указано ни в одном из перечисленных случаев. Это косвенно подтверждает реалистичность сделанного здесь предположения о датировке фрагментов исследуемого памятника концом XV – началом XVI в.

Заключение

Недатированные еврейские или еврейско-персидские памятники как Средних веков, так и начала Нового времени всегда представляли для исследователя ряд проблем, поэтому, вероятно, вплоть до настоящего времени они не получили того же объема внимания, как, например, сефардские или ашкеназские рукописи. Отсутствие четкой дифференциации между еврейскими рукописями Египта или Сиро-Палестинского региона («арабскими») и рукописями с территорий Большого Ирана («персидскими») усложняет задачу локализации многократно.

В этой статье была предпринята попытка вписать три имеющихся в конволюте С40 Еврейского фонда ИВР РАН фрагмента в рамки непрерывной еврейской письменной традиции этого региона в Средние века. По-видимому, перед нами памятники конца XV – начала XVI в., написанные в центральном Иране. Это подтверждает сравнительно-исторический анализ писчего материала и шрифта с датированными источниками того же времени и места создания.

Интересно, что в самом конце рукописи (f. 273б) есть приписка: «Эта книга написана в городе Самарканде Шмуэлем бен Йосефом ха-Рофе (врачом?) в 1861 г. по эре контрактов [Александра Македонского], то есть в 5310 г. от создания мира». В переводе на григорианское летоисчисление это 1550 г. Учитывая тот факт, что приписка была сделана *пером* много позже (этого почерка нет среди всех крупных фрагментов конволюта) и непонятно, к какому фрагменту относится данное утверждение, оно не может рассматриваться как опорный и релевантный аргумент в данном исследовании.

Однако информация этой приписки оказывается не столь далекой от правды относительно тех средневековых отрывков, описание которых приводится в настоящей статье. Нет основания утверждать, что датировка 1550 г. подходит для всех трех фрагментов, особенно для рукописи третьего мастера, скорее всего, самого раннего из всех. Тем не менее эта дата вполне может быть принята как верхняя граница датировки исследуемых здесь отрывков. Возможно, исследователям удастся найти новые сведения в провенансе рукописи, если они сохранились.

Все три фрагмента так или иначе сохраняют в себе (и раскрывают читателю и специалисту) черты средневековой письменной традиции евреев Большого Ирана. Свойства этих текстов в том, что касается палеографии и бумаги, а также с точки зрения кодикологии еще не характерны сефевидской рукописной культуре, которая начинает формироваться в XVI в. и своего апогея достигает в XVII в. Поэтому нет оснований отнести рукопись С40 к новому, многочисленному по объему сохранившихся памятников, этапу существования еврейской книжности на Востоке, к эпохе Нового времени. Эта рукопись, как представляется на основе проведенного исследования, должна действительно пополнить мировую «коллекцию» во многом утраченной и неизученной еврейской культуры Средних веков.

Литература

1. Moreen V. B. *Catalog of Judeo-Persian Manuscripts in the Library of the Jewish Theological Seminary of America*. Leiden, Boston: Brill; 2015. 488 p. DOI: 10.1163/9789004281301.
2. Белкина Е. М. Ранние этапы реставрации двух еврейско-персидских средневековых рукописей. *Вещь – символ – знак в славянской и еврейской культурной традиции*. М.: Сэфер; 2019. С. 61–74. DOI: 10.31168/2658-3356.2019.4.
3. The Israel Academy of Sciences and Humanities. The National Library of Israel. *SfarData*. *אגף-רפ"ס. The Codicological Data-Base of the Hebrew Palaeography Project*. – Available from: http://sfardata.nli.org.il/startSearch_He [Accessed 2nd September 2021].
4. Beit-Arie M. Why Comparative Codicology? *Gazette du Livre Médiéval*. 1993;23(1):1–5. DOI: 10.3406/galim.1993.1245.
5. Olszowy-Schlanger J. Check list for observation and evaluation of Hebrew script. *Instrumenta BwB* 2, 2013. – Available from: <http://hebrewmanuscript.com/instrumenta.htm> [Accessed 15th October 2021].
6. Beit-Arie M. Hebrew Codicology. In: Bausi A., Borbone P. G., Briquel-Chatonnet et al. (eds) *Comparative Oriental Manuscript Studies: An Introduction*. Hamburg: COMSt; 2015. P. 54–55, 208–234. DOI: 10.1353/mns.2016.0004
7. Якерсон С. М. *Еврейская средневековая книга: Кодикологические, палеографические и книговедческие аспекты*. М.: РГГУ; 2003. 253, [1] с.

8. Olszowy-Schlanger J. Early Babylonian ‘Documentary’ Script: Diplomatic and Palaeographical Study of Two Geonic Letters from the British Library Cairo Genizah Collection. *Manuscrits hébreux et arabes: Mélanges en l’honneur de Colette Sirat*. Turnhout: Brepols; 2014. P. 177–195. DOI: 10.1484/M.BIB.1.102091

9. Beit-Arie M., Engel E., Yardeni A. *Specimens of Mediaeval Hebrew Scripts*. Vol. I: *Oriental and Yemenite Scripts*. Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities; 1987. 325 p. (На ивр.)

10. Yardeni A. *The Book of Hebrew Script: History, Paleography, Script Styles, Calligraphy & Design*. Delaware: Oak Knoll; 2003. 355 p.

11. Olszowy-Schlanger J. Glossary of Difficult Words in the Babylonian Talmud (Seder Mo’ed) on a Rotulus. In: Brooke G. J., Smithuis R. (eds) *Jewish Education from Antiquity to the Middle Ages: Studies in Honour of Philip S. Alexander*. Leiden: Brill; 2017. P. 297–323. DOI: 10.1163/9789004347762_014.

12. Netser A. *Manuscripts of the Jews of Persia in the Ben Zvi Institute*. Jerusalem: Makhon Yad ben Tsvi; 1985. 234 p. (На ивр.)

13. Loveday H. *Islamic Paper: a Study of the Ancient Craft*. London: Archetype Books; 2007. 90 p.

14. Beit-Arie M. The Oriental Arabic Paper. *Gazette du Livre Médiéval*. 1996;28(1):9–12. DOI: 10.3406/galim.1996.1329.

References

1. Moreen V. B. *Catalog of Judeo-Persian Manuscripts in the Library of the Jewish Theological Seminary of America*. Leiden, Boston: Brill; 2015. 488 p. DOI: 10.1163/9789004281301

2. Belkina E. The Early Stages of Restoration of Two Judeo-Persian Medieval Manuscripts. *Object – Symbol – Sign in the Slavic and Jewish Cultural Tradition*. Moscow: Sefer; 2019. P. 61–74. (In Russ.) DOI: 10.31168/2658-3356.2019.4.

3. The Israel Academy of Sciences and Humanities. The National Library of Israel. *SfarData*. ספר-תא. *The Codicological Data-Base of the Hebrew Palaeography Project*. – Available from: http://sfardata.nli.org.il/startSearch_He [Accessed 2nd September 2021].

4. Beit-Arie M. Why Comparative Codicology? *Gazette du Livre Médiéval*. 1993;23(1):1–5. DOI: 10.3406/galim.1993.1245.

5. Olszowy-Schlanger J. Check list for observation and evaluation of Hebrew script. *Instrumenta BwB* 2, 2013. – Available from: <http://hebrewmanuscript.com/instrumenta.htm> [Accessed 15th October 2021].

6. Beit-Arie M. Hebrew Codicology. In: Bausi A., Borbone P. G., Briquel-Chatonnet et al. (eds) *Comparative Oriental Manuscript Studies: An Introduction*. Hamburg: COMSt; 2015, pp. 54–55, 208–234. DOI: 10.1353/mns.2016.0004.

7. Iakerson S. M. *Jewish Medieval Book: Codicology, Palaeography and Bibliology*. Moscow: The Russian State Univ. for the Humanities; 2003. 253, [1] p. (In Russ.)

8. Olszowy-Schlanger J. Early Babylonian ‘Documentary’ Script: Diplomatic and Palaeographical Study of Two Geonic Letters from the British Library Cairo Genizah Collection. *Manuscrits hébreux et arabes: Mélanges en l’honneur de Colette Sirat*. Turnhout: Brepols; 2014, pp. 177–195. DOI: 10.1484/M.BIB.1.102091.

9. Beit-Arie M., Engel E., Yardeni A. *Specimens of Mediaeval Hebrew Scripts. Volume I: Oriental and Yemenite Scripts*. Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities; 1987. 325 p. (In Hebr.)

10. Yardeni A. *The Book of Hebrew Script: History, Paleography, Script Styles, Calligraphy & Design*. Delaware: Oak Knoll; 2003. 355 p.

11. Olszowy-Schlanger J. Glossary of Difficult Words in the Babylonian Talmud (Seder Mo'ed) on a Rotulus. In: Brooke G. J., Smithuis R. (eds) *Jewish Education from Antiquity to the Middle Ages: Studies in Honour of Philip S. Alexander*. Leiden: Brill; 2017, pp. 297–323. DOI: 10.1163/9789004347762_014.

12. Netser A. *Manuscripts of the Jews of Persia in the Ben Zvi Institute*. Jerusalem: Makhon Yad ben Tsvi; 1985. 234 p. (In Hebr.)

13. Loveday H. *Islamic Paper: a Study of the Ancient Craft*. London: Archetype Books; 2007. 90 p.

14. Beit-Arie M. The Oriental Arabic Paper. *Gazette du Livre Médiéval*. 1996;28(1):9–12. DOI: 10.3406/galim.1996.1329.

Информация об авторе

Белкина Екатерина Максимовна – аспирант Института восточных рукописей Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия; <https://orcid.org/0000-0002-2592-8679>, e-mail: belkinakat@gmail.com

Information about the author

Ekaterina M. Belkina – Postgraduate of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-2592-8679>, e-mail: belkinakat@gmail.com

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 10 сентября 2021
Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2021
Принята к публикации: 25 ноября 2021
Опубликована: 27 декабря 2021

Article info

Submitted: September 10, 2021
Approved after peer reviewing: November 12, 2021
Accepted for publication: November 25, 2021
Published: December 27, 2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

HISTORY OF THE EAST

Historiography, source critical studies, historical research methods

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Научная статья

Исторические науки

УДК 930.2(07):24[821.584.6+821.581+821.521]

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1238-1249>

Исследование химического состава монет Амира Вали методом рентгенофлуоресцентного анализа

Алексей Николаевич Алёшин

АО «РИЦ «Техносфера», Москва, Россия,

alyoshin.a.n@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7342-4638>

Аннотация. В работе методом рентгенофлуоресцентного анализа с помощью портативного спектрометра TRACER 5i исследован химический состав семи монет Амира Вали номиналом 6 дирхемов двух типов, отчеканенных в Астарабаде в 769 и 775 гг. хиджры (1368 и 1374 гг.). Установлены основной состав монетного сплава и количественное содержание характерных микропримесей. Сравнение с составами сплавов монет предыдущих династий показало преемственность технологий чеканки и общность источников сырья, использовавшихся при изготовлении дирхемов в период правления Амира Вали в Астарабаде. На основании литературных данных о составе добываемой в провинции Зенджан галеновой руды высказано предположение об использовании месторождения, расположенного недалеко от города Дамган, в качестве источника сырья для монетной чеканки.

Ключевые слова: рентгенофлуоресцентный анализ; спектрометр; дирхем; купелирование; аффинаж; торговое серебро; микропримеси

Для цитирования: Алёшин А. Н. Исследование химического состава монет Амира Вали методом рентгенофлуоресцентного анализа. *Ориенталистика*. 2021;4(5):1238–1249. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1238-1249>.

Original article

History studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1238-1249>

Study of the chemical composition of Amir Wali coins by x-ray fluorescent analysis

Alexey N. Alyoshin

Associate printing-and-publication Centre "Technosfera", Moscow, Russia,

alyoshin.a.n@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7342-4638>

Abstract. The chemical composition of seven coins of Amir Wali of six dirhams par value (two types) minted in Astarabad in 769 and 75 Hijri (1368 and 1374 AD) was

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

studied by x-ray fluorescent analysis using a portable TRACER 5i spectrometer. There were established the basic composition of the coin alloy and the quantitative content of the trace elements. The performed comparison with the coin alloys compositions of the preceding dynasties demonstrated continuity of minting technologies and similarity of ore sources used in the production of dirhams during the reign of Amir Wali in Astarabad. Based on the literary data of galenic ores composition mined in the Zenjan province, it is suggested that the raw material for coin mintage was extracted from a deposit located near the city of Damgan.

Keywords: x-ray fluorescent analysis; spectrometer; dirham; coupling; refining; trade silver; trace contamination

For citation: Alyoshin A. N. Study of the chemical composition of Amir Wali coins by x-ray fluorescent analysis. *Orientalistica*. 2021;4(5):1238–1249. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1238-1249>.

Введение

Нумизматика как наука давно обрела самостоятельность и перестала быть «вспомогательной исторической дисциплиной», неким дополнением к общей, всемирной истории, поскольку оперирует не только уникальными историческими источниками – монетами и штемпелями, но и более общими, зачастую фундаментальными понятиями – денежным обращением, динамикой развития экономик государств прошлого, взаимовлиянием и генезисом денежных систем и, не в последнюю очередь, технологиями производства и уровнями развития металлургии. Монета несет в себе информацию не только о явных признаках – месте чеканки, годе выпуска, государстве, династической принадлежности, именах правителей и их заместников, палеографических и геральдических данных, но и о косвенных – сведениях об уровне производства монетного двора, источниках сырья и состоянии экономики государства в целом.

С развитием современных технологий у нумизматов появляются новые, неразрушающие методы изучения химического состава монет и связанных с их изготовлением артефактов. Скорость проведения таких измерений позволяет исследовать большие массивы монет, что дает возможность глубже изучить технологические аспекты денежного обращения как в целом по династии, так и по конкретным периодам времени нахождения у власти отдельных правителей, и даже по монетным дворам и номиналам. Более того, статистически масштабные измерения позволяют выявить характерные «маркеры», специфические химические элементы (и их концентрации), содержащиеся в материале монет, которые могут помочь в определении источников сырья, их локализации, логистики транспортировки, хронологии их использования монетными дворами, а также времени истощения и прекращения использования.

Методы исследования химического состава монет

Исследования химического состава монет предпринимались еще до возникновения нумизматики как таковой. Однако с момента первой пробы монеты «на зуб» до настоящего времени прогресс в инструментарии и точности измерений существенно вырос. В хорошо известной работе Эрла Р. Кейли (см.: [1]) представлены результаты исследований 16 парфянских монет, из которых шесть серебряных драхм исследовались самим автором, а остальные, серебряные и бронзовые, – другими лицами. Недостатками такого подхода являются разрушающие химические методы исследования, не позволяющие в дальнейшем проверить полученные результаты, их недостаточная точность и достоверность измерений. Большая погрешность свойственна и методу гидростатического взвешивания [2], позволяющему определять состав монет, изготовленных из сплава двух, не более, известных компонентов. В специальных работах описаны более современные методы определения химического состава и примесей, такие как нейтронно-активационный анализ (НАА), активационный анализ на быстрых нейтронах (ААБН), протонно-активационный анализ (ПАА) и рентгенофлуоресцентный анализ (РФА) (см., например: [3]). Эти методы имеют ряд существенных преимуществ, однако требуют дорогостоящего оборудования и работы квалифицированного персонала.

С помощью протонно-активационного анализа (ПАА) были исследованы 38 иранских серебряных монет династий Ильханов и Сефевидов [4, Pîxe]. В результате этих исследований были обнаружены Fe, Cu, Zn, Ag, Au и Pb и их соединения, а группа элементов Cu, Pb, Zn и Au выделена авторами как основная, присутствующая в матрице серебра. На языке более поздней терминологии, это «маркеры», характерные элементы данного периода чеканки. Содержимое серебра варьировалось от 55 до 97%, из чего авторы делают вывод об экономических трудностях, сопровождавших государство в периоды правления данных династий, а также об использовании разного сырья для чеканки монет на разных монетных дворах.

Недостатком таких исследований является то, что после них данные монеты трудно исследовать повторно, например, методами неразрушающего контроля. Этим же методом исследовались серебряные монеты Римской империи и династии Сельджуков [5, Elemental comparison], в которых авторы обнаружили Ag, Au, Pb, Cu, Fe, Ca, Si, Cl, Ti и Bi, выделив медь в качестве компонента, намеренно добавлявшегося в монетный сплав для стабилизации экономики. По характерному содержанию Ti, Bi и Zn был сделан вывод об использовании руды разного происхождения, а по содержанию Pb – о степени совершенства развития металлургии. Аналогичный подход был применен при исследовании средневековых европейских (саксонских) монет, что внесло значительный вклад в изучение центральноевропейского монетного дела, в частности польского (см. работу: [6]).

Появление приборов, основанных на использовании рентгенофлуоресцентного анализа (РФА), открыло новую эпоху в подобных исследованиях. Доступность по цене и высокая точность измерений позволяют исследовать обширные массивы монет и собирать статистику, данные которой, после их обобщения и анализа, действительно позволяют выявить особенности металлургического процесса, денежного обращения и изменений в экономике всего человечества на основании исследований нумизматического материала и связанных с ним артефактов – штемпелей, тиглей, заготовок под чеканку монет и многого другого. Общее описание метода приведено в ряде статей в специальных журналах [7–12], здесь отмечу лишь специфические особенности данного метода, позволяющие его применение в портативных приборах, поскольку именно они преимущественно используются для исследований.

РФА-метод имеет две разновидности – волнодисперсионные рентгеновские флуоресцентные системы (ВДРФ-системы, WDXRF) и энергодисперсионные системы (ЭД-системы, EDXRF). В первом случае (ВДРФ-система) источником излучения является рентгеновская трубка, облучающая непосредственно образец, а детектором выступает волнодисперсионная система, измеряющая флуоресценцию образца. При этом характеристическое излучение, исходящее от каждого отдельного элемента образца, можно идентифицировать с помощью кристаллов-анализаторов, разделяющих рентгеновские лучи в зависимости от длины волны. Такой анализ можно выполнить путем последовательного или одновременного (в фиксированных положениях) измерения интенсивности рентгеновских лучей с разной длиной волны. Энергодисперсионные системы основаны на том, что рентгеновская трубка облучает образец, а детектор способен измерять значения энергии характеристического излучения, исходящего непосредственно от образца. Детектор способен разделять излучение образца на излучение различных химических элементов, присутствующих в образце, по энергии излучения. Такое разделение называется дисперсией, а ее анализ позволяет получить данные о химическом составе монеты и долях содержащихся в ней химических элементов.

Немаловажным при выборе инструмента для исследований является программное обеспечение, позволяющее обрабатывать и представлять полученные результаты в удобном для дальнейшего анализа виде.

Экспериментальные исследования методом РФА

Исследований химического состава монет Амира Вали (757–788 г. х. / 1356–1386 гг.) в доступной литературе и прочих источниках обнаружить не удалось. За период своего правления Амир Вали чеканил монеты разных номиналов (6 дирхемов, 4 дирхема, 3 дирхема, 2 дирхема – различных типов). Известны монетные дворы Астарабад (استرآباد) (в 1937 г. был переименован шахом Реза Пехлеви в Горган), Симнан

(سيمنان), Дамган (دامغان), Джаджар (جاجار), Рей (ري), Сабзавар (سبزوار), Варавин (الوراوين) и Джурджан (جرجان). В отличие от распространенной триметаллической системы (золото, серебро, медь), Амир Вали чеканил только серебряные монеты.

В данной работе исследовались семь монет Амира Вали номиналом 6 дирхемов 769 и 775 гг. х. (1368 и 1374 гг.), WD и WF типов, по классификации, приведенной в третьем издании Контрольного списка исламских монет Альбома Стива [13]. Изображения монет обоих типов представлены на рис., а содержание обнаруженных химических элементов всех исследованных монет и их номера в базе восточных монет ЗЕНО¹ сведено в табл.

A, 679AH, WD

B, 775AH, WF

Рис. Фотографии монет Амира Вали 769 и 775 гг. х. WD и WF типов соответственно (A – ZENO 245812, B – ZENO 245815)

Fig. Photos of Amir Wali 769 and 775 Hijrah coins of WD and WF types respectively (A – ZENO 245812, B – ZENO 245815)

Измерения проводились с помощью портативного рентгенофлуоресцентного спектрометра исследовательского класса TRACER 5i. Особенности этого прибора являются новое программное обеспечение, возможность изменения напряжения и тока рентгеновской трубки на встроенном сенсорном экране, изменение диаметров коллиматоров и фильтров первичного излучения. Измерения можно проводить, управляя прибором от компьютера, выбирая необходимые для обработки результатов измерений калибровки. Диапазон обнаруживаемых элементов в исследуемых образцах – от фтора до урана. Прибор позволяет проводить измерения на воздухе, в вакууме и с использованием гелия, что существенно повышает точность измерений.

Глубина проникновения рентгеновского пучка в материал монеты составляет величину от нескольких микрон до нескольких десятков микрон. Этим объясняются небольшие различия в показаниях приборов разных производителей и моделей, особенно когда перед измерениями

¹ ЗЕНО – онлайн-база восточных монет (<https://zeno.ru>), насчитывающая более 275 тыс. монет с изображениями и описаниями с возможностью комментирования специалистами в области восточной нумизматики.

монеты не очищались до металла-«матрицы», и разнообразие обнаруженных примесей, в значительной мере принадлежащих окисным слоям (патине) и загрязнениям поверхности монеты.

Все шесть монет Амира Вали были подвергнуты предварительной очистке в мыльном растворе для снятия поверхностных загрязнений неорганического происхождения и жира человеческих пальцев, со временем приводящего к появлению характерной желтизны поверхности и специфического «монетного» запаха. После очистки в мыльном растворе все монеты были вымыты в дистиллированной воде для удаления остатков жиров и щелочей, содержащихся в моющем растворе, и высушены при комнатной температуре.

Т а б л и ц а . Химический состав монет Амира Вали чеканки 769 и 775 г. х., полученный методом РФА с использованием рентгенофлуоресцентного спектрометра TRACER 5i

T a b l e . Chemical composition of Amir Wali coins minted in 769 and 775 Hijra by XRF using TRACER 5i X-Ray Fluorescence Spectrometer

Номер в ZENO / No. In ZENO	Содержание химических элементов, % Chemical elements content, %			
	Ag, %	Au, %	Cu, %	Pb, %
769AH, type WD				
245814	94.543±0.266	0.940±0.030	2.934±0.052	1.583±0.039
245812	92.427±0.258	0.720±0.027	5.785±0.070	1.068±0.033
775AH, type WF				
190252	98.165±0.266	0.660±0.024	0.788±0.027	0.387±0.023
245815	97.777±0.271	0.209±0.017	1.802±0.041	0.212±0.020
245817	95.964±0.265	0.528±0.023	2.855±0.050	0.653±0.027
245818	96.451±0.263	0.605±0.024	2.266±0.045	0.678±0.027
245819	95.293±0.259	0.718±0.026	3.325±0.053	0.664±0.027

Из таблицы видно, что качество изготовления монет в 775 г. х. выше, чем монет, отчеканенных в 769 г. х. Если в монетах 769 г. х. содержание серебра составляло около 92–94%, меди 3–5%, а свинца 1–1,5%, то в монетах 775 г. х. содержание серебра увеличилось до 95–98%, а содержание меди уменьшилось до 0,8–3,3%, свинца – 0,2–0,68%. Незначительно уменьшилась и доля золота (с 0,7–0,9% до 0,2–0,7%). Это свидетельствует об улучшении экономического положения государства Амира Вали и (или) технологии изготовления дирхемов на монетном дворе Астарабда. Специфических «маркеров» (в частности, висмута, серы, и других) в сплавах исследованных монет обнаружено не было, что свидетельствует о достаточно высоком уровне технологии очистки руды, применявшейся при их изготовлении, либо об изменении источника сырья.

Обсуждение результатов

Для полного и обоснованного утверждения факта улучшения экономического положения, развития металлургии и монетного дела в государстве Амира Вали полученных данных недостаточно, необходимо комплексное хронологическое исследование химического состава монет всех номиналов вышеперечисленных монетных дворов, что представляет собой предмет дальнейших исследований, однако даже на данном этапе можно сделать некоторые выводы о развитии монетного дела во времена Амира Вали на монетном дворе Астарбада.

Известно, что основные запасы серебра сосредоточены в центральной части Ирана – провинциях Керман, Исфахан и Йезд. Серебро добывалось там с давних пор. Однако ввиду удаленности от северных провинций (останов) использование руды из этих источников, переработка в серебро и транспортировка представляются маловероятными.

Наличие незначительного количества свинца и меди в сплаве исследованных монет Амира Вали наводит на мысль о том, что для их производства использовался традиционный, известный еще со времен Сасанидов, метод получения серебра купелированием (аффинаж) из галеновых руд. Галенит – минерал, основу которого составляет сульфид свинца с примесями серебра, кадмия, селена и других элементов. Технология получения серебра довольно примитивна – галеновую руду помещают в тигель в виде чашки с механическим поддувом воздуха, в результате чего она расплавляется, и свинец окисляется на воздухе, отделяясь от серебра вместе с посторонними примесями. Остаются только серебро, золото и платина, которые и используются в дальнейшем для производства монет.

Возможно, применялся также метод сухого аффинажа серебра, когда сухой хлорид перемешивается с карбонатом натрия в равных пропорциях, после чего нагревается в тигле. Поскольку в ходе реакции выделяется газ и объем смеси увеличивается, тигель первоначально заполняли наполовину. После окончания выделения газа остаток материала в тигле плавился, превращаясь в металлический сплав. После охлаждения сплав расплавляют повторно и отливают в слитки-заготовки для дальнейшего использования. Для еще лучшей очистки полученный сплав серебра могут вторично подвергнуть дополнительному купелированию (аффинажу). Таким образом древние иранские металлурги добывались соотношения серебра и золота в сасанидских драхмах в пропорции 95% серебра – 5% золота [14, 15]. Следует учесть при этом, что большие залежи галеновых руд находятся на территории современной провинции (останы) Зенджан на северо-западе Ирана. Исторические связи этих земель с территориями, находившимися под контролем Амира Вали и Сербедаров (Мазендеран, Голестан и Гилян), а также практическая логистика делают это месторождение наиболее вероятным источником материала для монет, чеканившихся при этих правителях.

Безусловно, на востоке для чеканки монет издавна использовалось так называемое «торговое серебро» – остатки серебряной посуды и изделий, украшения, серебряные иностранные монеты и монеты прежних династий, не использующиеся уже как средства денежного обращения. Это было показано в работе, где автор на основе следов примесей-маркеров показал, что для чеканки монет Северного Тохаристана использовался металл сасанидских драхм Пероза [14]. В аналогичном направлении проводились исследования, в результате которых было установлено, что метод РФА указывает на возможность содержания серебра в дореформенных «масудбековских» дирхамах на уровне девяти-десятая (девять частей серебра и одна часть лигатуры с примесями), а в пореформенных кепековских дирхамах на уровне десяти-десятая («чистое» серебро) [16]. Исследовался также химический состав 102 монет хана Золотой Орды Шадибека, входивших в Измирский клад, хранящийся в Национальном музее Татарстана, что позволило выявить распределение серебра в этих монетах и содержание примесей в монетном сплаве, использовавшемся для их отливки [17].

Использование метода РФА в изучении нумизматического материала позволяет существенно расширить наши знания о денежном обращении любых эпох, династий, монетных дворов и преемственности монетного дела, лучше понять технологические и хронологические особенности чеканки, а также выявить источники сырья и пути его транспортировки.

Выводы

Таким образом, на основании проведенных исследований химического состава монет Амира Вали можно предположить, что для их изготовления использовались технологии получения серебра, известные в Иране со времен Сасанидов, такие как купелирование и аффинаж, а источником сырья, вероятно, были галеновые руды провинции Зенджан, а также «торговое серебро», изготовленное по той же технологии аффинажа серебра из руды, не содержащей посторонних характерных маркеров (металлов типа висмут, олово и др.) [18]. Источником «торгового серебра» для чеканки монет Амира Вали мог быть Дамган, находившийся на Великом шелковом пути и бывший важным узлом пересечения торговых путей средневекового Ирана.

Литература

1. Farnsworth M. [Review by:] Earle R. Caley. Chemical Composition of Parthian Coins. *American Journal of Archaeology*. Jan. 1958;62(1):121. DOI:10.2307/500481.
2. Ласкин Д., Сырескин Е. Определение физических характеристик денежных монет как метод проверки их подлинности. *XVIII научно-практическая конференция учащихся «Наука – основа процветающего общества»*. Секция: «Физи-

ка». 2014 г. 16 с. – <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2016/08/25/opredelenie-fizicheskikh-harakteristik-denezhnyh-monet-kak-metod>

3. Analytical Methods for the Determination of the Chemical Composition of Ancient Coins. In: *Κύπριος Χαρακτήρ – Ιστορία, Αρχαιολογία Και Νομισματική Της Αρχαίας Κύπρου*. – <http://kyprioscharacter.eie.gr/en/t/AQ>. (Accessed 13 May 2021).

4. Sodaei Bita. Pixe Analysis Of Silver Coins From Ilkhanid And Safavid Dynasties In Iran: A Case Study. *Zenodo*, *Zenodo*. Nov. 2016. – doi:10.5281/ZENODO.163771.

5. Masjedi P., Khademi F., Neystani J. Kouhpar S. M. M. Elemental comparison of silver coins of Iranian Seljuk with those of Roman Empire by pixe. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*. 2013;13(1):321–328.

6. Pańczyk E. *et al.* The Origin and Chronology of Medieval Silver Coins Based on the Analysis of Chemical Composition. *Nukleonika*. Sept. 2015;6(3):657–663. DOI:10.1515/nuka-2015-0108.

7. Acquafredda P. XRF Technique. *Physical Sciences Reviews*. March 2019;4(8):2018–0171. <https://doi.org/10.1515/psr-2018-0171>.

8. Society of Photo-optical Instrumentation Engineers (author), Chartier D. R. (ed.), McCrone W. (ed.) *Scientific Detection of Fakery in Art II*. 20–21 September 1999. Boston, Massachusetts (Proceedings of Spie – The International Society for Optical Engineering. Vol. 3851). P. 66–74.

9. Janssens K. *et al.* Use of Microscopic XRF for Non-Destructive Analysis in Art and Archaeometry. *X-Ray Spectrometry*. Jan. 2000;29(1):73–91. DOI:10.1002/(SICI)1097-4539(200001/02)29:13.3.CO;2-D.

10. Mantler M., Schreiner M. X-Ray Fluorescence Spectrometry in Art and Archaeology. *X-Ray Spectrometry*. Jan. 2000;29(1):3–17. DOI:10.1002/(SICI)1097-4539(200001/02)29:13.3.CO;2-F.

11. Torrisi L. *et al.* Silver Coins Analyses by X-Ray Fluorescence Methods. *Journal of X-Ray Science and Technology*. 2013;21(3):381–390. DOI:10.3233/XST-130389.

12. Van Ham-Meert, A. *et al.* Sasanian Copper and Billon Coins from the Collections of the Royal Museums of Art and History, Brussels, Belgium–Insights Using Semi-Quantitative Analysis by MXRF. *Archaeological and Anthropological Sciences*. Sept. 2020;12(10):239. DOI:10.1007/s12520-020-01191-2.

13. Album S. *Checklist of Islamic coins*. Third edition. Stephen Album Rare Coins. Santa Rosa CA 95407, 2011. 330 p. ISBN 978-0-615-56244-5. – <http://db.stevealbum.com/php/albumcat.php>

14. Алёшин А. Н. Химический состав монет-подражаний из Северного Тохаристана (Кобадиян и Чаганиан) сасанидским драхмам Пероза I и Хосро I. *III Международная научная конференция «РАСМИР: Восточная нумизматика»*. Сборник научных трудов. Одесса, Украина, 1–3 августа. Одесса: Одесский нац. ун-т им. И. И. Мечникова; 2016. С. 10–16. ISBN 978-966-288-139-4.

15. Begovatov E. *et al.* The Chemical Composition of 10th-Century Silver Coins from the I Semyonovo Unfortified Site (Republic of Tatarstan). *Povolzhskaya Arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)*. Sept. 2013;3(5):169–174. DOI:10.24852/ra2013.3.5.169.174.

16. Байтанаев Б. А., Петров П. Н., Шайхутдинова Е. Ф. Монетная реформа Кепек хана в свете результатов исследования состава монетного серебра мето-

дом РФА. *Поволжская археология*. 2019;4(30):43–54. – <https://doi.org/10.24852/ра2019.4.30.43.54>

17. Bugarchev A., Shaykhutdinova E., Singatullina A., Sitdikov A. About the Golden Horde silver coins of khan Shadibek from Ismeri treasure (Russia). *6th SWS International Scientific Conference on Arts and Humanities 2019. Conference Proceedings*. 2019;6(1):159–166. – <http://doi.org/10.5593/SWG.ISCAH.2019.1>

18. Butts A. *Copper, The Science and Technology of the Metal, its Alloys and Compounds* (Chap. “Machining characteristics”). Am. Chem. Soc. monographs series, New York: Cambridge University Press; 1954. 702 p.

References

1. Farnsworth M. [Review by:] Earle R. Caley. Chemical Composition of Parthian Coins. *American Journal of Archaeology*. Jan. 1958;62(1):121. DOI:10.2307/500481.

2. Laskin D., Syreskin E. Determination of Physical Characteristics of Money Coins as a Method of Authenticity Testing. *XVIII Scientific-Practical Conference of Students “Science – the Basis of Prosperous Society”, Section: “Physics”*. 2014. 16 p. – <https://nsportal.ru/ap/library/drugoe/2016/08/25/opredelenie-fizicheskikh-harakteristik-denezhnyh-monet-kak-metod>

3. Analytical Methods for the Determination of the Chemical Composition of Ancient Coins. In: *Κύπριος Χαρακτήρ – Ιστορία, Αρχαιολογία Και Νομισματική Της Αρχαίας Κύπρου*. – <http://kyprioscharacter.eie.gr/en/t/AQ>. (Accessed 13 May 2021).

4. Sodaei Bita. Pixe analysis of silver coins from Ilkhanid and Safavid Dynasties in Iran: A Case Study. *Zenodo, Zenodo*. Nov. 2016. – DOI:10.5281/ZENODO.163771.

5. Masjedi P., Khademi F., Neystani J. Kouhpar S. M. M. Elemental comparison of silver coins of Iranian Seljuk with those of Roman Empire by pixe. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*. 2013;13(1):321–328.

6. Pańczyk E. *et al.* The Origin and Chronology of Medieval Silver Coins Based on the Analysis of Chemical Composition. *Nukleonika*. Sept. 2015;6(3):657–663. DOI:10.1515/nuka-2015-0108.

7. Acquafredda P. XRF Technique. *Physical Sciences Reviews*. March 2019;4(8):2018–0171. <https://doi.org/10.1515/psr-2018-0171>.

8. Society of Photo-optical Instrumentation Engineers (author), Chartier D. R. (ed.), McCrone W. (ed.) *Scientific Detection of Fakery in Art II*. 20–21 September 1999. Boston, Massachusetts (Proceedings of Spie – The International Society for Optical Engineering. Vol. 3851). P. 66–74.

9. Janssens K. *et al.* Use of Microscopic XRF for Non-Destructive Analysis in Art and Archaeometry. *X-Ray Spectrometry*. Jan. 2000;29(1):73–91. DOI:10.1002/(SICI)1097-4539(200001/02)29:13.3.CO;2-D.

10. Mantler M., Schreiner M. X-Ray Fluorescence Spectrometry in Art and Archaeology. *X-Ray Spectrometry*. Jan. 2000;29(1):3–17. DOI:10.1002/(SICI)1097-4539(200001/02)29:13.3.CO;2-F.

11. Torrisi L. *et al.* Silver Coins Analyses by X-Ray Fluorescence Methods. *Journal of X-Ray Science and Technology*. 2013;21(3):381–390. DOI:10.3233/XST-130389.

12. Van Ham-Meert, A. *et al.* Sasanian Copper and Billon Coins from the Collections of the Royal Museums of Art and History, Brussels, Belgium–Insights Using

Semi-Quantitative Analysis by MXRF. *Archaeological and Anthropological Sciences*. Sept. 2020;12(10):239. DOI:10.1007/s12520-020-01191-2.

13. Album S. *Checklist of Islamic coins*. Third edition. Stephen Album Rare Coins. Santa Rosa CA 95407, 2011. 330 p. ISBN 978-0-615-56244-5. – <http://db.stevealbum.com/php/albumcat.php>

14. Alyoshin A. N. Chemical composition of coins imitating from Northern Tokharistan (Kobadian and Chaganian) to the Sassanid drachms of Peroz I and Khosro I. *III International Scientific Conference "RASMIR: Eastern Numismatics"*. Odessa, Ukraine, 1–3 August, 2016. Odessa: Odesskii nats. un-t im. I. I. Mechnikova; 2016. С. 10–16. ISBN 978-966-288-139-4

15. Begovatov E. et al. The Chemical Composition of 10th-Century Silver Coins from the I Semyonovo Unfortified Site (Republic of Tatarstan). *Povolzhskaya Arkheologiya (The Volga River Region Archaeology)*. Sept. 2013;3(5):169–174. DOI:10.24852/ra2013.3.5.169.174.

16. Байтанаев Б. А., Петров П. Н., Шайхутдинова Е. Ф. Монетная реформа Кепек хана в свете результатов исследования состава монетного серебра методом РФА. *Поволжская археология*. 2019;4(30):43–54. – <https://doi.org/10.24852/ra2019.4.30.43.54>

17. Bugarchev A., Shaykhutdinova E., Singatullina A., Sitdikov A. About the Golden Horde silver coins of khan Shadibek from Ismeri treasure (Russia). *6th SWS International Scientific Conference on Arts and Humanities 2019. Conference Proceedings*. 2019;6(1):159–166. – <http://doi.org/10/5593/SWG.ISCAH.2019.1>

18. Butts A. *Copper, The Science and Technology of the Metal, its Alloys and Compounds* (Chap. "Machining characteristics"). Am. Chem. Soc. monographs series, New York: Cambridge University Press; 1954. 702 p.

Информация об авторе

Алёшин Алексей Николаевич – кандидат физико-математических наук, доцент, заместитель главного редактора журнала «Наноиндустрия», АО «РИЦ «Техносфера», Москва, Россия; <https://orcid.org/0000-0001-7342-4638>, e-mail: alyoshin.a.n@yandex.ru

Information about the author

Alexey N. Alyoshin – Cand. of Sci. (Phys. and Mathem.), Docent, Deputy Chief Editor of Nanoindustry journal, Associate printing-and-publication Centre "Technosphaera", Moscow, Russia; <https://orcid.org/0000-0001-7342-4638>, e-mail: alyoshin.a.n@yandex.ru

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 14 мая 2020
Одобрена после рецензирования: 03 ноября 2021
Принята к публикации: 25 ноября 2021
Опубликована: 27 декабря 2021

Article info

Submitted: May 14, 2020
Approved after peer reviewing: November 03, 2021
Accepted for publication: November 25, 2021
Published: December 27, 2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

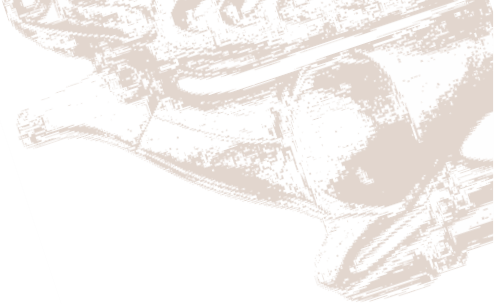
Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

HISTORY OF SCIENCE
ИСТОРИЯ НАУКИ

■ **Oriental Studies**
Востоковедение

HISTORY OF SCIENCE Oriental Studies ИСТОРИЯ НАУКИ Востоковедение

Научная статья

Исторические науки

УДК 930.1+929:930.25«Гордлевский»+2-846

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1251-1268>

Изучение В. А. Гордлевским езидов

Нодар Зейналович Мосаки

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия,

nodarmossaki@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8268-006X>

Аннотация. В настоящей статье автор анализирует обнаруженные в фонде академика В. А. Гордлевского в Архиве РАН материалы, свидетельствующие о его интересе к езидам, о чем ранее не было известно. Приводится записка В. А. Гордлевского о езиде Хныса Эрзурумского вилайета, составленная им в связи с обнаружением в работе известного ирландского географа и путешественника Генри Финиса Блоса Линча неточности о езидском населении в Хнысе, точнее – о якобы отсутствии там езидов. Кроме того, анализируется обширный библиографический материал о езиде, подготовленный В. А. Гордлевским, и небольшие записи, которые подтверждают его интерес к этой народности, а также наброски к написанию статьи о езиде. Записи из архива В. А. Гордлевского показывают широту его научного охвата, фундаментальную библиографическую подготовку даже по весьма слабо освещенным темам и свидетельствуют о глубочайших его познаниях об Османской империи. Для езидоведов ценность его записей состоит в том, что в них упоминаются некоторые ныне малоизвестные источники.

Ключевые слова: Владимир Александрович Гордлевский (1876–1956); Османская империя; секты; езидизм; езиды; курды

Для цитирования: Мосаки Н. З. Изучение В. А. Гордлевским езидов. *Ориенталистика*. 2021;4(5):1251–1268. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1251-1268>.

Original article

History studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1251-1268>

The study of Yezidis by Vladimir Gordlevsky

Nodar Z. Mossaki

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

nodarmossaki@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8268-006X>

Abstract. In this article, the author analyzes the scholarly heritage of Vladimir Gordlevsky (1876–1956), a Member of the Russian Academy, preserved in the Archive of the Russian Academy of Sciences. This heritage reveals Gordlevsky's interest in the Yezidis, the fact, which was previously not known. Some notes and remarks by V. A. Gordlevsky regarding the Yezidis from the Khnys of the Erzurum region, refer to the mistakes and in-

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

accuracies found in the work of the famous Irish geographer and traveller H. F. B. Lynch (1862–1913) wrote about the alleged absence of the Yezidi population in Khnys. In addition, the article analyzes the extensive bibliographic material about the Yezidis, prepared by V. A. Gordlevsky and small notes that confirm his interest in this ethnoreligious group as well as the preparatory material, which was collected by him for an article about the Yezidis. Various records from V. A. Gordlevsky's archive reveal the breadth of his scholarly erudition, his ability to create a fundamental bibliographic background, even on very poorly researched topics. They also are clear evidence of his deepest knowledge about even the smallest details, which pertain to the history and culture of the Ottoman Empire. These data are also valuable for the scholars of Yezidi studies since they mention some now little-known sources.

Keywords: Gordlevsky, Vladimir Aleksandrovich (1876–1956); Ottoman Empire; sects; Yezidism; Yezidis; Kurds

For citation: Mossaki N. Z. The study of Yezidis by Vladimir Gordlevsky. *Orientalistica*. 2021;4(5):1251–1268. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1251-1268>.

Введение

Академик Владимир Александрович Гордлевский (1876–1956) по праву считается одним из выдающихся отечественных востоковедов, по словам И. Ю. Крачковского, «в некоторых отношениях» не имея «себе равных за всю историю нашей востоковедной науки» (цит. по: [1, с. 7]). Будучи тюркологом самого широкого профиля (от языкознания и фольклора до современной истории) [1; 2; 3; 4, 5], он являлся историком «всего Ближнего Востока» [4, с. 11] и внес значительный вклад в развитие смежных областей – исламоведения, арабистики, иранистики и курдоведения. Не случайно Н. А. Халфин в своей статье, посвященной курдской историографии, в числе немногих дореволюционных востоковедов, с которыми связано развитие отечественного курдоведения, называет и В. А. Гордлевского [6, с. 154–155]. Различные статьи и заметки В. А. Гордлевского, написанные им во время Первой мировой войны («Из наблюдений над курдами» [7, 113–120], «Курды и война» [7, с. 120–123], «У сьупхандагских курдов (Из поездки на Кавказский фронт)» [7, 447–457; 8], «Из жизни курдов» [9], а также рецензия на известную работу В. Минорского [10])¹, стали важным подспорьем для курдологов. Собирая во время своих командировок в Турцию письменные материалы (главным образом, естественно, турецкие), В. А. Гордлевский привозил и курдские рукописи [11, с. 13; 12, с. 179].

В контексте интереса В. А. Гордлевского к курдам можно отметить и наличие работ о них в его библиотеке, завещанной им Институту востоковедения АН СССР (РАН) [13]. Надо признать, что при оценке его вклада в востоковедение ученые-некурдоведы, как правило, не упоминают об интересе этого исследователя к курдам (см., например: [14, с. 75; 15, с. 156]), что обусловлено не только несколько периферийным положени-

¹ О курдах и населенных ими районах говорится и в других его работах.

ем курдоведения как направления, но и явным преобладанием в наследии В. А. Гордлевского работ по другим темам.

До сих пор в публикациях по истории отечественного востоковедения не упоминалось о каком-либо интересе В. А. Гордлевского к езидоведческой тематике. Тем более что эта тема традиционно была включена в курдоведение, и сам ученый, следуя данной традиции (см., например: [16]), когда изредка упоминал об езидах в опубликованных работах, относил их к курдам². Отсутствие сведений о внимании В. А. Гордлевского к езидам весьма удивительно. Он до тонкостей знал все детали жизни и быта населения Османской империи и всегда испытывал интерес к различным сектам и орденам, в первую очередь – имевшим суфийские корни, как, собственно, и езидизм. Соответственно В. А. Гордлевский должен был иметь о езидах, составлявших до Первой мировой войны заметное меньшинство в Восточной Анатолии, особенно в районах, примыкавших к границе с Российской империей, а также в западной части Мосульского вилайета, какие-то познания.

Обзор материалов архива В. А. Гордлевского о езидах

В. А. Гордлевский, кроме большого количества опубликованных работ, оставил огромный архив, включающий различный обширный материал от переписки до рукописей, в том числе весьма интересные рабочие записи и библиографические карточки, рассредоточенный по различным единицам хранения, некоторая часть которых связана с езидами. Изучению этих записей и посвящена настоящая статья.

Так, фонд В. А. Гордлевского в Архиве РАН содержит дело под названием «Мусульманская секта езидцов (иезидиев) Хнысского района. Черновые наброски. Автограф. 1920», включающее в себя 5 листов [17]. Название ему, скорее всего, дали архивариусы, видимо, исходя из заголовка хранящегося в нем текста, составленного 2 июля 1920 г. – «Езидцы». Причем надо заметить, что в одном из двух упоминаний о езидах, которые мы смогли обнаружить в опубликованных позднее работах В. А. Гордлевского, он говорит о них лишь как о «сектантах-езиди» без атрибуции к исламу [18, с. 272].

Ранее указанное дело, как следует из листа ознакомления, просматривали два человека – в 1975 г. известный советский востоковед, автор многочисленных работ по истории отечественного востоковедения, в том числе и книги о В. А. Гордлевском, А. П. Базиянц [11] (судя по времени ознакомления, во время работы над этой книгой), а также в 1987 г. некий Херисчи³.

² Так, ведя речь о проводнике – курде, В. А. Гордлевский уточняет, что тот являлся езидом из Эриванской губернии [7, с. 448].

³ Возможно, это был азербайджанский литературовед, доктор филологических наук Гафар Али оглы Кендли-Херисчи, опубликовавший вскоре работу о Хакани [19].

Условно первый лист из рассматриваемого дела (очевидно, начало текста), нумерация в котором неразборчива, написан от руки на обрывке листа размером в половинку тетрадного листочка.

В этом небольшом тексте, публикуемом впервые, выдающийся российский востоковед, как и в своих других работах, представляет знание мельчайших подробностей изучаемого региона. Судя по всему, этот текст о езидях был написан В. А. Гордлевским по результатам его нахождения на Кавказском фронте летом 1916 г. в качестве корреспондента газеты «Русские ведомости» и военного переводчика [11, с. 13]. Как он отмечал в своей работе «Из религиозной жизни кызылбашей Малой Азии», во время поездки на Кавказский фронт летом 1916 г. он при содействии исполнявшего тогда обязанности переводчика при штабе 4-го корпуса М. М. Попова записал в Хынысе [18, с. 255]⁴ Эрзурумского вилайета названия кызылбашских селений Хынысского района⁵.

Поводом к этой записи В. А. Гордлевского послужила обнаруженная им в работе известного ирландского географа и путешественника Генри Финиса Блоса Линча (1862–1913) [21; 22]⁶ неточность о езидском населении в Хынысе, точнее – о якобы отсутствии там езидов. Можно предположить, что эта запись В. А. Гордлевского о езидях и их численности была обусловлена не просто мелкой неточностью Линча, весьма подробно описавшего регион своей экспедиции, но важной ролью Хыныса в демографии этой народности. Располагаясь к северо-западу от озера Ван и к юго-западу от Кагызмана, Хыныс представлял собой часть пространства, называемого в курдской традиции «Сархад» (пограничье Турции / Восточной Анатолии с Российской империей)⁷, в котором численность езидов была весьма заметна⁸.

⁴ Именно так (Хыныс) этот район приводится в «Избранных сочинениях» В. А. Гордлевского, хотя в его рукописях записано в соответствии с принятым в русской дореволюционной традиции – Хныс (Хнысский), а в книге Линча (см. далее) – Хинис. Мною в настоящей статье написание этого района используется в соответствии с источником, о котором идет речь.

⁵ О пребывании В. А. Гордлевского в Хынысе в 1916 г. см. также: [18, с. 260, 499]. В своих работах В. А. Гордлевский еще несколько раз упоминает М. М. Попова, сообщавшего ему различные сведения о кызылбашах [18, с. 261], а также о пословицах, приводимых (речь идет о сведениях М. М. Попова, являвшегося тогда российским «консульским агентом в Багдаде») в работе «Замечания на “Пословицы крымских татар”», изданной П. А. Фалевым [20, с. 246].

⁶ В. А. Гордлевский посвятил работе Линча рецензию, опубликованную в газете «Русские ведомости» (1911, № 153). В своих работах В. А. Гордлевский неоднократно ссылается на книгу Линча, причем нередко в связи с уточнениями различных сведений, содержащихся в ней [18, с. 323, 388, 260–261; 7, с. 115, 131, 133, 144, 329, 388, 534].

⁷ Подробнее о «Сархаде» см.: [23].

⁸ Примечательно, что В. А. Гордлевский корректирует и представленную Линчем статистику о количестве селений кызылбашей-курдов в Хынысском районе – с 15 (эти сведения Линчем даны там же, где и об отсутствии езидов в Хынысе) до 35 [18, с. 260–261].

При этом, судя по имеющимся в этом небольшом деле другим материалам (записям), а также сведениям из дел, посвященных другим сектам, В. А. Гордлевский планировал подготовку текста о езидах.

В деле имеется еще один отдельный тетрадный листок (точнее – половина листа тетради), на котором написано «Езидцы» и далее: «При посредстве М. М. Попова... (нрзб. – *Н. М.*) переводчика при штабе 4-го Кавказского армейского корпуса». Там же карандашом очень мелким почерком неразборчиво написано несколько небольших строк, из которых я смог разобрать имя «шейх Ади⁹, Мосул[ьский]. вил[айет]. Главным центром...¹⁰ Мурад I (XIV в.)»¹¹. Далее тем же карандашом указано: «Hist. de l'Emp. Ottom 1835 I 251»¹², следом чернилами: «H. F. V. Lynch, Armenia... 1901, т. II, 187 He knew of no Yezidis within the limit of his district»¹³. Далее написано «В Диадинском окр. Езид 868 дымов Их нрзб, им покровительствуют».

В архиве В. А. Гордлевского имеются и другие материалы, свидетельствующие о его интересе к езидам. В одном из дел, озаглавленном «Переднеазиатские и кипрские секты» [25], включающем различные небольшие надписи на клочках бумаги, имеется вырезка из англоязычной газеты *Baghdad Times*, no. 6204, 1932, 17/VIII [26; 25, л. 93], на которой от руки карандашом (очевидно, В. А. Гордлевским) написано «Езиды». В этом сообщении, как понятно из названия, говорится о езидах, которые в связи с рассмотрением Комиссии Лиги Наций вопроса о делимитации иракско-сирийской границы в районе компактно населенного ими Синджара привлекали определенное внимание. Автор заметки, повторяя широко распространенные в то время представления о езидах как якобы о дьяволопоклонниках, излагал некоторые сведения об этой религиозной общности, численность которой в результате неоднократных истреблений при турках существенно сократилась.

Понятно, что В. А. Гордлевский в своих оценках в этом контексте опирается на информацию, почерпнутую из опубликованных источников западных исследователей, нередко приписывающих езидам несуществую-

⁹ Шейх Ади (70-е гг. XI в. – 60-е гг. XII в.) – главный езидский святой, основатель братства Адавия, на основе которого впоследствии был сформирован езидизм. Считается земным воплощением Бога.

¹⁰ Очевидно, речь идет о месте компактного расселения езидов в Мосульской области и расположенном там главном езидском храме – Лальше.

¹¹ Имеется в виду первый султан Османской империи – Мурад I (годы жизни 1326–1389), однако, как он мог быть связан с езидами, остается загадкой.

¹² Одиннадцатитомный монументальный труд об Османской империи: Von Hammer[-Purgstall] J. Histoire de l'Empire ottoman, depuis son origine jusqu'à nos jours, издававшийся в 1835–1843 гг. [24]. В. А. Гордлевский отметил для себя т. 1.

¹³ Здесь ссылка на работу Линча: [22, vol. II, p. 187]. Соответствует ссылке на работу Линча в переводе на русский язык: [21, т. II, с. 240].

щие верования¹⁴, а также на бытующие в ортодоксальной мусульманской среде оценки, в которых намеренно извращалась вера езидов, вызывавшая к ним презрение. Тем не менее этот аспект религиозных верований, приписываемый езидам, его интересует весьма опосредованно.

Кроме того, некоторые ссылки на литературу, относящуюся к вопросу об езидях, имеются в архивном деле о дервишском ордена мевлевие [33], о котором В. А. Гордлевский в своих работах писал довольно часто. Причем любопытно, что, не будучи специалистом по езидам, он, судя по записям, усматривает определенное сходство между езидами и мевлевие. Надо отметить, что и многие езидоведы ставили вопрос о параллелях в верованиях езидов и мевлевие, которых они называли «наиболее интересной из мистических сект ислама» [32, с. 86].

На одном из клочков бумаги [33, л. 82], хранящихся в этом деле, имеется вопрошающая надпись: «“Шемши” – в Мардине почитатели огня, секта езидская?», на другом – “Russeger, I, 670” [33, л. 80]¹⁵. Здесь, скорее всего, В. А. Гордлевский вполне обоснованно задается вопросом, не относятся ли огнепоклонники шемси к езидам, библиографически отмечая для себя страницу из книги Й. Руссеггера, где тот косвенно отождествляет шемси с езидами. Й. Руссеггер, описывая езидов, «200-тысячное племя курдов», в то же время указывал на отличие их обычаев от других курдов (курдов-мусульман), презрительное отношение к езидам, скрывающим догматы своей религии, со стороны мусульман и сближал езидскую религию с древнеперсидскими верованиями и зороастризмом, утверждая, что турки якобы делят езидов на несколько сект, в том числе солнцепоклонников-шемси и дьяволопоклонников [34, S. 669–670, 867–869].

Там же В. А. Гордлевским записано: «Экспедиция инженера Г. Черника (Приложение к т. VI “Известий Кавказского отдела И. Р. Г. О.”, Тифлис, 1879)¹⁶. Gregoire. Histoire de sectes. Paris¹⁷. 1828. Т. IV, стр. 266–268»¹⁸.

Примечательно, что работы Й. Руссеггера и И. Черника приведены В. А. Гордлевским в числе прочих в качестве дополнительной – «случайной... библиографии» «о кызылбашах» в посвященном им параграфе «Государства Сельджукидов Малой Азии» [18, с. 260].

¹⁴ См. хотя бы названия следующих работ: [27; 28; 29; 30, 31]. См. также: [32, с. 81].

¹⁵ Имеется в виду книга известного австрийского путешественника и натуралиста Иозефа фон Руссеггера (1802–1863) [34].

¹⁶ Имеется в виду издание: [35]. На с. 130 упоминаются «шемсиахи, живущие около Мардина», на с. 129–130 (в общем), 143 (о жителях Мардина) материалов этой экспедиции говорится о езидях.

¹⁷ Фундаментальный шеститомный труд французского католического священника Батиста-Анри Грегуара (1750–1831) [36].

¹⁸ Здесь В. А. Гордлевский ссылается на т. IV труда Грегуара [36]. В этом томе 24-я глава (Chapitre XXIV) посвящена секте огнепоклонников «шемси» в Мардине (“Shamsia”, “Shamsis”) [36, p. 266–268], а 23-я глава (Chapitre XXIII) – езидам (“Jézides” ou “Yézidis”) [36, p. 250–265].

На одном из листочков [33, л. 21] сделана карточка под названием «али-илахи» с указанием источника по этой теме: «В. Минорский. Материалы для изучения персидской секты люди истины. М., 1911 (=Труды по востоковедению. Вып. XXXIII)» [37]. Отдельная карточка была В. А. Гордлевским создана под названием «шабаки» [33, л. 28], о секте, также населявшей Мосульскую область, на ней указано сокращенное название какой-то книги из двух прописных букв и далее [том] IV, [стр.] 255. Еще одна карточка – под названием «езидцы» [33, л. 29], на которой написано «Библиография у Th. Menzel¹⁹. А. Елисеев (*нрзб* два слова) 1888, № 1–2 (По белу свету, т. III)²⁰. Н. Mapp, ЗВО, XX, 137²¹. Gregoire. Histoire de sectes (о них писал в XVII М. Lefevre. Theatre de la Turquie)»²². Далее В. А. Гордлевским указано сокращенное название еще пары книг, которые мне не удалось идентифицировать («Mel. Fac. (?) II 366–396. Strothmann Der *нрзб*, IV, 72 (157?)»).

На отдельных листочках имеются также надписи: «Язиды в Алеппо. A. Vandol, Voyage le...»²³ 156 [33, л. 85], «Язиды, О язидях, *нрзб* (автор)», 896 [33, л. 92].

Таким образом, из содержащихся в архивах заметок и черновиков видно, что В. А. Гордлевский осуществлял глубокую библиографическую подготовку к написанию специальной работы, посвященной езидам, отбирая для ее написания не только основные фундаментальные труды непосредственно по езидам, но и по сектам в целом²⁴.

Анализ записки В. А. Гордлевского о езидях

В своей записке В. А. Гордлевский называет «езидцев» сектантами, относя их, наряду с некоторыми другими группами (сектами), к одному из направлений неортодоксального ислама. Очевидно, подобная оценка обуславливалась элементами сходства езидизма с суфизмом, на что обращали внимание и другие востоковеды, не занимающиеся конкретно кур-

¹⁹ Скорее всего, здесь речь идет о статье Теодора Мензеля в *Enzyklopaedie des Islam*: [38]. Однако следует отметить и еще одну работу этого автора, посвященную езидам [39].

²⁰ Имеется в виду очерк А. В. Елисеева [40].

²¹ Здесь имеется в виду работа Н. Марра [41]. Параграф V, начинающийся со страницы 137, отмеченной В. А. Гордлевским, открывается темой «О происхождении езидства».

²² В начале главы, посвященной езидам, Грегуар как раз ссылается на Мишеля Лефевра: «Les Jézides, répandus dans diverses contrées de l'Orient, habitant surtout les montagnes de Singiar... Quelques détails sur ces peuplades ont été imprimés au dix-septième siècle, dans le *Théâtre de la Turquie*, par Michel Lefèvre» [36, p. 250].

²³ Судя по всему, имеется в виду французское издание 1900 г. [42]. Однако мне не удалось ознакомиться с этой книгой и, соответственно, проверить ссылку В. А. Гордлевского на с. 157 о езидях Алеппо.

²⁴ В фонде В. А. Гордлевского, кроме уже упомянутых дел, содержащих сведения об езидях и мевлевие [17; 25; 33], имеются дела и по другим сектам [43; 44; 45], включающие его наброски и заметки, а также библиографические карточки.

дами или езидами²⁵. Между тем надо заметить, курдоведы, анализируя езидизм, в первую очередь уделяли внимание влиянию на него различных древнеиранских и христианских верований, что было призвано как раз отдалить езидизм от суфийской и – в широком смысле – от мусульманской традиции, очевидно, принимая во внимание взаимную вражду между этими сообществами.

При этом В. А. Гордлевский отмечает, что езиды подчеркивали свою симпатию к русским, надеясь на их помощь и защиту от соседей-мусульман, которые в составе созданных в конце XIX в., преимущественно из курдов и черкесов, иррегулярных полков (хамидие) и регулярной турецкой армии грабили и убивали езидов и угоняли в плен их женщины²⁶. Причем, если в составе хамидие это делали в основном курды[-мусульмане] – по религиозному признаку, то турецкая армия – по этническому, воспринимая езидов как раз в качестве курдов. В связи с этим «езиды»²⁷ Хныса, обращаясь к русскому командованию за защитой, заявляли о своем подчинении «Белому царю», который, как известно, представлял собой образ защитника униженных и гонимых этнических групп на Востоке [47], коими, безусловно, являлись и проживавшие во враждебной мусульманской среде езиды. При этом известно, что при любой возможности езиды, проживавшие в прилегающих к российской границе районах Турции, обращались к русским с просьбой о переселении в пределы России²⁸.

По мнению В. А. Гордлевского, составление этого прошения на русском языке и использование «титла» «Белый царь» может указывать на его подготовку русскоподданными езидами, находившимися «в войсках, и в общественных учреждениях (в Союзе Городов)» России. Предположение В. А. Гордлевского вполне обосновано, поскольку Россия (Российская империя, впоследствии – в форме СССР, не считая кратковременного периода независимости Грузии в 1918–1921 гг.) стала первым и на протяжении долгого времени (до начала относительно заметной миграции в страны Западной Европы с 60-х гг. XX в.) оставалась единственным государством, где езиды оказались вне мусульманского гнета. В свою очередь, отношение к езидам русского военного начальства, очевидно, хорошо осведомленного о настроениях местного населения, было «благосклонным».

Взаимные симпатии езидов Османской империи и русских военачальников, несших службу в Восточной Анатолии, хорошо известны в дореволюционной литературе. Так, М. Лихутин, известный, по словам

²⁵ Так, И. Ю. Крачковский упоминал езидов («иезидиев») как «верхне-месопотамскую секту» [46, с. 135].

²⁶ Действия этих формирований мало отличались от действий отрядов ИГИЛ (запрещено в России) спустя сто лет в Ираке и Сирии, также грабивших езидов и уводивших в плен езидских женщин.

²⁷ В. А. Гордлевский приводит самоназвание езидов.

²⁸ Так, в конце XIX в. духовный глава езидов шейх Наср говорил И. Н. Березину о желании езидов, проживающих «около Баязида», переселиться «в пределы России» [48, с. 453].

М. С. Лазарева, своим прагматическим взглядом на курдов [49, с. 160], указывал, что «езиды самые честные и миролюбивые из всех курдов, занимаются более других хлебопашеством, никогда не были замечены нами в грабежах и воровстве и оказывали русским наибольшую преданность и верность; на сведения сообщаемые ими о турецком войске без всяких подкупов и платы, как лазутчикам, а добровольно по собственному побуждению, можно было положиться более, чем на показания других курдов и даже армян» [50, с. 149]. К курдам[-мусульманам] отношение М. Лихутина было весьма критическим. Во время Первой мировой войны русские офицеры оказывали езидам гуманитарную помощь [51].

Упомянутая В. А. Гордлевским общественная организация «Союз городов» («Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам»), оказывавшая содействие российским властям по организации помощи беженцам во время Первой мировой войны, активно действовала (точнее – ее Кавказский комитет) в районах, компактно населенных до войны в том числе и езидами, страдавшими от нападения «обнаглевших курдских шаек», которых не останавливало даже нахождение поблизости русского гарнизона [52, с. 40].

Что касается неточности Линча, В. А. Гордлевский приводит свои данные, основываясь на предоставленных М. М. Поповым сведениях о численности езидов в Диадинском округе во время [Первой мировой] войны в количестве почти в 4,8 тыс. человек и о 40 деревнях в Хнысском районе. Ко времени составления этой записи В. А. Гордлевским в 1920 г. езидов в Хнысском уезде, как и в других районах Восточной Анатолии, уже не было. После Первой мировой войны, как известно, небольшая часть езидов осталась лишь в той части Турецкого Курдистана, которую именуют Юго-Восточной Анатолией – в районах Батмана, Мардина и Урфы.

Далее приводится текст В. А. Гордлевского с моими комментариями.

В. А. Гордлевский

Езидцы²⁹

Линч (Армения. Тифлис. 1910. Т. II стр. 240)³⁰, перечисляя население Хнысского района³¹, умалчивает об езидцах³². А между тем они были и

²⁹ Теперь их называют и “езидиями” (прим. В. А. Гордлевского. – Н. М.).

³⁰ Соответствует ссылке [21, т. II, с. 240]. В подлиннике [22, vol. II, p. 187].

³¹ В главе VIII 2-го тома своей книги «От Муша до Эрзерума» Линч пишет о посещении города Хиниса, который являлся главным центром «торговли овцами, вскормленными на пастбищах Бингэль-Дага», куда съезжались купцы из больших городов, в основном из Дамаска, посещающие Эрзерум. Овец из Хиниса гоняли через горы к Диярбакыру и далее через равнины к сирийской столице [21, т. II, с. 239–240].

³² Как писал Линч, каймакам (глава уезда) Хинисской казы (уезда), включавшей 287 селений и являвшейся составной частью Эрзерумского вилайета, сообщил ему, что в Хинисе 387 домов, из которых 250 заняты мусульманами (1350 человек) и 137 армянами (586) при преобладании мужского населения над женским, однако «не знал никаких езидов в пределах своей области» [21, т. II, с. 240].

там. Вот – мелочи, собранные мною в Хнысе летом 1916 года благодаря любезности М. М. Попова. Как все сектанты малоазиатские – езидцы также сторонятся от мусульман-суннитов. Определенно отделяя себя от османцев, активных борцов во время войны между Турцией и Россией, они подчеркивали неизменность расположения к русским, вероятно, чтобы сколько-нибудь гарантировать себе и имуществу неприкосновенность. В Хнысе они подали начальнику штаба корпуса прошение; они жаловались «правосудному и милостивому Белому царю на обиды “хамидия” (т. е. “хамидиз” – курдская кавалерия) и аскеров (регулярная турецкая пехота, которые отобрали у них дочерей, угнали скот; ныне люди из солдат прибывают к нам и грабят, принимая за курдов... Мы, ези, покорились Белому царю, дабы он защитил нас» – Вместо подписи, за неграмотностью (русский) были обведены на листе чернилами пальцы. Прошение написано было на русском языке; титул «Белый царь» указывается, как будто, вдохновителями прошения были русские подданные езидцы, находившиеся у нас и в войсках, и в общественных учреждениях (в Союзе Городов).

Во время войны в Диадинском округе было 868 «дымов» езидцев, мужчин – 1313, женщин – 1351, детей – 2089; в Хнысском районе было у них 40 деревень, во главе них стоял Хасан-ага, который едва говорил по-османски. Военное начальство смотрело на езидцев благосклонно.

Вл. Гордлевский

Москва, 2-го июля 1920 года.

Заключение

Учитывая, что архивные публикации о езидах весьма редки, записи В. А. Гордлевского – большого знатока Османской империи, к тому же посещавшего многие ее районы, его поправки к сведениям Линча о езидах, точнее – о якобы их отсутствии в конкретном районе, весьма важны для изучающих эту этноконфессиональную общность. Остается лишь сожалеть, что работа о езидах, которую, очевидно, готовил выдающийся российский востоковед, так и не была им написана. Причем о его интересе именно к езидам ранее, судя по его опубликованным работам, ничто не свидетельствовало, что представлялось несколько удивительным, учитывая, что его произведения включали в себя и подробное изучение различных этнических групп и сект Османской империи, а езиды являлись заметным элементом в Восточной Анатолии, особо хорошо знакомой В. А. Гордлевскому.

Записи В. А. Гордлевского и примечания, сделанные им, поднятые ныне из архивных дел, еще раз убеждают нас в широте научного охвата этого ученого, показывают его фундаментальную библиографическую подготовку даже по весьма слабо освещенным темам и свидетельству-

ют о глубочайшем знании положения дел в Османской империи. Особую ценность для езидоведов представляет упоминание В. А. Гордлевским некоторых источников, которые, судя по имеющейся современной литературе об этой религиозной общности, ни в его время, ни впоследствии не использовались.

Литература

1. Бертельс Е. Э. Владимир Александрович Гордлевский. *Академику Владимиру Гордлевскому к семидесятипятилетию. Сборник статей*. М.: Изд. АН СССР; 1953. С. 5–9.
2. Крачковский И. Ю. Владимир Александрович Гордлевский. *Труды Московского института востоковедения*. Вып. 4. М.: Ин-т востоковедения АН; 1947. С. 3–6.
3. Бертельс Е. Э. Владимир Александрович Гордлевский. *Краткие сообщения Института востоковедения*. Т. XXII. М.: Изд. АН СССР; 1956. С. 3–6.
4. Баскаков Н. А. Академик В. А. Гордлевский – филолог-историк. *Академику Владимиру Гордлевскому к семидесятипятилетию. Сборник статей*. М.: Изд. АН СССР; 1953. С. 10–22.
5. Чествование академика В. А. Гордлевского. *Вестник Академии наук СССР*. 1951;11:72–74.
6. Халфин Н. А. Курдская историография в СССР и некоторые ее проблемы. *Вопросы истории*. 1966;8:154–161.
7. Гордлевский В. А. *Избранные сочинения*. Т. III. М.: Восточная литература; 1962. 588 с.
8. Гордлевский В. А. *У сипандагских курдов. Из поездки на Кавказский фронт*. Петроград: Восточная типография «Аманэт»; 1917. 34 с.
9. Гордлевский В. А. Из жизни курдов. *Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества (ИКОИРГО)*. 1914;22(4):456–461.
10. Гордлевский В. А. [Рец. на:] Минорский В. Курды. Заметки и впечатления. *Русские ведомости* [Петроград]. 1915. № 294.
11. Базиянц А. П. *Владимир Александрович Гордлевский*. М.: Наука; 1979. 80 с.
12. Ли Ю. А. В мемориальном кабинете-библиотеке имени академика В. А. Гордлевского. *Восток (Oriens)*. 1998;2:179–182.
13. Болдырев А. В. О некоторых материалах по истории Османской империи кабинета-библиотеки имени академика В. А. Гордлевского Института востоковедения РАН. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019;2(8):241–246.
14. Чествование члена-корреспондента АН СССР В. А. Гордлевского. *Вестник Академии наук СССР*. 1946;11–12:74–75.
15. Институт востоковедения АН СССР. Редакция журнала «Советское востоковедение». В. А. Гордлевский (1876–1956). *Советское востоковедение*. 1956;5–6:156–157.
16. Егиазаров С. А. *Труды С. А. Егиазарова*. 1. *Краткий очерк курдов Эриванской губернии*. 2. *Курманджийские тексты*. [Под ред. и с предисл. Л. Загурского].

3. *Краткий этнографическо-юридический очерк езидов Эриванской губернии*. Тифлис: Типография Канцелярии главноначальствующего гражд. частью на Кавказе; 1884. 232 с.

17. Архив РАН. Ф. 688 (Гордлевский Владимир Александрович, академик востоковед). Оп. 1. Ед. хр. 72. Название дела: *Мусульманская секта езидов (иезидиве) Хнысского района. Черновые наброски*. Автограф. 1920. 5 л.

18. Гордлевский В. А. *Избранные сочинения*. Т. I. М.: Восточная литература; 1960. 551 с.

19. Кендли-Херисчи Г. А. *Хагани Ширвани (Жизнь, эпоха, среда)*. Баку: Элм; 1988. 589 с.

20. Гордлевский В. А. *Избранные сочинения*. Т. IV. М.: Восточная литература; 1968. 611 с.

21. Линч Х. Ф. Б. *Армения. Путевые очерки и этюды*. В 2-х т. Т. I: *Русские провинции*. Т. II: *Турецкие провинции*. Пер. с англ. Е. Джунковской. Тифлис. Изд. торгового дома «И. Е. Питоев и К°». Тип. М. Мартиросянца; 1910. 599 с.; 676 с.

22. Lynch H. F. B. *Armenia: Travels and Studies*. Vol. I: *The Russian Provinces*. Vol. II: *The Turkish Provinces*. London – New York: Longmans, Green, and Co.; 1901. 470; 512 p.

23. Пирбари Д. *Езиды Сархада (исход из Курдистана на Южный Кавказ), XIX – нач. XX в.* Тбилиси – Москва: Тбилисский ин-т Азии и Африки; Московский издательский дом; 2008. 301 с.

24. Von Hammer[-Purgstall] J. Depuis la fondation de l'Empire ottoman jusqu'au second siège de Constantinople sous Yildirim Bayezid, 1300–1400. Vol. 1. Paris: Bellizard, Barthes, Dufour et Lowell; 1835. 436 p.

25. Архив РАН. Ф. 688. Оп. 1. Ед. хр. 71. Название дела: *Переднеазиатские и кипрские секты*. Автограф. [1920]. 112 л.

26. The Yezidis. Headship of a Strange Sect. *Frontier Question*. From a Correspondent. *Baghdad Times*. 1932. August 17.

27. Joseph I. *Devil Worship, The Sacred Books and Traditions of the Yezidis*. Boston: Richard G. Badger; 1919. 222 p.

28. Layard A. H. *Nineveh and its remains: with an account of a visit to the Chaldean Christians of Kurdistan, and the Yezidis, or devil worshippers; and an inquiry into the manners and arts of the ancient Assyrians*. Paris: A. and W. Galignani and Co.; Baudry's European Library; 1850. 266 p.

29. Ainsworth W. F. The Assyrian Origin of the Izedis or Yezidis-the so-called "Devil Worshippers". *Transactions of the Ethnological Society of London*. 1861;1:11–44.

30. Mingana A. Devil-Worshippers: their beliefs and their sacred books. *Journal of the Royal Asiatic Society*. July, 1916. P. 505–526.

31. Семёнов А. А. Поклонение сатане у переднеазиатских курдов-езидов. *Бюллетень Среднеазиатского государственного университета* (Ташкент). 1927;16:59–79.

32. Вильчевский О. Л. Очерки по истории езидства. *Атеист*. 1930;51:81–113.

33. Архив РАН. Ф. 688. Оп. 1. Ед. хр. 70. Название дела: *Мевлевие (орден дервишей в Турции)*. Автограф. Б/д. 33 л.

34. Russeger J. *Reisen in Europa, Asien, und Afrika: mit besonderer Rücksicht auf die naturwissenschaftlichen Verhältnisse der betreffenden Länder; unternommen in den Jahren 1835 bis 1841. Reise in Griechenland, Unteregypten, im nördlichen Syrien und Südöstlichen Kleinasien, mit besonderer Rücksicht auf die naturwissenschaftlichen Verhältnisse der betreffenden Länder, unternommen in dem Jahre 1836*. Bd. 1: T. 2. Stuttgart: E. Schweizerbart'sche Verlagshandlung; 1843. 1102 S.

35. Экспедиция Иосифа Черника для исследования бассейнов Евфрата и Тигра, а также описание путей, пройденных в Северной Сирии (перевод). *Известия Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества*. Т. VI. Тифлис: Типография главного управления наместника Кавказского; 1879–1881. 202 с.

36. Grégoire H. *Histoire des sectes religieuses qui sont nées, se sont modifiées, se sont éteintes dans les différentes contrées du globe depuis le commencement du siècle dernier jusqu'à l'époque actuelle*. En 6 vols. Nouv. éd. corrigée et considérablement augmentée. Vol. IV. Paris: Baudouin frères; 1829. 512 p.

37. Минорский В. Ф. *Материалы для изучения персидской секты «Люди истины» или Али-Илахи*. Ч. I: Предисловие, тексты и переводы. М.: Тип. «Крестного Календаря»; 1911 (*Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков*. Вып. XXXIII).

38. Menzel Th. Yazīdī. *Enzyklopaedie des Islam*. Bd. IV: S–Z. Leiden–Leipzig: Harrassowitz; 1934. S. 1260–1267.

39. Menzel Th. Ein Beitrag. Zur Kenntnis der Yeziden. In: Grothe H. *Meine Vorderasienexpedition 1906 und 1907*. Bd. I. Leipzig: Harrassowitz; 1911. S. 86–126.

40. Елисеев А. В. Среди поклонников дьявола (Очерки верований иезидов). *Северный вестник*. 1888;1(1):52–92; 1888;2(1):51–84.

41. Марр Н. Еще о слове «челеби» (К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии). *Записки Восточного отделения Императорского русского археологического общества*. Т. XX. 1910. СПб.: Тип. Имп. АН; 1912. С. 99–151.

42. Vandal A. *Odyssée d'un ambassadeur: les voyages du marquis de Nointel, 1670–1680*. Paris: Plon-Nourrit et Cie; 1900. XII-355 p.

43. Архив РАН. Ф. 688. Оп. 1. Ед. хр. 73. Название дела: *Мусульманская секта «Садийэ» в Азизе. Черновые наброски*. Автограф. [1928]. 14 л.

44. Архив РАН. Ф. 688. Оп. 1. Ед. хр. 74. Название дела: *«Мелами» (Нуктаджи)*. [1926]. 10 л.

45. Архив РАН. Ф. 688. Оп. 1. Ед. хр. 99. Название дела: *«Дёнме»*. *Наброски, заметки* [б. д.]. 16 л.

46. Крачковский И. Ю. Арабская академия в Дамаске и ее члены. *Восток. Журнал литературы, науки и искусства*. Кн. 2. Москва – Петербург: Гос. изд. «Всемирная литература»; 1923. С. 134–136.

47. Полунов А. Ю. Земский собор, образ «белого царя» и политика России по отношению к отдаленным народам в конце XIX – начале XX в. *Вестник ПСТГУ*. Серия II: *История. История Русской Православной Церкви*. 2021;99:63–77. DOI: 10.15382/sturII202199.63-77.

48. Березин И. Н. Езиды. *Магазин земледелия и путешествий*. Т. III. М.: Изд. Фролов; 1854. С. 428–454.

49. Лазарев М. С. Заметки о курдоведении (история, экономика, политика). *Народы Азии и Африки*. 1968;1:158–167.

50. Лихутин М. *Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 годах. Из записок о военных действиях Эриванского отряда*. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза»; 1863. 449 с.

51. Пирбари Д. Как русские помогали езидским беженцам в 1914–1917 гг. (по материалам Исторического архива Грузии). [Газета] *Новый взгляд* [Тбилиси]. 2011. № 2. С. 9.

52. *Краткие сведения о положении беженцев на Кавказе и оказанной им Союзом Городов помощи за время с 20-го сентября по 1-е ноября 1915 г.* Вып. II. Тифлис: Кавказский комитет Всероссийского союза городов; 1915. 46 с.

References

1. Bertel's E. E. Vladimir Alexandrovich Gordlevsky. *Academician Vladimir Gordlevsky, for his seventy-fifth birthday. Collection of essays*. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences; 1953, pp. 5–9. (In Russ.)

2. Krachkovsky I. Yu. Vladimir Alexandrovich Gordlevsky. *Proceedings of the Moscow Institute of Oriental Studies*. Issue 4. Moscow: Institute of Oriental Studies of AS USSR; 1947, pp. 3–6.

3. Bertel's E. E. Vladimir Alexandrovich Gordlevsky. *Brief reports of the Institute of Oriental Studies*. Vol. XXII. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences; 1956, pp. 3–6.

4. Baskakov N. A. Academician V. A. Gordlevsky – philologist-historian. *Academician Vladimir Gordlevsky, for his seventy-fifth birthday. Collection of essays*. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences; 1953, pp. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences; 1953, pp. 10–22. (In Russ.)

5. Honoring Academician V. A. Gordlevsky. *Bulletin of the USSR Academy of Sciences*, 1951;11:72–74. (In Russ.)

6. Khalfin N. A. Kurdish historiography in the USSR and some of its problems. *Vo-prosy istorii*, 1966;8:154–161. (In Russ.)

7. Gordlevsky V. A. *Selected Works*. Vol. III. Moscow: Vostochnaya literatura; 1962. 588 p. (In Russ.)

8. Gordlevsky V. A. The Sipandag Kurds. From a trip to the Caucasian front. Petrograd: Eastern Printing House “Amanet”; 1917. 34 p. (In Russ.)

9. Gordlevsky V. A. From the life of the Kurds. *Izvestiya Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva (IKOIRGO)*, 1914;22(4):456–461. (In Russ.)

10. Gordlevsky V. A. [Book review:] Minorsky V. Kurds. Notes and impressions. *Russkie vedomosti*, no. 294 [Petrograd], 1915. (In Russ.)

11. Baziyantz A. P. *Vladimir Aleksandrovich Gordlevsky*. Moscow: Nauka; 1979, 80 p. (In Russ.)

12. Li Yu. A. In the memorial office-library named after academician V. A. Gordlevsky. *Восток (Oriens)*. 1998;2:179–182. (In Russ.)

13. Boldyrev A. V. About some materials on the history of the Ottoman Empire of the office-library of academician V. A. Gordlevsky in the Institute of Oriental Studies RAS. *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*. 2019;2:241–246. (In Russ.)

14. Honoring Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences V. A. Gordlevsky. *Bulletin of the USSR Academy of Sciences*. 1946;11–12:74–75. (In Russ.)

15. Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences of the USSR. Editorial office of the Journal *Sovetskoe vostokovedenie*. V. A. Gordlevsky (1876–1956). *Sovetskoe vostokovedenie*. 1956;5–6:156–157. (In Russ.)

16. Egiazarov S. A. *The works of S. A. Egiazarov*. 1. *A brief outline of the Kurds of the Erivan province*. 2. *Kurmanji texts*. [Ed. and a foreword by L. Zagursky]. 3. *A brief ethnographic and legal study of the Yezidis of the Erivan province*. Tiflis: Tipografiia Kantseliarii glavnachal'stvuiushchego grazhd. Chast'iu na Kavkaze; 1884, pp. 172–232. (In Russ.)

17. Archive of the Russian Academy of Sciences (RAS). Fond 688 (Vladimir Aleksandrovich Gordlevsky, Academician, Orientalist). Opis' 1. Delo 72: *Muslim sect of the Yezidis of the Khnys region. Rough sketches*. 1920. 5 p. (In Russ.)

18. Gordlevsky V. A. *Selected Works*. Vol. I. Moscow: Vostochnaya literatura; 1960. 551 p. (In Russ.)

19. Kendli-Herischi G. A. *Khagani Shirvani (Life, Era, Environment)*. Baku; Elm; 1988. 589 p. (In Russ.)

20. Gordlevsky V. A. *Selected Works*. Vol. IV. Moscow: Vostochnaya literatura; 1968. 611 p. (In Russ.)

21. Lynch H. F. B. *Armenia: Travels and Studies*. Vol. I: *The Russian Provinces*. Vol. II: *The Turkish Provinces*. Transl. from English by E. Dzhunkovskaya. Tiflis: Ed. trading house "I. E. Pitoev and Co". Type of. M. Martirosyants; 1910. 599 p.; 676 p. (In Russ.)

22. Lynch H. F. B. *Armenia: Travels and Studies*. Vol. I: *The Russian Provinces*. Vol. II: *The Turkish Provinces*. London – New York: Longmans, Green, and Co.; 1901. 470; 512 p.

23. Pirbari D. *Yezidis of Sarhad (Exodus from Kurdistan to the South Caucasus), XIX – early of XX century*. Tbilisi–Moscow: Institute of Asia and Africa; Moscow publishing house Moscow publishing house; 2008. 301 p. (In Russ.)

24. Von Hammer[-Purgstall] J. Depuis la fondation de l'Empire ottoman jusqu'au second siège de Constantinople sous Yildirim Bayezid, 1300–1400. Vol. 1. Paris: Bellizard, Barthes, Dufour et Lowell; 1835. 436 p.

25. Archive of the RAS. Fond 688. Opis' 1. Delo 71: *Near Eastern and Cypriot sects*. 1920. 112 p. (In Russ.)

26. The Yezidis. Headship of a Strange Sect. Frontier Question. From a Correspondent. *Baghdad Times*. 1932. August 17.

27. Joseph I. *Devil Worship, The Sacred Books and Traditions of the Yezidis*. Boston: Richard G. Badger; 1919. 222 p.

28. Layard A. H. *Nineveh and its remains: with an account of a visit to the Chaldean Christians of Kurdistan, and the Yezidis, or devil worshippers; and an inquiry into the manners and arts of the ancient Assyrians*. Paris: A. and W. Galignani and Co.; Baudry's European Library; 1850. 266 p.

29. Ainsworth W. F. The Assyrian Origin of the Izedis or Yezidis-the so-called "Devil Worshipers". *Transactions of the Ethnological Society of London*. 1861;1:11–44.

30. Mingana A. Devil-Worshippers: their beliefs and their sacred books. *Journal of the Royal Asiatic Society*. July, 1916. Mingana A. Devil-Worshippers: their beliefs and their sacred books. *Journal of the Royal Asiatic Society*. July, 1916, pp. 505–526.

31. Semyonov A. A. Satan worship among the Near-Eastern Yezidi Kurds. *Bulletin of the Central Asian State University* (Tashkent). 1927;16:59–79. (In Russ.)

32. Vilchevsky O. L. Essays on the history of Yazidism. *Atheist*. 1930;51:81–113.

33. Archive of the RAS. Fond 688. Opis' 1. Delo 70: *Mewlevi dervishes*. 33 p. (In Russ.)

34. Russeger J. *Reisen in Europa, Asien, und Afrika: mit besonderer Rücksicht auf die naturwissenschaftlichen Verhältnisse der betreffenden Länder; unternommen in den Jahren 1835 bis 1841. Reise in Griechenland, Unteregyp ten, im nördlichen Syrien und Südöstlichen Kleinasien, mit besonderer Rücksicht auf die naturwissenschaftlichen Verhältnisse der betreffenden Länder, unternommen in dem Jahre 1836*. Bd. 1: T. 2. Stuttgart: E. Schweizerbart'sche Verlagshandlung; 1843. 1102 S.

35. The expedition of Joseph Chernik to explore the Euphrates and Tigris basins, as well as a description of the routes traversed in Northern Syria (translation). *Izvestiya Kavkazskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva (IKOIRGO)*. Vol. VI. Tiflis: Printing house of the head office of the governor of the Caucasus; 1879–1881. 202 p.

36. Grégoire H. *Histoire des sectes religieuses qui sont nées, se sont modifiées, se sont éteintes dans les différentes contrées du globe depuis le commencement du siècle dernier jusqu'à l'époque actuelle*. En 6 vols. Nouv. éd. corrigée et considérablement augmentée. Vol. IV. Paris: Baudouin frères; 1829. 512 p. *Histoire des sectes religieuses qui sont nées, se sont modifiées, se sont éteintes dans les différentes contrées du globe depuis le commencement du siècle dernier jusqu'à l'époque actuelle*. En 6 vols. Nouv. éd. corrigée et considérablement augmentée. Vol. IV. Paris: Baudouin frères; 1829. 512 p.

37. Minorsky V. F. *Materials for studying the Persian sect "People of Truth" or Ali-Ilahi*. Part I: Preface, texts and translations. Moscow: Tip. "Krestnogo Kalendaria"; 1911 (*Works on Oriental Studies published by the Lazarev Institute of Oriental Languages*. Issue XXXIII).

38. Menzel Th. Yazīdī. *Enzyklopaedie des Islam*. Bd. IV: S–Z. Leiden–Leipzig: Harrassowitz; 1934, SS. 1260–1267.

39. Menzel Th. Ein Beitrag. Zur Kenntnis der Yeziden. In: Grothe H. *Meine Vorderasienexpedition 1906 und 1907*. Bd. I. Leipzig: Harrassowitz; 1911, SS. 86–126.

40. Eliseev A. V. Among the worshipers of the devil (Essays on the beliefs of the Yezidis). *Severnyj vestnik*. 1888;1(1):52–92; 1888;2(1):51–84. (In Russ.)

41. Marr N. More about the word "chelebi" (On the question of the cultural significance of the Kurdish people in the history of Asia Minor). *Zapiski Vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva (ZVORAO)*. Vol. XX. 1910. Saint Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences; 1912, pp. 99–51. (In Russ.)

42. Vandal A. *Odyssée d'un ambassadeur: les voyages du marquis de Nointel, 1670–1680*. Paris: Plon-Nourrit et Cie; 1900. XII-355 p.

43. Archive of the RAS. Fond 688. Opis' 1. Delo 73: *Muslim sect "Sadiye" in Aziz*. 1928. 14 p. (In Russ.)

HISTORY OF SCIENCE

Mossaki N. Z. The study of Yezidis by Vladimir Gordlevsky
Orientalistica. 2021;4(5):1251–1268

44. Archive of the RAS. Fond 688. Opis' 1. Delo 73: "Melami" (*Nuktajji*). 1926. 10 p. (In Russ.)
45. Archive of the RAS. Fond 688. Opis' 1. Delo 99: *Dönme*. 16 p. (In Russ.)
46. Krachkovsky I. Yu. Arab Academy in Damascus and its members. *Vostok. Journal of Literature, Science and Art*. Book 2. Moscow – Petersburg: State Publishing House "World Literature"; 1923, pp. 134–136. (In Russ.)
47. Polunov A. Zemsky sobor, the image of the "White Tsar" and Russia's policy towards the remote peoples at the end of the 19th – early 20th centuries. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Seriya II: *Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*. 2021;99:63–77. DOI: 10.15382/sturII202199.63. (In Russ.)
48. Berezin I. N. Yezidis. *Magazin zemledeliya i putesthestviy*. Vol. III. Moscow: Pub. Frolov; 1854, pp. 428–454. (In Russ.)
49. Lazarev M.S. Notes on Kurdish Studies (history, economics, politics). *Narody Azii i Afriki*. 1968;1:158–167. (In Russ.)
50. Likhutin M. *Russians in Asian Turkey in 1854 and 1855. From the notes on the hostilities of the Erivan detachment*. Saint Petersburg: Tipografiia tovarishchestva "Obshchestvennaia pol'za"; 1863. 449 p. (In Russ.)
51. Pirbari D. How Russians helped Yezidi refugees in 1914–1917 (based on materials from the Historical Archive of Georgia). [Newspaper] *Novyj Vzglyad* [Tbilisi]. 2011;2:9.
52. *Brief information about the situation of refugees in the Caucasus and the assistance provided to them by the Union of Cities during the period from September 20 to November 1, 1915*. Issue 2. Tiflis: Caucasian Committee of the All-Russian Union of Cities; 1915. 46 p.

Информация об авторе

Нодар Зейналович Мосаки – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник центра изучения Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; <https://orcid.org/0000-0001-8268-006X>, e-mail: nodarmossaki@gmail.com

Information about the author

Nodar Z. Mossaki – Ph. D. (Hist.), Senior Research Fellow, Center for the Near and Middle East, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; <https://orcid.org/0000-0001-8268-006X>, e-mail: nodarmossaki@gmail.com

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 27 сентября 2021
Одобрена после рецензирования: 16 ноября 2021
Принята к публикации: 25 ноября 2021
Опубликована: 27 декабря 2021

Article info

Submitted: September 27, 2021
Approved after peer reviewing: November 16, 2021
Accepted for publication: November 25, 2021
Published: December 27, 2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

HISTORY OF SCIENCE
Oriental Studies
ИСТОРИЯ НАУКИ
Востоковедение

Научная статья

Исторические науки

УДК 930.1+930.253«Остен-Сакен»=03.811.581=161.1

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1269-1277>

Цветы, птица и насекомые из архива Ф. Р. Остен-Сакена

Андрей Михайлович Куликов^{1,2}

¹ *Институт востоковедения РАН, Москва, Россия*

² *Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия, bilis@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9317-7432>*

Аннотация. В статье приводится обзор иллюстраций из архива сотрудника императорского МИД, путешественника и члена Русского географического общества, барона Фёдора Романовича Остен-Сакена, хранящихся в Российском архиве древних актов (РГАДА). Всего в статье описаны четыре архивные единицы (китайский лубок, изображающий западные пароходы в Тяньцзине; японский альбом 1893 г. с видами Токио; шесть китайских картин в жанре «цветы и птицы» (хуаняо), на которых изображены лотос, дицентра великолепная, гранат, стрекозы, цикады и голубая сорока; два эстампа с китайских стел). Сведения о большинстве картин публикуются впервые. Автором сделан перевод шести пояснительных текстов к китайским картинам в жанре «цветы и птицы». Статья снабжена богатым иллюстративным материалом из РГАДА.

Ключевые слова: Фёдор Романович Остен-Сакен; китайская живопись; хуаняо; цветы и птицы; русские натуралисты в Китае; природа Китая; японская живопись, виды старого Токио

Для цитирования: Куликов А. М. Цветы, птица и насекомые из архива Ф. Р. Остен-Сакена. *Ориенталистика*. 2021;4(5):1269–1277. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1269-1277>.

Original article

History studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1269-1277>

Flowers, Bird and Insects from the Archives of F. R. Osten-Sacken

Andrey M. Kulikov^{1,2}

¹ *Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

² *Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia, bilis@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9317-7432>*

Abstract. The article offers an overview of illustrations from the archives of an employee of the Russian Imperial Ministry of Foreign Affairs, traveller and member of the

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Russian Geographical Society, Reinhold Friedrich Freiherr von der Osten-Sacken (Russ.: Fyodor Romanovich Osten-Saken) (1832–1916), preserved in the Russian Archive of Ancient Acts (RAAA). In total, the article describes content of four archival boxes (a Chinese popular print depicting western steamers in Tianjin; a Japanese album of 1893 with views of Tokyo; six Chinese paintings in the genre of flowers and birds (*huaniao*), which depict a lotus, lamprocapnos, pomegranate, dragonflies, cicadas and blue magpie; two prints from Chinese steles). Most of the paintings are published for the first time. The translation of the six explanatory texts for Chinese paintings in the genre of flowers and birds belongs to the author of the present article. The text of the article is accompanied by numerous illustrations of the items preserved in the RAAA.

Keywords. F. R. Osten-Sacken; Chinese art; *huaniao*; flowers and birds; Russian naturalists in China; nature of China; Japanese painting, views of old Tokyo

For citation: Kulikov A. M. Flowers, Bird and Insects from the Archives of F. R. Osten-Sacken. *Orientalistica*. 2021;4(5):1269–1277. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1269-1277>.

В XIX столетии образованные европейцы нередко привозили из восточных стран причудливые диковинки и образцы местного прикладного искусства. Подобный обычай существовал среди аристократов, купцов и образованных людей и в Российской империи. И если утварь и коллекционные предметы после смерти владельцев попадали в музеи и частные коллекции, то рисунки и картины нередко оказывались в архивных собраниях и закрытых запасниках, где становились недоступны для широкой публики.

К числу подобных собраний следует отнести архивный фонд сотрудника императорского МИД, путешественника и члена Русского географического общества, барона Фёдора Романовича Остен-Сакена¹, ныне хранящийся в РГАДА. В фонде, помимо богатого собрания документов, имеется иллюстративный материал, приобретенный Остен-Сакеном в Китае и Японии.

Впервые барон оказался на Дальнем Востоке в 1857 г., когда в качестве второго секретаря сопровождал посольство графа Е. В. Путятина к берегам Китая. Сведения о том, что барон посещал китайские лавки, сохранились в его дневнике 1858 г.: «Особенно много покупали китайских картинок, вееров и разных редкостей... Число китайских редкостей в последние дни увеличилось: на улицах были расставлены вазы, деревянные скульптурные вещи и т. п.» [1, с. 245].

¹ Фёдор Романович Остен-Сакен (1832–1916) – дипломат, ученый и государственный деятель. Родился в Петербурге в семье Романа Фёдоровича Остен-Сакена (1791–1864). В 1849 г. окончил гимназическое отделение Петришуле. По окончании юридического факультета Петербургского университета в 1852 г. поступил на службу в Азиатский Департамент МИД. В 1865 г. избран секретарем Русского географического общества. В 1867 г. совершил поездку по Средней Азии. В 1870–1897 гг. исполнял обязанности директора Департамента внутренних сношений МИД; с декабря 1889 г. – почетный член Российской академии наук. Умер в Петрограде, похоронен на Смоленском лютеранском кладбище (могила не сохранилась).

Всего в фонде Остен-Сакена содержится четыре архивных единицы, так или иначе связанных с декоративно-прикладным искусством Восточной Азии.

Первая из них [2, ед. хр. 1985] – массивная лубочная картина, озаглавленная «Варварские корабли на распутье рек в Тяньцзине»². По всей видимости, картина была приобретена бароном в 1858 г. во время пребывания посольства Путятина в Тяньцзине или получена в дар несколькими годами позже. На картине изображены иностранные пароходы в Тяньцзине.

Рис. 1. Лубок «Подлинный вид варварских кораблей на слиянии рек Тяньцзиня»³
Fig. 1. Lubok "Authentic view of barbarian ships at the confluence of the Tianjin Rivers"³

Вторая архивная единица [2, ед. хр. 1986] – альбом с живописными видами Токио. На обложке альбома имеется вертикальная надпись на кандзи: 東京名所圖解全 («Полное иллюстрированное описание известных мест Токио»). Ниже сделана приписка на русском языке: «Тридцать пять лет спустя!! 1893»⁴.

В альбоме содержится одиннадцать цветных иллюстраций, изображающих виды японской столицы.

² Китайское название картины – 天津三岔河口夷船真跡全圖 (Подлинный вид варварских кораблей на слиянии рек Тяньцзиня). Под слиянием рек (кит. 三岔河口) в данном случае подразумевается место, где сходятся р. Цзыяхэ 子牙河, Южный канал 南運河 (другое название – р. Вэйхэ 衛河) и Северный канал (другое название – р. Лухэ 潞河). Считается, что именно с этого места началось заселение г. Тяньцзинь.

³ Данная картина встречается в китайском сегменте Интернета [3], но по некоторым признакам, скопирована она именно с оригинала, хранящегося в РГАДА.

⁴ Если вычесть из 1893 г. тридцать пять, получается 1858 г. Скорее всего, надпись сделана Остен-Сакеном в напоминание о пребывании в Японии в 1858 г.

Третья единица [2, ед. хр. 1987] – собрание из шести китайских картин в жанре «цветы и птицы» (кит. *хуаняо* 花鳥), выполненных тушью и акварельными красками и снабженных пояснительными текстами иероглифической. Подробнее эти картины будут рассмотрены ниже.

Четвертая единица [2, ед. хр. 1988] – два эстампа, сделанных с китайских стел. Одна из надписей полностью состоит из иероглифов, написанных стилем *чжуань*. На второй помимо основного текста, также записанного стилем *чжуань*, присутствует вертикальная строка иероглифов в стиле *кайшу*.

По всей видимости, все указанные архивные единицы были лично приобретены Остен-Сакеном в качестве восточных диковинок или были преподнесены барону в дар.

Далее будут приведены подробные описания шести китайских рисунков в жанре *хуаняо*, которые публикуются в литературе впервые.

Все эти рисунки выполнены тушью и акварельными красками. Каждый снабжен пояснительными текстами на китайском языке с вертикальным чтением справа налево. В текстах полностью отсутствуют знаки препинания, что характерно для старинных китайских текстов.

На большинстве рисунков имеются подписи на латинском, немецком или французском языках, а также приведены транскрипции китайских названий растений, насекомых и птицы, сделанные латинскими буквами. По всей видимости, подписи принадлежат перу самого барона Остен-Сакена, живо интересовавшегося природой⁵.

Ниже приводится текст и авторский перевод к каждой из шести *хуаняо* из архива Остен-Сакена.

⁵ Подробнее об этом см.: [1, с. 177, 197, 228].

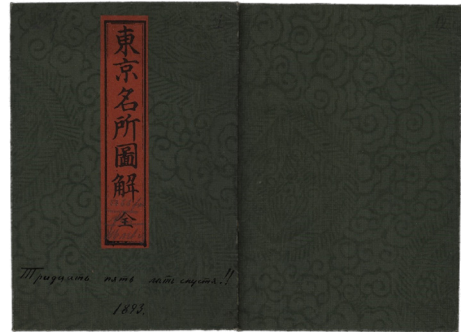

Рис. 2. Обложка альбома «Полное иллюстрированное описание известных мест Токио»

Fig. 2. Album cover “Complete Illustrated Descriptions of Famous Places in Tokyo”

Рис. 3. Эстампы с китайских стел

Fig. 3. Prints from Chinese steles

Рис. 4. *Nelumbium speciosum* [2, ед. хр. 1987, л. 1 об. – 2 об.]

Fig. 4. *Nelumbium speciosum* [2, Call-Mark. 1987, fol. 1 r. – 2 r.]

Китайский текст: 此菡萏花一名荷花一名蓮花生水中花有紅白香最長詩云風吹十里艾⁶荷香即此是也。

Перевод: «Это хань-дань. Одни называют [его] хэ-хуа, другие называют лян-хуа. Произрастает в воде. Цветы имеет красно-белые. Аромат [распространяется] чрезвычайно далеко. В стихах говорится: “Ветер на десять ли разносит ароматы чилима и лотоса”. Это так».

Подписи Osten-Sackena: *Nelumbium speciosum*⁷. *Nenuphar*. *Lotos*. *Lien hua*.

Рис. 5. *Dielytra spectabilis* [2, ед. хр. 1987, л. 3 об. – 4 об.]

Fig. 5. *Dielytra spectabilis* [2, Call-Mark. 1987, fol. 3 r. – 4 r.]

Китайский текст: 此荷包牡丹花葉類牡丹花如荷包故有是名一軒十餘朶枝不勝壓而下垂若俛首然色嬌麗無比。

⁶ Вероятнее здесь должен стоять знак 菱.

⁷ *Nelumbium speciosum* (лат.) – Лотос ореховый.

Перевод: «Это пион хэ-бао. Листья и цветы [этого] вида пионов похожи на кисет. В былые времена [растение] носило имя “галерея десяти с лишним веточек”. Не терпит сжатия, иначе повисает подобно смиренно склоненной голове. Очарование и красота [его] облика несравненны».

Подписи Остен-Сакена: *Dielytra spectabilis*⁸. He bao mudan.

Рис. 6. Стрекозы [2, ед. хр. 1987, л. 6 об. – 6 об.]

Fig. 6. Dragonflies [2, Call-Mark 1987, fol. 6 r. – 6 r.]

Китайский текст: 此虫名蜻蜓又名黃兒.

Перевод: «Это насекомое называют *цин-тин*. Также называют *хуан-эр*».

Подписи Остен-Сакена: *Libellula. Dsing ting*.

Рис. 7. Цикады [2, ед. хр. 1987, л. 7 об. – 8 об.]

Fig. 7. Cicadas [2, Call-Mark 1987, fol. 7 r. – 8 r.]

Китайский текст: 此虫名吉了兒.

Перевод: «Это насекомое называется *цзи-ляо-эр*».

⁸ *Dielytra spectabilis* (лат.) – Дицентра великолепная.

Подписи Остен-Сакена: Cicada. Dsi liao rh.

Рис. 8. Гранат обыкновенный [2, ед. хр. 1987, л. 9 об. – 10 об.]

Fig. 8. Common pomegranate [2, Call-Mark 1987, fol. 9 r. – 10 r.]

Китайский текст: 此石榴花夏令開秋結實放花時紅光照眼葉綠怡人大是可觀。

Перевод: «Это ши-лю-хуа. Цветет летом. Плодоносит зимой. В пору цветения ослепительно блестит алым. Зелень [его] листьев радует людей. Поистине [его] можно созерцать».

Подписи Остен-Сакена: Punica granatum. Schi liu.

Рис. 9. Голубая сорока [2, ед. хр. 1987, л. 11 об. – 12 об.]

Fig. 9. Blue Magpie [2, Call-Mark 1987, fol. 11 r. – 12 r.]

Китайский текст: 此名壽岱鳥⁹又名紫練。

⁹ На картине каждый из трех иероглифов названия птицы имеет подпись латиницей: schou dai piao соответственно. На других картинах подобных подписей не обнаружено.

Перевод: «Эта [птица] называется *шоу-дай-няо*¹⁰. Также называется *цзя-лянь*».

Подписи Остен-Сакена: *Lyanorissa*¹¹. *Blaue Elster*¹². *Schou dai niao*.

Китайские картины растений, насекомых и птицы демонстрируют глубокий интерес Остен-Сакена к живой природе Китая – естественный для образованного европейца XIX в., впервые посещающего Азию.

Список литературы

1. Дневник Остен-Сакена, веденный в ходе путешествия на пароходе Америка в реке Пей-хо (1858 г.). В: Куликов А. М. «Ехали мы сюда с добрыми целями». Русско-китайские переговоры в Тяньцзине (по дневникам архимандрита Паллады (Кафарова) и барона Ф. Р. Остен-Сакена 1857–1858 гг.). М.: ИВ РАН; 2020. С. 151–249.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1385.
3. 年画中的晚清社会, 新闻纸之外的另一种纪实手法 (Общество эпохи Цин в лубках и иные способы достоверных записей, помимо прессы). – Режим доступа: <https://kknews.cc/culture/xlmvzg.html> (дата обращения: 1.10.2021). (На кит. яз.)

References

1. Diary of Osten-Sacken, kept during the voyage on the steamer America in the Pey-ho river (1858). In: Kulikov A. M. “We drove here with good goals”. Russian-Chinese negotiations in Tianjin (according to the diaries of Archimandrite Pallady (Kafarov) and Baron F. R. Osten-Saken 1857–1858). Moscow: Institute of Oriental Studies of the RAS; 2020, pp. 151–249. (In Russ.)
2. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA) (Russian State Archive of Ancient Acts). Fund 1385.
3. 年画中的晚清社会, 新闻纸之外的另一种纪实手法 (Qing-era society in popular prints and other means of reliable recording besides the press). – Access mode: <https://kknews.cc/culture/xlmvzg.html> (date of access: 1.10.2021) (Accessed 1th October 2021). (In Chinese)

Информация об авторе

Куликов Андрей Михайлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Китая, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия; <https://orcid.org/0000-0002-9317-7432>, e-mail: bilis@inbox.ru

Information about the author

Andrey M. Kulikov – Ph. D. (Hist.), Research Fellow, China Department, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Assistant professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-9317-7432>, e-mail: bilis@inbox.ru

¹⁰ В современном китайском языке известна также птица *шоу-дай-няо* (壽帶鳥) – *Terpsiphone paradisi* (райская мухоловка).

¹¹ Найти информацию об этом слове не удалось.

¹² Голубая сорока (нем.).

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01 октября 2021
Одобрена после рецензирования: 08 ноября 2021
Принята к публикации: 03 декабря 2021
Опубликована: 27 декабря 2021

Article info

Submitted: October 01, 2021
Approved after peer reviewing: November 08, 2021
Accepted for publication: December 03, 2021
Published: December 27, 2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

PHILOSOPHY OF THE EAST ФИЛОСОФИЯ ВОСТОКА

■ **History of philosophy**
История философии

**Philosophy of Religion
and Religious Studies**
Философия религии
и религиоведение

PHILOSOPHY OF THE EAST

History of philosophy

ФИЛОСОФИЯ ВОСТОКА

История философии

Научная статья
УДК 1(091)(510)

Философские науки

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1279-1300>

Некоторые аспекты авторства трактата «Сяо цзин»

Анастасия Юрьевна Блажкина

*Институт Дальнего Востока Российской академии наук, Москва, Россия,
<https://orcid.org/0000-0002-8313-5917>, myshashu@yandex.ru*

Аннотация. В данной статье рассматриваются основные версии авторства конфуцианского трактата «Сяо цзин» («Канон сыновней почтительности»), которые существуют в историко-философской науке. «Сяо цзин» («Канон сыновней почтительности») является одним из классических трактатов, который входит в состав конфуцианского корпуса «Шисань цзин» («Тринадцатиканоние»). Этот факт подтверждает безусловную значимость данного текста для традиционной философской мысли Китая. Самое раннее упоминание названия канона «Сяо цзин» было зафиксировано в произведении III в. до н. э. «Люй ши чунь цю» («Весны и осени господина Люя»), которое указывает на нижнюю границу времени создания трактата «Сяо цзин». В ходе истории развития китайской науки и до настоящего времени сформировалось восемь основных версий авторства, а следовательно, и датировки данного текста. Основной научной проблемой, рассмотренной в статье, является вопрос об авторстве трактата «Сяо цзин». Представляется весьма важным то, как решение этого вопроса может служить дополнительной информацией для комплексного осмысления философского наследия этого ключевого для конфуцианской традиции письменного памятника. Кратко рассмотрев основные версии авторства трактата «Сяо цзин», автор приходит к выводу, что данный вопрос вряд ли можно решить однозначно. Настоящая статья ни в коей мере не претендует на статус всеобъемлющего и комплексного исследования, а скорее может служить в качестве предварительного очерка для проведения дальнейшей научной работы. В приложении дается полный авторский перевод трактата «Сяо цзин» на русский язык.

Ключевые слова: Сяо цзин; «Канон сыновней почтительности»; Кун-цзы; Цзэн-цзы; Цзы Сы; каноноведение

Для цитирования: Блажкина А. Ю. Некоторые аспекты авторства трактата «Сяо цзин». *Ориенталистика*. 2021;4(5):1279–1300. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1279-1300>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

© Блажкина А. Ю. 2021
© Ориенталистика, 2021

Original article

Philosophy studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1279-1300>

Some aspects of the authorship of the treatise “Xiao Jing”

Anastasia Yu. Blazhkina*Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
<https://orcid.org/0000-0002-8313-5917>, myshashu@yandex.ru*

Abstract. The article deals with the authorship of the Confucian treatise *Xiao Jing* (“The Classic of Filial Piety”). *Xiao Jing* is one of the classical treatises that constitutes a part of the Confucian *corpus Shisan Jing* (“The Thirteen Classics”). This confirms the importance and high significance of this text for the traditional philosophical thought of China. The earliest mention of the title “*Xiao Jing*” was recorded in the work from the 3rd century BC, *Lu shi chun qiu* (“Spring and Autumn of Mr Liu”), which indicates the *terminus ante quem non* for the treatise *Xiao Jing*. According to some Russian scholars, the treatise *Xiao Jing* was compiled in the IV-II centuries BC. The Chinese scholarship acknowledges eight main versions of authorship, and therefore dating of *Xiao Jing*. The author stresses the importance to establish the authorship of the *Xiao Jing* treatise since this can be a piece of additional information for a comprehensive understanding of the philosophical heritage of the Confucian tradition of this text. After presenting an outline of the main versions of authorship of the *Xiao Jing* treatise, the author states that this issue can hardly be solved unambiguously. Therefore, this article can be considered as a preliminary essay for further research. The appendix offers a complete Russian translation of the *Xiao Jing* made by the author of the present article.

Keywords: Xiao Jing; The Classic of Filial Piety; Kong-zi; Zeng-zi; Zi Si; the doctrine of canons

For citation: Blazhkina A. Yu. Some aspects of the authorship of the treatise “Xiao Jing”. *Orientalistica*. 2021;4(5):1279–1300. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1279-1300>.

Введение

«Сяо цзин» («Канон сыновней почтительности» 孝经), (англ. “The Classic of Filial Piety”) является одним из трактатов, входящих в состав конфуцианского корпуса «Шисань цзин» («Тринадцатиканоние» 十三经), что само по себе уже говорит о безусловной значимости данного текста для традиционной философской мысли Китая. Центральной идеей данного трактата является осмысление конфуцианской этической константы – «сыновней почтительности» (孝 сяо), которая в самом узком смысле понимается как уважение по отношению к родителям и вообще всем предкам.

Само понятие «сяо», как и большинство китайских понятий, полисеманлично, его можно переводить на русский язык как «почитание (уважение) родителей»; «преданность (усердное служение) родителям»; «усердное исполнение воли (осуществление идеалов) родителей»

(предков)»; траур [по родителям]; траурная одежда. Вслед за сложившейся синологической традицией автор настоящей статьи предлагает переводить данное понятие как «сыновняя почтительность». Настоящая статья ни в коей мере не претендует на статус всеобъемлющего и комплексного исследования, а скорее может служить в качестве предварительного очерка для проведения дальнейшей научной работы.

Историография

Первый европейский перевод трактата «Сяо цзин» датируется началом XVIII в. В 1711 г. в Праге была опубликована работа «Шесть канонических книг Китайской империи» (*Sinensis Imperii Libri Classici Sex*), которая представляла собой перевод на латынь «Сы шу» («Четверокнижие» 四书), а также трактатов «Сяо цзин» и «Сяо сюэ» («Малое учение» 小学). Этот перевод осуществил фламандский иезуит Франсуа Ноэль (François Noël) [1, с. 107]. Наиболее ранний полный перевод «Сяо цзина» на английский язык был осуществлен Дж. Леггом (J. Legge) в 1879 г. [2], один из позднейших переводов принадлежит американским ученым Г. Роузмонту (H. Jr. Rosemont) и Р. Т. Эймсу (R. T. Ames) [3] и был сделан в 2009 г. На русский язык «Сяо цзин» частично (первые девять глав и подробные комментарии к тексту) был переведен профессором С. Р. Кучерой [4]. Работа С. Р. Кучеры может считаться одной из наиболее фундаментальных работ, касающихся проблематики трактата «Сяо цзин», в отечественной синологии. Полностью «Сяо цзин» переведен российским корееведом, профессором С. О. Курбановым, перевод сделан по корейскому изданию XVI в. в двуязычной китайско-корейской редакции, автор раскрывает роль «Сяо цзина» в корейской культуре [5]. Совсем недавно, в 2021 г., вышел первый поэтический перевод этого трактата, выполненный В. П. Абраменко [6].

По мнению ряда отечественных сиологов, трактат «Сяо цзин» был составлен, по-видимому, в IV–II вв. до н. э. [7, с. 423]. Относительно тех авторов, которые автоматически датируют создание памятника концом VI или V в. до н. э., С. Р. Кучера отмечает: «Данную датировку, как мне кажется, не следует, не раздумывая, отвергать. Между нею и приведенным выше осторожным суждением современных специалистов – не позднее III в. до н. э. – нет непреодолимой преграды: текст мог быть окончательно оформлен в III в. до н. э. на основе более ранних записей» [4, с. 198].

Комплексного исследования, посвященного проблеме авторства трактата «Сяо цзин», в отечественной историографии на данный момент нет, хотя оно до сих пор окончательно не установлено. Тот же профессор С. Р. Кучера пишет по этому поводу следующее: «Разные источники называют имена самого Конфуция (Кун-цзы), его ученика и собеседника по проблеме сыновней почтительности Цзэн-цзы (505–436 гг. до н. э.) или

кого-то еще из 70 учеников Конфуция» [4, с. 198]. В ходе анализа памятника С. Р. Кучера приходит к выводу, что вне зависимости от его атрибуции «Сяо цзин», без сомнения, отражает философские воззрения самого Кун-цзы, и эти воззрения не противоречат тому, о чем говорится в «Лунь юе» и «Мэн-цзы», а также в ряде других древних трактатов.

В истории европейской синологии данной проблематикой занимался Дж. Легг. На основании анализа работ китайских ученых он высказывал сомнения касательно того, что автором «Сяо цзина» мог быть сам Кун-цзы. Дж. Легг разделял точку зрения Ху Иня (胡寅) о том, что «Сяо цзин» был, по всей видимости, записан учениками Цзэн-цзы [2].

Основные версии авторства трактата «Сяо цзин»

Как утверждает специалист в области археологии и палеографии профессор Ху Пиншэн (胡平生) (г. р. 1945), в настоящее время в историко-философской науке существует восемь версий авторства трактата «Сяо цзин» [8, с. 14–17]. В ряде письменных памятников («Хань шу», «Ши цзи», «Суй шу», «Кун-цзы цзя юй», «Цзин и као» и др.) содержатся отрывочные и краткие сведения по данной проблеме. Вместе с тем вопрос об авторстве трактата «Сяо цзин» может служить дополнительной информацией для комплексного осмысления философского наследия этого важного для конфуцианской традиции письменного памятника. Представляется целесообразным остановиться подробнее на основных версиях авторства трактата «Сяо цзин».

1. **Автором трактата «Сяо цзин» был Кун-цзы (Конфуций) (孔子) (551–479 гг. до н. э.).** Эта точка зрения господствовала в основном со времен династии Хань (206 до н. э. – 220 гг. н. э.) и до династии Тан (618–907). Свидетельства об этом якобы содержатся в исторической хронике «Хань шу» («Книга [истории] династии Хань») в библиографической главе «И вэнь чжи» (汉书·艺文志) автор – Бань Гу (班固) (32–92 гг. н. э.), где сказано: «В “Сяо цзине” Кун-цзы излагает для Цзэн-цзы Дао сыновней почтительности» (孝經者, 孔子為曾子陳孝道也) [9]. Однако из данной фразы совсем не следует, что текст составлен именно Кун-цзы или же записан кем-то из его учеников со слов Учителя. Сказано лишь о том, что содержание трактата «Сяо цзин» представляет собой диалог Кун-цзы и его ученика Цзэн-цзы. Это утверждение верно, как следует из перевода текста, однако оно не несет никакой информации относительно авторства искомого письменного памятника. По всей видимости, Бань Гу не обладал достоверными сведениями об авторстве «Сяо цзина», поэтому говорит об этом довольно расплывчато. Поэтому, хотя многие китайские и отечественные ученые приводят вышеуказанную цитату из «Хань шу» в качестве доказательства авторства «Сяо цзина», в данном случае ее вряд ли стоит принимать во внимание.

Вместе с тем в трактате «Кун-цзы цзя юй» («Речи школы Конфуция» 孔子家语)¹ содержится следующее свидетельство: «Цзэн Шэнь, уроженец южного Учэна по прозвищу Цзы Юй, был младше Кун-цзы на сорок шесть лет, стремился осуществить Дао сыновней почтительности, поэтому Кун-цзы ради него создал «Сяо цзин» (曾參, 南武城人, 字子與。少孔子四十六歲, 志存孝道, 故孔子因之以作《孝經》) [12]. То есть автором «Сяо цзин» назван Кун-цзы, который составил этот текст в качестве своего рода учебного пособия.

В библиографическом разделе летописи «Суй шу» («Книга [истории] династии Суй» 隋书·经籍志) также есть прямое указание относительно авторства «Сяо цзина»: «Поскольку шесть канонов, которые Кун-цзы пересказал, [были посвящены] разнообразной тематике, и основные идеи были неодинаковы, [Кун-цзы] опасался, что это учение будет утрачено, поэтому создал «Сяо цзин», чтобы собрать их воедино» (孔子既叙六经, 题目不同, 指意差别, 恐斯道离散, 故作《孝经》以总会之) [13]. Под словами «это учение» (斯道 *ци дао*) понимается учение о сыновней почтительности, или Дао сыновней почтительности. Понимая важность этой доктрины, Кун-цзы выделил его в отдельный трактат, который сам создал (作 *цзо*), а не пересказал (叙 *сюй*), как в случае с шестиканонием (六经 *лю цзин*). В комментариях к трактату «Сяо цзин» («Сяо цзин тан сюань-цзун юй чжу», или «“Канон сыновней почтительности” с августейшим комментарием императора династии Тан Сюань-цзуна»² 孝经唐玄宗御注) также упоминается имя Учителя в качестве автора «Сяо цзина»: «“Сяо цзин” составил и написал Кун-цзы» (夫《孝经》者, 孔子之所述作也) [14].

Император Сюань-цзун был известен как покровитель науки и искусства, активно содействовал развитию книгопечатания, был основателем академии Ханьлинь (翰林院 *ханьлинь юань*), которая просуществовала вплоть до крушения империи во времена Синьхайской революции в 1911 г. Одной из задач ученых, работающих в академии Ханьлинь, была именно официальная трактовка произведений конфуцианской классики. Российский китаевед А. Г. Юркевич отмечает, что «Сяо цзин» был известен в двух версиях: первая версия, состоящая из 18 чжанов, была во II в. н. э. прокомментирована Чжэн Сюанем, а вторая, в 22 чжанах, была утрачена, затем в конце VI в. Лю Сюань представил фальсификацию текста с комментарием Кун Ань-го. В 719 г. по указу императора Сюань-цзуна была проведена экспертиза обеих версий, в результате которой комментарий Чжэн Сюаня был сочтен неудовлетворительным, а комментарий Кун Ань-го – поддельным. Известная ныне версия «Сяо цзина» опирается на комментарии Сюань-цзуна и Син Бина (X – начало XI в.) [7, с. 423].

¹ Подробнее о трактате «Кун-цзы цзя юй» см.: [10], [11].

² Сюань-цзун (唐玄宗) – император в эпоху династии Тан (годы правления 712–756). Сюань-цзун – храмовое имя, настоящим именем императора Тан было Ли Лунцзи.

Таким образом, комментарии императора Сюань-цзуна к трактату «Сяо цзин» до сих пор считаются одними из самых авторитетных.

2. **Автором трактата «Сяо цзин» был ученик Кун-цзы по имени Цзэн-цзы (曾子) (505–436 гг. до н. э.).** В памятнике «Ши цзи» («Исторические записки») зафиксировано почти полное совпадение с «Кун-цзы цзя юй»³, однако окончание фразы в корне меняет дело. Сыма Цянь (司马迁) (145 (ок. 135) г. до н. э. – ок. 86 г. до н. э.) в главе «Чжун-ни ди-цзы ле чжуань» («Жизнеописания учеников Кун-цзы») пишет: «Цзэн Шэнь родом из южного Учэна по прозвищу Цзы Юй был моложе Конфуция на 46 лет. Конфуций считал, что он в состоянии постигнуть пути сыновнего благочестия, и поэтому включил его в число учеников. Он составил книгу Сяо цзин (“Канон о сыновнем благочестии”). [Цзэн Шэнь] умер в княжестве Лу» [15]. (曾参, 南武城人, 字子舆, 少孔子四十六岁。孔子以为能通孝道, 故授之业, 作《孝经》。死于鲁)。

По всей видимости, если Цзэн-цзы был автором-составителем «Сяо цзина», то он записал свои беседы с Кун-цзы, скомпилировал высказывания Учителя и собрал их в единый текст, который, в отличие от других раннеконфуцианских текстов⁴, обычно имеющих довольно разноплановую тематику, целиком посвящен анализу одной-единственной этической константы. Ввиду указания на то, что Цзэн-цзы интересовался вопросами, связанными с осуществлением «Дао сыновней почтительности» (孝道 *сяо дао*), такое предположение выглядит весьма правдоподобным. И если данное предположение верно, то, по всей видимости, «Сяо цзин» отражает воззрения Кун-цзы по данной проблематике. На это указывает и патриарх российского китаеведения Отец Иакинф (Бичурин), в комментариях к трактату «Сань цзы цзин» («Троесловие») он замечает: «Здесь говорится о порядке изучения книг. Сяо-цзин, т. е. книга о сыновнем почтении, в древности составляла одну из тринадцати священных книг, заключавшую 18 свитков. Цзэн Шэнь собрал вопросы и ответы философа Кун-цзы в одну книжку, дабы объяснить в ней долг сыновнего почтения, и эта самая книжка носит название “Сяо-цзин”» [16, с. 59].

³ В приведенном выше отрывке из «Цзя юй» освещаются четыре аспекта: 1) краткое описание происхождения Цзэн-цзы; 2) разница в возрасте между Кун-цзы и его учеником; 3) область интересов Цзэн-цзы в рамках обучения; 4) установлено авторство трактата «Сяо цзин».

⁴ Раннее конфуцианство (早期儒家 *цао ци жу цзя*) или (早期儒学 *цао ци жу сюэ*) – в отечественной синологии под ранним конфуцианством понимается конфуцианство до эпохи Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), а именно до Дун Чжуншу (董仲舒) (179–104 гг. до н. э.), с которого началось становление конфуцианства как официальной имперской идеологии, когда император У-ди (武帝) (140–87 гг. до н. э.) провозгласил конфуцианство государственной идеологией. В раннем конфуцианстве также выделяется доцинское конфуцианство (先秦儒家 *сянь цинь жу цзя*) – то есть конфуцианство, исторически предшествовавшее объединению страны Цинь Ши-хуаном (秦始皇) (259–210 гг. до н. э.) в 221 г. до н. э. Этот термин в основном используется китайскими учеными.

3. **Автором «Сяо цзина» был некий анонимный ученик Цзэн-цзы.** Эта точка зрения появилась сравнительно поздно, она восходит к сунскому литератору и чиновнику Ху Иню (胡寅) (1098–1156). В работе «Цзин и као» («Исследование об изложениях сущности канонов» 经义考) цинского ученого и библиофила Чжу Ицзуня (朱彝尊) (1629–1709) приводится цитата из Ху Иня: «Цзэн-цзы спрашивал о сыновней почтительности у Чжунни⁵, после [Цзэн-цзы] говорил об этом с учениками, ученики классифицировали [высказывания Цзэн-цзы] и написали книгу [“Сяо цзин”]» (曾子问孝于仲尼, 退而与门弟子言之, 门弟子类而成书) [17].

Исходя из данной версии, имя предполагаемого автора «Сяо цзина» не названо, что, вообще говоря, не выглядит удивительным. Сыма Цянь сообщает, по крайней мере, об одном ученике Цзэн-цзы, полководце и государственном деятеле У Ци (吴起) или У-цзы (吴子) (ок. 440–381 до н. э.), авторе трактата по военному искусству «У-цзы бинь фа» («Законы войны Учителя У» 吴子兵法). Как пишет Сыма Цянь, «У Ци был родом из [Малого] Вэй, любил заниматься военным делом. Некогда учился у Цзэн-цзы, служил правителю Лу... Затем он служил Цзэн-цзы. Через некоторое время умерла его мать, а он так и не вернулся [отдать ей последний долг]. Цзэн-цзы стал презирать его [за это] и порвал с ним» [15].

Однако, если учесть отсутствие указаний в древних источниках, а также специфику военной философии У-цзы, идущей вразрез с конфуцианскими нормами морали, а также принимая во внимание тот факт, что Сыма Цянь прямо указывает на то, что У-цзы нарушил нормы сыновней почтительности, едва ли можно представить его автором трактата «Сяо цзин». Кроме того, в тексте «Мэн-цзы» учеником Цзэн-цзы назван некий Цзы Сян (子襄) [18, с. 47], однако никаких дополнительных данных об этом человеке не приводится, и о нем ничего не известно.

4. **Автором трактата «Сяо цзин» был ученик Кун-цзы – Цзы Сы (子思) (ок. 483–402 гг. до н. э.).** Предположение о том, что Цзы Сы был автором трактата «Сяо цзин», выдвигал южносунский ученый-конфуцианец Ван Инлинь (王应麟) (1223–1296). В своем сочинении «Кунь сюэ цзи вэнь» («Записи слышанного о трудностях в учении» 困学纪闻), ссылаясь на сунского философа Фэн И (冯椅) (1140–1231), Ван Инлинь заявляет: «Цзы Сы создал трактат “Чжун юн” (“Следование середине” 中庸), стремясь изложить речи своего предка [Кун-цзы], которого называл по второму имени [в знак уважения], поэтому эту книгу [“Сяо цзин”] тоже создал Цзы Сы (子思作《中庸》, 追述其祖之语乃称字, 是书当成于子思之手) [8, с. 14].

Иными словами, заключение Ван Инлиня об авторстве «Сяо цзина» делается на том основании, что и в «Чжун юне», и в «Сяо цзине» Кун-цзы именуется «Чжунни». Однако вряд ли такого рода умозаключение можно считать исчерпывающим доказательством авторства «Сяо цзина».

⁵ Чжунни (仲尼) – второе имя Кун-цзы.

В «Кун-цзы цзя юй», в главе «Цишиэр дицзы цзе» («Разъяснения о семидесяти двух учениках») о Цзы Сы сказано следующее: «Юань Сянь, уроженец царства Сун, по прозвищу Цзы Сы. Был младше Кун-цзы на тридцать шесть лет, был чист помыслами и хранил верность долгу, даже в бедности находил радость в [следовании] Дао. Когда Кун-цзы исполнял должность советника-сыкоу в царстве Лу, Юань Сянь нередко был его помощником. После смерти Кун-цзы Юань Сянь ушел в отставку и поселился в царстве Вэй» (原憲, 宋人, 字子思。少孔子三十六歲, 清淨守節, 貧而樂道。孔子為魯司寇, 原憲嘗為孔子宰。孔子卒後, 原憲退隱, 居于衛) [12]. До недавнего времени взгляд на Цзы Сы как на автора «Сяо цзина» не получил широкого распространения. Однако в наши дни, с учетом результатов археологических раскопок, данная версия не выглядит такой уж фантастической.

В ходе подробного текстологического анализа, сопоставляя тексты из корпуса годяньских рукописей (郭店竹簡 *годянь чжу цзянь*)⁶, которые были созданы во второй половине эпохи Чжаньго (Воюющих царств) (475–221 гг. до н. э.) и в которых этическая константа сыновней почтительности занимает одно из центральных мест, с трактатом «Сяо цзин», профессор Пэн Линь (彭林) (г. р. 1949) приводит новые доказательства в пользу авторства Цзы Сы [21, с. 54–67]. В своем исследовании профессор Пэн Линь последовательно приходит к выводу: «После смерти Кун-цзы семьдесят учеников и последующие ученые провели глубокие дискуссии по вопросу Дао сыновней почтительности. Если судить по содержанию годяньских рукописей, к середине эпохи Воюющих царств, эти дискуссии уже были довольно бурными и были широко распространены. И в этих дискуссиях главную роль играла именно школа Цзы Сы, поэтому тот факт, что Цзы Сы представил диалог Кун-цзы и Цзэн-цзы и на его основании составил книгу «Сяо цзин», представляется логически необходимым» [21, с. 66].

Надо признать, что в мировом научном сообществе интерес к философу Цзы Сы неуклонно растет, как отмечает американский синолог Р. Т. Эймс (Roger T. Ames): «Учитель Цзы Сы, предполагаемый автор трактата «Чжун юн», становится все более и более важным философом в наше время. В связи с документами, обнаруженными при недавних археологических раскопках, он появляется из дымки истории как одно из пропущенных звеньев между учением Конфуция, выраженным в «Лунь юе» и ранней эволюцией классического конфуцианства, основанной на трудах Мэн-цзы и Сюнь-цзы» [22, с. 131]. Учитывая все вышесказанное,

⁶ Годяньские рукописи представляют собой философские тексты, которые иллюстрируют эволюцию конфуцианского учения от Кун-цзы к Мэн-цзы, они выражают квинтэссенцию раннего конфуцианства и обнаруживают идейное сходство с рядом древних конфуцианских текстов. Поэтому автор настоящей статьи вслед за профессором Пэн Линем полагает правомерным сопоставление конфуцианского корпуса годяньских рукописей и трактата «Сяо цзин». Подробнее о философском значении годяньских рукописей см.: [19]. О связи школы Цзы Сы – Мэн-цзы и годяньских рукописей см.: [20].

принимая во внимание стройную аргументацию профессора Пэн Линя, данная точка зрения представляется автору статьи вполне правомерной.

5. **Автором трактата «Сяо цзин» был некто из 72 (по «Ши цзи») или 76 (по «Кун-цзы цзя юй») учеников Кун-цзы или же некто из учеников Цзэн-цзы.** Об этом сообщает сунский историк и политик Сыма Гуан (司马光) (1019–1086). Он пишет: «Слова совершенномудрых – это каноны, их действия – это законы, некогда Кун-цзы и Цзэн-цзы толковали о сыновней почтительности, а ученики составили книгу и назвали ее «Сяо цзин»» (圣人言则为经, 动则为法, 故孔子与曾参论孝, 而门人书之, 谓之《孝经》) [17]. В данном случае непонятно, были ли это ученики Кун-цзы, которых мы знаем поименно, или же ученики Цзэн-цзы, о которых нам почти ничего не известно. Эту точку зрения нельзя полностью отвергать, тем более что она подтверждает аутентичность трактата в качестве произведения раннеконфуцианской традиции. Хотя, бесспорно, данное предположение весьма расплывчато сформулировано и несет в себе мало конкретики.

6. **Сам трактат представляет собой литературную фальсификацию, его большая часть не является аутентичным раннеконфуцианским памятником.** Данной точки зрения придерживался корифей неоконфуцианства, философ Чжу Си (朱熹) (1130–1200), в своем сочинении «Чжу-цзы юй лэй» («Классифицированные речи Учителя Чжу» 朱子语类) он резюмирует: «Только первые 6 или 7 чжанов «Сяо цзина» можно считать каноническими, а остальные представляют собой более поздний текст, некий необразованный начетчик, живший на территории между царствами Ци и Лу, присвоил себе речи из мудрой книги «Цзо чжуань» («Комментарий г-на Цзо к 'Вёснам и осеням'») и даже дописал то, чего в этой книге не было» [17]. Согласно точке зрения Чжу Си, основной текст «Сяо цзина» (первые 6–7 чжанов) – это действительно каноническое произведение, которое написано учениками Цзэн-цзы, а остальная часть представляет собой «комментарий к «Сяо цзину»» (孝经之传 *сяо цзин чжи чуань*) и является своего рода плагиатом на текст «Цзо чжуань» (ок. IV в. до н. э.). В последующие века версия Чжу Си относительно подлинности «Сяо цзина» получила широкое признание у специалистов.

7. **Текст представляет собой литературную фальсификацию и является плодом творчества конфуцианских ученых эпохи Хань.** Эта версия была выдвинута крупным каноником эпохи Цин (1636–1911) Яо Цзихэном (姚际恒) (1647 – ок. 1715). В своей работе «Гу цзинь вэйшу као» («Исследование поддельных книг древности и современности» 古今伪书考) Яо Цзихэн пишет: «Эта книга восходит к ханьским конфуцианцам,

⁷ Отечественный синолог, переводчик «Ши цзи», Р. В. Вяткин, говоря о количестве учеников Конфуция, справедливо отмечает: «В других древних сочинениях фигурируют иные числа близких учеников Конфуция: в Люй ши чунь-цю – 80, в Хуайнань цзи – 70, что свидетельствует об условности точных данных» [15].

она не только не была создана Кун-цзы, она даже не отражает воззрений эпох Чжоу-Цинь...» (是书来历出于汉儒, 不惟非孔子作, 并非周秦之言也) [17]. В дальнейшем, уже в XX в., данная точка зрения поддерживалась представителями течения, известного под названием «сомнения в древности» (疑古派 *и гу пай*)⁸. В академическом сообществе КНР к настоящему моменту эти воззрения уже не представляют собой магистрального течения, они преодолены в работах профессора Ли Сюэциня (李学勤) (1933–2019) и других ведущих специалистов в области древней истории, философии, текстологии (подробнее об этом см.: [22]), а также находят все новые и новые опровержения благодаря исследованию результатов недавних археологических раскопок (годяньских рукописей, шанхайских манускриптов и др.)⁹.

8. **Автором «Сяо цзина» был некто из учеников Мэн-цзы (孟子) (372 до н. э. – 289 гг. до н. э.).** Данной точки зрения придерживается современный исследователь Ван Чжэнцзи (王正己), в своей работе «Сяо цзин цзинь као» («Современное исследование трактата “Сяо цзин”» 孝经今考) он пишет: «Одним словом, содержание трактата “Сяо цзин” чрезвычайно близко идеям Мэн-цзы, поэтому можно с уверенностью утверждать, что этот трактат был написан кем-то из учеников Мэн-цзы... Я прихожу к выводу, что “Сяо цзин” был создан после “Чжуан-цзы” (庄子) и до “Люй ши чунь цю” (“Вёсны и осени господина Люя”))» (总之《孝经》的内容, 很接近孟子的思想, 所以《孝经》大概可以断定是孟子门弟子所著的... 我推定《孝经》的成书是在庄子以后, 《吕氏春秋》以前) [17]. То есть «Сяо цзин» был написан не позднее 241 г. до н. э., так как в этом году был создан трактат «Люй ши чунь цю» [7, с. 322], который содержит цитаты из «Сяо цзина». Данную версию относительно датировки памятника разделяет и профессор Ху Пиншэн [8, с. 15].

Заключение

Итак, бегло рассмотрев основные версии авторства трактата «Сяо цзин», приходится признать, что данный вопрос вряд ли можно решить однозначно. Принимая во внимание аргументацию вышеперечисленных исследователей, по всей вероятности, автором трактата «Сяо цзин» мог быть либо сам Кун-цзы, либо его ученик Цзэн-цзы или же другой ученик – Цзы Сы. Версию относительно того, что автором был некто из учеников Цзэн-цзы, невозможно полностью отбросить, однако учитывая тот факт, что на данный момент мы практически ничего не знаем об учениках

⁸ Научное течение, появившееся в 1910–1920 гг. под руководством видного китайского ученого Гу Цзегана (顾颉刚) (1893–1980), подвергавшее сомнению аутентичность многих древних памятников.

⁹ Ли Сюэцинь выдвинул концепцию, которая получила название «выйти из эры “сомнения в древности”» (走出疑古时代 *цзоу чу игу шидай*) [23].

Цзэн-цзы, то нельзя и всецело согласиться с такой точкой зрения. Как утверждает профессор Ху Пиншэн: «Кун-цзы, Цзэн-цзы и их ученики, а также ученики их учеников – все были авторами трактата “Сяо цзин”» [8, с. 15]. По всей видимости, текст «Сяо цзина» в действительности отражает воззрения Учителя, и был отредактирован его учениками.

Как и в ситуации со многими древними текстами, которые неоднократно редактировались и переписывались, остается лишь надеяться, что обнаружение новых неизвестных письменных памятников и введение их в научный оборот поможет современным синологам решить эту задачу. Так или иначе, но ценность философского трактата «Сяо цзин» не вызывает сомнений. Теоретическая разработка конфуцианскими мыслителями этической константы сыновней почтительности отвечала не только конкретному историческому запросу, но и имела огромное идейно-философское значение. Сыновняя почтительность представляет собой не просто отвлеченный умозрительный принцип, несбыточный идеал, к которому стремились конфуцианские мудрецы, – она является важнейшей нравственной, исторической, политической, социальной и культурной составляющей, которая пронизывает китайское общество.

В приложении к настоящей статье дается полный авторский перевод трактата «Сяо цзин» на русский язык, он развивает, корректируя и переосмысляя, разработки предшественников. Данный перевод может быть использован для подготовки последующих научных исследований, создания учебных пособий и разработки спецкурсов со сходной проблематикой.

Приложение

Сяо цзин¹⁰

I. «Выявить основу»

[В то время] Чжуннй жил на покое, а Цзэн-цзы ему прислуживал. Учитель сказал: «Ваны прежних эпох обладали совершенной добродетелью и следовали Дао, этим усмиряли всю Поднебесную, народ жил в мире и согласии, и не было вражды между первыми и последними. Знаешь ли ты, почему?» Цзэн-цзы почтительно поднялся со своего места и ответил: «Как я, бездарный Шэнь¹¹, могу знать об этом?» Учитель сказал: «[Причиной] этому – сыновняя почтительность – корень добродетели, из которой происходит всякое обучение. Сядь, я расскажу тебе [о ней]. Наше тело, конечности, волосы и кожу мы получаем от родителей, [а потому] нельзя причинять вред своему телу – в этом начало сыновней почтительности. [Тот, кто] самосовершенствуется и следует Дао, тот завоеует уважение последующих поколений. В прославлении родителей высшая точка сыновней почтительности. Сыновняя почтительность начинается со

¹⁰ Перевод осуществлен по изданию: [8].

¹¹ Личное имя Цзэн-цзы (曾子) было Цзэн Шэнь (曾参).

служения родителям, продолжается в служении государю, заканчивается самосовершенствованием. В «Да я» («Великих одах») сказано: «Не следует ли почитать предков и тем самым развивать свою добродетель?»¹².

II. «Сын Неба»

Учитель сказал: «Тот, кто любит своих родственников, не осмелится причинить зло [другим] людям. Тот, кто уважает своих родственников, не посмеет недооценивать [других] людей. Любовь и уважение без остатка в служении родителям, а также добродетельное обучение народа – в этом образец для всей Поднебесной. В этом заключается сыновняя почтительность Сына Неба. В «Фу син» («Наказания по Фу-хоу») сказано: «[Если] один (правитель) обладает благочестием, [то] бесчисленный народ полагается на него»¹³.

III. Чжухоу

[Если] быть наверху, но не гордиться, [то пусть] даже занимаешь высокий пост, в этом нет опасности [быть свергнутым]. Умерять расходы и следовать нормам ритуала, быть полным без переполнения. [Если] занимаешь высокий пост, и в этом нет опасности [быть свергнутым], то долго сохраняешь благородство. Быть полным без переполнения, и тем самым долго сохранять достаток. Если не пренебрегать благородством и достатком, то сможешь сохранить земли и хлеба [государя], а также гармонизировать народ. В этом заключается сыновняя почтительность чжухоу. В «Ши цзин» («Канон поэзии») сказано: «Будь осторожным и осмотрительным, как будто стоишь на краю глубокой пропасти, как будто ступаешь по тонкому льду»¹⁴.

IV. «Цины и дафу»

Не надевать одежду, не соответствующую установлениям ванов прежних эпох; не произносить слов, не соответствующих установлениям ванов прежних эпох; не совершать поступков, не соответствующих добродетельным поступкам ванов прежних эпох. А потому того, что не соответствует установлениям, – не говорить; того, что не соответствует Дао, – не совершать. [Тогда] все сказанное – прекрасно, а все сделанное – безукоризненно. [Такие] слова наполняют всю Поднебесную, и нет в них оговорок, [такие] поступки наполняют Поднебесную и не причиняют зла. Когда эти три вещи (одежда, слова, поступки) в порядке, *цины* и *дафу* помогают оберегать храм предков [Сына Неба]. В этом заключается сыновняя почтительность *цинов* и *дафу*. В «Ши цзин» сказано: «И днем, и ночью на службе одному человеку – (Сыну Неба)»¹⁵.

¹² Цитата из «Ши цзин» («Канон поэзии») (III, I, 1). Здесь и далее «Ши цзин» по: [25].

¹³ Фу син, в «Шан шу» эта глава носит название Люй син («Наказания по Люю»). Полный перевод «Шан шу» см.: [24].

¹⁴ Цитата из «Ши цзин» («Канон поэзии») (II, V, 1) см.: [25].

¹⁵ Цитата из «Ши цзин» («Канон поэзии») (III, III, 6) см.: [25].

V. Шу

Оказывать помощь отцу и тем самым оказывать помощь матери, [в то же время] любить обоих. Оказывать помощь отцу и тем самым служить государю, [в то же время] уважать обоих. Тогда мать принимает любовь, а государь принимает уважение, отец же принимает и то и другое. Поэтому служение государю на основании сыновней почтительности называется преданностью, служение старшим на основании уважения называется послушанием. Если преданность и послушание в достатке, то так служат высшим, тогда сохраняют жалованье и титул, тогда соблюдают ритуал почитания предков. В этом заключается сыновняя почтительность служилых-*ши*. В «Ши цзин» сказано: «От зари до зари трудиться не покладая сил и не позорить тех, кто дал тебе жизнь»¹⁶.

VI. «Простолюдины»

Внимать Дао Неба, разделять пользу Земли, сокращать расходы и тем самым возвращать родителей – в этом сыновняя почтительность простолюдина. Поэтому для всех, от Сына Неба и до простолюдина сыновняя почтительность не имеет ни начала, ни конца. Пусть кто-то беспокоится о том, что не в состоянии достичь сыновней почтительности, но такого еще никогда не бывало.

VII. «Три начала»

Цзэн-цзы сказал: «Премного велика сыновняя почтительность!». Учитель ответил: «Потому что сыновняя почтительность – основа Неба, долг Земли и действие Человека. Основа Неба и Земли – это правило для народа. Подражать просветленности Неба, следовать пользе Земли и тем самым усмирять Поднебесную. Поэтому такое обучение не причиняет вреда, а завершается успешно, такое управление не сурово, но приводит [страну] в порядок. Ваны прежних эпох руководствуясь таким обучением, исправляли [помыслы] народа, ваны прежних эпох руководствовались принципом всеобщей любви, а народ не бросал на произвол судьбы своих родителей. [Ваны прежних эпох] излагали принципы добродетели и долга, а народ повсеместно претворял их в жизнь. Ваны прежних эпох руководствовались принципами уважения и ритуальной уступчивости (принципом *шань*) и среди народа не было вражды. Ваны прежних эпох вели за собой народ посредством ритуала и музыки, а народ жил в гармонии и согласии. Ваны прежних эпох показывали, что есть добро и зло, и народ знал, что можно и чего нельзя. В «Ши [цзин]» сказано: «Великий наставник Инь, весь народ взирает на тебя с уважением!»¹⁷.

VIII. «Управлять на основе сыновней почтительности»

Учитель сказал: «В древности просвещенные ваны управляли Поднебесной на основе сыновней почтительности, не осмеливались

¹⁶ Цитата из «Ши цзин» («Канон поэзии») (II, V, 2) см.: [25].

¹⁷ Цитата из «Ши цзин» («Канон поэзии») (II, V, 1) см.: [25].

пренебрегать чиновниками из малых областей, а тем более *гунами*, *чжу-хоу*, *бо*, *цзы* и *нань*, поэтому получали благосклонность со стороны [жителей] всех областей, и все благодаря действиям ванов древности. Правители страны не осмеливались обижать вдовцов и вдов, а тем более служилых и народ, поэтому получали благосклонность всего народа, и все благодаря действиям прежних правителей. Глава семьи не осмеливался обижать челядь, а тем более супругу и детей, поэтому получал благосклонность всех домочадцев, и все благодаря действиям таких родителей. Тогда при жизни родители были умиротворены, а при жертвоприношении духи [умерших предков] принимали дары. Вот почему в Поднебесной царили мир и гармония, бедствия и несчастья обходили [Поднебесную] стороной, а войн и смут не случалось. Просвещенные ваны управляли Поднебесной на основании сыновней почтительности. В «Ши цзин» сказано: «Если есть пример добродетельного поведения, то [народ] в четырех странах света следует этому»¹⁸.

IX. «Правление совершенномудрых»

Цзэн-цзы сказал: «Осмелюсь спросить, в добродетели совершенномудрых нет ли чего-то большего, чем сыновняя почтительность?» Учитель ответил: «В природе Неба и Земли, человек – [самое] ценное. В человеческих поступках нет ничего большего, чем сыновняя почтительность. Самое большее в сыновней почтительности – это почтение к отцу. Самое большее в почтении к отцу – это почитать его наравне с Небом, так поступал Чжоу-гун¹⁹. В древности Чжоу-гун поклонялся Хоу Цзи²⁰ наравне с [поклонением] Небу, устраивал жертвоприношения Вэнь-вану²¹ в храме предков наравне с [поклонением] Шан-ди²². В пределах четырех морей каждому надлежало таким образом поклоняться предкам. А потому, разве кроме сыновней почтительности можно еще что-то прибавить к добродетели совершенномудрых? Поэтому родственная близость происходит из детства, а посредством взращивания родителей крепнет день ото дня. Совершенномудрые неукоснительно следовали [родственной близости] для того, чтобы обучать [народ] уважению, следовали родственной близости для того, чтобы обучать [народ] любви. Учение совершенномудрых было чуждо жестокости, но завершалось успехом, принципы управления [совершенномудрых] чужды суровости, но они упорядочивали [Поднебесную].

¹⁸ Цитата из «Ши цзин» («Канон поэзии») (III, III, 2) см.: [25].

¹⁹ Чжоу-гун (周公) (?–1105 г. до н. э.) – правитель государства Чжоу, сын Вэнь-вана и регент малолетнего Чэн-вана (成王), младший брат государя У-вана (武王). В конфуцианстве Чжоу-гун олицетворяет собой эталон добродетели и справедливости.

²⁰ Хоу Цзи (后稷) – «государь просо», «государь зерно»; герой китайской мифологии, покровитель земледелия и предок государства Чжоу.

²¹ Вэнь-ван (文王) (1152–1056 гг. до н. э.) – мудрый и справедливый основатель государства Чжоу (1045 до н. э. – 221 до н. э.).

²² Шан-ди (上帝) – верховный владыка Неба.

То, из чего они проистекали, было корнем [сыновней почтительности]. Дао отца и сына – Небесная природа, [Дао] правителя и чиновника – долг. [Человек] получает жизнь от родителей, и нет ничего, что бы превосходило это. Предстать перед очами правителя и родителей, и нет ничего, что было бы важнее их благосклонности. Поэтому тот, кто не любит своих родителей, а любит других людей, нарушает добродетель. Тот, кто не уважает своих родителей, а уважает других людей, нарушает ритуал. Если во имя следованию идти наперекор, то народ не берет [такое поведение] за правило. Если [правитель] не следует благу, то все вокруг погрязнет в пороке, пусть даже произойдет [обратное], но благородный муж не ценит [такого правителя]. Благородный муж не таков, он говорит, думая, должны ли прозвучать его слова; действует, думая, принесет ли его поступок радость; его добродетель и долг достойны почтения; он служит так, что его дела можно брать за образец; его внешний вид и манеры достойны созерцания; его движения вперед и назад можно полагать как меру; таким он предстает перед народом. Вот почему народ испытывает благоговейный трепет и любит благородного мужа, а также стремится подражать ему. Поэтому добродетельное обучение народа завершается успехом, а указы благородного мужа исполняются неукоснительно. В "Ши цзин" сказано: "Прекрасен благородный муж, его манеры безупречны!"²³.

Х. «Записи о действиях, согласно сыновней почтительности»

Учитель сказал: «Образцовый сын служит родителям таким образом: когда живет с родителями, то без остатка выражает свое уважение к ним; когда возвращает их, то без остатка выражает свою радость; когда родители больны, то без остатка выражает свою печаль; когда погребает родителей, то без остатка выражает свою скорбь; когда поклоняется духам предков, то без остатка выражает свое благоговение. Когда эти пять [положений] в норме, то [образцовый сын] овладел искусством служить родителям. Тот, кто служит родителям, если занимает высокое положение, то не гордится; если занимает низкое положение, то не наводит беспорядков; среди равных себе не устраивает распрей. Гордость при высоком положении ведет к гибели, беспорядки при низком положении ведут к наказанию, распри среди равных ведут к войне. Если три [таких положения] не искоренить, то даже если день ото дня вскармливать трех жертвенных животных²⁴, все равно не достигнешь сыновней почтительности».

XI. «Пять наказаний»²⁵

Учитель сказал: «Пять наказаний применялись к трем тысячам [преступлений], и ни одно из этих наказаний не может сравниться с

²³ Цитата из «Ши цзин» («Канон поэзии») (I, XIV, 3) см.: [25].

²⁴ *Сань шэн* (三牲) – три вида [жертвенных] животных (бык, баран, кабан).

²⁵ Пять наказаний (五刑 *у син*): клеймение, отрезание носа, отрубание пальцев на ногах, кастрация, смертная казнь. О пяти видах наказаний упоминается в «Шан шу» («Чтимая книга»), глава «Люй син» («Наказания по Люю»). Полный перевод «Шан шу» см.: [24].

непочтительностью по отношению к родителям. Силой принуждать правителя [к действиям] – низость, пренебрежение к совершенномуудрым – беззаконие, отрицание сыновней почитательности – отрицание родственной близости. Все это – путь к великой смуте».

ХII. «Распространять основной принцип»

Учитель сказал: «Если обучать народ любви и родственной близости, то нет ничего лучше, [чем обучать его] посредством сыновней почитательности. Если обучать народ ритуалу и послушанию, то нет ничего лучше, [чем обучать его] посредством уважения к старшим [братьям]. Если изменять нравы и обычаи [в лучшую сторону], то нет ничего лучше, [чем изменять их] посредством музыки. Если умиротворять высших [чиновников] и [должным образом] управлять народом, то нет ничего лучше, [чем делать это] посредством ритуала. Ритуал – это уважение и больше ничего. Поэтому уважение к отцу делает радостными сыновней. Уважение к старшим братьям делает радостными младших братьев. Уважение к государю делает радостными чиновников. Уважение к одному человеку делает радостными несметное число людей. Тот, кто уважает немногих, делает радостными многих – это и называется основным принципом».

ХIII. «Распространять наивысшую добродетель»

Учитель сказал: «Благородный муж обучает посредством сыновней почитательности, это не означает, что он день ото дня ходит [с наставлениями] от дома к дому. [Такое] обучение посредством сыновней почитательности заключается в том, чтобы уважать отцов всех людей в Поднебесной. [Такое] обучение посредством любви к старшим [братьям] заключается в том, чтобы уважать старших [братьев] всех людей в Поднебесной. [Такое] обучение посредством исполнения долга чиновника заключается в том, чтобы уважать государей всех людей в Поднебесной. В «Ши [цзин]» сказано: «Благой и почитательный благородный муж – отец и мать для народа»²⁶. Если не обладать высшей добродетелью, то кто сможет с таким величием усмирять народ?»

ХIV. «Распространять известность»

Учитель сказал: «Сыновняя почитательность, на основании которой благородный муж служит родителям, есть причина преданности, на основании которой он служит государю. Уважение к старшим братьям – причина послушания по отношению к старшим. Порядок в семье – причина [должного] управления на службе. Вот почему успешные действия внутри [семьи] порождают известность [благородного мужа] среди последующих поколений».

ХV. «Увещевать и указывать [на ошибки]»

Цзэн-цзы сказал: «Что касается милости и любви, почтения и уважения, умиротворения родственников, обретения известности – обо всем

²⁶ Цитата из «Ши цзин» («Канон поэзии») (III, II, 7) см.: [25].

об этом я получил наставления. Я хотел бы спросить: [простое] следование воле отца может ли называться сыновней почтительностью?» Учитель ответил: «Что за речи? В древности у Сына Неба было семь чиновников, смело указывающих государю на его промахи, и пусть даже он не осуществлял добродетельное правление, но [благодаря таким чиновникам] не терял [бразды правления] Поднебесной. У *чжухоу* было пять чиновников, смело указывающих ему на его промахи, и пусть даже он не осуществлял добродетельное правление, но [благодаря таким чиновникам] не терял [бразды правления] страной. У *дафу* было три чиновника, смело указывающих ему на его промахи, и пусть даже он не осуществлял добродетельное правление, но [благодаря таким чиновникам] не терял [бразды правления] своим кланом. У служилого-*ши* был друг, смело указывающий ему на его промахи, и тогда *ши* пользовался доброй славой. А если у отца есть сын, не страшщийся указывать ему на его промахи, тогда отец ни на шаг не отступает от долга. Вот почему, если [действия] не соответствуют долгу, сын должен указать отцу на его промахи; чиновник должен указать государю на его промахи. На все, что не соответствует долгу, – необходимо указывать. Так как же может [простое] следование воле отца называться сыновней почтительностью?»

XVI. «Взаимный отклик»

Учитель сказал: «В древности просветленный ван служил отцу на основании сыновней почтительности, тем самым осуществлял волю Неба; служил матери на основании сыновней почтительности, тем самым служил проникновенности Земли; младшие слушались старших и потому [ван] должным образом управлял верхами и низами. Небо просветленное, Земля проникновенная, а духи явственно проявляют себя. Поэтому, пусть даже сам Сын Неба, но непременно должен был обладать почтением. Тогда про него говорили, что у него есть отец; непременно должен был иметь предков, и тогда говорили, что у него есть старшие братья. Выражать уважение в храме предков – это означает не забывать родственников; самосовершенствоваться и действовать осторожно – это означает страшиться опозорить предков. [Если] выражать уважение в храме предков, то духи явственно проявляют себя. [Тот, кто в] сыновней почтительности и любви к старшим [братьям] достигает предела, тот обретает духовную просветленность, которая озаряет весь мир, и нет места, куда бы она не проникала. В "Ши [цзин]" сказано: "С запада на восток, с юга на север, нет никого, кто бы не подчинился ему"»²⁷.

XVII. «Служить государю»

Учитель сказал: «Благородный муж так служит вышестоящим, что на аудиенции размышляет над тем, как быть верным [государю] до конца; покидая покои [государя] размышляет, как исправить промахи

²⁷ Цитата из «Ши цзин» («Канон поэзии») (III, I, 10) см.: [25].

[государя], как пестовать в нем благо и как оградить его от зла. Тогда верхи и низы взаимно испытывают родственную близость друг к другу. В “Ши [цзин]” сказано: “В сердце моем любовь и не важно, как он далеко, в сердце таится любовь и никогда мне не забыть о нем”²⁸.

XVIII. «Носить траур по родителям»

Учитель сказал: «Когда образцовый сын хоронит родителей, он рыдает, но не завывает; во время ритуала он не обращает [чрезмерного] внимания на свой внешний облик, его слова звучат без вычурности; он чувствует себя неловко в изящных одеждах; слыша музыку, он не испытывает радости; превосходные кушанья не возбуждают в нем аппетита – так проявляется чувство скорби. Через три дня он может притронуться к еде, ибо нельзя, чтобы мертвые причиняли страдания живым. Горевать во время траура, но не уничтожать тем самым свою природу – в этом заключается принцип совершенномудрых. Траур не может длиться дольше, чем три года, это необходимо для того, чтобы народ понимал: траур имеет свое завершение. Когда сделаны гроб и саркофаг, одеяние и саван надеты на умершего, расставлены короб для жертвенного зерна и жертвенный сосуд для проса – тогда начинается [выражение] скорби. [Женщины] бурно проявляют свое горе, [мужчины] тихо всхлипывают, все со скорбью провожают [умершего]. Путем гадания выбирают место для могилы, затем погребают тело умершего. Совершают жертвоприношения в храме предков, весной и осенью поклоняются духам, своевременно вспоминая умерших. При жизни – служить, любить и уважать [родителей], по смерти – служить, скорбеть и горевать о них, в этом корень жизни человека. [Когда] долг при жизни и по смерти исполнен, тогда образцовый сын заканчивает свое служение родителям».

Литература

1. Чжан Сипин. *Жусюэ си чуань оучжоу яньцзю даолунь – 16–18 шицзи чжунсюэ си чуань дэ гуйцзи юй инсян* (О проникновении конфуцианства в Европу. Влияние китайских наук на Запад в XVI–XVIII вв.). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ; 2016. 301 с. (На кит.)
2. Max Müller F. (ed.) *Sacred Books of the East*. Vol. III: Legge J. (transl.) *The Sacred Books of China, The Texts of Confucianism*. Part I: *The Shû King; The religious portions of the Shih King; The Hsiào King*. Oxford: Clarendon Press; 1879. 489 p.
3. Ames R. T., Rosemont H. Jr. *The Chinese Classic of Family Reverence: A Philosophical Translation of the Xiaojing*. Honolulu: University of Hawaii Press; 2009. 132 p.
4. Кучера С. Р. Конфуцианский трактат «Сяо цзин» («Каноническая книга о сыновней почтительности»). Главы 1–6, 8, 9 (предисловие, переводы, комментарий). В: Кучера С. Р. *История, культура и право древнего Китая: собрание трудов*. М.: Наталис; 2012. С. 197–231.

²⁸ Цитата из «Ши цзин» («Канон поэзии») (III, VIII, 3) см.: [25].

5. Курбанов С. О. *Конфуцианский классический «Канон сыновней почтительности» в корейской трактовке*. СПб.: Изд-во юридического факультета СПбГУ; 2007. 280 с.

6. Абраменко В. П. *Канон сыновней почтительности. Сяо цзин*. М.: ИДВ РАН; 2021. 178 с.

7. *Духовная культура Китая. Энциклопедия* в 5 т. Гл. ред. М. Л. Титаренко. Т. 1: *Философия*. Ред.: М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов. М.: Восточная литература; 2006. 727 с.

8. Ху Пиншэн, Чэнь Мэйлань. *Ли цзи Сяо цзин (Записки о ритуале, Канон сыновней почтительности)*. Пекин: Чжун хуа шуцзю; 2007. 281 с. (На кит. яз.)

9. Бань Гу. *Хань шу, И вэнь чжи (Книга истории династии Хань, библиографический раздел)*. – URL: <https://ctext.org/han-shu/yi-wen-zhi> (дата обращения 05.10.2021). (На кит. яз.)

10. Ван Госюань, Ван Сюэмэй. *Кун-цзы цзя юй ши цзюань (Кун-цзы цзя юй в десяти свитках)*. Пекин: Чжун хуа шу цзю; 2011. 573 с. (На кит. яз.)

11. Ван Шэнюань. *Кун-цзы цзя юй тун цзе (Разъяснения «Кун-цзы цзя юй»)*. Нанкин: Илинь чубаньшэ; 2014. 119 с. (На кит. яз.)

12. *Кун-цзы цзя юй (Речи школы Конфуция)*. – URL: <https://ctext.org/kongzi-jiauy/qi-shi-er-di-zi-jie> (дата обращения 05.10.2021). (На кит. яз.)

13. *Суй шу (Книга истории династии Суй)*. – URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=g b&chapter=282487&remap=gb> (дата обращения 05.10.2021). (На кит. яз.)

14. *Сяо цзин тан сюань-цзун юй чжу («Канон сыновней почтительности» с августейшим комментарием императора династии Тан Сюань-цзуня)*. – URL: <http://www.guoxue123.com/jinbu/ssj/xj/000.htm> (дата обращения 05.10.2021). (На кит. яз.)

15. Сыма Цянь. *Исторические записки*. Т. VII. Пер. Р. В. Вяткина. М.: Восточная литература; 1996. 389 с.

16. *Троеслобие. Переводы с китайского*. Отв. ред. М. Л. Титаренко; сост. В. П. Абраменко. М.: ИДВ РАН; 2013. 156 с.

17. Чэнь Бишэн. *Сяо цзин чуюй кун цзэн као (Исследование происхождения «Сяо цзина» от Кун-цзы или Цзэн-цзы)*. – URL: <http://www.chinazengzi.org/article/621.html> (дата обращения 05.10.2021). (На кит. яз.)

18. *Мэн-цзы*. Под ред. Л. Н. Меньшикова; предисл. Л. Н. Меньшикова; пер. с кит. и указатель В. С. Колоколова. СПб.: Петербургское востоковедение; 1999. 272 с.

19. Блажкина А. Ю. *Система философских категорий в конфуцианских годяньских рукописях*. М.: ИДВ РАН; 2017. 180 с.

20. Лян Тао. *Годянь чжуцзянь юй сымэн сюэпай (Годяньские бамбуковые планки и школа Цзы Сы и Мэн-цзы)*. Пекин: Чжунго жэньминь дасюэ чубаньшэ; 2008. 560 с. (На кит. яз.)

21. Пэн Линь. *Цзысы цзо сяо цзин цзочжэ синь лунь (Новые суждения в пользу того, что Цзы Сы был автором «Сяо цзина»)*. *Чжунго чжэсюэ ши (История китайской философии)*. 2000;3:54–67. (На кит. яз.)

22. Ames R. T., Hall D. L. *Focusing the Familiar: A Translation and Philosophical Interpretation of the Zhongyong*. Hawaii: University of Hawai'i Press; 2011. 182 p.

23. Ли Сюэцинъ. Цзоу чу игу шидай (Выйти из эры «сомнения в древности»). Шэньян: Ляонин дасюэ чубаньшэ; 1994. 318 с. (На кит. яз.)
24. Чтимая книга. Древнекитайские тексты и перевод «Шан шу» («Шу цзин») и «Малого предисловия» («Шу сюй»). Подгот. древнекит. текстов и ил., пер., примеч. и предисл. В. М. Майорова; послесловие В. М. Майорова и Л. В. Стеженской. М.: ИДВ РАН; 2014. 1149 с.
25. Ши цзин (Канон поэзии). – URL: <https://ctext.org/book-of-poetry> (дата обращения 05.10.2021). (На кит. яз.)

References

1. Zhang Xiping. About the penetration of Confucianism into Europe. The influence of Chinese sciences on the West in the 16th –18th centuries. Beijing: Beijing daxue chubanshe; 2016. 301 p. (In Chin.)
2. Max Müller F. (ed.) *Sacred Books of the East*. Vol. III: Legge J. (transl.) *The Sacred Books of China, The Texts of Confucianism*. Part I: *The Shû King; The religious portions of the Shih King; The Hsiâo King*. Oxford: Clarendon Press; 1879. 489 p.
3. Ames R. T., Rosemont H. Jr. *The Chinese Classic of Family Reverence: A Philosophical Translation of the Xiaojing*. Honolulu: University of Hawaii Press; 2009. 132 p.
4. Kuchera S. R. Confucian treatise “Xiao Jing” (“The Classic of Filial Piety”). Chapters 1–6, 8, 9 (foreword, translations, commentary). In: Kuchera S. R. *History, Culture and Law of Ancient China History. Collection of works*. Moscow: Natalis; 2012, pp. 197–231. (In Russ.)
5. Kurbanov S. O. *Confucian classical “The Classic of Filial Piety” in Korean interpretation*. St. Petersburg: Izd-vo yuridicheskogo fakul'teta SPbSU; 2007. 280 p. (In Russ.)
6. Abramenko V. P. *The Classic of Filial Piety, Research and translation*. Moscow: Institute of Far Eastern Studies RAS; 2021. 178 p. (In Russ.)
7. *Spiritual Culture of China. Encyclopedia. In 5 vols*. Vol. 1: *Philosophy*. Volume eds: M. L. Titarenko, A. I. Kobzev, A. E. Lukyanov. Moscow: Vostochnaya literatura; 2006. 727 p. (In Russ.)
8. Hu Pingsheng, Chen Meilan. *The Classic of Rites, The Classic of Filial Piety*. Beijing: Zonghua shuju; 2007. 281 p. (In Chin.)
9. Ban Gu. *Han Dynasty History Book, bibliographic section*. – URL: <https://ctext.org/han-shu/yi-wen-zhi> (accessed: 05.10.2021). (In Chin.)
10. Wang Guoxuan, Wang Xumei. *The School Sayings of Confucius in ten scrolls*. Beijing: Zonghua shuju, 2011. 573 p. (In Chin.)
11. Wang Shenyuan. *Explanations of The School Sayings of Confucius*. Nanking: Ylin chubanshe; 2014. 119 p. (In Chin.)
12. *The School Sayings of Confucius*. – URL: <https://ctext.org/kongzi-jiayu> (accessed: 05.10.2021). (In Chin.)
13. *Song Dynasty History Book*. – URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=282487&remap=gb> (accessed: 05.10.2021). (In Chin.)
14. *The Classic of Filial Piety with the august commentary of the emperor of the Tang dynasty Xuan-zong*. – URL: <http://www.guoxue123.com/jinbu/ssj/xj/000.htm> (accessed: 05.10.2021). (In Chin.)

PHILOSOPHY OF THE EAST

Blazhkina A. Yu. Some aspects of the authorship of the treatise “Xiao Jing”
Orientalistica. 2021;4(5):1279–1300

15. Sima Qian. *Historical Notes*. Vol. VII. Transl. by R. V. Vyatkin. Moscow: Vostochnaya literatura; 1996. 389 p. (In Russ.)
16. Titarenko M. L. (ed.); Abramenko V. P. (comp.) *The Three-word Classic. Translations from Chinese*. Moscow: Institute of Far Eastern Studies RAS; 2013. 156 c. (In Russ.)
17. Chen Bisheng. *Study of the origin of Xiao Jing from Confucius or Zeng-zi*. – URL: <http://www.chinazengzi.org/article/621.html> (accessed: 05.10.2021). (In Chin.)
18. Menshikov L. N. (ed. and foreword); Kolokolov V. S. (transl.) *Meng-zi*. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie; 1999. 272 p. (In Russ.)
19. Blazhkina A. Y. *A system of philosophical categories in Confucian Godian manuscripts*. Moscow: Institute of Far Eastern Studies RAS; 2017. 180 p. (In Russ.)
20. Liang Tao. *Godyan bamboo bars and the school of Zi Si and Meng-zi*. Beijing: Zhongguo rengmin dasue chubanshe; 2008. 560 p. (In Chin.)
21. Peng Lin. New judgments in favor of the fact that Zi Si was the author of Xiao Jing. *History of Chinese Philosophy*. 2000;3:54–67. (In Chin.)
22. Ames R. T., Hall D. L. *Focusing the Familiar: A Translation and Philosophical Interpretation of the Zhongyong*. Hawaii: University of Hawai'i Press; 2011. 182 p.
23. Li Xueqin. *Get out of the era of “doubt in antiquity”*. Shenyang: Liaoning dasue chubanshe; 1994. 318 p. (In Chin.)
24. *The Esteemed book: Ancient Chinese texts and translations of “Shang Shu” (“Shu Jing”) and “Small Preface” (“Shu Xu”)*. Preparation of ancient Chinese texts and illustrations, translation, notes and foreword by V. M. Mayorov; afterword by V. M. Mayorov and L. V. Stezhenskaya. Moscow: Institute of Far Eastern Studies RAS; 2014. 1149 1149 p. (In Russ.)
25. *The Classic of Poetry*. – URL: <https://ctext.org/book-of-poetry> (accessed: 05.10.2021). (In Chin.)

Информация об авторе

Блазжкина Анастасия Юрьевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт Дальнего Востока Российской академии наук (ИДВ РАН), Москва, Россия; <https://orcid.org/0000-0002-8313-5917>, e-mail: myshashu@yandex.ru

Information about the author

Anastasia Yu. Blazhkina – Ph. D. (Philos.), Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-8313-5917>, e-mail: myshashu@yandex.ru

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12 октября 2021
Одобрена после рецензирования: 03 ноября 2021
Принята к публикации: 25 ноября 2021
Опубликована: 27 декабря 2021

Article info

Submitted: October 12, 2021
Approved after peer reviewing: November 03, 2021
Accepted for publication: November 25, 2021
Published: December 27, 2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

PHILOSOPHY OF THE EAST

Philosophy of Religion and Religious Studies

ФИЛОСОФИЯ ВОСТОКА

Философия религии и религиоведение

Научная статья

Исторические науки

УДК 2-1:2-23+27[-23+-246+-247]

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1301-1321>

Зарождение христианства: что мы знаем и откуда?

Андрей Сергеевич Десницкий^{1,2}

¹ Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия, ailoyros@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9959-7358>

Аннотация. Статья, вторая в серии, кратко описывает основные проблемы, связанные с реконструкцией возникновения христианства. Прежде всего, это неполнота источников, говорящих почти исключительно о вероучении и оставляющих в стороне все остальные стороны жизни. Кроме того, это заинтересованность у древних авторов, и современных исследователей в представлении некоторой «правильной» идеальной картины. В результате в прошлое переносится идеализированный образ той христианской общины, к которой хотел бы принадлежать сам исследователь. В качестве возможного выхода из методологического тупика предлагается модель описания религии, рекомендованная Г. Тайсенем, а в качестве базового метода – анализ полемики, сохранившейся в раннехристианских текстах, прежде всего в посланиях.

Ключевые слова: Библия; Евангелия; Новый Завет; раннее христианство; реконструкция; традиция

Для цитирования: Десницкий А. С. Зарождение христианства: что мы знаем и откуда? *Ориенталистика*. 2021;4(5):1301–1321. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1301-1321>.

Original article

History studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1301-1321>

Emerging Christianity: what do we know and how?

Andrey S. Desnitsky^{1,2}

¹ Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, ailoyros@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9959-7358>

Abstract. This article, the second in a series, briefly describes the main problems connected with the reconstruction of emerging Christianity. First of all, it is the scarcity of

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

historical sources. They speak almost exclusively about religious beliefs and leave aside all other aspects of life. Then, it is the clearly expressed interest of both ancient authors and modern researchers to present a “rightful” and ideal picture. As a result, emerges an idealized image of such a Christian community that a modern scholar would like to belong to. A possible methodological solution to this problem can be found in the model of religious studies suggested by the modern German scholar Gerd Theissen. Concerning the practical method, one can suggest an analysis of the polemics as reflected in the early Christian texts, mainly epistles.

Keywords: Bible; early Christianity; Gospels; New Testament; reconstruction; tradition

For citation: Desnitsky A. S. Emerging Christianity: what do we know and how? *Orientalistica*. 2021;4(5):1301–1321. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1301-1321>

Постановка проблемы

Прусский историк Л. фон Ранке так сформулировал основную задачу исторической науки в начале XIX в.: «Показать, как это было на самом деле». Он имел в виду, прежде всего, примерно то же, что римский историк I–II вв. Тацит, который повествовал о прошедших событиях «без гнева и пристрастия», т. е. не пытаюсь оправдывать или обвинять исторических персонажей и учитывая все факты, а не только те, которые подтверждают мнение историка. Собственно, это и отличает честную историческую науку от идеологической пропаганды.

Однако за почти два столетия, прошедшие с тех пор, как Ранке высказал этот свой принцип, в гуманитарных науках изменилось очень многое, и эта простая цель уже не кажется такой достижимой, как прежде. А что, если фактов у нас недостаточно, свидетельства невозможно проверить, они противоречат друг другу и т. д.? А что, если каждый историк несмотря на стремление к объективности все же не может абстрагироваться от собственных мнений и оценок и неизбежно оказывается пристрастным, а порой и гневливым? Значит ли это, что в наше постмодернистское время невозможна вообще никакая объективная «всеобщая история», а лишь набор разнообразных нарративов, из которых каждый выбирает себе подходящий, а при его отсутствии конструирует новый?

Когда мы приступаем к историческому анализу повествований, изложенных в Библии (сейчас речь идет о Новом Завете), проблема субъективности становится особенно острой. Речь идет о событиях, имевших место примерно две тысячи лет тому назад, от которых в большинстве случаев не осталось, да и не могло остаться материальных свидетельств, – а тексты, в которых они описаны, с момента своего появления на свет или вскоре после него были объявлены Священным Писанием, Божественным Откровением и сохраняют этот свой статус по сей день для разных религиозных групп. О том, как это влияет на процесс «поиска исторического Иисуса», шла речь в предшествующей статье (см.: [1]).

Возникает интересный парадокс: христианство, как признают практически все исследователи, зародилось в середине I в. н. э. в Иудее или Палестине, входившей тогда в Римскую империю (кстати, сам выбор названия: Иудея или Палестина – многими воспринимается сегодня как политическая декларация). Но историк Римской империи этого периода совершенно не упоминает тех событий, которые сопутствовали рождению христианства, потому что на общую жизнь империи они никак не повлияли. Христиане начинают упоминаться в исторических документах ближе к концу I и особенно в начале II в., когда они уже представляют собой сплоченную и хорошо известную группу единомышленников, объединенную, прежде всего, коллективной памятью об этих событиях.

Но о самих событиях в жизни первых христианских общин исследователь может судить только по этой самой коллективной памяти, т. е. с их собственных слов – или же со слов тех, кто ее опровергает, причем и в этом случае они были донесены (и, возможно, искажены) последующими поколениями христиан, переписывавших античные книги. Иными словами, любое свидетельство оказывается крайне пристрастным.

И далее, в последующие века, интерес к этой тематике существует прежде всего среди самих христиан или, реже, у их идеологических противников. Он актуален ровно потому, что люди спорят: что такое «правильное христианство» и как к нему относиться. Огромный соблазн для исследователя – отождествить собственный идеал и перенести его в прошлое. Возможна ли в таких условиях сколько-нибудь объективная и научная реконструкция, и если да, что поможет ее создать?

Неполнота источников

Итак, оставаясь в рамках научной парадигмы, мы едва ли можем однозначно установить подробности жизни Иисуса из Назарета уже просто потому, что у нас почти нет независимых внешних свидетельств, а существующие свидетельства полны рассказов о чудесах, выходящих за пределы научного анализа, и воспринимаются современными авторами крайне пристрастно, будь они верующими или агностиками и атеистами [1].

Гораздо перспективнее выглядит идея реконструировать возникновение и развитие раннехристианских общин, веривших в Иисуса. Говоря о рождении новой религии, мы можем рассматривать разные ее аспекты: вероучение, обрядовую практику, аскезу (посты и прочие ограничения), социальную структуру общин, их отношения с существующей государственной властью и уже существующими религиями и т. д. При этом исследователи раннего христианства с самого начала убеждаются, насколько неравномерен в этом отношении доступный им материал.

Прежде всего стоит отметить, что мы вынуждены полагаться почти исключительно на тексты, археологические находки довольно

немногочисленны. Как писал около 200 г. автор анонимного «Послания к Диогниту», «христиане ни местом жительства, ни языком, ни обычаями не отличаются от прочих людей, поскольку не обитают в особых городах, не пользуются неким отличным от других наречием и не имеют своеобразного образа жизни. У них нет никакого учения подобного рода, которое было бы изобретено по замыслу и стараниями суетных людей, и отвержены они не человеческим идеям, как некоторые. Но христиане, населяя города эллинские и варварские, кому как довелось, и следуя обычаям соотечественников в одежде, пище и остальном быту, показывают при этом удивительное и, по общему мнению, необъяснимое устройство своей внутренней жизни» (гл. 5, перевод автора).

Действительно, археологические данные практически ничего не говорят нам даже о том, жили ли в данном городе христиане, и в каком количестве – о присутствии, к примеру, иудеев надежно свидетельствуют миквы, т. е. небольшие бассейны для ритуальных омовений. Соответственно, мы вынуждены полагаться на собственные свидетельства христиан об их «удивительном устройстве внутренней жизни» и на крайне немногочисленные и краткие ее упоминания в нехристианских источниках, которые, как правило, как раз о жизни христиан ничего не сообщают, а лишь обсуждают связанные с ними вопросы: см., например, знаменитую переписку императора Траяна и Плиния Младшего (письма 96 и 97), где обсуждается необходимость преследования христиан, а о внутренней их жизни опять-таки приводятся их собственные и вполне апологетические свидетельства.

Притом каковы эти свидетельства? Вот что пишет Иустин Философ императору Адриану: «В так называемый день солнца бывает у нас собрание в одно место всех живущих по городам или селам; и читаются, сколько позволяет время, сказания апостолов или писания пророков. Потом, когда чтец перестанет, предстоятель посредством слова делает наставление и увещание подражать тем прекрасным вещам. Затем все вообще встаем и воссылаем молитвы. Когда же окончил молитву, тогда, как я выше сказал, приносится хлеб, и вино, и вода; и предстоятель также воссылает молитвы и благодарения, сколько он может. Народ выражает свое согласие словом – аминь, и бывает раздаяние каждому и приобщение даров, над коими совершено благодарение, а к небывшим они посылаются через диаконов. Достаточные же и желающие, каждый по своему произволению, дают, что хотят, и собранное хранится у предстоятеля: а он имеет попечение о сиротах и вдовах, о всех нуждающихся по болезни или по другой причине, о находящихся в узах, о странниках издалека, вообще печется о всех находящихся в нужде. В день же солнца мы все вообще делаем собрание, потому что это есть первый день, в который Бог, изменивши мрак и вещество, сотворил мир, и Иисус Христос, Спаситель наш, в тот же день воскрес из мертвых» (Вторая апология, гл. 67, пер. П. Преображенского).

Это свидетельство, относящееся к середине II в. н. э., – пожалуй, самое полное дошедшее до нас описание христианского богослужения того периода. Но в нем сказано крайне мало о самом богослужении, что в целом понятно: едва ли Иустин хотел посвящать императора в тонкости христианского культа. Ему было важнее показать, что этот культ не содержит ничего предосудительного, именно поэтому он так много внимания обращает на материальную сторону дела.

А вот как описано подобное богослужение уже для самих христиан в памятнике под названием «Учение двенадцати апостолов» (его датировка служит предметом постоянной дискуссии):

«А что касается до евхаристии, то благодарите следующим образом. Сперва относительно чаши: “Благодарим Тебя, Отец наш, за святой виноград Давида, Отрока Твоего, который (виноград) Ты явил нам чрез Иисуса Отрока Твоего. Тебе слава во веки!”

А относительно преломляемого хлеба: “Благодарим Тебя, Отец наш, за жизнь и ведение, которые Ты явил нам чрез Иисуса Отрока Твоего. Тебе слава во веки! Как сей преломляемый хлеб был рассеян (в зернах) на холмах и соединен во едино, так да будет соединена Твоя Церковь от концов земли в Твое царство, потому что Твоя есть слава и сила чрез Иисуса Христа во веки”.

Но никто да не вкушает, ни пьет от вашей евхаристии кроме крещеных во имя Господне; ибо касательно сего сказал Господь: не давайте святыни псам.

После же насыщения благодарите так: “Благодарим Тебя, Отец Святой, за Твое святое имя, которое Ты вселил в сердцах наших, и за ведение, и веру, и бессмертие, которые Ты явил нам чрез Иисуса Отрока Твоего. Тебе слава во веки! Ты, Владыко Вседержитель, сотворил все ради имени Твоего; пищу же и питье Ты дал людям в наслаждение, дабы они возблагодарили Тебя; а нам милостиво даруй духовную пищу и питье и жизнь вечную чрез Отрока Твоего. Прежде всего благодарим Тебя, потому что Ты всемогущ. Тебе слава во веки! Помяни, Господи, Церковь Твою, избавь ее от всякого зла и усоверши ее в любви Твоей и собери ее, освященную, от четырех ветров в царство Твое, которое Ты уготовал ей, потому что Твоя есть сила и слава во веки! Да придет благодать и прейдет сей мир! Осанна Сыну Давидову! Если кто свят, – да приступит сюда; а если нет, – пусть покается. Маран-афа! Аминь”.

Пророкам же дозвольте благодарить, сколько они желают» (гл. 9–10, пер. К. Д. Попова).

Вопросов возникает очень много: например, как определялось, «кто свят» и как именно предлагалось покаяться тем, кто не выдержал этой проверки? Кто именно произносил эти тексты, насколько они были обязательны? Как, хотя бы в общих чертах, совершали Евхаристию «пророки», кто именно обладал этим статусом, как его получали и подтверждали,

насколько свободны были «пророки» в выборе своей ритуальной практики и насколько тесно сотрудничала с ними община? Всё это остается загадкой. По сути, перед нами не описание раннехристианской культовой практики внешним наблюдателем (что очень пригодилось бы ученым), а краткое напоминание «для своих», призванное зафиксировать и так всем прекрасно известную практику.

О том, как выстраивали первые христиане свои отношения с соседями-язычниками и иудеями или с римской властью, или о том, как были устроены сами эти общины, раннехристианские тексты не говорят почти ничего.

При этом раннехристианские тексты невероятно подробно, аргументированно и детально описывают вероучение христиан – примером служат Послания Павла, которые почти исключительно из этих объяснений и состоят. Иными словами, мы крайне туманно представляем себе, как христиане молились, постились и вели себя в быту в I–II вв., но знаем в малейших деталях, во что именно они верили. История идей остается единственным полем для надежной научной реконструкции? Или все-таки можно хотя бы попытаться представить, как протекала жизнь раннехристианских общин, исходя из описания этой идеологии?

Обзор научной литературы на русском языке

Теперь стоит предложить краткий обзор основной литературы по теме, доступной русскоязычному читателю, как оригинальной, так и переводной (на основных западных языках литература просто неисчислима). В этом обзоре будут упомянуты все самые важные и яркие работы, но он, разумеется, не будет исчерпывающе полным. Существует немало количество книг по Новому Завету как корпусу текстов, но здесь они не будут даже перечислены. Также не будут рассмотрены работы, в которых рассказано о происхождении, контексте, передаче, содержании и толковании книг, составляющих корпус Нового Завета, и обо всем, что с этим связано, а скорее о той среде, которая эти книги породила и сохранила как свою версию Писания. Существует также некоторое количество советской атеистической литературы, которая предлагает крайне ангажированный и максимально критичный взгляд, опираясь, как правило, на памфлеты XIX и раннего XX в., а не на научные исследования. О них здесь речь тоже не пойдет.

В данном случае интересна и заслуживает рассмотрения лишь та литература, которая посвящена не анализу текстов как таковых, а позволяет реконструировать стоящую за ними реальность раннего христианства. Пожалуй, большинство современных русскоязычных читателей, пожелавших узнать историю раннего христианства, начали свое знакомство с этим предметом с классической книги Дж. Данна, одного из самых

известных современных специалистов по Новому Завету, выпущенной еще в 1990-е гг. [2]. Пересказывать содержание этой книги едва ли имеет смысл, можно обратить внимание на ту задачу, которую автор декларирует в самом ее начале:

«Если бы мне предложили выделить один пункт, ставший с течением лет для меня более важным, я бы выделил характер того единства, которое представляет нам Новый Завет. Наиболее недвусмысленный библейский образ христианского единства – это образ тела, образ тела Христа, образ тела единого во Христе... Без многообразия не может быть единения во Христе. С этим резко контрастируют наши разнообразие традиции, имеющие обыкновение впадать в соблазн, который Павел образно описывает в 1 Кор 12:17–19, – сведение всего церковного служения и церковной организации к одной или двум из них (традиций) – как если бы все тело было только глаз или только ухо!» [2, с. 9].

Мы видим, что это язык церковной проповеди, а не беспристрастного научного исследования. Собственно, в этом нет ничего удивительного, если помнить, что Данн – не только ученый, но и проповедник, и что для него как для живого человека его церковная и научная сферы деятельности были тесно связаны между собой. В этой книге мы встречаемся с научным подходом, автор учитывает все доступные ему факты, предлагает им самые разумные рациональные объяснения, но в то же время невозможно назвать его совершенно беспристрастным и объективным. И такова ситуация с большинством исследователей Нового Завета, хотя далеко не все из них – действующие проповедники (в СССР, скажем, в этой роли выступали сторонники научного атеизма).

Еще один прекрасный автор, хорошо знакомый российскому читателю, интересующемуся Новым Заветом, – Н. Т. Райт (с 2003 по 2010 г. – англиканский епископ того самого города Дарем, где работал и проповедовал Данн). Самый значительный его труд (собственная оценка автора) ставит своей целью «очертить исторически точный портрет Иисуса. Портрет, не противоречащий ранним источникам и при этом полезный для проповеди и веры Церкви» [3, с. XI].

Тот же Данн в другом месте предлагает краткий очерк становления современной библеистики [4, с. 102–114]. Собственно, самое главное тут в том, что исследования библейского текста происходили не в стерильном пространстве библиотек и университетов, а в самой гуще общественных и прежде всего религиозных дискуссий. Данн выделяет несколько ключевых этапов развития исследований библейского текста, связанных со становлением гуманитарной науки Нового времени в целом. В эпоху Возрождения появилось представление об инаковости прошлого, о культурной дистанции между миром, описанным в тексте, и тем миром, в котором мы живем. В последовавшее за ним время Реформации возникла потребность в «исправлении» настоящего по образцу,

заданному в прошлом, а значит – в необходимости понять текст, дать ему объективное истолкование. В эпоху Просвещения родилась история как наука в современном понимании этого слова, – а значит, ясно был обозначен разрыв между личной верой и объективным знанием. Принцип Ранке относится именно к этому периоду, но он в некотором смысле преодолевается в эпоху постмодернизма, когда каждая частная точка зрения может быть сочтена самодостаточной.

Оригинальных русскоязычных работ, посвященных этой тематике, немного, но они весьма интересны. Это две книги, каждая из которых посвящена анализу единственного текста: И. Левинская рассматривает Книгу Деяний [5], а И. Павлов – процитированное выше «Учение двенадцати апостолов», известное также под названием Дидахе [6]. Левинская задается вопросом о том, как соотносится текст Деяний с тем, что мы знаем об иудейской диаспоре того времени. Деяния – единственная книга, которая предлагает связный и последовательный текст о становлении христианской церкви, притом написанный с точки зрения самих христиан. Видное место занимает в нем сюжет о том, как проповедь, изначально обращенная к иудеям, постепенно начинает звучать для «язычников», т. е. неевреев, с учетом того, что очень скоро они станут составлять в церкви абсолютное большинство. С точки зрения Левинской, под «язычниками» здесь имеются в виду скорее прозелиты или «боящиеся Бога», т. е. те люди эллинистической культуры, которых привлекала вера иудеев в Единого, но которые при этом формально не принимали иудаизм.

Павлов точно так же ограничивается одним письменным памятником, но это книга, которая не входит в Новый Завет, более того – в Средневековье она была забыта и заново открыли ее уже в Новейшее время. Павлов дает этой книге необычно раннюю датировку: 36–43 гг. н.э., таким образом, считая ее написанной раньше всех канонических новозаветных текстов. Что касается географии, он считает, что книга появилась в Антиохии и соответствовала жизни раннехристианских общин в Сирии, а вероятным автором считает Варнаву, спутника апостола Павла. Эти предположения, прежде всего столь ранняя датировка памятника, явно вызовут много возражений у других исследователей. Но для Павлова именно этот текст отражает в наибольшей полноте и чистоте первоначальное учение и практику раннехристианских общин.

В книге Павлова содержится отдельное приложение, которое, по сути, можно считать вполне самостоятельной книгой. Оно называется «*Ipsissima doctrina Jesu: критерии и исторические показания. Тезисы*» [6, с. 507–634]. Здесь – правда, скорее в декларативной, нежели в доказательной форме – предлагается ряд принципиальных тезисов, относящихся к поиску «исторического Иисуса», причем Дидахе играет существенную или даже ключевую роль в определении, что действительно восходит к Иисусу, а что было привнесено последующей традицией.

Поскольку все эти работы так или иначе связаны с вопросом о соотношении раннего христианства с иудаизмом, стоит упомянуть еще один небольшой, но достаточно интересный текст С. Лёзова, который предлагает нестандартный, более того, полемический взгляд на происхождение христианства: он отказывает ему во всякой преемственности с иудаизмом [7]. Этот текст по своей природе тоже скорее декларативен, его появление (сначала в виде доклада на конференции) вызвало яркую полемику, но можно высказать предположение о том, почему такая идея вообще пришла в голову автору. В завершение своего небольшого текста он говорит о том, какой практический вывод следует из его тезиса: если христианство по своему происхождению никак не связано с иудаизмом, то не имеет никакого смысла и так называемый иудео-христианский диалог, которым занимаются представители обеих религий на протяжении последних десятилетий. Нет никакой потребности и в том, чтобы осмыслить отношения между этими двумя религиями: они просто разные, как, к примеру, христианство и ислам.

Вопросы об истории, характере и перспективах этого диалога лежат, конечно, вне рамок этого исследования, но можно отметить, что перед нами, пожалуй, еще один пример того, как актуальная повестка нашего времени формирует подходы к изучению истории раннего христианства. Трагические события Второй мировой, разные попытки их осмыслить, в том числе и в богословском плане, стремление выстроить некоторую модель гармоничных взаимоотношений иудеев и христиан на будущее, которая строилась бы не просто на «правилах вежливости», но на некоторой модели общего наследия, – не стало ли всё это для Лёзова пусть не главной, но все-таки причиной предложить иную модель, которая обходится без всего этого? По-видимому, этот фактор неизбежен, когда мы говорим о современных исследованиях раннего христианства: любые выводы будут иметь значимые последствия для современности, и нередко именно эти последствия будут если не определять, то хотя бы стимулировать работу исследовательской мысли в определенных направлениях.

Теперь имеет смысл обратиться к доступной на русском языке переводной литературе по этой теме. В отличие от оригинальных русских работ, это книги, которые базируются не на одном древнем источнике, а предлагают широкий их обзор и целостную модель возникновения христианства. Более популярное издание, рассчитанное на широкого читателя, – книга К. Эванса, которая в русском переводе носит несколько провокационное название «Иисус против священников» (очевидно, чтобы увеличить продажи), тогда как английский оригинал назван «От Иисуса до церкви» (From Jesus to the Church) [8]. По сути дела, это популярное изложение основных фактов – полезное, но не отвечающее на сколько-нибудь серьезные вопросы.

Другое, более серьезное и полное исследование, – книга Г. Вермеша «Христианство: как всё начиналось» [9]. Оценивая книгу, нельзя обойти молчанием личные обстоятельства жизни автора: он родился в Венгрии в еврейской семье, обратившейся в католицизм, – в надежде избежать преследований, как объяснял этот выбор он сам. Тем не менее его родители погибли во время Второй мировой. Сам Вермеш стал священником, переехал в Великобританию, а через некоторое время оставил католическую церковь и обратился к вере своих предков, хотя и к достаточно либеральной ее разновидности. Всё это не имело бы существенного значения, если бы речь шла о судьбе математика или химика, но Вермеш занимался всю свою научную жизнь исследованиями раннего христианства, в особенности его еврейских корней и отношений с иудаизмом, и мы можем лишь догадываться, что для него было первично, а что вторично: его научные исследования и выводы из них или личный религиозный выбор.

Вот для примера фраза из самого начала этой книги: «Религия Иисуса была главным образом призывом к эсхатологическому действию, однако последующее христианство, хотя также настаивало на делах и одно время сохраняло эсхатологический характер, было превращено Павлом и Иоанном в религию веры» [9, с. 13]. По сути дела, речь идет о том, что христианство времен самого Иисуса заметно отличалось от того, что возникло в первые века н. э., притом по странному совпадению это самое изначальное христианство оказывается достаточно близким к тому мировоззрению, к которому пришел сам автор.

В качестве источников Вермеш берет почти исключительно тексты как новозаветные, так и некоторые другие, прежде всего Дидахе и Послание Варнавы, датируя их (вполне обоснованно) I в. до н. э. Но понятно, что они отражают определенную идеологию, и мы не можем судить, исходя из самих текстов, насколько широко эта идеология была распространена, где перед нами, условно говоря, мейнстрим, а где маргинальное мнение. И был ли мейнстрим вообще? Например, Вермеш отмечает, что «Игнатий Антиохийский был сторонником монархического епископата» [9, с. 258], и с этим трудно поспорить. Но совершенно без ответа остается другой вопрос: насколько представительно в данном случае мнение Игнатия? Это была общепринятая точка зрения, или его личное и достаточно экстравагантное мнение, или же нечто среднее? Вермеш не предлагает никаких критериев для решения этого вопроса.

В завершение своей книги он говорит о «колоссальной разнице между доникейской и посленикейской христологией» [9, с. 352]. Можно, конечно, оспорить само это противопоставление и рассуждать о том, что никейские вероучительные формулировки были подготовлены всем развитием доникейского периода. Но намного интереснее другой вопрос: а что послужило причинами для этих изменений, почему они произошли и в какой мере мы можем восстановить идеи, которых придерживались

в большинстве своем христиане в условном 300-м «доникийском» и условном 350-м «посленикийском» году (оба отстоят от Никейского собора ровно на четверть века)? Ответа Вермеш не предлагает.

Что мы видим в результате? Исследователь, который воссоздает картину возникновения христианства, по сути дела, создает на основе раннехристианских нарративов свой метанарратив. С Евангелиями его объединяет способ написания: у автора есть некая концепция, исходя из которой он последовательно излагает события, цитирует предшествующие тексты и т. д. Но сама концепция изначальна и аксиоматична, она не является предметом доказательства и вообще серьезного критического разбора.

Можно ли считать такой подход научно-историческим? Строго говоря, зависит от нашего понимания исторической науки. Но проблема ясно видна, и она заключается прежде всего в отсутствии единой общепризнанной методологии. Как и в случае с «историческим Иисусом», исследователи испытывают искушение создавать свою собственную модель: каким хотели бы мы видеть раннее христианство, – и затем подтягивать для ее обоснования все мыслимые свидетельства. При их нехватке, в любом случае, можно сослаться на то, что не все источники до нас дошли.

Модель Тайсена: выход из тупика?

Пожалуй, некоторым выходом из тупика оказалась пока еще не доступная русскому читателю книга Г. Тайсена «Религия ранних церквей: создавая мир символов» [10]. Вышедшая в самом конце XX в., она символически подводит итог реконструкциям, созданным в этом столетии, – не в том смысле, что она дает некое окончательное и несомненное решение, а скорее в том, что она внятно и четко формулирует некоторые общие принципы.

К сожалению, мы не найдем здесь развернутой методологии, по которой производится реконструкция. Но зато даются определения ряду ключевых понятий.

Во-первых, Тайсен уточняет, что не хочет создавать очередной труд под названием «Теология Нового Завета». Это понятно: речь не идет о том, чтобы создать еще одну модель, тесно связанную с вероучением той или иной современной конфессии, а о том, чтобы погрузиться, насколько это возможно, в историческую реальность первых веков н. э. Далее, он дает свое определение религии, и оно выглядит вполне удовлетворительным и даже исчерпывающим, при всей своей краткости: «религия – культурно обусловленная знаковая система, которая обещает некоторое приобретение в жизни путем обращения к высшей реальности» (Religion is a cultural sign language which promises a gain in life by corresponding to an ultimate reality) [10, с. 2]. Следовательно, религиоведение есть некая

разновидность семиотики – изучения знаковых систем. Наверное, можно привести и другие определения, ни одно не будет выглядеть окончательным и общепризнанным, но это определение, предложенное Тайсеном, уже достаточно убедительно и полезно с практической точки зрения, чтобы им воспользоваться.

Во всяком случае крайне важно, что знаковая система должна изучаться именно как система, а значение каждый из ее элементов обретает только в своем отношении к другим.

В этой знаковой системе Тайсен выделяет три основных составляющих: миф, ритуалы и этику. С этим стоит разобраться подробнее, особенно с первым понятием – миф. В обыденном языке под мифом, как правило, понимается вымысел, а в науке у этого понятия существует множество определений. Можно оттолкнуться от того, которое было предложено Е. М. Мелетинским: «Миф является средством концептуализации мира – того, что находится вокруг человека и в нем самом. В известной степени миф – продукт первобытного мышления. Его ментальность связана с коллективными представлениями, бессознательными и сознательными скорее, чем с личным опытом. Первобытная мысль диффузивна, синкретична, неотделима от сферы эмоциональной, аффективной, двигательной, откуда происходят антропоморфизация природы, универсальная персонификация, анимизм, метафорическая идентификация объектов природных и культурных» [11, с. 24].

Но это определение относится к мифам первобытного общества, к той стадии, которая предшествует всякой организованной религии. Понятно, что к раннему христианству (или любой другой организованной религии) оно в полной мере неприменимо: повествование, изложенное языком Платона и Аристотеля, утрачивает ту меру синкретичности и анимизма, которая присутствует в рассказах австралийских аборигенов. Тайсен определяет миф намного короче, как «фундаментальный нарратив, определяющий мир и жизнь» [10, с. 3].

Наверное, можно сказать, что в развитых религиях, к числу которых относится и христианство с момента своего возникновения, присутствует миф в понимании Мелетинского, но он одновременно становится предметом напряженной философской рефлексии и выражает себя в разных, в том числе и совершенно немифологических формах. Впрочем, этот процесс шел в античной культуре параллельно возникновению христианства – см., к примеру, «Мифологическую библиотеку» Псевдо-Аполлодора: своего рода каталог мифологических сюжетов, которые изложены последовательно, с учетом всех вариаций и противоречий, что само по себе разрушает синкретичность мифа. Однако миф в определении Тайсена, миф как определяющий нарратив, не уходит никуда даже в современном обществе и присутствует в каждой идеологии. Например, повествование о Великой Отечественной войне, основанное на совершенно

реальных исторических событиях, официально стало главным нарративом в современной России.

Ритуалы, по определению Тайсена, – «воспроизводимые модели поведения, которые люди вплетают в свою повседневную жизнь, чтобы отразить иную реальность, представленную в мифах» [10, с. 3]. В ритуалах можно выделить слова, действия и предметы. Так, главная ритуальная особенность христианства в сравнении с религией Ветхого Завета – замена кровавых жертвоприношений бескровным воспоминанием Христовой смерти.

Самый понятный из трех элементов – этика, практические правила поведения, вытекающие, как и ритуалы, из мифов и их осмысления. Не случайно «наивное сравнительное религиоведение» обычно приходит к выводу, что «все мировые религии учат одному», т. е. совпадают в основных своих требованиях к поведению человека, невзирая на различия в их обосновании, порой фундаментальные.

Что же нам известно о раннем христианстве? О ритуалах – почти ничего, кроме того, что они, несомненно, были. О мифах и этике – довольно много. Достаточно ли будет сказать, что мы неплохо представляем себе, во что верили первые христиане и как они стремились себя вести, но при этом почти не знаем, как именно проходили их молитвенные собрания?

И здесь возникает еще одна проблема: мы имеем дело лишь с той частью христианского наследия, которая была воспринята и развита последующими поколениями христиан, она стала, выражаясь современным языком, мейнстримом. И возникает естественное желание проследить, как именно возник и развивался этот мейнстрим. Но не упустим ли мы тогда всё то, что, может быть, даже не воспринималось как основное и наиболее правильное в те самые первые десятилетия жизни христианских общин? Этот вопрос напоминает тот, который возникает при рассуждениях об «историческом Иисусе»: да, мы хорошо знаем, в какого Христа верит церковь, или, лучше сказать, верят разные конфессии, но, если отвлечься от этого более позднего понимания, что мы на самом деле знаем об исторической личности – о том Иисусе, который ходил по земле Галилеи?

Тайсен формулирует свою позицию по вопросу о поисках исторического Иисуса следующим образом: «У нас нет, с одной стороны, исторического Иисуса, который жил бы в мире без мифа, – а с другой, мифологического Христа, который, на основании слепапасхальной интерпретации, все больше удалялся бы от исторического мира. Исторический Иисус уже жил в мифе, который возрождал базовые монотеистические аксиомы иудейской религии. Он жил внутри мифа о пришествии Царства Божьего, в котором окончательной реальностью станет то, что всегда постулировал иудейский монотеизм: Бог становится определяющей всё реальностью... Но живя внутри него и с ним, он изменил его: 1. Иисус придал мифу историчности, соединив с собственной историей и собственными действиями.

2. Иисус придал ему поэтическую форму выражения в притчах, которые содержали призывы к новому пониманию Бога. 3. Иисус соединил миф с символично-политическими формами выражения и таким образом их демилитаризовал, отделив их от надежды на победу над язычниками... Иисус придает религиозной мечте большую независимость от политики: верность Богу не побуждает восставать против императора, но по той же самой причине не побуждает хранить ему безусловную верность» [10, с. 39–40].

Далее Тайсен определяет основные функции религии. С точки зрения психологии это функции когнитивная (постижение мира и своего места в нем), эмоциональная (чувство защищенности) и прагматическая (легитимация форм жизни и образцов поведения).

Глядя с позиций социологии, религия помогает социализации (выстраиванию общественных связей) и улаживает конфликты между различными социальными группами. При этом религия помогает людям преодолеть кризисы, с которыми они сталкиваются в жизни, и одновременно порождает у них новые кризисы. Религия предлагает своим последователям определенные *роли*, которые принимаются и исполняются в рамках ритуалов.

Смысловое пространство размечают *символы* – материальные предметы, которые указывают на некую иную по отношению к этим предметам реальность. В отличие от ролей, они, по мнению Тайсена, не персонифицируются, не связываются с конкретными личностями. Здесь, впрочем, нужны какие-то оговорки, потому что в раннем христианстве символы чаще всего указывают лично на Христа. По-видимому, Тайсен имеет в виду, что если некий конкретный человек принимает на себя определенную символическую роль («подражайте мне, как я – Христу»), то ее нужно рассматривать уже как роль, а не как символ. Наконец, религия устанавливает для своих последователей *нормы*, которым они призваны следовать.

Исходя из вышесказанного, раннее христианство разумно описывать не как некую замкнутую в себе сущность, которая равна себе самой и является сразу в готовом виде, а скорее – как процесс изменений, которые происходили в существующем иудаизме и вокруг него. Притом происходили они в разных местах и с разной скоростью, а возможно даже, в разных направлениях.

В чем заключались эти изменения? С точки зрения Тайсена, из двух базовых аксиом иудаизма – монотеизм (вера в Единого) и заветный номизм (исполнение Закона как Завета с Богом) – в христианстве остается первая, а вторая сменяется верой в Искупителя. Всё остальное вытекает из этого.

С тем, что христианство возникает из иудаизма, согласно большинство исследователей. Как формулирует это Вермеш, «поначалу все члены Иисусова братства были иудеями и вели традиционный для иудеев образ

жизни, включая культовую практику» [9, с. 104]. Это утверждение требует уточнений: какой именно образ жизни можно считать для иудеев I в. н. э. традиционным, и что делать с многообразием практик, о котором сообщают практически все источники (фарисеи, саддукеи, ессеи и др.)? Действительно ли был такой период развития раннехристианской общины, притом период достаточно продолжительный, когда все или почти все христиане по своему происхождению были иудеями?

Но с этим тезисом согласны, как легко можно понять, не все. Выше уже было упомянуто достаточно нестандартное мнение Лёзова «о происхождении христианства из иудаизма», но оно не было развернуто в сколько-нибудь стройную теорию.

Такую теорию предлагает работа И. И. Евлампиева под амбициозным названием «Неискаженное христианство и его первоисточники» [12], как единая монография она, насколько мне известно, не публиковалась, но отдельные ее части выходили в журнале «Соловьевские исследования» (2016, № 4; 2017, № 1–4); см. также рецензию на нее: [13]. Категоричная формулировка Евлампиева предполагает, что христианство, которое мы знаем, было искажено, и пробиться через поздние искажения к его ранней и чистой форме – важная и принципиально решаемая задача. Отправной точкой для своего исследования Евлампиев делает спор середины II в. н. э. между Маркионом и руководителями христианской общины в Риме – спор, по итогам которого Маркион был объявлен еретиком. А с точки зрения Евлампиева, именно он и был проповедником чистого, неискаженного христианства.

Вот какой вывод делает Евлампиев: «Учение Иисуса Христа в его исходной форме было настолько новаторским, оно давало настолько возвышенные представления о человеке и отношениях между людьми, что трудно было поверить в реальное воплощение его целей в несовершенном античном обществе... Прагматично настроенные руководители некоторых христианских церквей (прежде всего, Римской церкви) быстро осознали невозможность построения на таких основах организации, подобной иудейской церкви, дающей церковным иерархам беспредельную власть над паствой... Ради укрепления своей власти церковные иерархи встали на путь методичного искажения благовестия Христа, они сделали все возможное, чтобы вернуть новую религию в рамки старой, иудейской модели отношения паствы и пастырей. Два столетия агрессивной борьбы закончились полной победой сторонников ортодоксального христианства над верными наследниками Христа».

Чтобы обосновать это достаточно смелое заключение, Евлампиев делает такое предположение: «Нет никаких оснований *однозначно* утверждать, что в это же время существовало Евангелие от Луки и Послания ап. Павла в современных редакциях. С равной степенью вероятности можно и утверждать, и отрицать это» (курсив Евлампиева. – А. Д.).

То есть дошедшие до нас новозаветные тексты окончательно сложились не ранее второй половины II в. и были созданы специально противниками Маркиона с целью вытеснить из обращения «подлинные» тексты Павла и настоящее Евангелие, от которых до нас не дошло совершенно ничего. Утверждение, что эта гипотеза настолько же вероятна, насколько и устоявшийся в новозаветной науке взгляд на датировку этих текстов I в., напоминает анекдот о том, что шансы встретить динозавра на улицах родного города равны 50%: либо ты его встретишь, либо нет.

Но с чем можно согласиться, так это с тем, что «событие Иисуса», как это обычно называется, получило разные трактовки и породило разные идеи, которые некоторое время конкурировали между собой. Для исследователей, хотя бы отчасти относящих себя к современной христианской традиции (а таковых среди изучающих Новый Завет несомненное большинство), естественно желание объявить именно свою традицию изначальной и постоянной, а все отклонения от нее назвать еретическими, счесть их поздними искажениями. Но и реконструировать «подлинное христианство» по принципу «как всё это могло выглядеть, пока не пришли дурные люди и всё не испортили» – субъективность еще в большей степени, поскольку приходится делать больше допущений и основывать свои реконструкции исключительно на собственных предположениях.

В поисках адекватной методологии

Может ли быть предложен некий методологически обоснованный выход из этой субъективности? Можно подвести краткие итоги приведенного здесь неполного, но, как можно надеяться, достаточно представительного обзора литературы о возникновении христианства.

Тезисы, с которыми согласно подавляющее большинство исследователей, которые можно считать консенсусом в мировой новозаветной науке:

- Иисус из Назарета – реальная историческая личность. Его учение и жизнь стали основанием для христианской веры в Него как в Спасителя и Мессию.
- Вместе с тем эта вера принимала достаточно разные формы в разных общинах. Какие из них счесть правильными, настоящими, подлинными – во многом зависит от представлений самого исследователя.
- Для изучения первых двух веков истории христианства мы располагаем почти исключительно текстами, причем тексты эти были написаны самими христианами, представителями тех или иных общин. Голос «другой стороны» нам практически не слышен, и вряд ли можно надеяться, что он когда-нибудь станет слышен впоследствии.
- Раннее христианство было достаточно изменчиво и разнообразно, но сегодня мы можем судить лишь о небольшой его части, в основном

по тем произведениям, которые были одобрены церковными властями в эпоху после императора Константина.

Соответственно, встает вопрос о том, что именно может быть реконструировано и какими именно методами. Одна из главных проблем здесь заключается в том, что исследователи, как мы уже видели, обычно имеют свое достаточно четкое представление об идеальном или, по меньшей мере, «правильном» христианстве, и анализ нередко стремится к тому, чтобы изобразить примерно такое положение дел как изначальное и подлинное.

Поскольку история раннего христианства – это, прежде всего, история идей, а не народов, государств или технологий, она оставляет огромное пространство для свободы интерпретаций, которые трудно однозначно опровергнуть или подтвердить, к примеру, археологическими данными.

По-видимому, начать следует с выбора рабочей модели. Речь не идет о гипотезе и еще менее – о заранее намеченных итогах исследования, к которым будет подводиться вся аргументация (как видно из всего сказанного выше, это вполне обычно в новозаветных условиях). Скорее, речь идет об общем понимании: что, собственно говоря, мы называем ранним христианством и какие именно аспекты этого явления собираемся изучать. В качестве такой модели можно взять за основу теорию Г. Тайсена, вкратце изложенную выше, потому что она в достаточной мере конкретна и оставляет место для верификации сделанных утверждений. Эта модель, как уже было сказано, понимает раннее христианство как процесс изменений внутри иудаизма времен второго храма.

Можно, разумеется, счесть, что христианство возникло вне иудаизма (Лёзов, Евдокимов). Однако если отвлечься от каких-то совершенно экзотических и недоказуемых теорий (Иисус провел юность в буддийском монастыре и т. п.), придется признать, что Основатель христианства, равно как и его ближайшие ученики, был иудеем и проповедовал среди иудеев, а также что именно с иудаизмом связывали и сравнивали его учение практически все дошедшие до нас раннехристианские тексты (разумеется, были и другие, которые до нас не дошли). То есть гипотеза о «внеиудейском христианстве» может быть интересной и даже может оказаться верной, но на данный момент ей явно не хватает доказательств.

Далее возможны по меньшей мере два подхода: реконструкция тех или иных сфер христианской жизни с опорой на дошедшие до нас письменные и иные источники (как, собственно, это делает сам Тайсен) и анализ отдельных текстов (как единственных, по сути, дошедших до нас в более-менее значимых количествах свидетельств о жизни первых христиан) с целью выделить в них изменения, наиболее важные для авторов и их первых читателей.

Какова основная проблема, с которой нам придется столкнуться? Это избирательность доступных исследователям письменных источников

при почти полном отсутствии иных свидетельств. Они дошли до нас далеко не полностью, более того – были отобраны именно те тексты, которые оказались созвучными верованиям и практикам следующих поколений христиан, прежде всего – посленикейской церкви IV в. Соответственно, это порождает интерес к возможным воззрениям, верованиям, практикам и формам, которые могли существовать в первые два-три века, но не совпали с посленикейскими и были преданы забвению. Вместе с тем это обстоятельство становится основанием для ничем не обоснованных предположений (пример мы видели выше) в стиле «в принципе, могло быть и так».

Какими могут быть основные принципы этого исследования? Если следовать модели Тайсена (которая представляется вполне адекватной и продуктивной), раннее христианство – не некая система воззрений и практик, которая возникла вдруг и в готовом виде, а скорее ряд изменений, которые были предложены для иудаизма Второго храма, или религии Древнего Израиля (два названия). Эти изменения проходили не одновременно и могли быть разнонаправленными в разных христианских общинах. Можно также предположить, что далеко не всегда они были связаны с иудейскими общинами, но так или иначе все дошедшие до нас христианские тексты берут за основу тексты Ветхого Завета или Танаха (христианское и иудейское название соответственно) и связывают свою историю с историей Израиля. Следовательно, если христианство и зародилось вне иудаизма, как предполагает (и, пожалуй, бездоказательно) Лёзов, оно все равно так или иначе считает себя его преемником. Обратное утверждение, по-видимому, нуждается в самых серьезных доказательствах.

Итак, есть возможность рассмотреть христианские тексты первых двух веков, которые содержат явную или скрытую полемику того или иного рода. Эта полемика может нам показать, что христианская община, в которой зародился тот или иной текст, стремилась опровергнуть определенные идеи, отказаться от практик, изменить формы. Такая полемика может быть направлена против иудаизма того времени или против, условно говоря, конкурирующих христианских или парахристианских групп, течений и направлений.

Полемика всегда строится по принципу «не X, а Y», соответственно, из нее можно вынести представления не только о том, что утверждает полемист, но и о том, что он опровергает (к сожалению, часто такие представления однобоки и карикатурны). Скажем, общепризнано, что апостол Павел горячо спорил с теми христианами, которые требовали от других христиан соблюдения Моисеева закона во всем, что касается пищевых ограничений и, по крайней мере, некоторых ритуальных действий, прежде всего обрезания. Из этого делается вполне разумный вывод, что такое течение действительно существовало и что оно настаивало на преемственности с иудейскими практиками. Этот вывод давно стал общим местом новозаветных исследований.

Таким образом, можно очертить хотя бы в первом приближении круг тех идей и явлений, которые явно существовали в соответствующий период времени и были предметом нареканий. Разумеется, нельзя будет утверждать, что существовали только эти идеи и явления, но, по меньшей мере, они точно существовали. Кроме того, можно будет приблизительно оценить, насколько важны были эти споры для христианских общин, по частоте упоминания и по градусу полемики – его трудно оценить объективно, но в общем и целом понятно, насколько важен для автора и его общины тот или иной вопрос (для Павла, к примеру, отказ от ритуализма Моисеева закона носит глубоко принципиальный характер).

Разумеется, здесь существуют свои проблемы и ограничения. Прежде всего, стоит отметить, что полемика может носить скрытый характер в тех случаях, когда рассматриваемый вопрос затрагивает политические или иные чувствительные интересы «сильных мира сего», и в таких случаях бывает сложно понять не только степень его важности для ранних христиан, но порой и саму его суть.

Методика и практика подобного анализа станут предметом следующей статьи цикла.

Литература

1. Десницкий А. С. «Исторический Иисус» как научная проблема. *Ориенталистика*. 2021;4(3):676–701. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-3-676-701>.
2. Данн Д. Д. Единство и многообразие в Новом Завете. Исследование природы первоначального христианства. Москва: ББИ; 1997. 523 с.
3. Райт Н. Т. Иисус и победа Бога. Москва: ББИ; 2004. 688 с.
4. Данн Д. Д. Научные методы в толковании Евангелий. В: Алексеев А. А. (ред.). *Библия в Церкви: толкование Нового Завета на Востоке и Западе*. Москва: ББИ; 2010. С. 101–117.
5. Левинская И. А. *Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры*. СПб.: Логос; 2000. 352 с.
6. Павлов И. *Как жили и во что верили первые христиане: учение двенадцати апостолов*. М.: ЭКСМО; 2018. 736 с.
7. Лёзов С. В. О происхождении христианства из иудаизма. *Библия: литературные и лингвистические исследования*. 2000. Vol. 3. С. 209–235.
8. Эванс К. *Иисус против священников: как возникла церковь и кем были первые христиане*. М.: ЭКСМО; 2016. 308 с.
9. Вермеш Г. *Христианство: как все начиналось*. М.: ЭКСМО; 2014. 383 с.
10. Theissen G. *The Religion of the Earliest Churches. Creating a Symbolic World*. Minneapolis: Fortress Press; 1999. 420 p.
11. Мелетинский Е. М. *От мифа к литературе*. М.: РГГУ; 2000. 170 с.
12. Евлампиев И. И. *Неискаженное христианство и его первоисточники*. – URL: www.rulit.me/download-books-499628.html?t=pdf.
13. Рычков А. Л. Гностическое христианство в истории европейской философии: от Маркиона до наших дней. [Рец. на:] Евлампиев И. И. Неискаженное

христианство и его источники. *Соловьёвские исследования*. 2016. № 4, 2017. № 1–4; *Соловьёвские исследования*. 2018. № 2(58). С. 182–190.

References

1. Desnitsky A. S. “Historical Jesus” as a Scholarly Problem. *Orientalistica*. 2021;4(3):676–701. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-3-676-701>.
2. Dunn J.D.G. *Unity and Diversity in the New Testament: An Inquiry into the Character of Earliest Christianity*. Moscow: BBI; 1997. 523 p. (In Russ.)
3. Wright N.T. *Jesus and the Victory of God*. Moscow: BBI; 2004. 688 p. (In Russ.)
4. Dunn J.D.G. *Scholarly Methods in the Interpretation of the Gospels*. In: Ed. by Alexeyev A.A. *The Bible in the Church: The New Testament interpreted in the East and in the West*. Moscow: BBI; 2010. Pp. 101–117.
5. Levinskaya I.A. *The Acts of the Apostles and the Jewish Diaspora as its Background*. S.-Petersburg.: Logos; 2000. 352 p.
6. Pavlov I. *Life and faith of the Early Christians: The Teaching of the Twelve Apostles*. Moscow: Eksmo; 2018. 736 p.
7. Lyozov S.V. Christianity did not Emerge from Judaism. *Bible: Literary and Linguistic Studies*. 2000. Vol. 3. Pp. 209–235.
8. Evans C. *From Jesus to the Church: The First Christian Generation*. Moscow: Eksmo. 308 p. (In Russ.)
9. Vermes G. *Christian Beginnings from Nazareth to Nicea*. Moscow: Eksmo; 2014. 383 c. (In Russ.)
10. Theissen G. *The Religion of the Earliest Churches. Creating a Symbolic World*. Minneapolis: Fortress Press; 1999. 420 p.
11. Meletinsky E. M. *From Myth to Literature*. Moscow: RSUH; 2000. 170 p.
12. Evlampiyev I.I. *Undistorted Christianity and its Origins*. – URL: www.rulit.me/download-books-499628.html?t=pdf.
13. Rychkov A.L. Gnostic Christianity in the History of the European Philosophy from Markiev to Nowadays. Rec. to Evlampiyev I.I. *Undistorted Christianity and its Origins*. *Soloviev's Readings*. 2016. № 4, 2017. № 1–4; *Soloviev's Readings*. 2018. № 2(58). Pp. 182–190.

Информация об авторе

Десницкий Андрей Сергеевич – доктор филологических наук, профессор РАН, ведущий научный сотрудник отдела истории и культуры Древнего Востока, Институт востоковедения РАН; Российская академия народного хозяйства и государственной службы Российской Федерации; член редакционной коллегии журнала «Ориенталистика», Москва, Россия; <https://orcid.org/0000-0002-9959-7358>, e-mail: ailoyros@gmail.com

Information about the author

Andrey S. Desnitsky – Ph. D. habil. (Philol.), Professor, Senior Research fellow, Department of Ancient Orient, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; member of the Editorial Board of *Orientalistica*, Moscow, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-9959-7358>, e-mail: ailoyros@gmail.com

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declare that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 01 июля 2021
Одобрена после рецензирования: 15 ноября 2021
Принята к публикации: 25 ноября 2021
Опубликована: 27 декабря 2021

Article info

Submitted: July 01, 2021
Approved after peer reviewing: November 15, 2021
Accepted for publication: November 25, 2021
Published: December 27, 2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

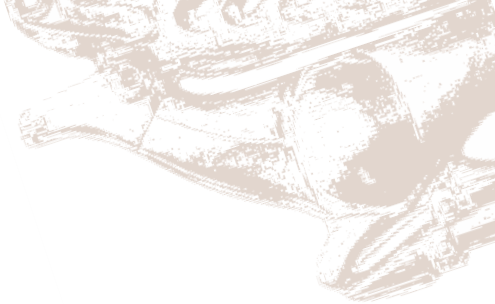
Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

PHILOLOGY OF THE EAST ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА

- **Theory of literature**
Теория литературы
- **Literature of the peoples
of the world**
Литературы народов мира

PHILOLOGY OF THE EAST
Theory of literature
ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА
Теория литературы

Научная статья

Филологические науки

УДК 821.21/.22.0(=214.22,=222.1)«18»+28

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1323-1351>

Первая газель Дивана Галиба

Наталья Ильинична Пригарина^а, Людмила Александровна Васильева^б

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

^а *prigarina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>*

^б *ludvas@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-2466-3832>*

Аннотация. Статья посвящена всестороннему анализу первой газели Дивана урду индийского поэта-классика Мирзы Галиба (1797–1869). Галиб писал на двух языках – урду и персидском, но его славу великого поэта упрочило именно появление Дивана урду. В статье представлена история создания и публикации Дивана, а также его источниковедческая база. В центре внимания авторов находится первая газель, открывающая Диван. Для нее характерны сложность стиля и богатство поэтических тем, образов и приемов, наконец, суфийская составляющая, поэтому в статье основное внимание уделено поэтике газели. Открывающая газель берет на себя функцию традиционных рамочных жанров вступления для больших форм – прежде всего *хамд*, т. е. восхваления Творца. Однако в газели Галиба это восхваление принимает парадоксальную форму, обусловленную его высокими критериями гуманизма и человеческого достоинства. Анализ первой газели во многом помогает понять творческое кредо, характерное для всей поэзии Галиба, и того трудного пути, по которому шел поэт, непрерывно совершенствуя свое искусство, «охотясь» на поэтическое слово. Газель рассматривается в едином контексте с другими его стихами урду, с персидской поэзией, а также с суфизмом, господствовавшим в Индии его времени.

Ключевые слова: Мирза Галиб (1797–1869); газель; *ше'р*; *бейт*; *матла'*; *макта'*; «индийский стиль»; поэтическая тема (*мазмун*); мотив; Диван Галиба; «Диван 'Арши»; «Диван К. Г. Разы»; суфизм

Для цитирования: Пригарина Н. И., Васильева Л. А. Первая газель Дивана Галиба. *Ориенталистика*. 2021;4(5):1323–1351. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1323-1351>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1323-1351>

The first ghazal of the Divan of Ghalib

Natalia I. Prigarina^a, Ludmila A. Vasilyeva^b*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,*^a *prigarina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>*^b *ludvas@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-2466-3832>*

Abstract. The article offers a multi-dimensional analysis of the first ghazal from the Urdu Divan by the Indian classic poet Mirza Ghalib (1797–1869). Ghalib wrote in two languages – Urdu and Persian, but it was the completion of the Urdu Divan that made him a great poet. The article presents the history of the creation and publication of the Divan, as well as discusses its sources. The authors focus on the complexity of the style and the richness of poetic themes, images and writing techniques. They also discuss the Sufi component of the first ghazal of the Divan, thus highlighting the poetics of the ghazal. The “opening” ghazal, which is placed at the beginning of a divan usually takes over the function of the *hamd*, i.e. the eulogy to the Creator, which is typical for a traditional introduction to a large poetic form. However, in Ghalib’s ghazal, this praise comes in a paradoxical form, which is caused by Ghalib’s high criteria of humanism and dignity. The analysis of the first ghazal helps in many ways to understand the creative credo typical for all of Ghalib’s poetry, as well as the difficult path the poet had taken, while continuously improving his art of “hunting” for a poetic word. The ghazal is discussed in the context of Ghalib’s other Urdu and Persian poetry, as well as of Sufism that prevailed in India of Ghalib’s time.

Keywords: Mirza Ghalib (1797–1869); ghazal; *she’r*; *beit*; *matla’*; *maqta’*; “the Indian style”; poetic theme (*mazmūn*); motif; Divan of Ghalib; “Divan of ‘Arshi” (‘Arshi Edition); “Divan of K. G. Raza” (Raza Edition); Sufism

For citation: Prigarina N. I., Vasilyeva L. A. The first ghazal of the Divan of Ghalib. *Orientalistica*. 2021;4(5):1323–1351. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1323-1351>

Постановка задачи

Газельная лирика великого поэта урду XIX в. Мирзы Галиба (1797–1869), собранная в его Диване, вызывает неослабевающий интерес исследователей его творчества как на родине поэта, так и в странах Запада на протяжении уже более ста двадцати лет. В силу ряда причин первая газель Дивана Галиба занимает особое место среди других газелей. Важность ее определяется, прежде всего, тем, что она, как все первые газели диванов поэтов-классиков, переняла функцию стихов, открывающих произведения крупных форм (таких как поэма-*маснави*), в начале которых помещались славословия Всевышнему, Пророку или исламу. Эта газель привлекает внимание и особой сложностью своего стиля. Недаром толкованию (*шарх*) только первого ее стиха (*ше’ра*) посвящено множество отдельных работ и комментариев.

Задача нашего анализа первой газели Дивана – ответ на вопрос, какой комплекс поэтических тем, образов и приемов она содержит, и как они соотносятся с творчеством Галиба на языке урду? Для этого мы обратимся не только к стихам, вошедшим в канонический Диван. Мы постараемся охватить и ранние опыты поэта, рассматривая первую газель также в контексте истории подготовки к публикации Дивана, начиная от ранних рукописей. Такое системное рассмотрение первой газели практически никто не предпринимал.

Подобно большинству известных поэтов своего времени, Галиб отдал много сил поэзии на персидском языке. Его персидский Куллийат (полное собрание стихов) во много раз превышает его наследие на урду¹. Более того, многие строки в стихах Галиба содержат только персидские грамматические конструкции, и можно предположить, что это своего рода двуязычные стихи. Однако, как показывает практика, эти строки обычно читаются в горизонте языка урду. Между тем одни и те же слова в персидском и урду могут иметь различные оттенки и даже разные значения. В данной статье авторы стремятся учитывать это обстоятельство, обращаясь, в частности, к параллелям из персидской поэзии Галиба и персидской поэзии как таковой, а также к персидскому словарю Али Акбара Деходы, в котором значения слов подкрепляются примерами из классической персидской литературы. Существенным аргументом для такого языкового подхода служит и то, что Предисловие к Дивану (*Dibācha*) Галиб написал на персидском языке в изощренном «индийском стиле»².

Галиб с ранней молодости акцентировал внимание на своем двуязычии. Так, в предисловии к своему первому сборнику «Двуцветная роза» (*Gul-e ra'nā*) 1828 г., в который были включены урду и персидские стихи, он писал: «Каждое зеркало этого сада с двумя дверями я наставил одно на другое. И первую дверь с помощью стихов хинди я украсил жемчугом, вторая открыта, подобно объятьям страстно любящих персов, и имя этого ковчега на языке ценителей изящества – «Двуцветная роза»» [3, с. 48].

Как мы увидим, стиль самой газели также изощрен, и ее смысл требует пояснений. Кроме того, нельзя забывать, что во времена Галиба персидский язык практически знала вся культурная Индия³.

¹ О персидской поэзии Галиба и его самооценке как знатока персидского языка и литературных традиций более подробно см.: [1].

² Автор работ о Галибе и переводчик его писем и стихов на английский язык Ральф Рассел говорит о переводах: «Тот факт, что Галиб писал на урду и персидском языках, это не единственное, что стоит на пути современного английского читателя, который хочет ознакомиться с его поэзией. <...> В наше время читатель... нуждается в том, чтобы ему разъяснили то, чего не требовалось ни одному читателю – современнику поэта» [2, с. 284].

³ Трудно согласиться с Мехр Фаруки, утверждающей, что «преднамеренный переход Галиба к сочинению на персидском языке в течение длительного и важного периода его жизни (примерно с 1825 по 1860 г.) может указывать на то, что он хотел, чтобы его работа вышла за рамки политических границ и языковых барьеров» [4, с. 23]. Подобное намерение характерно, скорее, для Икбала, принявшего поэтическую эстафету Галиба (см.: [5, с. 107–108]). Судя по высказываниям самого Галиба и суждениям исследователей его творчества, устремления поэта лежали в иной плоскости.

Первая газель Дивана принадлежит к ранним произведениям, она впервые встречается в рукописи 1816 г. Авторы сочли целесообразным рассмотреть ее в контексте истории подготовки к публикации Дивана Галиба, начиная от ранних рукописей, в которых эта газель присутствует.

История составления Дивана

Диван Галиба 1841 г. принято считать каноническим, иногда его называют также «обычным» или «распространенным» (*muravvaj*). В основе этого Дивана лежит сборник стихотворений «Избранное» (*Intikḥāb*), который поэт подготовил к изданию в 1832 г. Считается, что по совету своих друзей – авторитетных знатоков поэзии – Галиб не включил в «Избранное» почти две трети газелей, слишком трудных для восприятия. По поводу Дивана сложилось мнение, что «в Диван Галиба включена только более поздняя и, следовательно, самая зрелая поэзия, ранняя же будто бы туда не попала по причине несовершенства. Это мнение, совершенно не научное, возникло и долго удерживалось в литературе из-за отсутствия серьезной текстологической базы, которая позволила бы определить “возрастной состав” газелей Галиба» [1, с. 173–174]. Но с некоторых пор это препятствие в большой степени устранено, о чем будет сказано ниже, и можно с полным основанием утверждать, что в Диван Галиба вошло большое число газелей раннего периода его творчества.

Диван – единственный, небольшого объема сборник поэтических произведений Галиба на урду, но именно стихотворения, включенные в Диван, снискали ему славу великого поэта⁴.

В течение жизни Мирзы Галиба Диван издавался пять раз: в 1841, 1847, 1861, 1862 и 1863 гг. [6, с. 27–28]⁵. В первом и третьем изданиях число *ше’ров* одинаковое, тогда как в остальных – варьируется. Первые два издания отличались тем, что на обложке значилось только слово «Диван», тогда как на остальных трех уже четко выделялось и имя поэта: «Диван Галиба» (*Dīvān-e Ġhālib*). Каждое издание своего Дивана урду Галиб всегда тщательно готовил, добавляя, а чаще убирая те или иные *ше’ры* и даже целые газели, если они казались ему недостаточно понятными или «недостойными» для включения в Диван. Крайне редко стихи, однажды изъятые из Дивана, оказывались вписанными в основной текст

⁴ В своей монографии «Пустыня за порогом. Критическая биография Галиба» Мехр Фаруки акцентирует внимание на том, что «что Диван урду – это подборка или избранное (*intikḥāb*), не претендующая на то, чтобы быть полной работой поэта, и об этом следует помнить» [4, с. 87].

⁵ Подробные сведения о прижизненных изданиях Дивана Галиба, их описание и многие факты, связанные с их составлением и публикациями, как и упоминание о рукописях Дивана, содержатся в предисловиях и приложениях диванов Галиба, составленных Маликом Рамом (1957), ‘Арши (1958) и Калидасом Гуптой Разой (1988). См. также: [1, с. 172–184; 4].

более поздних изданий: как правило, к отвергнутым строкам Галиб предпочитал не возвращаться. В кратком Предисловии к Дивану он писал: «Надеюсь, что литераторы, ценители, которые обнаружат, что отдельные бейты были удалены с этих страниц, не сочтут неудачным сборник за эти кляксы из прорези калама и не осудят поэта-составителя за то, что он одобрил, и не станут порицать за то, что он выкинул» [7, с. 40].

Часто случалось так, что поэт завершал создание новой газели, когда очередная рукопись была уже полностью готова к изданию. Тогда Галиб своей рукой вписывал новую газель или отдельный *ше'р* на полях Дивана (*hāshiya*), что в те времена было обычной практикой.

До сравнительно недавнего времени непревзойденным по значимости изданием оставался Диван Галиба, составленный и опубликованный в 1958 г. Имтиязом Али 'Арши (1905–1981) и переизданный в 1982 г. В литературном обиходе его обычно называют «Диван 'Арши». Диван состоит из трех частей. В первую, озаглавленную «Сокровищница смысла» (*Ganjīna-e ma'nī*), составитель включил стихи, которые сам Галиб исключил из канонического Дивана 1841 г. Во вторую, основную часть, названную «Мелодия Суруша» (*Navā-e Surūsh*), вошли стихи, «которые господин Мирза написал за годы жизни и напечатал, и которые теперь широко распространены и известны под названием "Диван Галиба"» [8, с. 73]. Третья часть – «Памятник сетованиям» (*Yadgār-e nāla*) – состоит из стихов, обнаруженных под именем Галиба в альбомах, на полях рукописей, в письмах Галиба и даже в стихах, «печатавшихся время от времени на страницах газет и журналов и таким образом попавших в руки ценителей поэзии» [8, с. 73].

Наряду с изданием 'Арши особого упоминания заслуживает «Полный Диван урду Галиба», изданный Калидасом Гуптой Разой, основой для которого послужил «Диван 'Арши». Этот Диван стал наиболее полным и хронологически выверенным изданием поэтических произведений Мирзы Галиба на урду, потеснившим версию 'Арши. Вышло три издания, подготовленных К. Г. Разой, каждое из которых скрупулезно выправлялось и дорабатывалось. Первое издание этого Дивана увидело свет в 1988 г., последнее, третье, – в 2000 г. За заслуги в области галибоведения К. Г. Раза был награжден литературной Премией Галиба в 1987 г. и четвертой (по рангу) высшей гражданской государственной наградой Индии «Падма Шри» в 2001 г.

Страстный поклонник Галиба, источниковед-энтузиаст К. Г. Раза в результате многолетних поисков обнаружил в частных домах и библиотеках записные книжки, *тазкира*, альбомы и целые рукописи со стихами Галиба, многие из которых были неизвестны или считались пропавшими. К. Г. Раза добавил все найденные тексты в «свой» Диван. Дополнения и исправления Раза вносил в текст, сверяя «основу» с рукописями и печатными изданиями поэтических сборников Галиба.

Список источников, которыми пользовался составитель, содержит семнадцать названий с указанием года создания источника или его публикации [6, с. 14], тогда как, согласно аналогичному списку, составленному 'Арши, последний работал с четырнадцатью источниками [8, с. 115–116].

Поэтические произведения всех жанров (газели, поэмы-*маснави*, рубаи, фрагменты-*кыт'а* и отдельные *ше'ры*), вошедшие в «Диван 'Арши» и добавленные (обнаруженные в ранее неизвестных источниках) К. Г. Разой, расположены в хронологическом порядке в одиннадцати разделах, которые последний обозначил как соответствующие «поэтические периоды» Галиба, начиная с 1816 г. и заканчивая 1867 г. К «новым» стихам, не вошедшим в «Диван 'Арши», сделаны сноски, в которых указан их источник. «Диван Разы» снабжен богатым научно-справочным аппаратом, включающим список стихотворений всех видов и жанров в традиционном алфавитном порядке (согласно последней букве рифмы или редифа). Благодаря такому оглавлению найти, например, нужную газель, которая расположена в одном из одиннадцати разделов, не составит особого труда.

И все же при всех достоинствах Дивана, составленного К. Г. Разой, это издание по широте использования пока не конкурирует с изданием 'Арши, которым по-прежнему преимущественно пользуются и на которое продолжают ссылаться абсолютное большинство исследователей творчества Галиба. Что же касается читателей – любителей поэзии, то они, несомненно, предпочитают диван с привычным, традиционным расположением газелей.

В канонический Диван Галиба, кроме газелей, включены еще четыре *касыды*, одно *маснави*, семнадцать *кыт'а* и шестнадцать *руба'и*. Но традиционно именно газель является основным жанром, представленным в Диване. В него включены более двухсот газелей и около двадцати отдельных *ше'ров* (*fard*).

ИССЛЕДОВАНИЕ. Первая газель Дивана Галиба

Диван Галиба открывает газель, датированная 1816 г. [6, с. 140]. Она состоит из пяти *ше'ров* (*бейтов*). Между тем в рукописи, обнаруженной в Бхопале в 1919 г. и известной под названием *Хамидия*⁶, которую использовал Галиб при составлении Дивана, эта газель содержит девять *ше'ров*⁷. Другими словами, первый вариант газели был написан Галибом, еще не достигшим двадцатилетия, а двадцать пять лет спустя, отбирая стихотворения для своего Дивана на урду, поэт включил в него лишь

⁶ Подробнее о рукописи *Хамидия* см.: [8, с. 75, 109; 1, с. 174–179; 4, с. 112–136].

⁷ В сборнике «Двуцветная роза», ок. 1828 г., куда вошли стихи на урду и персидском языках, эта газель также стоит на первом месте и состоит из трех первых *ше'ров*.

пять стихов из своей ранней газели. Она по-прежнему осталась первой, на «каноническом» месте. Каждый, кто знаком с индоиранской поэтической традицией, знает, что первая газель дивана поэта-классика или, по крайней мере, первый ее *ше'р* отличается от всех других своей заданной темой: строки должны прямо или косвенно содержать *хамд*⁸, *на'т*⁹ или свидетельствовать величие ислама.

Прежде всего отметим, что газель написана в сложном и изысканном стиле, который в литературах персоязычной и урду именуется «индийским» (*sabk-e hindī*)¹⁰.

Вот текст и перевод этой газели.

نقش فریادی ہے کس کی شوخی تحریر کا
کاغذی ہے پیرین پر پیکرِ تصویر کا
کاو کاو سخت جانپھانے تنہائی نہ پوچھ۔
صبح گرنا شام کا لانا ہے جوئے شیر کا
جذبہ ہے اختیار شوق دیکھا چاہیے
سینہ شمشیر سے باہر ہے دم شمشیر کا
آگہی دام شنیدن جس قدر چاہے بچھائے
مدعا عنقا ہے اپنے عالمِ تقریر کا
بسکہ ہوں غالب اسیری میں بھی آتش زیر پا
موئے آتش دیدہ ہے حلقہ مری زنجیر کا

1. На озорство чьего письма предстает жалобщиком рисунок?
Бумажное одеяние у каждого изображения на картине.
2. О жестокостях самокопаний одиночества и не спрашивай!
Превратить ночь в утро – это провести молочную реку.
3. Надо видеть невольное притяжение страсти:
Из груди меча вырывается лезвие меча.
4. Как бы ни расставлял разум силки слуха,
Цель мира моих речей – ‘Анка!
5. Галиб! Даже в неволе у меня огонь под ногами,
Звенья моих цепей – кольца опаленных волосков [8, с. 142]¹¹.

Газель представляет собой набор из пяти стихов (*ше'ров*), связанных между собой единой рифмой (*īr*) и редифом (*kā*), первый стих *матла'*

⁸ *Хамд* (*hamd*) – «восхваление (Аллаха)»; в мусульманской литературной традиции – поэтический жанр, к которому причисляются стихи, прославляющие Аллаха.

⁹ *На'т* (*na't*) – стихи во славу Пророка.

¹⁰ Подробно об индийском стиле см.: [9].

¹¹ Здесь и далее: если не указано имя переводчика, все переводы с языков урду и персидского на русский язык выполнены авторами.

имеет парную рифму, последний – *макта'* – содержит *тахаллус* (поэтический псевдоним) «Галиб». Поскольку газель – лирическое стихотворение, к каждой коллизии, с которой читатель встречается в стихе, можно использовать определение – «любовная». Содержательно каждый стих представляет собой замкнутое высказывание, по сюжету никак не связанное с предыдущим. В первом *ше'ре* говорится о мире, сотворенном Божественным писцом, созданные им рисунки предъявляют жалобы на своего творца. Во втором – в фокусе личный опыт лирического персонажа и его ночные переживания. В третьем *ше'ре* темой становится страсть, которая владеет как лирическим персонажем, так и орудием убийства – мечом. В четвертом возникает тема охоты на мифическую птицу – метафору тонкостей поэтического творчества и его понимания. Наконец, в *макта'* – завершающем стихе газели – появляется тема лирического персонажа, одержимого любовью и закованного в цепи (средневековый способ обращения с безумцами). Для того чтобы найти более глубокое взаимодействие между этими пятью стихами, нам придется обратиться к каждому *ше'ру* в отдельности.

Первый стих первой газели Дивана породил множество комментариев, в которых принимали участие не только стиховеды, но и стихотворцы, включая современных, например, крупнейшего пакистанского поэта урду Фаиза Ахмада Фаиза (1911–1984).

naqsh faryādī hei kis kī shoḡhī-e taḥrīr kā
kāghazī hei peirahan har peikar-e taṣvīr kā¹²

Толкованию *матла'* посвящено множество больших и малых работ – от одного параграфа до целых статей¹³.

Одно из резюме комментаторов привлекло наше внимание, если можно так выразиться, абсолютизацией содержания первого стиха газели. Бехуд Мохани¹⁴ завершает подробный разбор *матла'* таким выводом: «Истина в том, что *всё*, что сказал знаток тайн суфизма Фарид ад-Дин 'Аттар в “Беседах птиц”, и *всё*, что поведал о флейте Маулана Руми в своем бесподобном Маснави, Мирза [Галиб] выразил в одной *матла'*» [11, с. 3]. Два указанных персидских поэта – признанные авторитеты в области суфизма, и их произведения стали источником бесчисленных аллюзий, как в персидской литературе, так и в турецкой и литературе урду. Как мы увидим, даже в одной рассматриваемой газели Галиба эти аллюзии

¹² Стихи урду даются в транслитерации, принятой большинством издательств, публикующих работы о языке и литературе урду.

¹³ Об этом подробно см. статью «Мотив бумажного одеяния у Галиба и его предшественников» [10, с. 723–734].

¹⁴ Бехуд Мохани (1883–1940) – индийский поэт, заслуживший известность, прежде всего, своими комментариями к Дивану Галиба (*Sharḥ-e dīvān-e Ḡhālib*), 1923 г.

возникают несколько раз. На «Песню флейты» Руми указывают и такие комментаторы, как Бехуд Дихлави¹⁵, Аси¹⁶ и Суха¹⁷.

Тема (*мазмун*) данного *ше'ра* почти безоговорочно считается комментаторами следованием идеям «Песни флейты» (*Най-наме*) Руми¹⁸. Это название условно дают Вступлению к первому *дафтару* (тетради) Маснави [13:1–8, с. 276].

*Послушай, как жалуется эта флейта,
Как повествует о разлуках:*

*«С тех пор, как меня срезали в тростниках,
В моем напеве звучат стоны мужчин и женщин.*

*Мне нужна грудь [разорванная в] клочья от [страданий] разлуки,
Чтобы поведать о боли страсти.*

*Каждый, кто остался вдали от своего корня,
Снова ищет благоприятную возможность своего соединения.*

*Я стенаю в любом обществе,
Я вместе со страждущим и вместе со счастливым.*

*Каждый по своему разумению стал моим другом,
Не вникая в глубины моих тайн.*

*Моя тайна неотделима от моих стенаний,
Однако ни глазу, ни уху не дано [пролить на это] свет.*

*Тело от души, а душа от тела не скрыты завесой,
Однако никому не дозволено увидеть душу».*

Как легко убедиться, в первом стихе газели Галиба нет слова «разлука», на котором можно было бы построить утверждение о связи темы разлуки нашего стиха с *Най-наме*.

¹⁵ Бехуд Дихлави (Дехлви) (1863–1955) – популярный поэт урду, опубликовавший комментарий к Дивану Галиба (*Mirāt ul-Ġhālib*) в 1924 г. Основное внимание он уделял стилистическим особенностям газелей и использованию в них идиом урду.

¹⁶ Аси, Абдул Бари, опубликовавший свои комментарии в 1930 г., известен и тем, что в свою работу включил семь фальшивых газелей, написанных им самим, которые на протяжении довольно длительного времени, пока подлог не был раскрыт, рассматривались как газели Галиба. Мехр Фаруки называет иное число фальшивых газелей и считает этот подлог забавным литературным фарсом: «Аси добавил ради шутки одиннадцать написанных им газелей и сумел одурачить даже самых проницательных галибоведов» [4, с. 318].

¹⁷ Суха Мумтаз Ахмед – комментатор, известный суфийским толкованием большинства газелей Галиба. Комментарии изданы впервые в 1916 г.

¹⁸ «Песнь флейты» занимает первые 18 бейтов из 34 или 35, в зависимости от рукописи, по которой издается Маснави. Из этих 18 бейтов «рассказом» самой флейты считается 7 бейтов, которые мы выделяем кавычками. Своего рода прямое использование тем и сюжетов *Най-наме* имеется в небольшом маснави Галиба на персидском языке «Сурьма для зрения», адресованном его суфийскому наставнику Бахадур-шаху Зафару (см.: [12, с. 278–288]).

Приводя строки Руми, индийские комментаторы, каждый своими словами, объясняют, что разлука творения с Творцом всегда сопряжена со страданием, а страдание становится источником побудительной силы для жалобы и в конечном счете – для требования справедливости. Однако, как мы видим, в рассматриваемом *ше'ре* нет также и слова «страдание». Каким же образом можно вывести темы разлуки и страдания из его строк?

Вернемся к объяснению замысла *ше'ра*, не отходя от его лексического состава. Фактически в нем говорится о том, что, создав художественную галерею мироздания, Божественный писец одновременно породил армию жалобщиков, которых заблаговременно снабдил бумажными одеяниями¹⁹. Рисунки на картинах из «галереи» все до одного объявляют себя жалобщиками, оказавшимися заложниками озорной выходки Творца. Таким образом, человек уже «запрограммирован» как жалобщик. Поэтому в первом полустишии задан вопрос: «На озорство чьего письма предстает жалобщиком рисунок?» (здесь использована риторическая фигура арабо-персидской поэтики *таджахул ал-'ариф* «притворное неведение»). Во втором полустишии мы встречаем фантастический довод к первому (прием *хусн-е та'лил*, букв. «красота обоснования»): «Бумажное одеяние у каждого изображения на картине».

Если лейтмотивом *ше'ра* Галиба мы сочтем тему жалобы, то нам следует связать его именно с жалобой (*shikāyat*) из первого полустишия *Най-наме*: «Послушай, как жалуется эта флейта...».

Особым мистическим аргументом в пользу жалоб, логично вытекающим из текста первого *ше'ра* Галиба, служит тот факт, что изображение не может покинуть картину, поэтому языком его молчаливой жалобы на Создателя остается «язык» бумажного одеяния. Так что само «безмолвие» оказывается «языком жалобщика». «Такой оксюморон – *каул-е мухал* (букв. “абсурдное высказывание”) – одна из самых любимых стилистических фигур Галиба» [15, с. 25].

Первый стих Дивана Галиба вызывал повышенное внимание поэтов урду, среди которых был и Поэт Востока – Мухаммад Икбал (1877–1938). Тема жалобы проходит через многие стихотворения Икбала и связана, в первую очередь, с просветительским движением начала XX в.²⁰, а также с философскими концепциями поэта. Один из бейтов стихотворения (*назма*) «Непостоянный влюбленный» (*'āshiq-e harjāi*)²¹ можно считать прямой аллюзией (*талмих*) на *матла'* первой газели Галиба.

¹⁹ Устойчивое словосочетание *peirāhan-e kāghazī* (перс.) – «бумажная рубаха / одеяние» – словари урду дают со ссылкой на средневековый иранский обычай подавать жалобу власть имущим либо в одеянии из бумаги, либо прикрепив бумагу с жалобой к одежде [14, с. 221].

²⁰ См. об этом: [12, с. 44].

²¹ Подробнее о стихотворении см.: [5, с. 153–154].

مجھ کو پیدا کر کے اپنا نکتہ چین پیدا کیا
نقش ہوں اپنے مصور سے گلہ رکھتا ہوں میں

Создав меня, ты создал своего критика.

Я – рисунок, храню жалобу на своего Художника [16, с. 130].

У Икбала «критиком» (*nuktachīn*) Художника-создателя, а не только жалобщиком, открыто выступает самое совершенное его творение – человек. Если у Галиба Божественный писец назван опосредованно, как создатель картины (*taṣvīr*), у Икбала сказано определенно «Художник» – *muṣavvir*. В следующем *she'pe* его стихотворения (*назма*) жалоба человека на то, что по воле Творца поиск Красоты и Любви ограничен пределами «круга бытия» (*mahfil-e hastī*) [16, с. 153–154]²², перекликается с жалобой неподвижного изображения, которое не может покинуть картину, в *матла'* Галиба.

В литературе урду существует устойчивая оппозиция «рисунок (*naqsh*) – тень (*sāya*)», смысл которой в противопоставлении «движение – неподвижность». Хрестоматийной известностью пользуется *she'p* Акбара Аллахабади (1846–1921): «Через эту обитель бытия пройду без корысти / [Пусть] я – только тень, но не рисунок на стене». Это снова аллюзия на Маснави Руми: рисунок на стене – не только метафора неподвижности у Руми, это один из широко используемых мистических мотивов. Главная беда такого рисунка – его безжизненность и отсутствие души: «Рисунок на стене подобен Адаму, / Вглядись, чего не достает в его облике? / Души не хватает тому прекрасному облику, / Ступай, ищи ту редкостную жемчужину» [13:1020–1021, с. 315]²³.

Но так или иначе, встав на путь отсылок к поэзии Руми, придется принять к сведению и темы жалобы флейты, жалобы на разлуку и страдание. И если эксплицитно эти мотивы отсутствуют в *she'pe* Галиба, то комментаторы уверены в их присутствии в широком поэтическом контексте.

Ключевым словом первого *she'ra* газели Галиба служит слово «озорство» – *shokhī*, которое может иметь два противоположных значения: добродушное поведение: «шалость, игривость, шутка» и намеренное нарушение правил поведения «озорство, дерзость, бесцеремонность». «Озорство» Творца заключается в том, что, подписав вольную своему творению (одно из значений слова *tahrīr* – «подписать вольную рабу» [18, сл. ст. *tahrīr*]), т. е. отправив его своим наместником на Землю, Он обрек его на разлуку и вечный плен земных страданий, не давая ему выхода за предел круга бытия. Иначе с чего бы человеку одолевать своего Творца жалобами?!

²² Одна из важных тем у Икбала – выход за пределы мироздания (см.: [17, с. 178–181]).

²³ Руми упоминает также рисунки на стене бани [20:3479–3489], рисунки животных и птиц [13: 2752–2764] и др.

Бехуд Дихлави видит особую изощренность «злой шутки» или «озорства» Художника – Писца судеб в том, что неподвижность страдающего изображения так же условна, как и само его существование, поскольку «ему изначально предписано также и “движение” – в полное небытие: все в этом мире бrenно, а век его “бумажного естества” гораздо короче века многих других сущностей» [19, с. 9].

Главенствующее положение *матла'* отсылает читателя к идее божественного мироздания. Два полустишия вобрали распространенную философию бытия: все сущее создано Всевышним, и все оно обречено на страдание. Тема страдания – одна из ключевых в суфизме. Аннемари Шиммель отмечала, что по своим взглядам Мирза Галиб был суфием делийской школы. Несмотря на определенный скептицизм Галиба и различные выходки против официальной религии, рассказы о которых сохранились в многочисленных анекдотах, в его стихах при желании с легкостью прочитывается и мистический подтекст: темы Божественной любви, бесконечных мистических переживаний и «готовности к страданию (которое само по себе рассматривается как благословение Господне)» [21, с. 377].

На поэтической теме страдания всех творений Создателя, вплоть до неодушевленной картины и ее жалоб, обращенных к Нему, сосредоточены практически все комментаторы при толковании первого *ше'ра*. Итог своих рассуждений они подводят почти в одинаковых выражениях: «Суть стиха в том, что любое бытие (*hastī*) – причина страданий, даже если это бытие воображаемое, как у картины (*taṣvīr*). Но понятна и ее жалоба (о чем свидетельствует бумажная одежда жалобщика²⁴): “Зачем Ты воплотил меня в жизнь и вверг в горестные муки?”» [22, с. 22], ведь любое существование – причина боли и страданий из-за его нестабильности и бrenности.

Однако, если принять значение слова *shokhī* как «шалость», можно говорить о приеме *ихам*, придающем другой смысл событию *ше'ра*. Зная об иронии, присущей Галибу, легко предположить, что поэт с определенным сарказмом смотрит на «творчество Всевышнего» – на устройство Вселенной, на судьбу и предназначение как на результат некоей беспечности, невинной шалости или небрежности божественной Возлюбленной²⁵.

Выдающийся индийский филолог Шамсур Рахман Фаруки (1935–2020) главным считает не причину жалобы, а ее объект. Он пишет: «Если на ключевой вопрос: “Озорство чьего письма?” можно получить правдивый ответ, тогда и “рисунок” сможет добиваться справедливости» [15, с. 25]. Напоминая о том, что тема (*мазмун*) первого стиха Дивана должна выполнять функцию *хамда*, славословия Творца, Ш. Р. Фаруки

²⁴ Об этом см. указ. статью: [10].

²⁵ Более подробно о концепте *shokhī* см. упомянутую статью: [10].

акцентирует внимание на глубоком смысле галибовского стиха, который «ставит под сомнение устройство двух миров. Такое озорство поэта, его свободомыслие или мудрость или же все вместе взятое – особый неповторимый стиль Галиба» [15, с. 25].

В *матла'* использованы стилистические фигуры поэтики – *мутанасиб* (семантическое сходство) и *пу'айат-е лафзи* (словесные соответствия): рисунок (*naqsh*) – письмо (*tahrīr*) – бумажное (*kāghazī*) – изображение (*peikar*) – картина (*taṣvīr*). Известная американская исследовательница Френсис Притчетт подсчитала, что в этом стихе «целых сорок процентов всех его слов имеют чрезвычайно заметное семантическое сходство» [23, с. 261]. «Сплести» такую цепочку взаимосвязанных слов и понятий под силу не каждому мастеру слова. Кроме того, *матла'* первой газели Дивана – наглядный пример уникальности Галиба в создании смыслов (*ма'ни-афарини*), когда «в двух небольших строках сокрыты не один и не два, а несколько смыслов!» [23, с. 271]. В связи с *матла'* Галиба Ф. Притчетт говорит о том, какую роль играет прием звуковой организации художественной речи «уподобление звуков» (*таджнис-е саути*), «относящийся к широкому спектру звуковых эффектов и видов аллитерации», и напоминает, что «внушительное число галибовских бейтов, которые, помимо всего прочего, были предназначены для чтения вслух на *мушаирах*, имеют самые удивительные звуковые эффекты» [23, с. 261]²⁶.

Во втором ше'ре газели внимание поэта переносится с картины мироздания на душевный опыт индивидуума.

kāv-kāv-e saḡht-jānīhā-e tanhā'ī napūchh
subḡ karnā shām kā lānā hei jū-e shīr kā

Лирический персонаж оказывается один на один со своими переживаниями в ночной тишине. Одиночество заставляет его особенно остро переживать свои печали. Жалобу на страдания в одиночестве мы находим в предисловии (*Dibācha*) к сборнику «Двуцветная роза». Галиб пишет: «От беспокойства своего одиночества (*vaḡshat-e tanhā'ī*) я готов к бегству, а сердце от боли и сердечных страданий переполнено до краев» [3, с. 47].

Страдания эти достигают крайней степени. Персидское множественное число в слове «жестокости» (*saḡht-jānīhā*), не характерное для урду²⁷, усиливает эмоциональную нагрузку определяемого слова *kāv-kāv* –

²⁶ Анализ звуковой организации бейтов Галиба не входит в задачу нашей статьи, поэтому мы ограничиваемся лишь упоминанием об этом аспекте в работе Ф. Притчетт, не углубляясь в рассуждения об особенностях фонетики стиха Галиба.

²⁷ Ф. Притчетт квалифицирует этот грамматический прием как «плюрализованная абстракция», называя его «любимым инструментом Галиба», и подчеркивает, что «множественное число форм абстрактного существительного в урду такое же неуклюжее (*clumsy*), как и в английском, и в данном случае умножает несурзность одиночества» [24].

«копание». В первом полустишии оно относится к копанию в собственной душе. Во втором – это понятие обретает физический смысл, благодаря аллюзии на известную легенду о каменотесе Фархаде, влюбленном в красавицу Ширин²⁸. Ради любви к ней Фархад взялся проложить русло, для которого молоко с горных пастбищ поступало бы прямо в ее дворец. Для этого ему пришлось прорубать ложе для молочного ручья в горах. Подвиг Фархада – метафора преодоления тяжких трудностей. С ними сравниваются испытания ночной рефлексии, когда особенно тяжелыми становятся мысли о разлуках, неудачах, промахах, ошибках. Восклицание «и не спрашивай!» (прием *inshā'īya*²⁹), усиливает экспрессию строки.

Второе полустишие содержит идиому «скоротать ночь», *ṣubḥ karnā shām kā* (букв. «ночь сделать утром»). Толкуя *she'p* в мистическом ключе, комментаторы считают, что он представляет собой продолжение темы разлуки с Создателем. В тяжком труде, подобном пробиванию русла для молочной реки, Бехуд Мохани предлагает видеть усилия мистика «скоротать ночь бытия» и «дожить до утра – т. е. вернуться к истоку творения» [11, с. 3]. По его мнению, интенсивность переживания лирического героя объясняется еще и тем, что все страдания и муки, которые Фархад испытал на протяжении многодневного тяжелого труда, для лирического персонажа выпали на одну ночь» [11, с. 3]. *She'p* построен на приеме *pu'āyat-e lafzi*, «словесные соответствия»: копание – проведение [молочной реки], утро – молоко; композит *sakht-jānīhā* «жестокости», содержит аллюзию на историю Фархада и крепость скалистой горы; в обороте «сделать вечер утром» «утро» соответствует по белизне «молочной реке».

В переводе Н. Глебова этот прием удачно отражен в противопоставлении «бездонность – русло [реки]».

Глубина ночного одиночества воистину бездонна.

В такую ночь дожидаться зари не легче, чем пробить русло молочной реки [26, с. 443].

В следующем, третьем *she're* газели лирический персонаж размышляет «о свойствах страсти». Иллюстрацию к этим свойствам поэт находит в самом что ни на есть бесстрастном оружии – мече. Впрочем, как мы увидим, меч может оказаться и весьма дружелюбным субъектом.

²⁸ Впервые в литературе эта легенда отражена в поэме Низами «Хосров и Ширин», затем, в более популярной на субконтиненте поэме Амира Хусрава Дехлеви «Ширин и Хосров».

²⁹ *Inshā'īya* – стилизация под устную форму речи (вопрос, восклицание, зов, предположительное или желательное действие, выраженное в сослагательном или условном наклонении), противопоставление «информативной» речи *khabariya*. Как пишет Ш. Р. Фаруки, «возможности создания смыслов у *inshā'īya* довольно большие, поэтому предпочтение отдается именно этой стилистической форме, а не *khabariya*» [15, с. 26]. Мир Таки Мир ввел *inshā'īya* в литературный обиход. О влиянии Мира на становление поэтического языка урду см.: [25].

jažba-e beikhtiyār-e shouq dekhā chāhiye
sīna-e shamshīr se bāhar hei dam shamshīr kā

В основе переживаний лирического персонажа газели лежит любовное чувство. В жизненном контексте – это власть страсти, притяжение, испытываемое помимо воли влюбленного (*jažba-e beikhtiyār-e shouq*), тогда как в контексте суфийского мистицизма – это безграничная власть любовного чувства к Богу, по словам Худжвири, «преисполненный страсти во всем видит черты своей Возлюбленной (т. е. Бога. – Н. П., Л. В.)» и свидетельство Его мощи – «Друзья Божии ощущают, что мир подчинен Его воле, и склоняются перед Его властью» [27, с. 91].

Страсть господствует над волей, управляет чувствами (ср. персидский байт Гани Кашмири, который цитирует Галиб в своем стихотворении на урду об игре в воздушных змеях: «Веревку на шею мне набросил друг / И тащит за собой, куда ему вздумается» [1, с. 70–71]). Аргументом в пользу неуправляемости страсти (прием «красота довода» *хусн-е далил*) служит пример меча: лезвие (*dam*) выступает из груди (*sīna*) меча так же непроизвольно, как дыхание (*dam*) вырывается из груди (*sīna*), так что оно, лезвие, так же не вольно в своем поведении, как дыхание и как сам лирический персонаж, обуреваемый страстью. (Здесь мы видим прием *ихам*, когда на первый план выступает значение «лезвие», но возможно и другое понимание: «из груди меча вырывается его дыхание».)

К слову сказать, такая же неуправляемая страсть, тяготение к стихотворству, владеет поэтом. У Галиба много строк о власти и самоуправстве поэзии, например, такие: «О, Галиб, ты ведь и не помышлял в стихи переложить свои печали, / Пришла поэзия, взяла тебя в полон, и вот стихи твоим уделом стали» [1, с. 449].

Страсть меча – убивать! Одно из желаний, входящих в «набор» чувств традиционного газельного влюбленного 'ашика, – умереть во имя своей страсти, став *шахидом*, мучеником любви.

Мечу можно приписать два разных намерения: либо выразить свою эмпатию, понимание эмоционального состояния влюбленного с его пылким стремлением к мученичеству, либо предложить свои профессиональные услуги страдальцу, решившему покончить с жизнью. Во всяком случае, мы встречаем подобные соображения у комментаторов.

Бехуд Мохани к аналогичному толкованию добавляет, что в состоянии страсти влюбленный все видит в искаженном свете. Так, «лезвие меча естественным образом обращено наружу, но пылкому любовнику в рвении к мученичеству мерещится, что лезвие само невольно вырвалось из груди меча, либо из-за горячего желания убить его, либо из-за сочувствия к его стремлению к гибели» [11, с. 4].

Как тут не вспомнить мотив радостного приятия убийства от руки возлюбленного друга в поэзии! И о неоценимой, иногда такой дружелюбной помощи меча! Мир Таки Мир говорит:

تھی لاگ اس کی تیغ کو ہم سے سو عشق نے
دونوں کو معرکے میں گلے سے ملا دیا

thi lāg is kī tegh ko ham se, so 'ishq ne
donoñ ko ma'rake meñ gale se milā diya

У ее кинжала была привязанность ко мне, и любовь
Заставила [нас] обоих обняться на поле битвы.

Слово «привязанность» (*lāg*) содержит также антонимичное значение «вражда», поэтому перевод может быть: «У ее кинжала была вражда со мной, и любовь заставила [нас] обоих обняться на поле битвы» – прием *ихам*. «Обняться» выражается идиомой *gale se milnā*, дословно «встретиться с шеей», благодаря чему картина убийства предстает весьма зрелищной. Не менее зрелищна и картина встречи меча и шеи у Сармада, с которым молодой Галиб вступал в поэтическую перекличку:

Подобно разлученному, нашедшему, наконец, своего друга,
Меч, коснувшись моей шеи (букв. «тронув рукой»), заплакал
красными слезами [12, с. 159]³⁰.

В четвертом *ше'ре* поэт переходит к самой важной для себя теме – разговору о поэзии.

āgahī dām-e shunīdan jis qadar chāhe bichhā'e
mudda'ā 'anqā hei apne 'ālam-e taqrīr kā

«Мир речей» (*ālam-e taqrīr*) – это «мир прекрасных, возвышенных, глубоких поэтических образов и слов», так характеризует Деххода поэтическую речь [18, сл. ст. *taqrīr*]], т. е. мир поэзии. 'Анка – мифическая птица, которую отождествляют с Фениксом, обитавшим, как считали античные авторы, в аравийской пустыне. В арабской мифологии 'анка – это огромные птицы, жившие в области, населенной народом *асхаб ар-расс*. Согласно исламскому преданию, *асхаб ар-расс* «страдали от нападений гигантских птиц – 'анка. Пророк Ханзала ибн Сафван молил Бога спасти людей, и птицы исчезли» [28, с. 25]. Упоминание волшебной птицы 'Анка, строящей гнездо высоко, где-то за пределами бытия в утесах горы Каф³¹, которая окружает семь областей, семь климатов Земли, уводит читателя в область мистической космогонии. Ведь никто из смертных не достигал пределов Земли и не бывал на горе Каф, никому не довелось увидеть птицу 'Анка.

В поэзии это – невидимая птица. Как сказано у Хафиза: «Птице 'Анка не быть ничьей добычей – сворачивай силки, / Ведь там в руке силков

³⁰ О связи поэзии Галиба и Сармада см.: [12, с. 149–175].

³¹ В области ар-Расса находится «гора птицы 'Анка» [29, 25:40(38)]; с. 583, прим. 11].

один лишь ветер» [30, с. 136]. Согласно комментарию Хуррамшахи, в мистическом прочтении под 'Анка имеется в виду «сущность Истины (*zam-u хакк*), и, следовательно, речь идет о непостижимости божественной сущности для силков человеческого разума» [30, с. 138]. В суфизме она осведомлена обо всех тонкостях '*ирфана*, мистического гносиса суфиев, так же как и другая волшебная птица иранской мифологии – Симуург, с которой ее часто отождествляют.

Смысл всего *ше'ра* толкуется в зависимости от прочтения второй *ми-сра'*. Большинство комментаторов (Бакр, Бехуд Мохани и др.), вслед за одним из наиболее авторитетных из них, Назмом Табатабаи³², считают, что поэт «имеет в виду бессмысленность попыток понять его стихи, так как его стихи – сплошная тайна (*sarāsar asrār*), и их смысл подобен мифической птице 'Анка, которую невозможно заманить ни в какую сеть» [31, с. 2]. В каком-то отношении это верно. Анекдоты и свидетельства о непонимании, особенно ранней поэзии Галиба, его «напряженной и порой неестественной образности» [1, с. 101], обвинения в «бессмысленности» мы уже упоминали. Н. В. Глебов, которого консультировал известный литературовед Зое Ансари, в своем переводе отражает эту точку зрения:

Разум! Как широко ни раскидывай тенета слуха,
Уловить смысл сказанного не легче, чем поймать птицу 'Анка [26, с. 443].

И все же, помимо виртуозности поэтической игры, очевидна и глубина смысла *ше'ра*. Галиб говорит о трудности поиска нужного слова, в котором заключен искомый смысл. Мастера изящной словесности Ирана и Индии «буквально охотились за смыслом, называя свое творчество *ма'нишикари* или *сайди ма'ни* ("охота за смыслом")» [32]³³. Конечно, можно изо всех сил вслушиваться в стихи в надежде понять их смысл: «рассудок может сколько угодно расставлять силки слуха», но в них Анка не попадет. Бесполезно искать рациональное объяснение чуду поэзии и образам, которые населяют ее мир, пытаюсь проникнуть в мир тайн, где живут такие птицы, как 'Анка, Симуург, Хума, и другие волшебные существа. Не поймав птицу 'Анка, проникнуть в мир мистических суфийских откровений – задача невыполнимая. Поэт видит свой долг в том, чтобы расставлять силки еще и еще в надежде, что удастся поймать нужное Слово – таковы правила в мире поэзии. Такова ее цель.

Впрочем, мы поторопились почти согласиться с тем, что с 'Анкой нельзя близко встретиться. Потому что мы недооценили великий дар воображения нашего поэта. А он, конечно, не раз имел дело с этой неуловимой

³² Назм Али Хайдар Табатабаи Лакхнави (1852–1933) – известный индийский критик и поэт, опубликовавший в 1900 г. комментарий к Дивану Галиба, который считается одним из лучших.

³³ Режим доступа: <https://yasko.livejournal.com/1279992.html>

птицей, о чем говорится в *ш'ере*, который вместе с другими двумя был добавлен в газель с редифом *jal gayā* на полях рукописи 1821 г. [6, с. 166].

میں عدم سے بھی پرے ہوں ورنہ غافل بار ہا
میری آہ آتشیں سے بال عنقا جل گیا

meiñ‘adam se bhī pare hūñ varna ghāfil bār hā
merī āh-e ātishīñ se bāl-e ‘anqā jal gayā

Я – за пределами небытия, беспечный, иначе много раз
От моих пламенных вздохов обгорели [бы] крылья ‘Анки.

Хорошо, что поэт и ‘Анка находятся в разных мирах, иначе ей бы недоборовать!

Грамматика стиха не позволяет однозначно понять союз «иначе» *varna* в сочетании с прошедшим временем «обгорели» (*jal gayā*), однако сослагательное наклонение дает возможность предложить данное понимание бейта, которого придерживается также Бакар [22, с. 31]³⁴.

«Беспечный» – возможное обращение к себе (по моей беспечности обгорали крылья ‘Анки), к собеседнику – к «неосведомленному о тайнах бытия – небытия» (Бехуд Дихлави), или даже к сопернику. В этом случае союз «иначе» может трактоваться как «ведь», тогда употребление прошедшего времени оправданно и придает стиху иронический оттенок. В этом случае смысл «угрозы» таков: О, беспечный, ты недооцениваешь мои способности, на твоё счастье, я не в твоём мире, – и «угроза» подтверждается доводом: «Ведь много раз // от моих пламенных вздохов сгорали крылья ‘Анки».

Если в мире бытия не найдется подходящих образов, можно смело отправиться в другой мир, а потом и за его пределы (которых, вообще говоря, не существует, согласно суфийской метафизике). Ведь и сама сокровищница образов поэта находится в предвечности, в том пространстве, где собраны все будущие поэтические находки поэтического гения, – так называемые устойчивые сущности всех образов всех поэтов всего мира, о чем он писал в своих персидских стихах:

Сливки тысячи смыслов собраны в моей поэзии,
Что пленила людей и выиграла состязание у мёда.

Если мои строки совпали случайно со стихами классиков,
Не думайте, что это повредит красоте газели.

Мой грех. Но честь и хвала тому, кто в поэзии
Усилим зрелой мысли достиг такого совершенства...

³⁴ Перевод и подобное толкование основаны на объяснениях преподавателя Лакхнау-ского университета Шабихул Хасана, с которым Л. Васильева читала стихи Галиба в бытность свою стажером этого университета.

Перестаньте думать о совпадении, знайте подлинно, что вор
Похитил мое добро из тайника предвечности [26, с. 49].

Еще в одном раннем *ше'ре*, имеющемся в рукописи 1816 г. и не вошедшем в Диван, образ 'Анки связан с важнейшей для поэзии областью – воображением и фантазией [6, с. 211; 8, с. 64].

خیالِ سادگیہائے تصوّر نقیّشِ حیرت ہے
پر عنقا پہ رنگِ رفتہ سے کہینچی ہیں تصویریں

ḵhayāl-e sādagīhā-e taṣavvur naqsh-e ḥeirat hei
par-e 'anqā pe rang-e rafta se kheñchī heiñ taṣvīreñ

Мысль о простоте воображения – след изумления,
На крыле 'Анки тающей краской нанесены изображения.

Мысль о том, будто воображению свойственна «простота», опровергается и чувством изумления и замысловатым, но от этого не менее выразительным образом второго полустушия. В поэтическом воображении возникает необъяснимая красота рисунков, написанных тающими красками на невидимых крыльях 'Анки. Эта красота ускользает от людей, лишенных воображения. Только поэту свойственна подобная особенность видения вещей. Галиб не раз подчеркивал необычность своего мироощущения, находя для этого фантастические обоснования.

Еще в одном *ше'ре*, вошедшем в Диван³⁵, молодой поэт возвращается к невидимой птице, не дающей ему покоя.

مری بستنی فضائے حیرت آبادِ تمنا ہے
جسے کہتے ہیں نالہ وہ اسی عالم کا عنقا ہے

mirī hastī fazā-e ḥeiratābād-e tamannā hei
jise kahte heiñ nāla voh usī 'ālam kā 'anqā hei

Мое существование – это пространство изумления, населенное желаниями,
То, что называют «стоном» – 'Анка именно того мира.

Мир поэта – это вселенная, исполненная любви, так можно определить мысль, выраженную витиеватыми оборотами, характерными для «индийского стиля»: *fazā-e ḥeiratābād-e tamannā*, дословно «воздушное пространство приводящих в изумление поселений любовных желаний». И самое удивительное, что в этом пространстве стенания (*nāla*) влюбленных почти неуместны, их не видно и не слышно, потому что они подобны неуловимой птице 'Анка. Не будь герой погружен в созерцание красоты мира, вот тогда его уделом были бы жалобы, стоны и слезы. Это один из примеров восхищения красотой мироздания в поэзии Галиба.

³⁵ Этот *ше'р* был добавлен впервые в рукопись в 1826 г. [6, с. 278].

В силу недостижимости птицы 'Анка и невозможности видеть и слышать шум ее крыльев, она остается метафорой недостижимости Бога в этой жизни и надеждой на встречу с Ним в будущей.

Еще одна птица 'Анка из ранней, 1816 г., газели [6, с. 274; 8, с. 101]:

جو عزا دار شهيدانِ نفسِ دزديده بو
نوحه ماتم به اوازِ پرِ عنقا کرے

jo'azā-dār-e shahīdān-e nafas-duzdīda ho
nauḥa-e mātam ba āvāz-e par-e 'anqā kare

Тот, кто соблюдает траур по мученикам, [умершим] от остановки дыхания, Пусть [его] траурный плач будет звуком крыла 'Анки.

«Мученики» – *shahīdān*, отдавшие жизнь за веру; здесь – отдавшие жизнь за любовь, т. е. влюбленные. Причиной остановки дыхания (*nafas-duzdīda*), т. е. смерти, становится лицемерие красоты возлюбленной [11, с. 281].

Траурный плач – *nauḥa-e mātam* – в этом случае должен быть подобен звукам, издаваемым крыльями птицы 'Анки, иными словами, беззвучным: «ясно, что в трауре по мученикам любви следует молчать» [33, с. 433]. Ведь смерть влюбленного – избавление от мук неразделенной любви. В мистическом смысле это смерть плотской души (*нафс ал-ам-мара*). Теме умерщвления плотской души посвящены многие пассажи из Маснави Руми и 'Аттара. Птицы, пришедшие к Симургу в «Беседе птиц» 'Аттара, умирают ради отождествления себя с Симургом. На мистический характер события указывает и совет уподобить рыдания беззвучному полету невидимой птицы 'Анка.

И, наконец, еще один *she'p* [6, с. 347; 8, с. 87], в котором ставится знак равенства между небытием как отречением от своего *нафса* и птицей 'Анка:

وہشتِ کہاں کہ بے خودی انشا کرے کوئی
ہستی کو لفظِ معنی عنقا کرے کوئی

vaḥshat kahān ki be-ḵhudī inshā kare ko'ī
hastī ko lafz-e ma'nī-e 'anqā kare ko'ī

Где смятение, чтобы кто-то описал самоотречение,
Существование превратил бы в слово со значением «Анка»

Смятение души, возникающее при приближении к истине, и следующий затем отказ от плотской души, отказ от своего «я», состояние *be-ḵhudī* (букв. без-«я»), ведет взыскующего к небытию (*fanā*) в истине, при котором исчезает мирское с его соблазнами и завершается путь суфия.

В персидской поэзии Галиба все волшебные птицы не только заняли свои места, но еще были распределены согласно табели о рангах. И наша

‘Анка оказалась важнее всех. А. Шimmel приводит стихи Галиба, посвященные Хуме, – эта птица, осеня человека своими крылами, дарует ему сан и ранг. «Но по существу, – пишет А. Шimmel, – даже королевская птица для него (Галиба. – Н. П., Л. В.) слишком легкая добыча. Хоть она и попадалась в его силки несколько раз, он выпускал ее и искал ‘Анку, птицу из небытия, которую невозможно найти: “Вырвалась и вновь попала в наши силки Хума, / Мы снова начали охоту на ‘Анку”»³⁶ [34, с. 46].

Как мы видим, «отыграв» все подобающие метафоры птицы ‘Анка как существа из потустороннего мира и – в конце концов – как метафоры непостижимости и полного небытия, поэт, составляя свой Диван, останавливается на самой смелой из них, на уподоблении цели своей поэзии ловле неуловимой птицы. Недаром Мухаммад Икбал сказал о поэзии Галиба:

Вот докуда достигают крылья птицы воображения!

Цит. по: [34, с. 47].

Последний, пятый *ше’р* газели, ее *макта’*, возвращает читателя к теме первого стиха – страданию, которое принимает форму постоянного душевного смятения:

bas ki hūñ Ġhālib asīrī meñ bhī ātish zer-e pā
mū-e ātish-dīda hei ḥalqa mirī zanjīr kā

Заключительный стих газели содержит *тахаллус* – Галиб, хотя, как правило, ранние стихи урду подписывались поэтическим псевдонимом Асад. Это свидетельство его работы над текстом, так как раньше *тахаллус* Асад находился в 9-м, отвергнутом *ше’ре*. В поздние годы работы Галиба над составлением Дивана и в его персидской поэзии мы встречаем подписной стих с именем Галиб. В Диване урду имя Асад встречается в небольшом количестве газелей. Известно, что после 1821 г. Мирза подписывал стих только именем Галиб³⁷.

В *макта’* применен прием своего рода остранения, лирический персонаж газели, которым читатель считал самого Галиба, как бы раздваивается. Это выражено в использовании местоимения первого лица: лирический персонаж обращает свою жалобу на любовный плен (*asīrī*) к поэту – Галибу, ссылаясь на «мои цепи» (*mirī zanjīr*)³⁸.

Ситуация *ше’ра* отражает традицию лечения безумия, сохранявшуюся еще во времена Пушкина, современника Галиба («Не дай мне Бог сойти

³⁶ Галиб эту «легкую добычу» тоже использует, чтобы подчеркнуть непередаваемость силы любовного чувства: «О самоуничтожении, которое проявляется на пути любви, / Напиши чернилами из тени крыльев Хумы» (цит. по: [34, с. 45]).

³⁷ Подробнее о смене поэтического псевдонима см.: [1, с. 179].

³⁸ *Тахаллус*, т.е. поэтический псевдоним, в данном случае может рассматриваться как «адресат лирического персонажа» [2, с. 289].

с ума... посадят на цепь дурака»). Лирического персонажа, впавшего в любовное безумие, заковали в цепи, таким был единственный вид лечения от этого недуга, но и тогда его не покинуло волнение страстной любви. Это чувство «страстного волнения» передается идиомой *ātish zer-e pā*, букв. «огонь под ногами». Поэтому звенья цепи на его ногах уподобились опаленным волоскам, и «цепь, которая была призвана укротить безумие любовной страсти, лишилась своей силы» [22, с. 24].

А. Шimmel изучила тему огня у Галиба в статье «Танец искр», обследовав весь пучок «огненных» мотивов, включая наш *she'p*. Однако не менее важна для понимания всех ассоциаций, вызываемых выражением «звенья моих цепей» (*ḥalqa mirī zanjīr kā*), ее статья «Танец в цепях. Галиб и традиция Халладжа» [34, с. 96–136]. Истоком образа является сообщение 'Аттара в *Тазкират ал-аулийа* о том, что Халладж³⁹ шел на заклятие, танцуя в цепях. А. Шimmel считает, что «танец в цепях» или «на виселице» красноречиво символизирует состояние страдающего влюбленного и стал общим местом в поэзии на персидском языке [34, с. 96]⁴⁰.

Возвращаясь к последнему бейту газели, обратим внимание на то, как Галиб выстраивает лексико-семантический ряд, подобранный по округлости формы (прием *мунасибат-е лафзи* – «словесные соответствия»): звено цепи (*ḥalqa*), скрутившийся от огня волосок (*mū-e ātish-dāda*), букв. «волос, увидевший огонь», *dāda* также «глаз».

Начальный вариант последнего *sh'era* сохранился в ранней рукописи [8, с. 11]:

آتشیں پا ہوں، گداز و حشتِ زندان نہ پوچھ
موئے آتش دیدہ ہے ہر حلقہ پاں زنجیر کا

ātishīn pā hūn, gudāz-e vaḥshat-e zindān na pūch
mū-e ātish-dāda hei har ḥalqa yān zanjīr kā

Я – с горящими ногами, и не спрашивай о жгучем беспокойстве в темнице!
Здесь каждое звено цепи – опаленные волоски.

В новом варианте Галиб в первом полустиишии заменил словосочетание «горящие ноги» на аналогичную по смыслу, но более выразительную идиому «огонь под ногами», вставил частицу «даже», устранил «жгучее беспокойство». В новой редакции поэт изъясил эмоциональное «и не спрашивай!» (*na pūch*), очевидно, потому что во втором *she'pe* газели уже был использован этот прием. Вместо слова «темница» (*zindān*) появилось более абстрактное «неволя, плен» (*asīrī*), а вместо словосочетания «каждое

³⁹ Халладж – суфий, мученик X в., казненный за свои проповеди, см.: [35, ст. ал-Халладж, с. 269].

⁴⁰ В указанной статье А. Шimmel подробно разбираются «халладжевские» мотивы у Галиба. Об отношении Галиба к Халладжу см. также: [1, с. 169; 12, с. 169].

звено цепи» – «кольцо моей цепи». Эти изменения могут показаться незначительными, однако они свидетельствуют о скрупулезном внимании, которое Галиб уделял шлифованию своих стихов. Можно сказать, что первоначальный образный замысел полностью сохранен в новом варианте, но *ше'р* превратился в *макта'* – последний стих газели, в нем появилось имя автора, а сам образ послужил заключительным аккордом к первому *ше'ру*. Статичность жалобщиков – порождение божественного озорства, сменилась такой страстью любовного безумия, от которого любые кандалы теряют свою силу, становясь слабее опаленных волосков, а неподвижность – «танцем в цепях»!

Заключение

Мы рассмотрели первую газель Дивана Галиба и убедились в цельности ее замысла, достигнутого в том числе редактированием и отбором пяти лучших, по мнению поэта, вариантов стихов для Дивана. За пределами газели осталось еще четыре *ше'ра* – почти половина «начального материала» газели.

Мы постарались проследить путь поэтических исканий, по которому двигался Галиб к созданию более совершенного стиха и на котором он постоянно «охотился» за нужным словом и выражением, искал новые темы и образы. Процесс отбора стихов для Дивана растянулся на долгие годы. За этот период Галиб смог отказаться от ранних опытов, имевших репутацию «запутанных и бессмысленных». Вместе с тем это был и поиск самого себя, своего поэтического «я».

В статье были рассмотрены смысловые и художественные аспекты каждого бейта Дивана в широком контексте – в «среде обитания» газели урду. Это помогло уделить внимание многим особенностям стиха и лучше понять некоторые тонкости.

Анализ *ше'ров*, как вошедших в Диван, так и оставшихся лишь в рукописях, помог выявить комплекс поэтических тем и художественных приемов, которые использованы в газели, понять взгляды Галиба на поэтическое творчество. Каждый бейт газели дает нам – или прямо, или путем аллюзий – представление о тех задачах, которые поэт ставит перед собой.

В первом бейте цель поэта – выразить вселенскую боль разлуки. Однако вспомним метафору Фаиза о том, что персонажами этого *ше'ра* являются... сами стихи поэта. Истинный художник – мастер пера или кисти – с таким жаром выплескивает на бумагу боль своего сердца, что ни изображенное им, ни сама бумага «не могут вытерпеть этот жар и сетуют на причиняемые страдания» [36, с. 67].

Во втором бейте поэт обращается к глубинам собственной души. Возможно, мысль о том, что именно этот момент становится источником

поэзии, не выражена в нашем стихе, однако эта ассоциация появляется, если учесть круг значений слова «копание» (*kav-kav*). В предисловии к Дивану на персидском языке поэт в изысканном «индийском стиле» пишет о зарождении поэзии: «Приношу благодарность милосердному Йездану⁴¹, воспламеняющему слова в душе, за то, что, найдя в своем пепле искры от того сверкающего огня, я поспешил с *копанием* (*kav-kav*) в своей груди и сделал для них [кузнечные] мехи из своего дыхания» [7, с. 40].

В следующем, третьем *ше'ре* пример неодолимой страсти являет собой клинок меча. Так же и стихи, они вырываются из груди поэта вместе с его дыханием.

Четвертый *ше'р* окончательно приводит читателя в заповедную страну поэзии с ее волшебными метафорами неуловимости и недоступности творческого процесса рациональному осмыслению.

Последний, пятый, *ше'р* возвращает читателя к первому. «Огонь под ногами» в *макта'* газели – это та же страсть, которая снедает сердце поэта и, вырываясь наружу, изливается на «перо и бумагу». Тема поэтического творчества – одна из основных, проходящих через все творчество Галиба. Вместе с тем «огонь под ногами» – это святое беспокойство, «тайный огонь» (*soz-e nihañ*) в сердце поэта, и это беспокойство рождает постоянную неудовлетворенность. «Дав оба мира, Он решил, что *этот* доволен. / А здесь заговорила скромность: не спорить же с Ним!» («этот», конечно, наш лирический персонаж, иногда появляющийся также под *тахаллусами* Асад и Галиб). «Танцем в цепях» лирический персонаж нарушает предписание «озорной шутки» Творца, обрекающей на неподвижность свое творение – «рисунок» (*naqsh*), пришпиленный к бумаге.

Галиб не вступает в спор с Богом в открытую, как делает это впоследствии Икбал, но логикой своих мыслей и поступков доказывает Творцу, что он отнюдь не «рисунок на стене» и что обладает собственными волей, разумом и чувствами. Среди них любовь, которая движет поэтом и становится великой созидательной силой, возвышает его над всеми другими творениями. Этика Галиба связана с высокими критериями человечности: «Очень трудно сделать легким любое дело, / Даже человеку нелегко стать человеком», – таков один из галибовских поэтических парадоксов.

Первая газель Дивана, трудность понимания или «бессмысленность» которой были предметом многолетних диспутов индийских литераторов, оказалась глубоким мастерским поэтическим творением, загадки которого постепенно раскрывались при детальном анализе структуры и поэтики газели.

⁴¹ Йездан – синоним Бога; в зороастризме – добрые божества, у Галиба Йездан как зороастрийское божество связан с огнепоклонством и, соответственно, с огненной символикой.

Литература

1. Пригарина Н. И. *Мурза Галиб: биографическая повесть*. М.: Летний сад; 2015. 575 с.
2. *The Oxford India. Ghalib. Life, Letters and Ghazals*. Ed. by Ralf Russell. New Delhi: Oxford University Press; 2007. 572 p.
3. *Gul-e ra'nā. Ġhālib ke Urdu aur Fārsī kā avvalīn intikhāb*. Murattiba Mālik Rām. Dillī: 'Ilmī majlis; 1970. 206 с. (In Urdu and Pers.)
4. Farooqi Mehr Afshan. *Ghalib: wilderness at my doorstep. A Critical Biography*. India: Penguin Random House; 2020. 330 p.
5. Пригарина Н. И. *Поэзия Мухаммада Икбала (1900–1924)*. М.: Наука; 1972. 195 с.
6. Razā Kālidās Guptā. *Dīvān-e Ġhālib kāmīl. Nuskhā-e Razā, tāriqhī tartīb se*. Mumbai: Sakar Publishers Pvt. Ltd.; 1988. 563 с. (In Urdu)
7. Dībācha (Предисловие). В: *Dīvān-e Ġhālib*. Murattiba Mālik Rām (сост.). Dillī: Āzād kitābghar; 1957. С. 39–40. (In Pers.)
8. Ġhālib Mirza. *Dīvān-e Ġhālib-e Urdū. Nuskhah-e 'Arshī. Tartīb-o-taṣṣīḥ Imtiyāz 'Alī 'Arshī. 'Aligarh: Anjuman-e Taraqqī-e Urdū; 1958. 502 с.*
9. Пригарина Н. И. Индийский стиль и его место в персидской литературе (вопросы поэтики). М.: Восточная литература; 1999. 328 с.
10. Пригарина Н. И., Васильева Л. А. Мотив бумажного одевания у Галиба и его предшественников. *Ориенталистика*. 2021;4(3):722–734.
11. Beḡhud Mohānī Sayyid Muḥammad Aḥmad. *Sharḥ-e dīvān-e Ġhālib*. Lucknow: Nizāmī Press; 1970. 614 с. (In Urdu)
12. Пригарина Н. И. *Мир поэта – мир поэзии (статьи и эссе)*. М.: ИВ РАН; 2012. 351 с.
13. Руми Джалал ад-Дин Мухаммад. *Маснави-йи ма'нави («Поэма о скрытом смысле»)*. Первый дафтар (байты 1–4003). Пер. с перс. О. Ф. Акимушкин, Ю. А. Иоаннесян, Б. В. Норик, А. А. Хисматулин, О. М. Ястребова. Общ. и науч. ред., указ. А. А. Хисматулин. СПб.: Петербургское востоковедение; 2007. 444 с.
14. *Urdū Luḡhat*. Naī Dillī: Taraqqī Urdū byūro; 1987. 984 с.
15. Fārūqī Shamsur Raḥman. *Tafhīm-e Ġhālib*. 3rd ed. Naī Dillī: Ġhālib Instītyūt; 2014. 405 с. (In Urdu)
16. 'Allāma Iqbāl. Bāng-e darā. В: *Kulliyāt-e Iqbāl*. Hydarābād: Ḥusāmī bukḍīro; n. d. С. 1–367. (In Urdu)
17. Пригарина Н. И. *Поэтика творчества Мухаммада Икбала*. М.: Наука; 1978. 231 с.
18. Dehkhoda Ali Akbar. *Luḡhat-nāme*. – Доступ: <https://dehkhoda.ut.ac.ir/fa/dictionary>
19. Beḡhud Dihlavī, Sayyid Vahīdud-Dīn. *Mirāt ul-Ġhālib*. Calcutta: Usmāniya bukḍīro; 1934: 347 с. (In Urdu)
20. Руми. *Маснави-йи ма'нави («Поэма о скрытом смысле»)*. Четвертый дафтар (бейты 1–3855). Пер. с перс. Л. Г. Лахути, Н. И. Пригарина, М. А. Русанов, Н. Ю. Чалисова; коорд. проекта Н. И. Пригарина; науч. ред. Я. Эшотс, указ. Л. Г. Лахути. СПб.: Петербургское востоковедение; 2010. 488 с.

21. Шиммель А. *Мир исламского мистицизма*. Пер. с англ. Н. И. Пригарина и А. С. Рапопорт. М.: Садра; 2012. 534 с.
22. Bāqar Āghā Muḥammad. *Bayān-e Ġhālib: sharḥ-e Dīvān-e Ġhālib*. Amritsar: Āzād bukḍīpo; 1940. 648 с. (In Urdu)
23. Pritchett F. W. The Meaning of the Meaningless Verses: Ghalib and his Commentators. In: Hansen K and Lelyveld D. (eds) *A Wilderness of Possibilities: Urdu Studies in Transnational Perspective* (a *Festschrift* in honor of C. M. Naim). New Delhi: Oxford University Press; 2005. P. 251–272.
24. Pritchett F. W. *A Desertful of Roses. The Urdu Ghazals of Asdullah Khan "Ghalib"*. – Available at: <http://www.rekhta.org/00Ghalib/index.html>
25. Васильева Л. А. Становление поэтического языка урду и газель Мира Таки Мира. *Ориенталистика*. 2020;3(3):820–848.
26. Мирза Галиб. *Избранное*. Сост. Зое Ансари, пер. Г. Ю. Алиев, Н. И. Пригарина, Н. В. Глебов. М.: Наука; 1980. 791 с.
27. Аль-Худжвири. *Раскрытие скрытого. Старейший персидский трактат по суфизму*. Пер. с англ. А. Орлов. Науч. ред. рус. пер. Н. И. Пригарина. М.: Единство; 2004. 481 с.
28. Пиотровский М. Б. В: *Ислам. Энциклопедический словарь*. М.: Наука; 1991. С. 25.
29. *Коран*. Пер. и коммент. И. Ю. Крачковский. М.: Восточная литература; 1963. 483 с.
30. Пригарина Н. И., Чалисова Н. Ю., Русанов М. А. *Хафиз. Газели в филологическом переводе*. Ч. 1. В: *Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности*. Вып. 40: *Восток и античность в классических текстах*. № 4. М.: РГГУ; 2012. 606 с.
31. Naẓm Ṭabāṭabā'ī Lakhnavī 'Alī Ḥayidar. *Sharḥ-e Dīvān-e Urdū-e Ġhālib*. Hyderabad: Maṭba Mufid ul-Islām; 1900: 351 с. (In Urdu)
32. Шукуров Ш. «"Охота за смыслом" в искусстве Ирана». Ч. 1. – Режим доступа: <https://yasko.livejournal.com/1279992.html>
33. Gyān Chand. *Tafsīr-e Ġhālib*. Srīnagar: Jammūñ and Kashmīr Akaḍmī of ārt, kalchar and lengvījiz; 1971: 563 с. (In Urdu)
34. Schimmel A. *A Dance of Sparks. Imagery of Fire in Ghalib's Poetry*. New Delhi: Copyright Ghalib Academy; 1979. 141 p.
35. Кныш А. В: *Ислам. Энциклопедический словарь*. М.: Наука; 1991. С. 269.
36. Faiz Aḥmad Faiz. *Mata'-e loh-o-qalam*. Karachi: Maktaba-e Daniyāl; 1973. С. 63–70. (In Urdu)

References

1. Prigarina N. I. *Mirza Ghalib. A Biographical Story*. Moscow: Letniy Sad; 2015. 575 p. (In Russ.)
2. Russell R. (ed.) *The Oxford India. Ghalib. Life, Letters and Ghazals*. New Delhi: Oxford University Press; 2007. 572 p.
3. Malik Ram (compl.) *The Two-Coloured Rose. The first selection of Ghalib's Urdu and Persian poetry*. Dehli: Ilmi majlis; 1970. 206 p. (In Urdu and Pers.)

4. Farooqi Mehr Afshan. *Ghalib: wilderness at my doorstep. A Critical Biography*. India: Penguin Random House; 2020. 330 p.
5. Prigarina N. I. *Poetry of Muhammad Iqbal. (1900–1924)*. Moscow: Nauka; 1972. 195 p. (In Russ.)
6. Raza Kalidas Gupta (compl.). *The complete Divan of Ghalib in Urdu*. 3rd ed. Mumbai: Sakar Publishers Pvt Ltd; 2000. 563 p. (In Urdu)
7. Foreword (Dibācha). In: Mālik Rām (compl.) *Divan of Ghalib*. Dillī: Azad kitab ghar; 1957, pp. 39–40. (In Pers.)
8. Imtiyaz 'Ali 'Arshi (compl. and ed.) *Divan of Ghalib. 'Arshi Edition*. Aligarh: Anjuman-e Taraqqi-e Urdu; 1958: 502 p. (In Urdu)
9. Prigarina N. I. Indian Style and its Place in Persian Literature (Poetics Related Problems). Moscow: Vostochnaya Literatura; 1999. 328 p. (In Russ.)
10. Prigarina N. I., Vasilyeva L. A. Motif of paper garment in Ghalib's and his predecessors' verses. *Orientalistica*. 2021;4(3):722–734. (In Russ.)
11. Bekhud Mohani Sayyid Muhammad Ahmad. *A Commentary on the Divan of Ghalib*. Lucknow: Nizami Press; 1970. 614 p. (In Urdu)
12. Prigarina N. I. *World of Poet – World of Poetry. Articles and essays*. Moscow: IOS RAS; 2012. 351 p. (In Russ.)
13. Rumi Jalal ad-Din Muhammad. *A Poem about Hidden Meaning*. The first daftar (bait 1–4003). Transl. from Pers. O. F. Akimushkin, Y. A. Ionnesyan, B. V. Norik, A. A. Hismatulin, O. M. Yastrebova. Ed. and index by A. A. Hismatulin. St. Petersburg: Peterburgskoye vostikovedeniye; 2007. 444 p. (In Russ.)
14. *The Urdu Dictionary*. Delhi: Taraqqi Urdu Bureau; 1987. 984 p.
15. Faruqi Shamsur Rahman. *An Explanation of Ghalib*. 3rd ed. New Delhi: Ghalib Institute; 2014. 405 p. (In Urdu)
16. Allama Iqbal. *The Call of the Caravan Bell*. Complete poetry collection. Hyderabad: Husami bookdepot; n. d. 367 p. (In Urdu)
17. Prigarina N. I. *Poetics of Muhammad Iqbal*. Moscow: Nauka; 1978. 231 p. (In Russ.)
18. Dehkhoda Ali Akbar. *Lughat-nāme*. – Available at: <https://dehkhoda.ut.ac.ir/fa/dictionary>
19. Bekhud Dihlavi Sayyid Wahid ud-Din. *The mirror of Ghalib*. Calcutta: Usmaniya Book Depot; 1934. 347 p. (In Urdu)
20. Rumi. *A Poem about Hidden Meaning*. 4th daftar, (baits 1–3855), transl. from Pers. by L. G. Lahuti, N. I. Prigarina, M. A. Rusanov, N. Yu. Chalisova; Project coordinator N. I. Prigarina; Ed. Y. Eshots, ref. L. G. Lahuti. St. Petersburg: Peterburgskoye vostikovedeniye; 2010: 488 p. (In Russ.)
21. Schimmel A. *Mystical Dimensions of Islam*. Transl. by N. I. Prigarina, A. S. Rapoport. Moscow: Sadra; 2012. 534 p.
22. Baqar Agha Muhammad. *Ghalib's Speech: Commentary on the Divan of Ghalib*. Amritsar: Azad Book Depot; 1940. 648 p. (In Urdu)
23. Pritchett F. W. The Meaning of the Meaningless Verses: Ghalib and his Commentators. In: Hansen K and Lelyveld D. (eds) *A Wilderness of Possibilities: Urdu Studies*

in *Transnational Perspective* (a *Festschrift* in honor of C. M. Naim). New Delhi: Oxford University Press; 2005, pp. 251–272.

24. Pritchett F.W. *A Desertful of Roses. The Urdu Ghazals of Asdullah Khan "Ghalib"*. – Available at: <http://www.rekhta.org/00ghalib/index.html>

25. Vasilyeva L. A. The ghazal of Mir Taqi Mir: the formation of the poetic and literary language of Urdu. *Orientalistica*. 2020;3(3):820–848. (In Russ.)

26. Mirza Ghalib. *Selected works*. Compl. Zoe Ansari. Transl. G. Y. Aliyev, N. I. Prigarina, N. V. Glebov. Moscow: Nauka; 1980. 791 p. (In Russ.)

27. Al-Hujviri. *Revealing the hidden. The oldest Persian tractate on Sufism*. Transl. by A. Orlov; ed. by N. I. Prigarina. Moscow: Edinstvo; 2004. 481 p. (In Russ.)

28. Piotrovsky M. B. In: *Islam. Encyclopaedic Dictionary*. Moscow: Nauka; 1991, p. 25. (In Russ.)

29. *The Quran*. Transl. and comm. by I. Yu. Krachkovsky. Moscow: Vostochnaya literatura; 1963. 483 p. (In Russ.)

30. Prigarina, N. I., Chalisova N. Yu., Rusanov M. A. Hafiz. Ghazals in philological translation. Part 1. *Orientalia et Classica. Works of the Institute of Oriental Cultures and Antiquity. Issue 40: East and Antiquity in Classical Texts. № 4*. Moscow: RSHU; 2012. 606 p. (In Russ.)

31. Nazm Tabaṭabai Lakhnavi 'Ali Haydar. *Commentary on the Divan of Ghalib*. Hyderabad: Matba Mufid ul-Islam; 1900. 351 p. (In Urdu)

32. Shukurov Sh. *The Hunt for Meaning in the Art of Iran*. Part 1. – Available at: <https://yasko.livejournal.com/1279992.html>

33. Gyān Chand. *Interpretation of Ghalib*. Srinagar: Jammu and Kashmir Academy of Art, Culture, and Language; 1971. 563 p. (In Urdu)

34. Schimmel A. *A Dance of Sparks. Imagery of Fire in Ghalib's Poetry*. New Delhi: Copyright Ghalib Academy; 1979. 141 p.

35. Knysh A. In: *Islam. Encyclopaedic Dictionary*. Moscow: Nauka; 1991, p. 269. (In Russ.)

36. Faiz Ahmad Faiz. *Pen and paper*. Karachi: Maktaba-e Daniyal; 1973, pp. 63–70. (In Urdu)

Информация об авторе

Пригарина Наталья Ильинична – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела памятников письменности народов Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия, член редколлегии журнала «Orientalistica»; <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>, e-mail: prigarina@gmail.com

Information about the author

Natalia I. Prigarina – Dr. habil. (Philol.), Professor, Principal Research Fellow at the Department of Oriental Historical Written Sources, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Member of the Editorial Board of the *Orientalistica*, Moscow, Russia; <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>, e-mail: prigarina@gmail.com

Author's Links

Информация об авторе

Васильева Людмила Александровна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела литератур народов Азии, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; <https://orcid.org/0000-0002-2466-3832>, e-mail: ludvas@yahoo.com

Information about the author

Ludmila A. Vasilyeva – Ph. D. (Philol.), Leading Research Fellow at the Department of Asian peoples' Literature, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; <https://orcid.org/0000-0003-1941-0467>, e-mail: prigarina@gmail.com

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declare that there is no conflict of interest.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в эту работу.

Authors contributed

These authors contributed equally to this work.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12 октября 2021
Одобрена после рецензирования: 27 октября 2021
Принята к публикации: 25 ноября 2021
Опубликована: 27 декабря 2021

Article info

Submitted: October 12, 2021
Approved after peer reviewing: October 27, 2021
Accepted for publication: November 25, 2021
Published: December 27, 2021

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

PHILOLOGY OF THE EAST

Literature of the peoples of the world

ФИЛОЛОГИЯ ВОСТОКА

Литературы народов мира

Научная статья

Филологические науки

УДК 81'255.2(595)«18»+82-31(=030.621=161.1)

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1352-1398>

Между традицией и современностью: Лауддин и его «Повесть о Молодом Капитане» (комментированный перевод и исследование)

Горяева Любовь Витальевна

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,

<https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>; e-mail: goriaeva@mail.ru

Аннотация. Публикация, включающая исследовательское предисловие и перевод, посвящена самому раннему образцу малайской документальной прозы – мемуарам непрофессионального автора, представителя большой купеческой семьи из Лампунга – Лауддина. В книге рассказывается о реальных исторических событиях середины XVIII в., повлиявших на судьбы самого Лауддина, его отца и братьев, прежде всего – об исполненном драматизма соперничестве голландцев и англичан в регионе Явы и Суматры. По его содержанию сочинение Лауддина можно безусловно считать новаторским. При этом правдивый рассказ о событиях, свидетелем или участником которых был он сам, строится по законам малайского эпического нарратива. В книге прослеживаются параллели с такими классическими сочинениями, как «Повесть о раджах Пасея», «Малайские родословия» и «Повесть о Ханг Туахе». Тем самым Лауддин обнаруживает свою приверженность канону и вольно или невольно включает свои мемуары в традиционный литературный контекст.

Ключевые слова: малайская литература; Бантен; Лампунг; торговля перцем; англо-голландское соперничество; мемуары; документальное свидетельство

Для цитирования: Горяева Л. В. Между традицией и современностью: Лауддин и его «Повесть о Молодом Капитане» (комментированный перевод и исследование). *Ориенталистика*. 2021;4(5):1352–1398. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1352-1398>.

Original article

Philology studies

<https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1352-1398>

Between tradition and modernity: Lauddin and his “Story of the Young Captain” (commented translation and research article)

Lubov V. Goriaeva

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

goriaeva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>

Abstract. The publication (a research article and Russian translation) deals with the earliest specimen of Malay documentary prose, the memoirs of a non-professional

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

author Lauddin, who came from a prosperous merchant family. The book describes actual historical events, which took place in the mid 18th century: the dramatic rivalry between the Dutch and the British in the Java and Sumatra regions. This rivalry was crucial for Lauddin's fate as that of his father and brothers. In terms of its content, Lauddin's work can certainly be considered innovative. At the same time, a truthful story about events in which he himself was a witness or participant is built according to the laws of the Malay epic narrative. The book traces parallels with such classics as the “Chronicle of the Kings of Pasai”, “Malay Annals”, and “The Tale of Hang Tuah”. Thus, Lauddin shows that he sticks to the canon and, willingly or unwillingly, includes his memoirs in the traditional literary context.

Keywords: Malay literature; Banten; Lampung; pepper trade; Anglo-Dutch rivalry; memoir; documentary evidence

For citation: Goriaeva L. V. Between tradition and modernity: Lauddin and his “Story of the Young Captain” (commented translation and research article). *Orientalistica*. 2021;4(5):1352–1398. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2021-4-5-1352-1398>.

У истоков малайской авторской прозы («Повесть о Молодом Капитане»)

«В основном местные жители читают книги, где действуют джинны, пэри, дэвы, духи, драконы, гаруды¹ и прочая невидаль, какой не встретишь ни в мире сем, ни в загробном /.../. Есть, однако же, книга сочинения Энчика Алауддина, сына Ки Деманга из Семанги. В ней он поведал историю своей семьи и рассказал об ее скитаниях по чужим краям. Все в этой книжке правда, и случилось на самом деле. Она сияет, как подлинный самоцвет, среди кучи мусора – прочих малайских повестей» [1, р. 470–471].

Эти слова принадлежат Абдуллаху бин Абдулкадиру Мунши (1796/7–1854), прозванному «отцом малайской литературы Нового времени», автору широко известных мемуаров «История Абдуллаха» [2]. Уроженец Малакки, литератор, переводчик и издатель, Абдуллах многие годы сотрудничал с западными миссионерами и написал свой знаменитый труд по просьбе одного из них, американца Алфреда Норта. Сочинение Алауддина, созданное более чем полувеком ранее, не могло не привлечь его внимания.

Подобно мемуарам Абдуллаха, книга Алауддина появилась на свет по инициативе европейца – британского наместника в Лаисе (Западная Суматра) Баттера Ханнингса². Ее автор, Энчик Алауддин (Лауддин), не был профессиональным писателем. Человек грамотный, но не книжный, он происходил из семьи суматранских купцов, из поколения в поколение занимавшихся торговлей перцем, и с готовностью откликнулся на просьбу Ханнингса, предложившего ему написать историю своей семьи.

¹ Гаруда – царь птиц, мифическое существо, ездовое животное Вишну.

² Butter Hunnings (ум. 1793) – коммерсант, сотрудник Британской Ост-Индской компании.

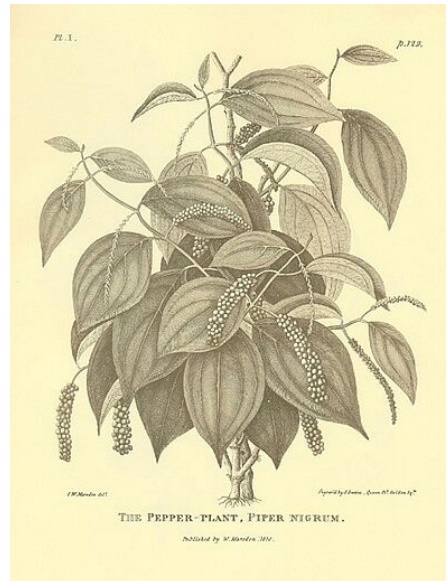

Будучи сыном главного героя, Лауддин стал свидетелем и участником большей части событий, описанных в книге и относящихся к периоду 1756–1766 гг. Основой для ее издания послужила единственная рукопись, датируемая 1788 г. и доставленная в Лондон в 1791 г.³ Стоит отметить, что публикация оригинального текста состоялась лишь в 1961 г., чего нельзя сказать о переводах. На английском языке книга увидела свет в 1830 г., на голландском – в 1842 г., на французском – в 1868 г. [4, р. I–II; 5, р. 203].

В самом тексте рукописи ее название не обозначено, не указано оно и в последних строках книги, вопреки традиции. Переводы этого сочинения издавались под разными заглавиями: «Мемуары малайской семьи» [4], «Мемуары Находы Муды из Саманки, написанные им самим и его детьми» [6], а первый публикатор оригинального текста книги и его голландского перевода, Г. Древес, озаглавил ее «Биография минангкабауского торговца перцем» [7].

Й. Праудфут, создатель конкорданса произведений малайской литературы XIV–XIX вв. (Malay Concordance Project), назвал книгу Лауддина «Повестью о Молодом Капитане» (“*Hikayat Nakhoda Muda*”). Это заглавие едва ли можно считать удачным: его носят еще два сочинения, принадлежащие жанру традиционной малайской беллетристики (*hikayat*)⁴.

Место, где разворачиваются события в мемуарах Лауддина, – юг Суматры (Лампунг), а также западная провинция Явы (Бантен)⁵. Эти территории, находившиеся на рубеже британской и голландской сфер влияния, в XVIII в. были предметом ожесточенного соперничества двух держав, имевшего к тому моменту уже полуторавековую историю и доходившего до прямых военных столкновений.

Рис. 1. Черный перец (*Piper nigrum*).

Гравюра Дж. Свейна из книги У. Марсдена «История Суматры» [15, р. 123]

Fig. 1. The pepper-plant (*Piper nigrum*).
Published by W. Marsden, Engraved by J. Swaine [15, p. 123]

³ Коллекция Марсдена, фонд рукописей Лондонской Школы востоковедения и африканистики (SOAS). Исходная рукопись (MS 40323), помимо записок Лауддина (ff. 1–55), содержит и другие сочинения, написанные на других сортах бумаги [3, р. 163].

⁴ Первый из них имеет и другое заглавие – «Повесть о Сити Саре» (*Hikayat Siti Sara*), а второй – «Повесть о радже Бикраме Сакти» (*Hikayat raja Vikrama Sakti*) [8, р. 104–109].

⁵ Вариант названия – Бантам.

Каждая из сторон стремилась играть ведущую роль в торговле пряностями – важнейшим предметом экспорта, и в этом противостоянии не слишком церемонилась со средствами, привлекая на свою сторону местных правителей и те или иные группы населения. Хотя между Голландской Ост-Индской компанией и Пангераном Ади Сантика (впоследствии – бантенским султаном) в 1752 г. был заключен договор, согласно которому последний признал сюзеренитет Компании и передал ей контроль над Лампунгом, до мира в Бантене было далеко [9, р. 235–251].

Жизнь трех поколений семьи автора книги разворачивается в соприкосновении с главными персонажами этого смутного времени: султаном Бантена, населением Западной Явы и юга Суматры, а также голландцами, господствовавшими на этих территориях, и британцами, обосновавшимися на побережье Суматры к северо-западу от Лампунга. Герой повествования, купеческий сын Тайан по прозвищу Молодой Капитан (*Nakhoda Muda*), стал одной из центральных фигур торговой и политической жизни региона. С юных лет ему приходилось приспосабливаться к меняющимся и весьма драматическим обстоятельствам той эпохи, а под конец – бежать из дома, спасая от преследований голландцев свою жизнь и жизнь сыновей, и искать убежища под покровительством Британии.

Основанная на реальных событиях, книга Лауддина одновременно в полной мере соответствует стандартам традиционного эпического нарратива. Главный герой, которого автор обычно именуется «государем» (*baginda*)⁶, совершает подвиги и стяжает этим заслуженную славу. Первым его свершением становится изгнание с юга Суматры опасных соседей: племени абунгов, охотников за головами. Против этого врага боятся выступить и наместник Лампунга, представитель султана Бантена Ки Риа Минджан, и местные пангераны, правители округов. Молодой Капитан собирает ополчение из добровольцев и хитростью изгоняет абунгов из их селений.

Воинские успехи героя привлекают внимание бантенского султана, и Молодой Капитан становится его главным помощником в Лампунге, относящемся к сфере влияния Западной Явы. Под руководством героя растет количество плантаций перца, он служит третейским судьей при разборе тяжб между местными жителями и берет под свой единоличный контроль поставки перца с юга Суматры в Бантен.

Как и в любом сочинении эпического жанра, сюжет «Повести» развивается во взаимодействии героя (*протагониста*) с другими типовыми персонажами. Во-первых, это *антагонист*, уже упомянутый Ки Риа Минджан, представитель султана Бантена в Лампунге, побоявшийся

---

⁶ Здесь и далее это слово призвано маркировать его статус героя (*протагониста*), а не ранг правителя.

выступить против охотников за головами. Его низость и двурушничество ярко проявляются и в следующем эпизоде, где рассказывается о восстании горцев Западной Явы против бантенского султана⁷. Одновременно в сюжете появляется и *помощник* героя – главный министр, пангеран Кусуманингат, который не раз выступает ходатаем за него перед лицом султана. В ходе вооруженного конфликта «злодей» Ки Риа Минджан предает своего государя и старается перетянуть жителей Лампунга на сторону восставших, однако Молодой Капитан демонстрирует безусловную лояльность султану и голландским властям и в результате становится главным поставщиком перца из Лампунга на Яву.

Одной из отличительных черт Молодого Капитана как эпического героя является чувство собственного достоинства и нежелание быть кому-то обязанным. Когда из-за шторма его груженное перцем судно терпит крушение в проливе между Суматрой и Явой, он не соглашается принять денежную помощь от султана и собственными усилиями возмещает понесенные потери, памятуя напутствие отца. Согласно канонам классической литературы, последний, находясь на смертном одре, должен был дать сыну наказ, и отец героя не отступил от правила. Он призвал Молодого Капитана при любых обстоятельствах воздерживаться от долгов, и тот следовал этому принципу всю свою жизнь.

С течением времени коммерческая деятельность героя приобретает особый размах, подрастают и его сыновья. Султан Бантена принимает решение наградить Молодого Капитана почетным титулом. Этот эпизод описан в книге со всеми этикетными подробностями, которыми столь богата литературная традиция малайцев. Прежде чем оказаться пред лицом султана, Молодой Капитан и его покровитель, главный министр, должны пройти несколько промежуточных этапов. У ворот крепости пришедших встречает стража, затем они являются к церемониймейстеру, тот посылает с докладом старшую из дворцовых служанок, и лишь она сообщает наконец султану о визите гостей. Автор мемуаров счел необходимым воспроизвести в своей книге все обязательные эпические клише, дабы подчеркнуть важность предстоящего события – повышения статуса героя, получающего новое имя (звание): Кьяи Деманг Пурваседана. Султан, а затем и голландский губернатор вручают ему подарки. Примечательно, что герою, как он сам заявляет своим братьям, капитанам торговых судов, повышение не пришлось по душе, однако спорить с султаном он не стал, соблюдая безусловную лояльность верховной власти.

Мемуары Лауддина вызывают в памяти другой малайский литературный памятник, созданный веком ранее, – широко известную «Повесть

⁷ Подробно о так называемом Бантенском восстании 1750–1752 гг. см.: [10].

о Ханг Туахе» (*Hikayat Hang Tuah*)⁸. Ее герой, выдающийся военачальник, близкий к малаккскому престолу, совершает ряд подвигов во славу султана. По навету клеветников он попадает в опалу, и султан приказывает его казнить. Ханг Джебат, друг Ханг Туаха, убежден в невиновности героя, он ненавидит султана и готов занять его место. Однако для Ханг Туаха исключена сама возможность *derhaka* – неповиновения, измены правителю. В результате Ханг Джебат гибнет от руки героя – подлинного рыцаря, не способного на предательство в отношении своего государя [11, с. 243–254].

В малайской письменной традиции эта тема звучала и ранее. Прежде всего, следует упомянуть хронику конца XIV в. «Повесть о раджах Пасея» (*Hikayat raja Pasai*), где султан из зависти ищет смерти сына-богатыря Туна Браима Бапы и его брата Туна Абдул Джалила. Движимый теми же благородными мотивами, что и Ханг Туах, Тун Браим Бапа не позволяет себе выступить против отца и под конец гибнет. Злодеяния султана, завидующего сыновьям, приводят в конце концов к крушению государства под натиском вражеского войска [13, с. 92–109]. Нарушение государем общественного договора между ним самим и его подданными становится роковым и для Малакки начала XVI в., как об этом поведано в хронике «Малайские родословия» (*Sejarah Melayu*) [12, с. 145–156].

В «Повести о Молодом Капитане» жертвой зависти и навета становится сам герой, верой и правдой служивший правителям Бантена и их голландским хозяевам. Во второй части книги новым антагонистам – завистникам Молодого Капитана – удается оболгать его и представить сторонником англичан, блюдущим их коммерческие интересы. Несмотря на свою безупречную репутацию, герой и его сыновья попадают под арест, а все их имущество конфискуется.

Сыновья не хотят мириться с ситуацией и предлагают отцу побег. Вырвавшись с боем из заключения и одержав верх в схватке с голландцами, захватившими их дом, они спешно покидают родной город. Один из сыновей героя, Капитан Лела, опередив остальных членов семьи, едет в Бенгкахулу, где правят англичане, с просьбой об убежище для них. После долгих расспросов и размышлений британские власти наконец соглашаются принять беглецов.

Конец истории печален: отец умирает, не успев узнать об итогах переговоров с англичанами, а его исполненные скорби сыновья разъезжаются кто куда, подобно героям «Повести о ханг Туахе», удаляющимся от мира накануне падения Малакки [11, с. 369–374]. Сам автор книги, Лауддин, остается в Бенгкахулу. По мнению исследователей, мемуары Лауддина недвусмысленно указывают на британские симпатии

⁸ Ее русский перевод см.: [11]. Подробнее о «Повести» см.: [12, с. 333–345].

автора [5, р. 222–223] или, по меньшей мере, свидетельствуют о умении героев сделать в жизни правильный выбор [14, р. 52, 114].

Отсутствие оригинальной рукописи не позволяет определить точную дату написания мемуаров, однако ясно, что книга создавалась в период, когда голландцы утратили свои позиции на Суматре, а Парижский договор (1784) окончательно закрепил торговый приоритет англичан на всех прибрежных территориях Индийского океана [9, р. 280]. Тем самым, прямо или косвенно, бывшие патроны Молодого Капитана получили воздаяние за произвол в отношении своего верного вассала, подобно тому как это случилось с султанами из малайских хроник и «Повести о Ханг Туахе». Так, по стечению многих обстоятельств, появилось на свет первое авторское сочинение документального характера, исторически вполне достоверное и при этом остающееся в русле малайской эпической традиции.

«Повесть о Молодом Капитане». Перевод текста

ПОВЕСТЬ О МОЛОДОМ КАПИТАНЕ

Вот история о том, что происходило во времена, когда Семангка находилась под властью Голландской компании. Господин петор⁹ из Лаиса, Баттер Ханнингс, выразил желание услышать об этом, поэтому я и взялся за перо.

I¹⁰

Был некогда малаец из народности минангкабау, уроженец Байанга¹¹, по прозвищу Капитан¹² Мангкута. Государь¹³ ездил по торговым делам на Яву, из одной ее области¹⁴ в другую. И не перечить тех мест, куда он приезжал торговать. Как-то приплыл он на Каримата¹⁵, остров между Пасиром и Банджаром. На этом острове проживало немало малайцев-коммерсантов, потому что в тех местах в ту пору добывали золото. Там государь обзавелся женой, убедившись, что на острове можно неплохо заработать себе на жизнь. Трижды сменялись времена года, и

⁹ Petor (устар.) – правительственный чиновник, управляющий отдаленным районом.

¹⁰ Деление текста на главы сделано по изданию Древета [7].

¹¹ Область на западном побережье о. Суматра, к юго-востоку от Паданга.

¹² Nakhoda – «капитан», «шкипер», «владелец торгового судна». В именах героя и его сыновей это слово пишется здесь с заглавной буквы. При обозначении статуса других персонажей – со строчной.

¹³ Здесь и далее автор именует так его сына, а также одного знатного вельможу.

¹⁴ В оригинале чаще всего фигурирует слово “negeri”, имеющее в малайской традиции целый спектр значений: «край, страна, область, округ». В данном контексте оно обозначает более или менее автономный город-государство с прилегающими территориями.

¹⁵ По мнению У. Марседена, речь идет не об о. Каримата, а об о. Пулау Лаут, расположенном между южным побережьем о. Калимантан и северной областью о. Ява, именуемой Пасиром [4, р. 2].

вот на острове появились отряды командующего Туасаха из бугийских краев¹⁶, намерившиеся захватить остров. Они задумали это, прознав, что на острове проживает много богатых людей. Обитатели острова с оружием в руках выступили против командующего Туасаха, но спустя месяц потерпели поражение: на стороне главнокомандующего были огромные силы. Местные жители спасались бегством – кто на лодках, кто на челноках, а кто и на своих двоих.

Капитан Мангкута отплыл на своей лодке поздней ночью, чтобы враги не заметили, и приплыл в Банджар, в место, именуемое Тайан¹⁷. Спустя некоторое время после прибытия туда у него родился сын, энчик¹⁸ Тайан.

Когда ребенку минуло три года, государь подумал: «Пора мне уезжать отсюда. Неровен час, я умру, пока сын еще будет мал, а сородичей в этом краю у нас нет. Нелегко тогда ему придется». Поразмыслив так, Капитан Мангкута велел матросам привести его лодку в порядок. Когда все было готово, он накупил товаров для доставки в Лампунг и в урочный час двинулся в плавание со всем своим семейством.

Не ведаю, долго ли они плыли, и наконец прибыли в Пиабунг¹⁹. В этом краю проживало немало малайцев. Здешнего правителя звали пангеран²⁰ Сурабава: этот титул он получил от султана Бантена²¹. Капитан Мангкута явился пред лицо пангерана Сурабавы и поведал ему обо всем с самого начала и вплоть до отъезда с острова Каримата. Растроганный историей Капитана Мангкуты, пангеран Сурабава сказал: «О, Капитан Мангкута, оставайся-ка ты здесь и забудь о морских плаваниях, ведь тебе уже немало лет. Если ты ищешь заработка, торговля с Бантеном принесет немалый доход». Капитан Мангкута сказал: «Хорошо, пангеран».

Завершив беседу, Капитан Мангкута вернулся к лодке, освободил ее от груза и водрузил на стапели. Затем он выстроил себе дом в устье Пиабунга²² и занялся торговыми делами. Немало лампунгцев и малайцев стали его покупателями. Если кто-то являлся просто поболтать, государь разговаривал с ним вежливо, со всей искренностью и простотой. Он не преступал закона и не завидовал никому из местных старост.

¹⁶ Исконное место проживания бугов (бугийцев), уроженцев юго-западных областей о. Сулавеси.

¹⁷ Область на западе о. Калимантан.

¹⁸ Энчик («господин») – обращение к мужчине из средних слоев общества.

¹⁹ Место в заливе Семангка на юге о. Суматра.

²⁰ Пангеран – на Яве этим титулом обозначают принца, потомка или родственника правителя. Здесь и далее имеются в виду лица, облеченные властью над группой селений юга Суматры.

²¹ Бантен – область на западе о. Ява.

²² Устье Пиабунга – в малайском мире так нередко именовались города, расположенные в устьях рек.

С течением времени жители Пиабунга полюбили государя за его доброту к простому народу.

Тем временем его сын Тайан вырос, и стал обучаться чтению Корана, а затем и письму. Когда он постиг эту науку, государь послал его на учение в другие края, и тот переезжал из одной страны в другую, но где именно он побывал, не сказано. Спустя семь лет он вернулся в Пиабунг.

Капитан Мангкута был назначен старшим над всеми малайцами и заслужил расположение пангерана Сурабавы. Став также главой купцов Пиабунга, он отговорил сына Тайана отъезжать в дальние края, сказав: «Ты не должен плавать далеко. Займись перевозкой перца из Лампунга-Пиабунга²³ в Бантен. Совершай по одной поездке за сезон²⁴, и это принесет некоторый доход, а в остальное время выращивай перец, если есть у тебя друзья, чтобы помочь. В Пиабунге в случае предоплаты за полгода за бахар²⁵ перца дают шесть реалов, а при наличном расчете при получении товара – семь реалов. Таков порядок в Лампунге при власти султана Бантена. Если же удастся самому благополучно добраться до Бантена и продать перец султану, за бахар дают двенадцать реалов. Сколько его ни привези, султан покупает всё, а затем перепродает Голландской компании по двадцать реалов за бахар. Так повелось в Бантене с давних времен²⁶. Если же Компания совершает покупку напрямую у сельского старосты или владельца судна, сделка не может состояться, не получив одобрения со стороны султана Бантена. Совершившего подобное ждет виселица, ибо перец продается только с согласия султана. Один султан Бантена сменяет другого, а порядок этот сохраняется».

Выслушав отца, Тайан отказался от дальних плаваний и курсировал ежегодно лишь между Пиабунгом и Бантеном. Люди стали звать Тайана Молодым Капитаном²⁷. Его единственным занятием была доставка перца в Бантен.

Так он проплавал четыре или пять сезонов, и тут отец его тяжело заболел. Призвав сына, Капитан Мангкута сказал Молодому Капитану: «О, сын мой, услада моего сердца, свет очей моих! Береги то, что досталось

---

²³ Здесь и далее в тексте встречаются такие двойные топонимы, как Лампунг-Пиабунг и Лампунг-Семангка, где первое слово обозначает весь регион, а второе – некий его участок.

²⁴ Musim – сезон, время года. Имеется в виду время года, благоприятное для морских плаваний.

²⁵ Бахар – мера веса, равная 37,5 кг.

²⁶ Примерно те же цены указаны и в капитальном труде У. Марсдена «История Суматры» [15, р. 205].

²⁷ О значении слова “Nakhoda” см. сноску 12. В данном случае оно скорее обозначает владельца торгового судна. Прозвище (gelar) дается молодому человеку на определенном этапе его жизни, обычно при достижении им статуса взрослого мужчины или, нередко, при вступлении в брак.

тебе от меня! Когда Аллах свершит надо мною свой суд, и я умру, не делай долгов. Не будет средств отправиться в плавание, займись заготовкой древесины, продавай ее и копи капитал, займись рыболовным промыслом, торгуй и добывай средства, чтобы выйти в море. Ни за что не бери в долг, будь то у раджей, или Компании, или простых людей. Вот тебе мой завет, сынок!» Немного времени прошло после его разговора с сыном, и Капитан Мангкута скончался в Пиабунге.

Молодой Капитан следовал всем заветам отца, хранил их в своем сердце и не забывал. Спустя три сезона после кончины Капитана Мангкуты он женился. Супругой его стала двоюродная сестра из Семангки, дочь Капитана Падуки. Последний скончался, оставив единственную дочь по имени Раден Ментери, ее-то и взял себе в жены Молодой Капитан и увез с собой в Пиабунг.

Со дня свадьбы миновало два сезона, и вот Молодой Капитан поплыл в Семангку по торговым делам. Возвратившись в Пиабунг, он сказал жене: «Как ты считаешь, не стоит ли нам возвратиться в Семангку? Там растут кокосы, да и родители наши нашли в Семангке свое упокоение».

И Молодой Капитан перебрался в Семангку вместе с семьей и домо-чадцами. Все они уместились в одно судно. В Семангке он построил дом. Перец произрастал там в изобилии, так что сезон за сезоном он возил его из Семангки в Бантен и завел там себе жену.

В Семангке его потомство насчитывало уже девять человек: три дочки и шесть сыновей. Старшего сына звали Энчик Писанг, второго Энчик Тенун, затем шел Васуб. Сына, родившегося в Бантене, звали Васал. Следом шел сын из Семангки, названный Бантаном, и младший – Лауддин. Дочку звали Берсих, а были еще Мухаммад и Рафудин. Всего детей было десятеро²⁸. От наложницы родилось еще трое: мальчик по имени Рабу, и две девочки – Раме и Камис. После переезда Молодого Капитана в Семангку туда переселилось еще немало малайцев.

II

Близ Семангки за чередой гор в десяти деревнях обитало племя абунгов [15, р. 423]. По их обычаю, если молодой человек намеревался жениться в ближайшее время, он с несколькими сверстниками, числом до десятка, отправлялся в путь. Каждый имел при себе оружие: копье, меч, крик и запас риса – по три кулака²⁹ на каждого. Сахара брали побольше. Когда рис заканчивался, сахар толкли вместе с гнилой древесиной и ели. Целью их похода была охота за человеческими головами. Они двигались к морю и добирались до Семангки. Спустя месяцы в лесах обнаруживались обезглавленные человеческие тела. В те времена, если требовалось пойти на

²⁸ По-видимому, ошибка.

²⁹ Кулак – мера емкости сыпучих тел от 3,087 до 7,7 кг.

неорошаемое поле или за древесиной, туда ходили по четыре-пять человек из страха перед абунгами, а иначе не осмеливались вступить в лес. Те же, добыв человеческие головы, возвращались к себе в селение, а там, по всем дорожкам, ведущим в селение, их уже ждали люди, держа наготове плоски из половинок кокосового ореха, полные отрубей. Тех, кто добыли человеческие головы, у селения радостно встречали девушки, и немало было охотниц взять их себе в мужья. Те же, кому голов не досталось, не входили в селение: им было стыдно глядеть на отруби в кокосовой скорлупе, что приравнивало их к собакам. Тем, кто не принес человеческих голов, возвращаться в селение было позором, и порой до самой смерти они туда носа не казали. Таков был обычай у абунгов, живших за чредой гор у Семангки.

Человеческие же головы были нужны вот для чего: накануне свадьбы череп наполняли золотом и серебром и вручали родителям невесты. Во время свадьбы в череп наливали пальмовое пиво, и его пригубливали поочередно невеста и жених, после чего брак мог считаться совершившимся, а жених считался мужчиной. Без этого жена считалась простой наложницей, а не настоящей женой. Таков был обычай у абунгов, живших за чредой гор у Семангки.

И подумал тут Молодой Капитан: если не уничтожить селения абунгов, от них жди всяких неприятностей. Сколько можно терпеть, чтобы люди боялись ходить в одиночку? И Молодой Капитан стал советоваться с Ки Риа Минджаном, яванцем, представителем султана Бантена в Лампунге-Семангке³⁰, о том, как напасть на селение абунгов. Ки Риа Минджан сказал: «Ладно, Молодой Капитан, мы соберем наших соплеменников и дадим знать всем пангеранам в этом краю».

В Семангке пангеранов разных округов было четверо. Первый из них, Ваи Ратна, представлял округ Бениаванг. В его подчинении находилось примерно двадцать кампунгов³¹. Второй – Лаут Дарасанта из округа Бибу Лунгух с восемнадцатью селениями. Третий – Джайякусума из округа Паданг Рату с десятью селениями. И наконец – Вай Самангкил из округа Семаванг с тринадцатью селениями. Всех их Ки Риа Минджан позвал на встречу с Молодым Капитаном.

Дней через пять пангераны прибыли в Семангку и стали совещаться, как одолеть абунгов. Ки Риа Минджан объявил: «О, пангераны, мы с Молодым Капитаном созвали всех вас, ибо полагаем, что нам следует уничтожить селения абунгов, дабы старосты наших селений могли

³⁰ Здесь и далее Лампунг и Семангка нередко упоминаются вместе как прибрежные территории, где проживает немало малайцев, и находящиеся обе в вассальной зависимости от Бантена.

³¹ Кампунг – деревня, поселок. Так же именуется квартал или округ города, населенный представителями той или иной этнической группы.

выращивать перец и обрабатывать суходольные поля, не испытывая страха. Мне стало известно, что из-за абунгов люди остерегаются ходить поодиночке. Неужели нам век так их бояться?» И пангераны сказали: «Хорошо, Ки Риа Минджан, ты все сказал верно, только у нас нет ружей. Есть только пики, а с ними непросто ходить по горам». Говорит Молодой Капитан: «Не беспокойтесь, пангераны, пики не понадобятся. Пусть те, кто пойдет со мной, вооружатся короткими копьями».

Но против поселения абунгов не пошли ни пангераны, ни Ки Риа Минджан: отряд людей, двинувшихся в поход, возглавил Молодой Капитан. Их было около четырехсот человек: восемьдесят с ружьями, остальные – кто с чем. Проведя три ночи в джунглях, они наконец добрались до селения абунгов. Молодой Капитан объявил старостам-ополченцам: «Постойте! Я пойду вперед с теми, у кого есть ружья. Если услышите выстрелы, спешите к нам».

Когда Молодой Капитан подошел к селению абунгов – Минджангу, он скомандовал сделать по нему ружейный залп, а затем заходить внутрь. В селении не обнаружили ни одного человека: его жители разбежались неведомо куда. Войдя в селение, ополченцы кинулись грабить оставленное ими имущество. Молодой Капитан спросил: «А далеко ли отсюда другие селения?» И человек, который знал, сколько селений у абунгов, ответил: «Не так уж далеко отсюда, Молодой Капитан!» И они двинулись походом на прочие селения. Об их числе и названиях не сообщается. Захвачено было десять селений, и все их дома Молодой Капитан велел предать огню. В поисках абунгов отряд провел два месяца, но не встретил ни одного. Их разогнали, словно лесных оленей. Абунги не пытались сопротивляться. Звуки выстрелов приводили их в ужас: ничего подобного не слышали ни они, ни их предки. И хотя пало немало их селений, лишь четверо абунгов были застрелены. А из четырех сотен соратников Молодого Капитана никто не погиб, только лишь один поранил ногу колючкой³². И об абунгах больше никто не слышал.

Молодой Капитан со своим отрядом из четырехсот человек вернулся в Семангу. По их прибытии туда пангераны с Ки Риа Минджаном явились к нему в кампунг расспросить о победе над абунгами. И Молодой Капитан рассказал пангеранам и Ки Риа Минджану, как все было, с начала и до конца. Когда те узнали, что абунги побеждены, а их селения преданы огню, радость охватила всех жителей Семангки. Говорили, что абунги бежали к морю, в окрестности Палембанга. Четыре-пять дней пангераны предавались веселью в кампунге у Молодого Капитана, а затем разъехались по своим селениям, радуясь, что абунги больше не станут тревожить местных жителей.

³² Имеются в виду специально разбросанные колючки, призванные остановить босоногого противника [4, с. 13].

III

Полгода миновало, и Молодой Капитан с грузом перца отправился в Бантен.

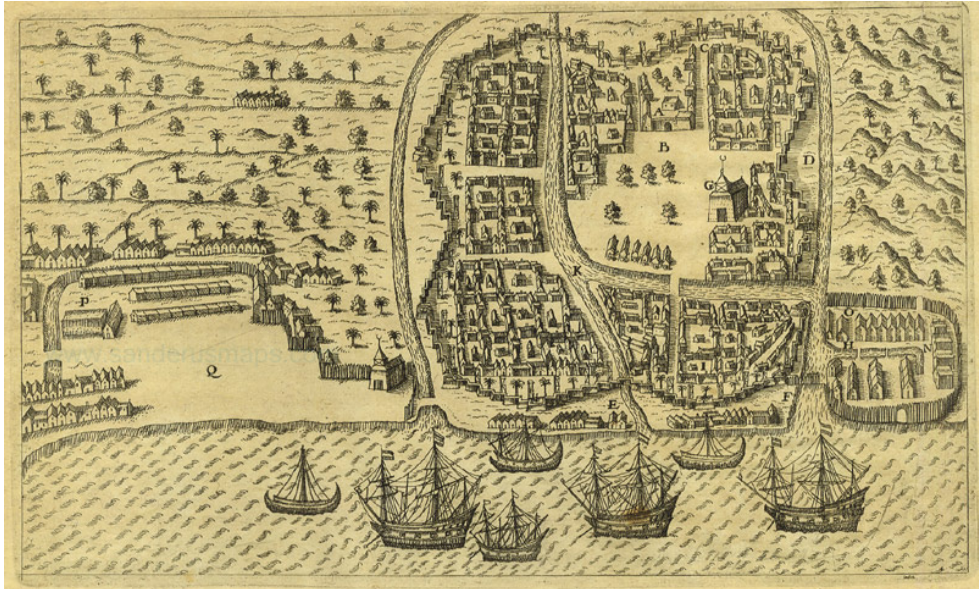

Рис. 2. Бантен. Карта XVII в.

Источник: http://www.sanderusmaps.com/antique-maps/asia/bantam_20714.cfm

Fig. 2. Banten. Map of the 17th century

A source: http://www.sanderusmaps.com/antique-maps/asia/bantam_20714.cfm

По прибытии туда он явился к главному из министров султана – пангерану Кусуманинграту, к которому султан обращался за советом по поводу всего происходящего в Бантене. Оказавшись на месте, он уселся, и пангеран обратился к нему с вопросом: «Давно ли ты прибыл, Молодой Капитан? Какой груз доставил? Что нового слышать в Лампунге-Семангке?» Молодой Капитан сказал: «О, господин мой пангеран Кусуманингат, я привез всего лишь сотню бахаров перца из Лампунга-Семангки. О Семангке нечего и сказать, но есть новость для тебя, господин. За холмами Семангки в десяти селениях обитали абунги. Чьи они были подданные, не ведаю: не подчинялись ни тебе в Бантене, ни правителю Палембанга. Занятие у них было одно, и стоило лишь им выйти ближе к морю, как местные жители со страху носа не казали в лес, потому что абунги кого ни встретят, того убьют. Так-то было дело, господин! Тут пангераны в Семангке собрались на совет и решили атаковать их селения. Я сам отправился туда со своим ополчением. Вскоре мы одержали победу и заняли все десять селений».

Слова Молодого Капитана весьма обрадовали пангерана Кусуманинграта. Затем Молодой Капитан откланялся, воротился к себе на судно и отдал приказ переносить груз на берег. По завершении разгрузки явились служащие от султана и голландцев принимать перец. Груз был взвешен, оплата получена, и куплены товары, которые надо было доставить в Семангку.

Сделав закупки, Молодой Капитан явился к пангерану Кусуманинграта сообщить ему о своем отбытии в Семангку. Пангеран сказал: «Не сможешь ли ты, Молодой Капитан, оказать помощь султану в Семангке, ведь она так далеко от Бантена. Если местные жители или пангераны начнут враждовать, а то и воевать между собой, вы с Ки Риа Минджаном должны будете навести там порядок, какова бы ни была причина раздоров. Если из числа местных жителей никто не погибнет, не страшно, таковое в Семангке случалось. Но если будут убитые, задерживай виновных и отправляй их ко мне в Бантен, обозначив в письме все обстоятельства. Если же прибудет от меня гонец с приказом от султана устроить плантации перца во всех сельских местностях Семангки, сопровождай их лично. Я говорю не от себя, а от имени султана, я лишь передатчик его слов».

Говорит Молодой Капитан: «О, господин мой пангеран Кусуманинград, мне отнюдь не трудно привести в исполнение твою просьбу. Но думается мне, что местные жители не слишком ко мне расположены, ведь я для них человек пришлый, как тебе известно».

Говорит пангеран Кусуманинград: «В Семангке все пришлые и живут здесь лишь по доброй воле султана. И вершит волю в Семангке один лишь султан – от века и поныне».

Выслушав пангерана, Молодой Капитан ничего не сказал и испросил позволения вернуться в Семангку. Пангеран Кусуманинград дал ему в награду одежду, каин и баджу³³, как полагалось у султана Бантена. Затем Молодой Капитан вернулся на судно и попросил у чиновника отметить печатью его отплытие из Бантена в Семангку. Получив грамоту с печатью, он отчалил и вскоре прибыл в Семангку.

Шесть месяцев миновало с его приезда в Семангку, и от султана прибыли два судна, доставившие приказ: устроить плантации перца в каждом из селений этого края. Прибывшие начальствующие велели Ки Риа Минджану и Молодому Капитану готовиться к осмотру плантаций. По завершении приготовлений все они отправились в путь. В каждом селении объявлялось: «По приказу султана Молодой Капитан вместе с нами и с Ки Риа Минджаном будет осматривать плантации. Не ставьте ему это в упрек: то был приказ султана. Если же возникнет ссора между местными

³³ Каин – национальная одежда малайцев, длинный несшитый кусок ткани, оборачиваемый вокруг бедер. Баджу – вид одежды типа куртки. В малайском мире традиционной формой выражения милости со стороны государя было дарование смены одежды – каина и баджу.

жителями, или даже пангеранами, разбирать дело будут Молодой Капитан и Ки Риа Минджан, им вы должны подчиняться. Султан приказал нам уведомить об этом всех местных жителей и пангеранов Семангки». Услышав слова начальствующих, местные жители и пангераны выразили свое согласие. Проведя в разъездах два месяца, путешественники вернулись в малайский кампунг. Суда отправились в Бантен, и каждое везло с собой немного перца в дар султану от Семангки.

Малайские деревни Семангки становились все многолюднее, одних лодок там швартовалось около полусотни. Год за годом малайцы из Семангки везли перец в Бантен. У каждого направляющегося туда малайского судна должна была быть при себе грамота от Молодого Капитана. Таков был порядок для любого малайского судна, следующего из Семангки в Бантен. И лампунгцы, и яванцы, и малайцы души не чаяли в Молодом Капитане.

IV

Расскажем теперь о войне Бантена против горцев этой страны³⁴. Их воинского предводителя звали Рату Багус Буанг. Он был храбр и решителен, равных ему среди горцев не было, и все боялись его. Никто не осмеливался перечить ни одному его слову. Бантенские горцы единодушно последовали за Рату Багусом Буангом, когда он пошел войной на Бантен. Он подчинил своей власти небольшие округа, и жители Бантена стали на его сторону, не считая людей, близких к султану. Оборону держали лишь три города: тот, где пребывал султан, и еще два, занятых голландцами. Город султана звался Гедунг Интан³⁵, а голландские – Пачинан и Каранг Ханту, они все еще не сдавались. Поддержку султану Бантена оказывала Батавская компания³⁶.

Война не прекращалась около двух лет. Рату Багус хотел одержать верх над султаном и Компанией и говорил людям: «Нам непременно удастся одолеть Бантен. Когда победим, не будет над нами власти ни султана, ни голландцев». И толпа внимала ему, не помышляя об обмане, поскольку Рату Багус Буанг умел завоевать расположение людей.

Прослышав, что в Бантене идет война и страна близка к поражению, Ки Риа Минджан вернулся в Бантен и поспешил к Рату Багусу Буангу, ибо сам он по происхождению был из бантенских горцев. Явившись к Рату Багусу Буангу, он склонился перед ним, и Рату Багус Буанг спросил: «Откуда

³⁴ Речь идет о так называемом Бантенском бунте (Banten Rebellion) 1750–1752 гг., руководимом религиозным лидером Кьяи Тапой и членом правящего семейства Рату Багусом Буангом, выступившими против фактической главы государства, Рату Шарифы Фатимы (пр. 1748–1752), и Нидерландской Ост-Индской компании [10, р. 614].

³⁵ Алмазный Дом.

³⁶ То есть Нидерландская Ост-Индская компания.

он, этот человек?» Воеводы³⁷ сказали: «Его зовут Ки Риа Минджан, султан поручил ему приглядывать за Семангкой. Приехал же он потому, что проведаль, будто ты намереваешься захватить Бантен».

Говорит Ки Риа Минджан: «О, господин, твоя воля для меня превыше всего. Я более не хочу повиноваться султану Бантена». Рату Багус Буанг спросил: «А есть ли в Семангке малайцы?» Говорит Ки Риа Минджан: «Их много, господин. В Лампунге-Семангке малайцы заняты торговлей. Из них владеют оружием около двух с половиной сотен человек. Главный над ними – Молодой Капитан».

Говорит Рату Багус Буанг: «Если так, отправляйся в Семангку, собери малайцев и вези их сюда ко мне». Говорит Ки Риа Минджан: «А что, если они добром не согласятся явиться?» Говорит Рату Багус Буанг: «Если так, возьми себе в подмогу сто пятьдесят человек. Если те согласятся добром, обращай с ними ласково, а будут сопротивляться – привези мне голову их главаря». Так сказал Рату Багус Буанг Ки Риа Минджану.

По завершении переговоров Ки Риа Минджан отплыл из устья Чарингина в Семангку на двух больших пенчалангах³⁸. По прибытии туда Ки Риа Минджан направился в селение Бениаванг, где жил пангеран Ваи Ратна, и заявил ему следующее: «Рату Багус Буанг приказал мне объехать весь Лампунг-Семангку. Мне нужно знать, кто из местных жителей или пангеранов пожелает последовать за Рату Багусом Буангом, а кто нет. Ведь по сути дела он уже завладел Бантеном. Именно поэтому я и обращаюсь к тебе как к главному из пангеранов Семангки».

Отвечает пангеран: «О, Ки Риа Минджан, если Бантен действительно пал, мы будем готовы подчиниться любому, кто станет им править. Пусть это тебя не беспокоит». Говорит Ки Риа Минджан пангерану Ваи Ратне: «Как ты думаешь: а малайцы пойдут на это или нет? Рату Багус Буанг повелел привлечь их к участию. Пойдут добром – с ними будут обращаться по-доброму. Тех, кто не захочет добром, – принудят. Так мне сказал Рату Багус Буанг».

Жил в Лампунге человек по имени Раден Сапанг, весьма расположенный к Молодому Капитану. Узнав об этом, он отправился к нему и рассказал, что Ки Риа Минджан прибыл от Рату Багуса Буанга, чтобы призвать Молодого Капитана принять его сторону. Услышав это, государь приказал созвать всех судовладельцев из малайских кампунгов. Когда все собрались в доме Молодого Капитана, он обратился к ним со словами: «Что вы думаете, собратья, о предложении Ки Риа Минджана перейти под команду Рату Багуса Буанга? Если мы не согласимся, он обязательно пойдет на нас войной. Мне сообщил об этом Раден Сапанг. Подумайте об этом,

³⁷ В оригинале "hulubalang". Это слово, в зависимости от контекста, может переводиться как витязь, полководец, начальник стражи и т. д.

³⁸ Pencilang – большое парусное транспортное судно.

собратья мои, капитаны: ведь сейчас Ки Риа Минджан уже собирает людей в селении пангерана Ваи Ратны, и они вскоре окажутся здесь».

Начались прения. Одни судовладельцы говорили: «Мы пойдем за Ки Риа Минджаном», другие высказывались против. Неясно было, чье мнение возобладает. И тогда взял слово старый капитан Малим, уроженец Кампара. Обратившись к собравшимся, он сказал: «Братья мои, если дело пошло так и принять решение мы не можем, пусть Молодой Капитан объявит нам, что он сам об этом думает». Выслушав капитана Малима, собрание судовладельцев предоставило слово Молодому Капитану, и капитан Малим спросил его: «А каково твое суждение на этот счет – скажи!»

Говорит Молодой Капитан: «Думается мне, что, пока султан Бантена не побежден и существует Батавская компания, действовать по указке Рату Багуса Буанга не стоит. Если Ки Риа Минджан заявится сюда, мы не станем танцевать под его дудку, а окажем сопротивление. Полагаю, что, как бы ни был отважен и решителен Рату Багус Буанг, Бантена им не одолеть, поскольку султану оказывает поддержку Батавская голландская компания. Таково мое мнение».

Говорят судовладельцы: «Коли так, мы вооружимся и укрепим свои кампунги, готовясь к обороне». Тут Молодой Капитан велел снарядить два судна с полным вооружением, а их капитанам было приказано стать на якорь напротив устья и ждать. При появлении Ки Риа Минджана с его кораблями оба этих судна должны были держать оборону. Их команды были набраны из лучших. Во главе был поставлен капитан Малим, имевший опыт морских сражений с пиратами.

Так распорядился Молодой Капитан. Затем он направил в Бантен лодку с письмом к губернатору Самбереку. В нем сообщалось, что посланец Рату Багуса Буанга прибыл в Семангку с намерением установить там их власть и что местные старосты Лампунга-Семангки трепетали перед ним, однако малайцы не желали ему подчиниться. Все это было указано в письме. Послание должен был доставить некий капитан Тенгах, в придачу он вез султану в дар от Молодого Капитана рыбу, рис и спелые пинанги³⁹, а губернатору Молодой Капитан послал несколько кур. Когда погрузка закончилась, судно двинулось в Бантен. Там одно письмо было передано султану, а другое губернатору, вместе с дарами.

Когда султану и губернатору Самбереку зачитали письма, они направили в Семангку два судна: трехмачтовое и двухмачтовое, а с ними триста солдат, голландцев и бугов. И спустя восемь дней после отправки тех писем суда прибыли в Семангку.

Ки Риа Минджан находился тогда в кампунге Ваи Ратны в обществе местных старост, обсуждая план нападения на малайский кампунг. Слуги Ки Риа Минджана заметили суда, вошедшие в порт Семангки, и

³⁹ Pinang – плод арековой пальмы, используемый для приготовления бетеля.

поспешили доложить: «Прибыли два судна, господин, и движутся в направлении малайского кампунга. Думается, суда эти пришли из Бантена и будут вести охрану Семангки по приказу султана и бантенского губернатора».

Услышав это, Ки Риа Минджан затрепетал от страха. Он немедленно же отправился к себе на судно и поспешно отплыл в Бантен к Рату Багусу Буангу. Оказавшись перед ним, Ки Риа Минджан сказал: «О, господин Рату Багус Буанг, я только что прибыл из Семангки. Мы всё обсудили с местными старостами и пришли к согласному решению действовать по твоему приказу. С малайцами я еще не переговорил, и не ведаю, каково их мнение. К нам прибыло два судна: трехмачтовое и двухмачтовое, и я сразу же поспешил сюда, господин».

Выслушав Ки Риа Минджана, Рату Багус Буанг помолчал, а затем отдал приказ продолжать военные действия. Так повел себя Рату Багус Буанг, обретавшийся в Бантене.

Расскажем о судах, прибывших в Семангку. Завидя их, Молодой Капитан приказал жителям малайского кампунга выйти и встретить их капитанов при высадке на берег. Когда те появились, Молодой Капитан и прочие судовладельцы Семангки почтительно приветствовали их. На вопрос: «А что сейчас делает посланец Рату Багуса Буанга?» Молодой Капитан ответил: «Насколько мне известно, он находится в округе пангерана Ваи Ратны».

Узнав об этом, капитан послал своих людей удостовериться, так ли это. Были отправлены сто солдат на двух кораблях, и капитан приказал: «Если в округе пангерана Ваи Ратны действительно находятся люди Рату Багуса Буанга, тотчас же дайте мне знать и не возвращайтесь назад: несите стражу вокруг этого селения и не выпускайте никого. Мы же вскорости прибудем туда».

Той же ночью корабли отплыли в направлении округа пангерана Ваи Ратны. Прибыв туда, они не обнаружили в порту больших или малых судов. Когда пангеран Ваи Ратна заметил корабль, он выслал людей на разведку, и те отправились. Когда они подошли к судну, то получили приказ взойти на борт. Их спросили: «А где сейчас Ки Риа Минджан?» Отвечают они: «Здесь его нет, он отбыл в Бантен позапрошлой ночью».

Тогда те, кто плыли на двух кораблях, сошли на берег и отправились к пангерану Ваи Ратне. Завидев идущих, пангеран тотчас же пригласил их к себе в дом, и видно было, что он напуган. Пангеран спросил: «Что привело вас сюда?» Люди ответили: «Капитан послал нас к Ки Риа Минджану: говорят, что он здесь». Пангеран Ваи Ратна произнес: «Он был здесь, но тому уже две ночи, как он отплыл в Бантен».

По завершении беседы люди вернулись на борт судна и пустились назад в Семангку, к своему капитану. Там они сообщили, что Ки Риа Минджан вернулся в Бантен и в округе у пангерана Ваи Ратны его нет.

Узнав о возвращении Ки Риа Минджана в Бантен, капитан повелел Молодому Капитану созвать местных старост и пангеранов Лампунга-Семангки. Люди пошли по селениям, созывая старост и пангеранов в малайский кампунг.

Десятью днями позже все старосты собрались в Семангке. Они явились вместе со своими помощниками, и народу в малайском кампунге стало видимо-невидимо. Капитан корабля сказал Молодому Капитану: «Спроси-ка у старост пангеранов, будут ли они выполнять приказы султана и Компании или нет. Я должен знать мнение каждого». Выслушав его, Молодой Капитан передал всем его слова.

Пангеран Ваи Ратна заявил Молодому Капитану: «Как и прежде, все старосты хранят преданность султану Бантена и губернатору». Слыша слова Ваи Ратны, капитан сказал: «Если и впрямь пангеран расположен к султану и Компании, отчего же ты впустил в свое селение посланцев Рату Багуса Буанга? Или тебе неизвестно, что ныне Рату Багус Буанг – враг султана и Компании? Если бы Молодой Капитан не сообщил о том султану и губернатору Бантена, они так бы и не ведали, что посланец Рату Багуса Буанга обретается в Семангке».

Выслушав капитана, пангеран [сказал]: «Я не сообщил об этом султану и губернатору, потому что у меня нет человека, которого я мог бы послать в Бантен. Кроме того, я опасюсь Ки Риа Минджана, мне не под силу воевать с ним. Капитану известно, что у старост в Семангке нет оружия, чтобы противостоять врагу, – мы здесь все словно женщины. В Семангке же мы выполняем волю султана и губернатора: выращиваем перец».

При этих словах пангерана гнев у капитана утих. В один прекрасный день он обратился к Молодому Капитану с просьбой опросить старост, не согласятся ли они доставлять перец ему самому, согласно приказу султана и губернатора. Молодой Капитан передал старостам его слова, и те возрадовались и распорядились, чтобы их подчиненные везли перец в малайский кампунг. Затем перец был взвешен и доставлен на суда, но они не отплывали в Бантен, ожидая вестей о войне Рату Багуса Буанга против султана Бантена. Когда же Рату Багус Буанг потерпел поражение, у султана и Компании больше не осталось врагов, все они бежали в горы, и губернатор прислал капитану письменный приказ возвращаться в Бантен. По получении письма оба судна отплыли в Бантен с грузом перца.

Узнав, что капитан прибыл и привез с собой много перца, султан и губернатор обрадовались. Султан распорядился отрядить в Семангку пенчаланг с суммой, возмещающей его стоимость. Так порешили султан Бантена и губернатор господин Самберек.

V

Полгода миновало с тех пор, как корабли вернулись в Бантен, и Молодой Капитан сам отправился туда вместе с малайскими торговыми

судами из Семангки, везшими перец. Когда они добрались до пролива между Явой и Пулау Перча⁴⁰, налетел противный ветер, и между Бантенем и Чарингином судно Молодого Капитана потерпело крушение. Это случилось в полночь. На судне было сто бахаров⁴¹ груза, и все погибло. Команде велели не забирать с собой ничего, кроме оружия. Прочие же лодки благополучно достигли Бантена.

Захватив с собой все, что удалось унести, государь двинулся в Бантен на маленькой лодке с двумя матросами. В Бантене же они явились к чиновнику налоговой службы и сообщили, что их судно затонуло между устьем Чарингина и Бантенем и что на нем было сто бахаров груза. Выслушав это, чиновник налоговой службы проводил его к губернатору. Молодой Капитан рассказал о крушении судна, везшего сотню бахаров перца. Губернатор сказал: «Что тут поделаешь? Ты понес потери».

После беседы с губернатором Молодой Капитан отправился в дом пангерана Кусуманинграта, старшего из многочисленных министров султана Бантена, ибо пангеран этот ведал всеми делами Бантена и на море, и на суше, и султан полностью ему доверял. Молодой Капитан явился к пангерану Кусуманинграту и сообщил о гибели судна, везшего сотню бахаров перца.

Выслушав Молодого Капитана, пангеран сказал: «Что поделаешь, Аллах посылает нам и удачу, и неудачу». И затем добавил: «Чем же я могу тебе помочь?»

Ответил Молодой Капитан: «Затем я и пришел к тебе, пангеран. Помоги мне добыть судно измещением в два кояна⁴² для моей команды и спасенного имущества». Тут ему предоставили судно и команду моряков. Погрузили оставшееся имущество, и судно отправилось в Бантен.

Предаваясь унынию, Молодой Капитан не покидал дома. Однажды пангеран Кусуманинграт явился к султану и поведал ему: «Из Семангки от Молодого Капитана прибывало множество судов с перцем, но на сей раз благополучно достичь Бантена ему не удалось: его судно затонуло между Бантенем и устьем Чарингина, погиб и груз перца в сотню бахаров весом. Мне очень жаль Молодого Капитана». Так сказал султану пангеран Кусуманинграт.

Выслушав пангерана Кусуманинграта, султан сказал ему следующее: «Если Молодой Капитан испытывает недостаток средств, надо помочь ему, насколько это возможно».

Переговорив с султаном, пангеран вернулся домой и послал одного из приближенных за Молодым Капитаном. Придя к государю, тот сказал: «Пангеран Кусуманинграт просит тебя пожаловать к нему». Тотчас же Молодой Капитан поспешил вместе с ним к пангерану Кусуманинграту.

⁴⁰ То есть Суматрой.

⁴¹ Bahar (bahara) – мера веса, равная 37,5 кг.

⁴² Коуан – на Суматре: мера объема, равная 33 гектолитрам.

Когда Молодой Капитан явился к пангерану, тот обратился к нему со словами: «Не печалься! Если у тебя недостает средств, султан поможет тебе в приобретении судна со всем грузом».

На эти слова пангерана государь ответил: «Позволь мне подумать, господин!» Поразмыслив немного, он сказал: «Благодарствую, пангеран Кусуманинград! Брать в долг у правителя я остерегусь. Случись мне умереть – и моим детям придется туго, они еще не знают, что такое долг перед раджей. Я всегда вел торговые дела и сам находил на это средства, где только мог».

Выслушав Молодого Капитана, [пангеран Кусуманинград молвил]: «Если ты не хочешь взять его денег, султан не поставит мне это в вину. Итак, денег от него ты не получишь».

Затем государь вернулся на судно, стоявшее на якоре, и не трогался с места, пока спустя месяц не прибыла лодка из Семангки от его жены, а с нею деньги на приобретение судна. Совершив покупку судна и груза, он отплыл в Семангку. С той поры сам он больше не желал пускаться в плавание и отправлял груз перца в Бантен с сопроводительным письмом.

VI

Государь построил себе дом длиной в десять, шириной в восемь сажень в основании, со стенами из тикового дерева. Он взялся за эту постройку, рассудив так: «Когда я умру, сыновьям не придется ждать двадцать лет, чтобы начать строительство». Так он рассуждал. Строительство продлилось пару лет, и денег на него ушло немало: не меньше тысячи реалов.

Когда дом был готов, государь поплыл в Бантен, куда уже три года подряд доставлял перец, приобрел еще две лодки и отправил их в Семангку. Там он подарил одну из них своему сыну Васубу, снабдил его необходимыми средствами и вооружением, причем сын стал теперь прозываться Капитан Буюнг⁴³. Вторую лодку он подарил своему сыну Васалу, со всеми необходимыми средствами и вооружением, и тот стал прозываться Капитаном Лелой. Обоих он обучил и письму, и торговому делу. Было у него еще двое сыновей, Бантен и Лауддин: их он приставил к изучению и переписыванию Корана.

Наконец государь отплыл в Бантен вместе с несколькими владельцами торговых судов, его сопровождали сыновья, Капитан Буюнг и Капитан Лела, каждый на своей лодке. Вскоре все суда благополучно прибыли в Бантен с грузом перца. Молодой Капитан направился к бантенскому чиновнику налоговой службы и губернатору господину Самбереку сообщить, что вместе с ним прибыли малайские торговые суда из Лампунга-Семангки. Услышав об этом, губернатор был очень доволен. После беседы с ним Молодой Капитан направился предстать перед пангераном

⁴³ «Мальчик-капитан».

Кусуманингратам и всеми начальниками портов в Бантене, дабы сообщить, что из Семангки прибыло несколько малайских судов с грузом перца. Весть о том, что из Лампунга-Семангки привезли много перца, вызвала всеобщую радость. Затем Молодой Капитан вернулся к себе на судно. С утра весь груз был доставлен на берег, и служащие Компании и султана явились принимать его.

Когда прием перца для султана и Компании завершился, султан призвал к себе пангерана Кусуманинграта. Гонец явился к пангерану и сказал: «Господин пангеран, его величество просит тебя пожаловать к нему во дворец».

Выслушав гонца, пангеран отправился во дворец султана. Там он почтительно склонился перед ним и молвил: «О, господин, твой раб явился и готов исполнить все, что ты ни прикажешь». На это султан сказал: «Я призвал тебя, ибо намереваюсь пригласить Молодого Капитана во дворец и наградить почетным титулом за его заслуги перед Бантеном, мною и Компанией».

Выслушав султана, пангеран Кусуманинграта молвил: «Когда мне следует препроводить к тебе Молодого Капитана?» Отвечает султан: «Завтра приведи его сюда во дворец». После этих слов пангеран откланялся и удалился.

Ранним утром пангеран послал одного из своих гвардейцев за Молодым Капитаном. Явившись к нему, тот сказал: «Пангеран Кусуманинграта велел мне проводить тебя во дворец к государю».

Выслушав гвардейца, государь вместе с ним отправился к пангерану Кусуманинграта. Придя к нему, Молодой Капитан молвил: «Твой гвардеец передал, что ты хочешь меня видеть, и вот я здесь».

На слова Молодого Капитана пангеран ответил: «Я послал за тобой, ибо султан повелел привести тебя сегодня к нему».

Затем Молодой Капитан вместе с пангераном Кусуманингратам направились в крепость султана Бантена. Оказавшись у железных ворот, они задержались у сторожевого поста из девяти вооруженных стражников и девяти гвардейцев, сменявшихся ежедневно. За воротами же находились голландский капитан с четырьмя десятками солдат.

Завидя Молодого Капитана и пангерана Кусуманинграта, стражники и голландский капитан спросили: «Зачем, пангеран, ты привел сюда Молодого Капитана?» Пангеран сказал: «Султан приказал мне привести его к нему».

Слова пангерана Кусуманинграта повергли стражников и капитана в изумление, и подумали они про себя: «Что же понадобилось султану от Молодого Капитана? Ведь уже немало богатых и известных яванских капитанов приезжало в Бантен, но никто не видел и не слышал, чтобы султан пригласил их к себе в крепость». Так подумали стражники и голландский капитан.

Говорит пангеран Кусуманинград стражникам: «Идите к Факиру Адаму⁴⁴ и доложите, что я ожидаю у железных ворот вместе с Молодым Капитаном: мы явились, чтобы предстать перед его величеством». Выслушав пангерана, они отправились к Факиру Адаму и сообщили, что пангеран Кусуманинград вместе с Молодым Капитаном пришли на аудиенцию к его величеству и ожидают у железных ворот. Факир Адам сказал: «Прикажите этому государю явиться сюда ко мне». Гвардейцы отправились к пангерану Кусуманинграду и Молодому Капитану и сообщили, что Факир Адам хочет их видеть. Выслушав гвардейцев, оба государя направили свои стопы в дом к Факиру Адаму.

У Факира Адама было сорок человек, умеющих представлять дабус⁴⁵ на арабский манер, играть на музыкальных инструментах и исполнять яванские танцы. Если султану хотелось увеселительных зрелищ, он приходил в дом Факира Адама. Все любимые султаном забавы были там в его распоряжении.

Когда пангеран и Молодой Капитан явились к Факиру Адаму, тот сказал: «Почему Молодой Капитан явился сюда вместе с тобой?» На вопрос Факира Адама пангеран ответил: «Не ведаю, о Факир Адам, по какой причине султан приказал мне явиться сегодня к нему вместе с Молодым Капитаном». Ответ пангерана удивил Факира Адама, и он подумал про себя: «Зачем султану понадобился Молодой Капитан?» Но догадаться не мог. А пангеран Кусуманинград обратился к Факиру Адаму с такими словами: «Отправляйся к его величеству и доложи, что мы с Молодым Капитаном ожидаем у тебя в доме и готовы предстать перед ним».

Выслушав пангерана, Факир Адам отправился пред лицо его величества. Когда он вошел в помещение, где находились дворцовые служанки⁴⁶, старшая, увидев его, спросила: «С чем пожаловал, Факир Адам?» Факир Адам ответил: «Я пришел сообщить, что пангеран Кусуманинград и Молодой Капитан явились, чтобы предстать перед его величеством. Сами же они ожидают распоряжений у меня в доме».

Выслушав Факира Адама, старшая служанка отправилась к его величеству. Там султан задал ей вопрос: «С чем пожаловала?» Старшая ответила с поклоном: «Прости меня, владыка, я пришла сообщить, что пангеран Кусуманинград и Молодой Капитан ожидают в доме у Факира Адама и готовы предстать перед тобой». Выслушав старшую, султан молвил: «Пригласи пангерана ко мне».

⁴⁴ По предположению У. Марсдена, Факир (факир) Адам был церемониймейстером или же организатором увеселений при дворе султана [4, p. 35].

⁴⁵ Dabus (ар. «дубина»). Забава, бывшая в ходу в бантенском обществе, – демонстрация невосприимчивости к острому оружию или огню.

⁴⁶ По предположению Марсдена, речь здесь идет о женщинах, владеющих воинскими искусствами и несших охрану во дворце. Предполагалось, что они менее склонны предать своего государя, нежели охранники-мужчины [4, с. 36].

Старшая из женщин пошла к Факиру Адаму и передала ему, что султан ожидает пангерана Кусуманинграта и Молодого Капитана у себя во дворце. Выслушав старшую из женщин, Факир Адам пошел к пангерану Кусуманинграту и Молодому Капитану и объявил, что его величество ожидает их во дворце. Выслушав Факира Адама, оба государя проследовали во дворец.

Придя туда, поклонившись и оказав все почести его величеству, пангеран Кусуманинград и Молодой Капитан уселись перед ним. Султан сказал пангерану Кусуманинграту: «Сегодня я хочу наградить Молодого Капитана титулом Кьяи Деманг Пурваседана⁴⁷. Сообщи об этом девяти стражникам и голландскому капитану, несущим стражу у врат моей крепости, а также всем моим Бантенским подданным».

Выслушав эти слова султана, Молодой Капитан поклонился его величеству и сказал: «Прости меня, владыка, но мне не надобно иного звания, кроме того, что я ношу от века. Однако приказу твоему я должен повиноваться».

Его величество молвил: «Слово мое неизменно, ибо уже запечатлено в моем сердце». Затем [гостям] настало время удалиться. Султан приказал служанкам принести полный наряд: расшитую шапочку⁴⁸, шерстяную куртку и брюки, посох из ротанга, копье и крис, большой зонтик. Когда церемония вручения наряда завершилась, пангеран Кусуманинград и Молодой Капитан испросили у султана разрешения удалиться.

Когда они подошли к железным воротам, пангеран объявил девяти стражникам и голландскому капитану: «Султан повелел, чтобы отныне Молодой Капитан носил имя Кьяи Деманг Пурваседана. Объявите об этом населению Бантена». И услышал в ответ: «Хорошо, пангеран, мы дадим знать об этом всем Бантенским жителям». Затем пангеран пустился в обратный путь.

С утра Кьяи Деманг Пурваседана явился к губернатору⁴⁹. Поклонившись, он сказал: «О, губернатор, причина моего прихода следующая: вчера султан пригласил меня к себе и удостоил титула, который на Яве носят главы округов⁵⁰. Я просил султана оставить мне мое прежнее звание, но это оказалось невозможным».

Выступав Кьяи Деманга Пурваседану, губернатор сказал: «Если бы султан не наградил тебя этим званием, я мог бы сделать то же самое, как это принято в Компании, а ныне султан уже совершил это». Затем губернатор достал дуствольное ружье и дуствольный пистолет. Кьяи Деманг

⁴⁷ Kiai – зд. начальник, demang – глава района (области).

⁴⁸ Koriah cabang.

⁴⁹ Имеется в виду голландский губернатор.

⁵⁰ Punggawa (penggawa) – это слово обозначает не только воинского командира, но и главу области.

Пурваседана спросил: «Сколько же стоит такое оружие?» И губернатор ответил: «Оно не продается, это мой подарок тебе».

По завершении беседы Кьяи Деманг Пурваседана вернулся к себе на судно. Едва он оказался на борту, как появились люди на небольшом сампане⁵¹, а с ними бочка пороха и бочка пуль. Кьяи Деманг Пурваседана сказал: «Что это вы везете и откуда прибыли?» Они ответили: «Нас послал капитан из крепости султана с боеприпасами для Кьяи Деманга Пурваседаны». Команде судна приказали принять груз – порох и пули, и посланцы отбыли, а их капитану Кьяи Деманг велел передать поклон.

Затем Кьяи Деманг приказал созвать всех капитанов, прибывших с ним из Семангки на своих судах. Собравшись, они спросили: «Зачем ты созвал нас, датук⁵²?» Кьяи Деманг Пурваседана сказал: «Я пригласил всех вас сюда потому, что султан и Компания даровали мне титул, и прежнее свое прозвание я носить уже не могу. Я не просил об этом, и все это мне не по душе. Не ведаю, принесет ли это нам благо или вред».

Капитаны заговорили, одни считали, что это пойдет во благо, а другие – что во вред. Говорит Кьяи Деманг Пурваседана: «Что поделаешь: правитель и Компания возложили на нас это бремя. Я же предаю себя Аллаху: счастье и злосчастье в его руках, я не спорю. Случилось так, что я нахожусь под властью правителя и Компании и не могу действовать по собственному произволу, но лишь по их приказу». По завершении беседы капитаны вернулись на свои суда, накупили товаров и были готовы к отплытию в Семангку.

Настал день, когда Кьяи Деманг пришел к пангерану Кусуманинграту и сообщил, что он вместе со всеми капитанами возвращается в Семангку. Затем он явился в крепость к губернатору и поведал о своем намерении отбыть в Семангку со всеми малайскими торговыми судами. Выслушав Кьяи Деманга Пурваседану, губернатор сказал: «Хорошо, Кьяи Деманг Пурваседана! Будь бдителен и не допускай размолвок между старостами. Когда перец высохнет, пусть он долго не залеживается в Лампунге-Семангке».

По завершении беседы [Кьяи Деманг Пурваседана] вернулся к себе на судно. Все суда отплыли в Семангку и вскоре уже были на месте. Так и повелось из года в год у малайских купцов из Семангки.

VII

Миновало три года, и Кьяи Деманг получил письмо из Круи⁵³ от господина Норриса, петора, доставили же его два солдата. В письме содержалась просьба сопровождать солдат с этим письмом в Батавию, к господину Гардену, англичанину, бывшему в ту пору агентом, присматривающим

⁵¹ Сампан (от китайского *шам пай* – «три доски») – вид дощатых плоскодонных лодок.

⁵² *Datuk* – почетный титул человека высокого положения.

⁵³ Британский форпост на юго-западном побережье Суматры.

за всеми господами⁵⁴ в городе Бенгкахулу⁵⁵. И Кьяи Деманг Пурваседана препроводил солдат, везших письмо, в Батавию.

В тот же месяц разнеслась весть, что Бенгкахулу воюет против Франции⁵⁶. Тут многие жители Круи перебрались в Семангку и явились к Кьяи Демангу Пурваседане. Кьяи Деманг сказал: «Живите по соседству с нами в Семангке, и не бойтесь французов. Ничего не случится – Семангка находится во владении Голландской компании. Когда в Бенгкахулу все уляжется, вы, если захотите, сможете вернуться в Круи».

Миновало пять месяцев с того времени, как французы покинули Бенгкахулу, и вот по приказу султана и губернатора прибыло судно из Бантена за грузом перца. Судно причалило в Семангке, и Кьяи Демангу Пурваседане был передан приказ султана и губернатора взять с собой на борт тех, кто хорошо знает Круи. Забрав их и кое-каких жителей Семангки, судно проследовало в Круи. В Круи загрузили перец и отплыли в Бантен. Спустя некоторое время сообщили о появлении в Круи Английской компании, и султан больше не посылал суда в те края.

Миновал год. Доставкой перца в Бантен занимались два судовладельца из Семангки: капитан Сетиа и капитан Дугам. Как-то, прибыв в Бантен, они провели разгрузку, а затем приобрели товары, предназначенные для доставки в Бенгкахулу. Сделав закупки, они приплыли назад в Семангку, отремонтировали суда, потом загрузили в них все купленное. На вопрос Кьяи Деманга Пурваседаны: «Куда вы собрались, капитан Сетиа и капитан Дугам?» те ответили: «В Бенгкахулу».

На это Кьяи Деманг Пурваседана [сказал им]: «Плыть в Бенгкахулу нельзя, это запрещено Голландской компанией. Любого, кто отправится в Бенгкахулу, ждут неприятности». Судовладельцы заявили: «Не бойся, господин, все обойдется, у нас есть голова на плечах». Кьяи Деманг сказал: «Пусть так, но плыть в Бенгкахулу вам не следует». Судовладельцы промолчали. К ночи они отплыли, и им в том не препятствовали.

Спустя год прибыло из Бантена торговое судно, владельца его звали капитан Джамил. По прибытии в Семангку он обратился в Кьяи Демангу Пурваседане с такими словами: «Не дашь ли мне в сопровождение тридцать человек? Губернатор послал меня в Круи поглядеть, что там и как»⁵⁷. Так сказал Капитан Джамил.

Кьяи Деманг спросил: «Зачем вы собрались в Круи? Ведь в Бенгкахулу, как говорят, уже управляет Английская компания». Капитан Джамил

⁵⁴ Словом "Туан" (господин) автор обычно именуется европейцев.

⁵⁵ Другое название, принятое у англичан, – Бенкулен (Bencoolen).

⁵⁶ В апреле 1760 г. Бенгкахулу был захвачен французским эскадром под командой графа д'Эстена (comte d'Estaing), но в течение того же года французы покинули его [4, с. 41].

⁵⁷ По мнению Марсдена, задачей экспедиции было выяснить, не укрепились ли англичане на этой территории, и завладеть ею [4, с. 43].

сказал: «Как бы то ни было, губернатор приказал нам добраться до Круи». И капитан Джамил с этими тридцатью двинулся в путь.

Спустя месяц они вернулись в Семангку, ибо узнали, что посланец губернатора из Бенгкахулу собирается в Круи. С прибывшим из Бенгкахулу капитану Джамилу не хотелось встречаться. В Семангке же он обнаружил капитана Сетиа и капитана Дугама, вернувшихся из Бенгкахулу.

Капитан Джамил отбыл в Бантен, но увидеться с губернатором, господином Самбереком, ему уже не пришлось: того перевели в Семаранг, присвоив статус хидалира⁵⁸. А бантенским губернатором стал господин Пур. Капитан Джамил сказал ему: «Господин губернатор, я прибыл из Круи, губернатор Самберек посылал меня посмотреть, как там идут дела. Когда я оказался в Круи, из Бенгкахулу прибыл человек, посланный губернатором⁵⁹ для вступления в должность управляющего этим краем».

Выслушав капитана Джамилу, губернатор сказал: «Что поделаешь, раз там уже есть хозяева, нам там делать нечего». Затем Капитан Джамил направился к алпересу⁶⁰ Бантена Си Талибу, полукровке-макасарцу⁶¹. Тот спросил капитана Джамилу: «Что слышно в Семангке?» Капитан Джамил сказал: «Ничего особенного, вот только на днях я встретил капитана Дугама и капитана Сетиа, что недавно вернулись из Бенгкахулу». Говорит алперес: «А ты не докладывал об этом губернатору?» Капитан Джамил сказал: «Никому, кроме тебя, я не сообщал об этом».

Наутро алперес и капитан Джамил отправились к губернатору, господину Пуру, и объявили ему: «Есть такое место – Семангка, оно находится в вашем ведении. Год за годом множество судов отправляется оттуда в Бенгкахулу». И добавил: «В Семангке есть два новых судна, что недавно вернулись оттуда, их направил туда главный в Семангке, зовущийся Кьяи Демангом Пурваседаной. Этот титул он получил от султана и губернатора, господина Самберека. Он заслужил это звание тем, что охранял свой край и присматривал за судами, отправлявшимися в Бенгкахулу. Ныне Кьяи Деманг – самый богатый человек в Семангке».

Губернатор спросил: «А бывает ли он в Бантене? Если прибудет, я смогу наложить на него взыскание». Капитан Джамил сказал: «Когда я отбыл, он как раз строил судно для доставки перца в Бантен».

По завершении беседы, алперес и Капитан Джамил разошлись по домам. Алперес был в гневе, ибо обнаружил, что еще со времен губернатора Самберека из Семангки ежегодно отправляют перец, минуя его самого.

⁵⁸ Edele heer (голл.) – благородный (родовитый) господин. Согласно принятой у голландцев титулатуре, так обращались к чиновнику, имевшему статус Orregerkoopman (букв. «Главный купец»).

⁵⁹ То есть британским губернатором.

⁶⁰ Alperes (от исп. Alférez) – младший офицер, чиновник низкого звания.

⁶¹ В других источниках – «полукровка-минангкабау».

С приездом господина Пура алперес Си Талиб стал его доверенным лицом, губернатор спрашивал его совета по любому поводу и был весьма к нему расположен.

Спустя примерно пять месяцев в Бантен прибыл Кьяи Деманг Пурваседана с несколькими малайскими судами, а с ним и сыновья, Капитан Буюнг и Капитан Лела. Си Бантен и Лауддин также прибыли в Бантен. Всего приплыло двенадцать судов, до краев нагруженных перцем. Когда все они пришвартовались, Кьяи Деманг отправился к чиновнику налоговой службы. Войдя, он почтительно приветствовал его, а тот спросил: «Когда вы прибыли, Кьяи Деманг?» Государь сказал: «Только что, господин. Со мной двенадцать человек, мы доставили перец». Чиновник молвил: «Хорошо, Кьяи Деманг Пурваседана. Пойдем-ка мы к губернатору – сейчас это новое лицо. Дошла ли до вас в Семангке весть, что губернатор теперь другой?» Ответил Кьяи Деманг: «Мы об этом не слышали, господин».

Переговорив, они с чиновником направились в город к губернатору. Явившись, они почтительно приветствовали его, и чиновник сказал: «Господин губернатор, перед вами Кьяи Деманг Пурваседана из Лампунга-Семангки, действующий от лица Компании и султана, и знающий обо всем, что там происходит». Следом за чиновником заговорил и Кьяи Деманг Пурваседана: «Господин губернатор, я привез перец. Со мною двенадцать судов, нагруженных до краев. Но мне хотелось бы сообщить вам о том, что сейчас происходит в Семангке. Без моего ведома в Бенгкахулу совершили рейс два судна. Сейчас они возвратились оттуда и находятся в Лампунге-Семангке».

Губернатор сказал: «Стоит ли говорить об этом, я уже слышал эту новость». По окончании беседы чиновник и Кьяи Деманг Пурваседана попрощались с губернатором и удалились. Кьяи Деманг Пурваседана отправился к пангерану Кусуманинграту и сообщил ему, что вместе с ним из Семангки пришли двенадцать судов с грузом перца. Слова Кьяи Деманга о прибытии из Семангки столь богатого груза перца обрадовали пангерана.

По завершении разговора Кьяи Деманг Пурваседана откланялся и вернулся к себе на судно. К раннему утру следующего дня весь груз с лодок был доставлен на берег, принимать его пришли конторские служащие Компании и султана. Груз был взвешен, и спустя примерно месяц губернатор пригласил к себе Кьяи Деманга Пурваседану. Для этого на судно был послан солдат, сообщивший: «Кьяи Деманг Пурваседана, меня послал господин губернатор, дабы сопровождать тебя к нему».

Выслушав солдата, государь отправился в путь. Прибыв в крепость, он почтительно приветствовал губернатора, а тот сказал: «Я позвал тебя, чтобы поговорить о тех двух судах, что плыли в Бенгкахулу. Я слышал об этом не от них самих, а от тебя. Полагаю, что вина лежит не на них, но на тебе. Отчего ты их не задержал? Думаю, что в Бенгкахулу их направил именно ты. За это я взыщу с тебя двести реалов».

На слова губернатора Кьяи Деманг ответил: «О, господин губернатор, я их в Бенгкахулу не посылал. Но каким бы ни было твое решение, я его приму, как если бы я и на самом деле послал их туда». Губернатор сказал: «Не перечь мне, Кьяи Деманг Пурваседана, и завтра с утра доставь мне двести реалов».

Выслушав губернатора, государь вернулся к себе на судно. Затем он приказал созвать всех судовладельцев, прибывших из Семангки вместе с ним. Когда все собрались, государь сказал: «Я собрал вас здесь потому, что был приглашен к губернатору по поводу капитана Сетиа и капитана Дугама, плававших в Бенгкахулу. Губернатор решил, что послал их туда я и что все это случилось по моей вине. Вот какая напасть со мной приключилась. Теперь губернатор взыскивает с меня двести реалов. Что вы об этом думаете?»

Судовладельцы сказали: «На наш взгляд, ты должен пойти к пангерану Кусуманинграту и обо всем рассказать. Нам всем хорошо известно, что ты не посылал Капитана Сетиа в Бенгкахулу и не давал ему на то разрешения. Но, раз так решило начальство, мы готовы собрать эту сумму».

Государь промолвил: «Не стоит этого делать. Могут подумать, что мы идем наперекор Компании. Я заплачу штраф. Рассказал я вам об этом, чтобы показать, что против меня орудуют некие важные особы. Полагаю, что ни перед Компанией, ни перед султаном или жителями Семангки нет никакой моей вины. Предаю себя воле Аллаха. Что подедаешь – капитан Сетиа и капитан Дугам меня подвели. Даже если мне суждено погибнуть из-за содеянного моими сородичами из Семангки, пусть Аллах свершит свою волю».

Говорят судовладельцы: «Если с тебя взыскивают двести реалов, сто пятьдесят заплатим мы, а пятьдесят – ты». Так порешили судовладельцы из Семангки.

Когда штраф был уплачен, губернатор повелел, чтобы Кьяи Деманг Пурваседана и все суда из Семангки вернулись в свои края. Их должны были сопровождать четыре солдата и капрал с женой. Им было приказано нести караул у шеста с флагом⁶². Губернатор Пур объяснил султану, что, если Компания не укрепитя в Семангке, этот край перейдет под власть Англии. Капрала же этого звали Раус.

Кьяи Деманг воротился в Семангку, взяв с собой пятерых мужчин-голландцев и одну женщину. В Семангке для них построили дом. Компании это не стоило и медного гроша, все затраты взял на себя Кьяи Деманг, а семангские малайцы помогали в постройке дома и участка вокруг, по всем правилам. Капрал же этот был несдержан на язык. Если он отдавал приказ, то любое промедление влекло за собой телесные наказания. Четверых малайцев капрал избил за то, что они опоздали с завершением работ. Спустя

⁶² Голландским флагом как символом их господства в Семангке.

три месяца прибыли еще восемь голландских солдат, из них один сержант с женой, и теперь в Лампунге-Семангке насчитывалось тринадцать мужчин-голландцев и две женщины, общим счетом – пятнадцать человек.

VIII

Когда с дня приезда голландцев в Семангку миновало восемнадцать месяцев, туда прибыл британский двухмачтовый корабль из Бенгкахулу под командованием капитана Форреста⁶³. Когда голландский сержант увидел приближающееся судно, он явился сообщить об этом Кьяи Демангу: «Появился корабль под британским флагом, мы увидели это в подзорную трубу». Так сказал капрал⁶⁴.

Говорит Кьяи Деманг Пурваседана: «А каковы были распоряжения губернатора вам в случае прибытия в Семангку кораблей, будь то голландских или британских?» Капрал ответил: «Губернатор приказал мне лишь одно: поднимать флаг, и это единственное, что мне известно». Таковы были слова капрала.

Говорит Кьяи Деманг: «Губернатор господин Самберек установил правило: в случае прибытия судна, откуда бы оно ни двигалось, необходимо направлять ему навстречу лодку, которая покажет путь к удобной якорной стоянке. Если же со стороны моря судно откроет огонь из пушек, нам следует ответить тем же с берега».

На эти слова Кьяи Деманга сержант и капрал ответили: «Согласны с тобой. Сейчас мы с капитаном Буюнгом отправимся на лодке и поглядим, что это за судно». И капрал Раус с капитаном Буюнгом и четырьмя гребцами двинулись на лодке к кораблю.

Когда они подплыли, капитан обратился к капралу Раусу с вопросом: «Где здесь удобнее всего причалить?» Капрал ответил: «Не знаю. Вот капитан Буюнг знает все про здешний порт». Капитан спросил капитана Буюнга, и тот ознакомил его с портом. Было выбрано удобное место, и корабль бросил якорь.

Когда судно встало на якорь, капитан сошел на берег вместе с голландским капралом и капитаном Буюнгом, а затем проследовал в кампунг, где жил голландский капрал. Кьяи Демангу сообщили, что капитан находится у капрала Рауса, и государь отправился туда. Увидев капитана, он приветствовал его, и тот ответил на приветствие. Капитан спросил капрала: «Кто этот человек?» Капрал Раус сказал: «Это Кьяи Деманг Пурваседана, правитель этого края. Губернатор и султан Бантена возложили на него обязанность управлять Семангкой».

⁶³ Капитан Томас Форрест (ок. 1729 – ок. 1802), служивший на судах Британской Ост-Индской компании, известный позднее благодаря своей книге «Путешествие в Новую Гвинею» (1774).

⁶⁴ В тексте книги «капрал» иногда именуется «сержантом», и порой неясно – два это персонажа или один.

Затем капитан Форрест вернулся на корабль. Назавтра в восемь часов утра капитан сошел на берег, явился в дом к капралу Раусу и сказал ему: «Пусть нам добудут уток, кур и коз». О прочих своих нуждах он также сообщил голландскому сержанту. Голландец сказал: «Не сердись на меня, господин, я в этих краях человек новый, прожил здесь недолго. Если в чем-то у тебя есть нужда, обратись к Кьяи Демангу – здесь он надо всеми главный. Я же по распоряжению губернатора, господина Пура, поставлен на страже флага».

Выслушав голландца, капитан велел позвать Кьяи Деманга. Его посланец явился в дом в Кьяи Демангу и сказал: «Капитан и сержант просили тебя явиться». Тотчас же государь отправился в дом к голландскому сержанту и поздоровался с капитаном, а тот в ответ засвидетельствовал Кьяи Демангу свое почтение. Капрал Раус сказал: «Мы с капитаном просили тебя, Кьяи Деманг, прийти и помочь нам. Нам требуются куры, утки, козы, и кое в чем еще мы испытываем недостаток».

Кьяи Деманг спросил: «А что об этом думают капрал и сержант?» Сержант сказал: «Это не наше дело. Если же Кьяи Деманг может посодействовать капитану, пусть сделает все, что в его силах». Капитан сказал: «Кьяи Деманг, окажи мне помощь! Пусть мне найдут кур, уток и коз – провизию для нашего плавания».

Выслушав сержанта, капрала и капитана, Кьяи Деманг сказал: «Хорошо, капитан, я помогу, но прошу тебя обождать до завтрашнего утра. Если получится, не считай это услугой, а не получится – не гневайся на меня».

Затем капитан вернулся к себе на судно. Кьяи Деманг сказал сержанту: «Как полагаешь насчет капитана – помочь ему или нет?» Сержант ответил: «Что же, Кьяи Деманг, помоги, если можешь». Кьяи Деманг вернулся домой и распорядился, чтобы ему доставили кур и уток. Наутро капитан сошел на берег и отправился к Кьяи Демангу. Тому удалось добыть все, что было потребно капитану. Десятью днями позже капитан отплыл из Семангки в неизвестном направлении.

IX

Спустя четыре дня после его отплытия из Бантена прибыл алперес Си Талиб, направлявшийся в Бенгкахулу. Из-за противного ветра его дальнейшее плавание было невозможным. Он явился к Кьяи Демангу и сказал: «Губернатор господин Пур послал меня в Бенгкахулу с грузом риса. Однако он распорядился: [если не доберешься до Бенгкахулу, разгрузайся в Круи], если же не сможешь добраться до Круи, оставь груз в Семангке у Кьяи Деманга. Таков был его приказ. Назад в Бантен рис везти не надо, так и скажи Кьяи Демангу».

Выслушав алпереса Си Талиба, Кьяи Деманг приказал созвать всех судовладельцев Семангки. Когда все было в сборе, он объявил им: «Я пригласил вас сюда вот по какой причине. Губернатор направил алпереса в

Бенгкахулу с грузом риса и приказал ему: если не попадешь в Бенгкахулу, разгрузайся в Круи и передай груз тамошнему петору. Ну а если не доберешься и до Круи, бросай якорь в Семангке. И груз этот достался мне. Что об этом думаете, господа?»

Ответить на вопрос было нелегко. Вес груза достигал десяти коянов. Это был яванский рис, уже попорченный долгоносиком⁶⁵. Алперес спросил: «Что скажете, господа судовладельцы, на слова Кьяи Деманга?» Ответил судовладелец по прозвищу Семпурна: «Думается мне, поначалу можно попробовать продавать этот рис по устьям рек в пределах Семангки. Если торговля пойдет, сколько за него просить?» Алперес Си Талиб сказал: «Губернатор приказал отдавать рис по цене двенадцать [...]»⁶⁶ за реал». [Капитан Семпурна спросил:] «А если по этой цене не пойдет, что тогда скажете, господа Кьяи Деманг и алперес?»

Выслушав капитана Семпурну, Кьяи Деманг позвал своего сына Капитана Лелу и отправил его торговать рисом с лодки, вмещавшей два кояна груза. Спустя два месяца почти весь рис был распродан.

Алперес пробыл в Семангке три месяца. Стали тут они с голландским сержантом Раусом советоваться, как бы навредить Кьяи Демангу. Как-то алперес сказал сержанту: «Нравится мне здесь, в Семангке». А сержант в ответ: «Нечего тебе здесь делать: тут Кьяи Деманг главный. Разве ты можешь стать более важной персоной? Ведь он чувствует себя здесь, как дома».

Алперес объявил: «Хочешь, будем заодно и решим, как нам быть?» Сержант молвил: «Скажи, что ты сам думаешь, а я послушаю».

Алперес произнес: «Сочини письмо губернатору в Бантен, где будет объявлено, что Кьяи Деманг продал рис англичанам, заходившим в наш порт, и что, пока они были в Семангке, Кьяи Деманг совсем с тобой не считался. Еще напиши, что я, алперес Си Талиб, также осведомлен о поведении Кьяи Деманга. Не отправляй письма до моего отплытия. Письмо прибудет в Бантен вскоре после меня, и губернатор сможет меня расспросить. Если мне удастся уговорить его выпроводить Кьяи Деманга из Семангки, заправилами в этом краю сможем стать мы с тобой. От этого нам будет явная выгода!»

Выслушав алпереса Си Талиба, сержант Раус ответил: «Коли ты так все рассчитал, поспеши в Бантен: мне известно, что туда вскорости отправится судно с грузом перца. Письмо отвезет моя жена, она отправится с этим судном». Так сказал сержант алпересу Си Талибу.

По завершении переговоров алперес вернулся в Бантен. Спустя примерно десять дней в Бантен отплыл энчик Лаут с грузом перца. На его судне находилась супруга сержанта, везшая губернатору письмо.

⁶⁵ Долгоносик рисовый (лат. *Sitophilus oryzae*) – вредитель, наносящий вред хранящимся продуктам, в первую очередь рису.

⁶⁶ В оригинале единицы подсчета не указаны. У Марседена «галлонов» [4, с. 54].

Через тринадцать дней после прибытия алпереса в Бантен супруга сержанта Рауса принесла письмо губернатору, господину Пуру, и оно было прочитано. В письме сообщалось, что Кьяи Деманг продал перец англичанам, прибывшим из Бенгкахулу, и что за все время пребывания капитана Форреста в Семангке Кьяи Деманг никак не считался с сержантом. «Если же губернатор не верит мне, пусть спросит алпереса Си Талиба, который сейчас находится в Семангке».

Ознакомившись с письмом, губернатор послал за алпересом Си Талибом. По его приходе он спросил: «Что слышно из Семангки? Мне рассказывали, что из Бенгкахулу прибыл британский корабль под началом капитана Форреста и бросил якорь в Семангке. Сообщили, что Кьяи Деманг продавал перец этому капитану и что за все время пребывания последнего в Семангке Кьяи Деманг не обращал внимания на сержанта Рауса и слушался одного лишь капитана».

Затем губернатор молвил: «Отчего же ты за все это время не сообщил мне, что происходит?» Алперес проговорил: «Я боялся дать знать об этом, дабы не показаться клеветником». На эти слова губернатор ничего не сказал, и алперес удалился.

Когда все суда возвратились в Семангку, в их числе был и энчик Лаут. Губернатор приказал, чтобы супруга сержанта Рауса вернулась в Семангку на его судне, а с ней еще три голландца.

Х

Месяц спустя после прибытия энчика Лаута в Семангку губернатор направил туда двухмачтовый кеч⁶⁷. Завидя его приближение, Кьяи Деманг направился к сержанту Раусу и спросил: «Что это там на подходе – не корабль ли?» Сержант сказал: «Не ведаю: то ли корабль, то ли нет».

Кьяи Деманг сказал: «А каков будет приказ, если они произведут пушечный залп? Отвечать им или нет?» Сержант сказал: «Не стоит. Судя по всему, у нас равные силы. Кто знает, откуда они взялись. Пока ничего не известно». Когда кеч подошел поближе, стали видны поднятые на нем голландские флаги. Сержант позвал капитана Буюнга и приказал плыть навстречу. Сержант Раус и капитан Буюнг на небольшой лодке с четырьмя гребцами тронулись в путь. Оказавшись у кеча, сержант Раус и капитан Буюнг поднялись на борт и приветствовали капитана.

Кеч стал на якорь, с судна прозвучал приветственный залп, а затем капитан сошел на берег. Кьяи Деманг ожидал его близ устья реки. Когда капитан подошел, Кьяи Деманг приветствовал его. Капитан, выражая государю свое недовольство, спросил: «Кьяи Деманг, почему я не услышал ответного залпа? Или ты выше меня по положению, потому и не ответил на мой залп?» Государь молвил: «Я не приветствовал тебя пушечным

⁶⁷ Кеч (англ. Ketch) – тип двухмачтового парусного судна с косыми парусами.

залпом, потому что сержант Раус сказал мне, что при звуке пушки производить ответный залп не следует».

Раздраженный капитан [сказал]: «Значит, ты исполняешь приказы сержанта?» Кьяи Деманг промолчал, полагая, что перечить капитану не следует. Завершив беседу, капитан вернулся на кеч.

Назавтра рано утром капитан сошел на берег и приказал собрать всех жителей малайских кампунгов, а затем переписал их. Сделав это, он объявил Кьяи Демангу: «Все они должны заняться постройкой деревянной крепости». Он произвел замеры участка земли и наметил границы крепости: сорок [морских сажений⁶⁸] в длину и сорок в ширину.

Кьяи Деманг спросил капитана: «А как будет строиться крепость? Должны ли работать одни лишь малайцы, или нам окажут помощь местные старосты⁶⁹? Думаю, если одни малайцы будут трудиться, строительство крепости затянется».

На слова Кьяи Деманга капитан ответил: «Поступай, как считаешь нужным, а я приму это к сведению». Кьяи Деманг сказал: «Полагаю, что нам необходима помощь местных старост. В Лампунге-Семангке есть некий пангеран Ваи Ратна, самый главный из пангеранов. Не переговоришь ли ты с ним?»

Капитан выслушал Кьяи Деманга, и они оба направились в селение пангерана Ваи Ратны. Там капитан обратился к пангерану с такими словами: «Я пришел к тебе, пангеран, ибо губернатор Бантена послал меня в Семангку, чтобы подыскать место для торгового порта, наподобие тех, что есть на Яве. Я нашел подходящее место в малайском кампунге, а вы с Кьяи Демангом подумайте, как привлечь работников на строительство».

Пангеран сказал: «Согласен, капитан. Только дай мне время, и через пять дней я займусь постройкой». По завершении разговора капитан с Кьяи Демангом вернулись в малайский кампунг.

XI

Назавтра капитан направил Кьяи Деманга изучать границы владений Британской и Голландской компаний. Это место именовалось Муара Танда⁷⁰. Кьяи Деманг и капитан отправились, капитан на своем пенчаланге, а Кьяи Деманг на своем, вместе с сыновьями – Капитаном Буюнгом и Си Бантенем. Капитан Лела и Лауддин остались дома.

Прибыв к месту, где была отмечена граница, капитан приказал убрать пограничный знак, установленный Британской компанией и обозначающий британские владения, и унес его. Капитан провел с Кьяи Демангом на этом месте три дня, а затем вернулся в Семангку на борту его

⁶⁸ Так у Древеса [7, с. 139]. В оригинале это слово пропущено.

⁶⁹ То есть старосты поселений других этнических групп.

⁷⁰ Muara Tanda – букв. «демаркационный знак в устье реки».

пенчаланга. Подплыв к кечу, капитан сказал Кьяи Демангу: «Пойдем ко мне на кеч, отдохнем часок-другой». На слова капитана Кьяи Деманг ответил: «Хорошо, капитан, я буду рад посмотреть, как там все устроено у тебя на судне». И поднялся на кеч.

А сержант Раус явился к Капитану Леле и Лауддину и сказал: «Капитан Лела, пойдем к нам на кеч к Кьяи Демангу и капитану. И брата бери с собой». Затем Капитан Лела, Лауддин и три гребца с их лодки вместе с сержантом Раусом отправились на кеч.

Когда Капитан Лела оказался на палубе кеча, сержант и капитан обратились к нему с требованием, чтобы он отдал свой крис. Капитан Лела заявил: «Ничего не случится, если крис останется при мне. Даже в Бантене мне это не возбранялось». Услышав спор Капитана Лелы с капитаном, Кьяи Деманг сказал: «Ничего, отдай крис, как велит капитан». После слов отца Капитан Лела снял и отдал свой крис, так же поступил и Лауддин. Затем Капитан Лела и Лауддин прошли в каюту и сели рядом с отцом, Кьяи Демангом Пурваседаной, и братьями – Капитаном Буюнгом и Си Бантеном.

Тут капитан обратился к Кьяи Демангу с такими словами: «Ты, Кьяи Деманг, и четверо твоих сыновей не сможете покинуть это судно. Господин Пур, губернатор, прислал меня, чтобы я вывез вас отсюда. Для этого я и прибыл в Семангку». На эти слова Кьяи Деманг ответил: «Хорошо, капитан. Только ты зря сам явился за мной. Простого письма было бы достаточно, ибо я всегда повиновался тебе».

По завершении разговора капитан сошел на берег и отправился в дом к Кьяи Демангу. Там он распорядился, чтобы вокруг выставили стражу, а затем капитан с сержантом Раусом вошли в дом. Капитан забрал все имевшееся в нем имущество, и четверо солдат доставили его на кеч. Безотлучно, и днем, и ночью капитан находился в доме Кьяи Деманга. Что ни день, в его кампунге закалывали буйвола, пировали и веселились.

А самого Кьяи Деманга и его четверых сыновей сторожили солдаты под командой голландского капрала. Еду же ему доставляли из дома братьев, капитана Дармана и капитана Семпурны. Ежедневно капитан Семпурна и капитан Дарман привозили еду для Кьяи Деманга, и все привезенное должны были предьявлять солдатам, стоявшим на страже. После проверки Кьяи Деманг мог получить эту еду. Так и повелось изо дня в день.

Как-то раз капитан Семпурна явился к капитану, неся в руках ласточкино гнездо⁷¹, и обратился к нему с такими словами: «Хочу спросить, как там дела у Кьяи Деманга и его четверых сыновей? Разрешат ли им вернуться в Семангку или же нет?» Капитан спросил: «А почему ты спрашиваешь?» Капитан Семпурна сказал: «Дело в том, что я сам родом не из

⁷¹ Ласточкины гнезда считаются деликатесом, из них в странах Восточной и Юго-Восточной Азии готовят множество блюд.

Семангки, а из Батавии, из малайского кампунга. Я прибыл сюда следом за Кьяи Демангом, который всегда был добр ко мне. Если ему не позволят вернуться в Семангку, я уеду обратно в Батавию».

Выслушав капитана Семпурну, капитан сказал: «Не знаю и не ведаю, может Кьяи Деманг вернуться в Семангку или нет, только слышал я, что он очень провинился перед [Голландской] компанией. Дошло до меня, что он продавал перец Британской компании». Ничего не ответил капитан Семпурна и удалился. Он доставил провиант для Кьяи Деманга на кеч и рассказал о речах капитана. На это Кьяи Деманг ответил: «О, капитан Семпурна, не тревожься. Нет моей вины ни перед Компанией, ни перед султаном. Полагаюсь лишь на помощь Аллаха, преславлен Он, Всевышний. Пусть я погибну, но не по своей вине. Предаю себя Аллаху». Затем капитан Семпурна сошел на берег.

После его ухода Капитан Буюнг и Капитан Лела обратились к отцу с такими словами: «Оставь свои раздумья, батюшка, и послушай. Нет у нас больше мочи терпеть такое обращение. Чем жить так, лучше умереть. Мы хотим атаковать голландцев и просим на то твоего согласия».

Выслушав сыновей, Кьяи Деманг ответил: «Не беспокойтесь, дети. Если капитан доставит нас в Бантен, султан поможет нам. Если же нас отвезут в Семаранг, помощь нам окажет тамошний хиделир»⁷². Говорят Капитан Лела и Капитан Буюнг: «Если нас доставят в Бантен, Батавию или Семаранг, случится так, как ты говоришь. Но если местом ссылки станет остров Дамар⁷³, кто нам поможет? Нас, братьев, посадят за витье веревок, а что ждет тебя, батюшка, неизвестно. Не ведаем, что приключится с нашими братьями и сестрами, куда их повезут, и не станут ли они рабами у голландцев. Все твое имущество тебе не возвратят, это уже ясно. Кто знает, долго ли еще ты проживешь, но мы, четверо братьев, будем скорбеть о тебе до своего смертного часа. Позволь нам действовать: мы не хотим, чтобы голландцы куда-то увезли нас. Лучше умереть, чем вечно тосковать, оставшись в живых».

Выслушав четверых сыновей, Кьяи Деманг призадумался, а затем сказал: «Что же, дети, если таково ваше намерение, я могу лишь уповать на волю Аллаха и его Пророка. Но на меня не рассчитывайте: нет у меня больше сил биться с врагом».

Говорит Капитан Лела: «Даже будь ты готов сражаться, мы бы этого не допустили. Ты уже стар годами, и, если тебя постигнет смерть в этой схватке, мы не будем знать, как поступить. Если же над нами четверьмя Аллах свершит свою волю, ты увезешь отсюда наших сестер. Даже если

⁷² Edele heer (голл.) – высокородный. Имеется в виду Ван Оссенберх (Van Ossenberch), губернатор северного побережья Явы с октября 1761 по май 1765 г.

⁷³ Имеется в виду о. Эдам, самый северный из островов в Батавском (Джакартском) заливе.

ты один останешься на этом свете, люди по-прежнему будут почитать тебя⁷⁴».

Слушая сыновей, Кьяи Деманг не мог сдержать слез: он чувствовал, что кого-то из четверых ждет гибель, а если и не гибель, то раны, ибо голландцы установили неусыпный надзор над ними. Караульных было восемь: двое на носу судна, двое в средней его части, на корме у штурвала – двое, на палубе рубки – еще двое, и все с ружьями. Так голландцы стерегли Кьяи Деманга и четверых его сыновей. А в кампунге Кьяи Деманга, в его доме, дежурили капитан, сержант и дюжина солдат. В голландском кампунге⁷⁵ оставался капрал с пятью солдатами. Вот с кем предстояло сразиться Кьяи Демангу с сыновьями, а также братьями – капитаном Семпурной и капитаном Дарманом.

Взвесив все, Кьяи Деманг без колебаний принял решение атаковать и сказал: «Сообщите об этом капитану Семпурне». Вскоре явился и капитан Семпурна с едой. Капитан Буюнг спросил его: «Чем ты сейчас занимаешься?» Капитан Семпурна молвил: «Особых занятий у меня нет, я лишь велел Си Дарману построить лодку для доставки еды. Куда бы вас пятерых ни услали, мы отправимся вслед».

Капитан Лела сказал: «Не хлопочи больше, только поразмысли, как бы добыть оружие для нас. Мы намереваемся сражаться: не хотим, чтобы Голландская компания услала нас неведомо куда. Не добудем хорошего оружия – что же? Биться мы будем все равно».

Выслушав юношу, капитан Семпурна сошел на берег и сообщил капитану Дарману: «Молодые, четверо братьев, рвутся в бой. Кьяи Деманг уже дал на это свое согласие. Но как же нам доставить оружие всем пятерым?»

Капитан Дарман отправился на поиски сиваров⁷⁶ и добыл четыре добрых клинка. Затем капитан Семпурна условился со своими родичами и родичами Кьяи Деманга, что те будут биться на берегу, ожидая, пока Кьяи Деманг, одержав верх в схватке на борту, не сойдет с корабля. Таковых набралось двенадцать человек.

В четыре часа пополудни появился капитан Дарман, несущий рис в плетеной корзине. В рисе были спрятаны четыре сивара. Когда капитан Дарман поднялся на борт, Капитан Лела забрал корзину. Капитан Дарман сказал: «Там, в рисе – сивары». Капитан Лела поспешил отнести ее к братьям, и они принялись есть прямо из корзины. Стражник-голландец молча наблюдал за четверкой братьев, евших прямо из корзины, словно их держали без пищи четыре-пять дней. По завершении трапезы они оставили корзину у себя, а Капитан Дарман вернулся на берег.

⁷⁴ У Марсдена: «готовы оказать тебе поддержку» [4, с. 65].

⁷⁵ У Марсдена: «в голландском караульном помещении» [4, с. 65].

⁷⁶ Siwar (также sewah) – короткий кривой нож.

В ту же ночь Капитан [Дарман] приказал двум людям быть наготове с лодкой. Условились так: заметив огонь [на судне], они должны были сразу же двигаться навстречу – это значило бы, что попытка удалась. В случае, если бы с моря слышались выстрелы, людям, находившимся на берегу, следовало вступить в бой, чтобы [враги] не добрались до кеча. Так распорядился Капитан Дарман.

А Кьяи Деманг с сыновьями уже шесть дней и шесть ночей были пленниками. На седьмой день к трем часам утра Кьяи Деманг с сыновьями начали бой. Ждать до трех часов следовало, потому что луна светила ярко, а ветер был неблагоприятный⁷⁷, и они опасались, что голландцы, находящиеся на берегу, не позволят Кьяи Демангу добраться до дома и перебьют всех его домочадцев.

К трем часам ночи спустился мрак, ветер подул с берега на сушу, и Капитан Буюнг, Капитан Лела, Си Бантен и Лауддин, вооружившись сиварами, пребывали в полной готовности. Сам Кьяи Деманг в ту ночь находился в другом месте, испросив на то разрешения у голландского капрала. То была довольно просторная каюта, где висели двадцать копий. Прежде они принадлежали Кьяи Демангу, но голландцы забрали копьа себе. Самого его в этой каюте стерегли двое из них.

Капитан Лела сказал Лауддину: «Пойдем выручать отца. Этих двух голландцев мы должны прикончить». «Хорошо, – молвил Лауддин, – но сначала я буду действовать по-хорошему». И Лауддин зашел в каюту, где находился его отец. Голландцы спросили: «Чего тебе здесь нужно?» Лауддин сказал: «Мне захотелось повидать отца и предложить ему бетель – он не совсем здоров». Голландцы промолчали. Затем Лауддин пошел к братьям, захватил сивар и бетель и вернулся к отцу. Капитан Лела пошел на нос судна, а Капитан Буюнг с Си Бантенем остались в средней его части, где было больше всего голландцев.

Спустя полчаса Капитан Лела завязал схватку на носу, а за ним – Капитан Буюнг и Си Бантен. Лауддин с отцом прикончили тех двух голландцев. У Кьяи Деманга был большой пистолет, дар Компании: он нанес им удар, и один из голландских стражников пал мертвым. А четыре брата, не помня себя, рвались свершить то, о чем мечтал каждый из них, – уничтожить голландцев. Кьяи Деманг забрал с собой все висевшие [в каюте] копьа.

На кече находилось семь матросов-яванцев. Кьяи Деманг сказал: «Если вы хотите выступить на стороне голландцев, сразитесь-ка с моими сыновьями! Если же нет – прячьтесь!» Все семеро тотчас же забрались на малую мачту. Они не собирались помогать голландцам и бездействовали.

Около часа шла расправа над голландцами, и наконец Кьяи Деманг созвал сыновей и сказал: «Дайте-ка я на вас погляжу! А теперь пусть

⁷⁷ То есть дующий с моря на сушу и способный донести на берег звуки происходящего на судне.

каждый вооружится копьем». Трое сыновей взяли по копьё. Кьяи Деманг спросил: «А где же Лауддин?» Капитан Лела молвил: «Я велел ему быть рядом с тобой, а сейчас его что-то не видно». Заплакал Кьяи Деманг, решив, что сына нет в живых. На самом же деле Лауддин обретался на носу судна и глазел на четверых голландцев, повешенных на снастях. На них он и уставился, ибо был еще мал и неразумен. Услышав призыв отца, он тотчас же прибежал, и Кьяи с сыновьями, вооружившись копьями, ринулись к голландцам, оставшимся в живых, и перебили всех до единого. По воле всемогущего Аллаха, создателя всего сущего, все голландцы распрощались с жизнью, а сам Кьяи Деманг и его сыновья остались целы и невредимы. Преславный и всевышний Аллах всегда дарует помощь своим верным рабам.

Тут Капитан Лела зажег свечу, и прибыла лодка с людьми. Капитан Буюнг собрался идти на берег, но отец сказал: «Постой, сначала высажусь я с Капитаном Лелой. А вы, трое братьев, оставайтесь на страже на кече, здесь все наше добро, и не доверяйте тем семерым [яванцам]. Пока мы не расправимся со всеми, кто на берегу, не покидайте кеча, ибо все, чем я владею, хранится там».

Кьяи Деманг сошел на берег вместе с Капитаном Лелой и направился в дом, где проживали капитан Семпурна и капитан Дарман, а с ними еще восемь человек. Кьяи Деманг воскликнул: «О, капитан Семпурна, пойдем со мною и перебьем голландцев, что засели в моем доме!» Услышав призыв Кьяи Деманга и Капитана Лелы, капитан Семпурна и капитан Дарман вместе с ними поспешили в кампунг, где проживал Кьяи Деманг. Капитан Семпурна, капитан Дарман и Сарафуддин поднялись в дом, чтобы расправиться с тремя находившимися там голландцами: капитаном, сержантом и солдатом. Все трое немедля же были убиты.

Когда солдаты, несшие стражу во дворе, услышали шум в доме, они выскочили из караульного помещения с ружьями наперевес и приготовились стрелять по дому Кьяи Деманга. При первом же выстреле спутники Кьяи Деманга и Капитана Лелы набросились на них и перебили голландцев. Из сторонников Кьяи Деманга один человек погиб, а двое были ранены, голландские же солдаты были убиты все до единого. Кьяи Деманг приказал семангским малайцам захватить дом. Внутри они не обнаружили никого: пятерым голландцам удалось спастись бегством, все же прочие, милостью Аллаха, преславлен Он, Всевышний, сложили свои головы.

XII

Наутро Кьяи Деманг приказал перенести все его имущество с кеча на сушу. Затем он велел погрузить оружие и кое-какие пожитки малайцев на небольшую лодку. Однако вместимость ее была невелика, и большую часть товара, принадлежавшего Кьяи Демангу и малайцам, забрать не удалось, а тридцать малайских торговых судов так и остались на якоре.

Кьяи Деманг обратился к малайцам с такими словами: «Полагаю, моим соплеменникам лучше оставаться в Семангке, а не следовать за мной, ибо еще неизвестно, где мы с сыновьями найдем себе приют. Может быть, во владениях Британской компании, а может быть, и нет. Не подвергайте себя испытаниям, следуя за мной».

Малайцы ответили: «Мы не оставим тебя с сыновьями одного. Уверены, что нет твоей вины перед султаном и Компанией и что ты пал жертвой произвола. Сколько добра ты сделал и Компании, и султану, а с тобою вот так обошлись!»

По завершении разговора Кьяи Деманг сочинил послание губернатору, господину Пуру, и султану. Оно гласило:

«Вот письмо Кьяи Деманга Пурваседаны из Лампунга-Семангки господину губернатору и султану. И я, Кьяи Деманг, и малайцы Семангки покидаем этот край, ибо не можем более мириться с тем, как голландцы обращаются с нами. Не ведаю, был ли на то ваш приказ или нет, но с мной обходятся, как с собакой, мое имущество было разграблено, меня поместили под арест и заняли мой дом. Полагаю, что султану или Компании я не должен ни медяка. По прибытии моем в Семангку, где власть принадлежит султану и Компании, я сам зарабатывал себе на жизнь и ни ломаного гроша не добыл нечестным путем. Не взывайте, но я более не буду вам подчиняться и иметь дело с Голландской компанией. Некогда губернатор Самберек пожаловал мне двуствольное ружье и два двуствольных пистолета, их я оставляю Агусу Джамали. Оставляю и кеч, и лодки малайцев: мы забираем с собой лишь то, что можно унести на себе. Куда я направлюсь, еще не знаю, но покоряюсь воле Аллаха. Лишь Аллах, преславлен Он, Всевышний, ведает мою судьбу».

Когда письма были готовы, он передал их в руки Агуса Джамали, доверенного лица султана. Три дня и три ночи прошло со времени битвы, и Кьяи Деманг двинулся в направлении Круи вместе со всеми малайцами, мужчинами и женщинами, взрослыми и детьми, числом в четыреста человек. Через три дня они достигли Бенгкуната⁷⁸, и Кьяи Деманг написал письмо доктору Блэнкину, бывшему тогда петором Круи. Письмо гласило:

«Кьяи Деманг из Семангки приветствует петора Круи и просит его о посильном содействии. Я направляюсь в Круи и нуждаюсь в помощи, повздорив с Голландской компанией. Если возможно, я хотел бы перейти под власть британского флага, а если нет, прошу разрешения определить место, где бы мне было дозволено было проживать».

Письмо было отправлено в тот же вечер, и назавтра Кьяи Деманг двинулся следом. Спустя три дня после отправки письма он получил ответное послание от петора Круи, гласившее: «Кьяи Деманг может

⁷⁸ Бенгкунат – маленькая фактория на крайнем юго-западе Суматры, между побережьем Индийского океана и северной оконечностью залива Семангка.

беспрепятственно прибыть в Круи. По его прибытии мы изыщем возможность обсудить этот вопрос с Советом и губернатором Бенгкахулу».

Для Кьяи Деманга полученное письмо было подобно дождевой влаге, пролившейся на растения: он возликовал и двинулся в путь. Дорога из Бенгкуната в Круи заняла семь дней. Прибыв туда, Деманг отправился к доктору Блэнкину и капитану Сембаве, алпересу Круи.

Явившись к доктору и приветствовав его, Кьяи Деманг спросил: «Каково будет решение о нас? Разрешат ли нам пребывать под защитой флага Компании Бенгкахулу?» Доктор ответил: «Порядок такой, Кьяи Деманг: я должен сообщить об этом Совету и губернатору Бенгкахулу». Кроме того, Кьяи Деманг сам также направил письмо Совету и губернатору. Губернатором в ту пору был господин Картер⁷⁹, а членами Совета – господа Хэй, Нэрн, Дарвал, Стюарт и Вайатт. Все они в ту пору проживали в Бенгкахулу.

В письме [доктора Блэнкина] значилось следующее:

«Доктор из Круи сообщает Совету и губернатору Бенгкахулу, что в Круи из Семангки прибыл Кьяи Деманг с четырьмя сотнями малайцев. Они просят о разрешении пребывать под защитой Компании Бенгкахулу. Кьяи Деманг совершал убийства голландцев в Семангке, не стеснясь того, что они там творили. Кьяи Деманг с сыновьями были подвергнуты аресту, а его имущество разграблено. Именно поэтому Кьяи Деманг и его дети и прибыли к нам. Каковым будет решение губернатора и Совета?»

Письмо самого Кьяи Деманга содержало обращение к Совету и губернатору с просьбой разрешить им проживание под защитой Компании Бенгкахулу. [В нем говорилось]: «Мы не могли более терпеть произвол голландцев. Нас безвинно бросили в тюрьму, а имущество разграбили. Поэтому мы стали сопротивляться, и Всевышний Аллах был на нашей стороне. Просим Совет и губернатора поддержать нашу просьбу».

Спустя восемь дней после отправки письма Кьяи Деманг послал своего сына Капитана Лелу в Бенгкахулу на маленькой лодке, приплывшей в Бенгкунат из Семангки. Через два дня Капитан Лела прибыл к Бенгкахулу, и его лодка вошла в устье Силебар. Он обратился к жителям Канданга⁸⁰ с просьбой: «Проводите меня в Бенгкахулу. Я должен переговорить с Советом, губернатором, даенгом⁸¹ и пангераном, а также четырем датуками⁸², ибо нам необходима помощь властей Бенгкахулу. Меня прислал мой отец. Возможно ли, чтобы мы были приняты под защиту флага Компании в Бенгкахулу, а с Голландской компанией мы больше дел не имеем. Меня послали сюда гонцом, но кто знает: может быть, Совет и губернатор

⁷⁹ Картер оставался в этой должности до 1766 г.

⁸⁰ Кампунг, расположенный к югу от Бенгкахулу, близ р. Силебар.

⁸¹ Титул знатного лица из народности буги.

⁸² Почетный титул высокопоставленного лица; старейшина, вождь (племени).

предадут меня казни. Тогда будьте тому свидетелями. Свою лодку оставляю вам на сохранение. Если я погибну, она ваша».

Выслушав Капитана Лелу, жители Канданга согласились пойти с ним, и он в сопровождении семерых спутников двинулся в Бенгкахулу. По прибытии в Марлборо⁸³ Капитан Лела явился к дежурному сержанту губернатора Картера, Радену Синаке⁸⁴, и поведал о своем желании видеть губернатора, [сказав]: «Я прибыл сюда из Семангки, чтобы сообщить нечто от имени моего отца, Кьяи Деманга». Говорит Раден Синака: «Хорошо, Капитан Лела, я пойду и доложу об этом губернатору».

Раден Синака отправился к губернатору и сообщил ему, что Кьяи Деманг из Семангки просит его об аудиенции. Выслушав Радена Синаку, губернатор сказал: «Отправляйся к Капитану и сообщи ему, что я жду его у себя в четыре часа пополудни. Сейчас полдень, и я прежде должен отобедать».

Выслушав губернатора, Раден Синака пошел к Капитану Леле и сказал ему: «О, Капитан Лела, я передал твои слова губернатору, но он просил тебя повременить, пока он не совершит свою трапезу. Когда пробьет четыре часа, отправляйся к нему». Выслушав Радена Синаку, Капитан направил свои стопы в дом к одному из торговцев форта Марлборо.

Когда пробило четыре часа, Капитан Лела двинулся к губернатору. Узнав о его прибытии, губернатор распорядился, чтобы солдаты проводили пришедшего в крепость, и чтобы за спиной у него самого встали капрал и восемь солдат с ружьями. Затем губернатор вызвал Капитана Лелу в зал собраний.

Оказавшись перед губернатором, Капитан Лела почтительно приветствовал его. Губернатор спросил: «Откуда путь держишь?» Капитан Лела ответил: «Господин губернатор, я прибыл из Семангки. К вам меня послал отец».

Губернатор молвил: «Говори же, я слушаю». Капитан Лела сказал: «Господин губернатор, отец велел мне сообщить, что в Семангке голландцы принялись преследовать нас. Мы дали им отпор и уничтожили всех до единого, а из числа малайцев, выступавших на нашей стороне, погибли двое. Все мы, семангские малайцы, сейчас перебрались в Круи и просим вашего содействия. Мы хотели бы проживать во владениях [Британской] компании в Бенгкахулу и просим на то милости губернатора».

На слова Капитана Лелы губернатор ответил: «А из-за чего возникла эта ссора? Наверное, есть причина. Думаю, стоит, чтобы ты рассказал мне об этом, а я послушаю».

---

⁸³ Fort Marlborough – крепость в Бенгкахулу, воздвигнутая в 1713–1719 гг. как форпост Британской Ост-Индской компании.

⁸⁴ Согласно данным, опубликованным Марсденом, этот персонаж (обозначенный у него как Си Нака) был сыном правителя Мадур. Англичане предоставили ему убежище в Бенгкахулу после того, как отец Си Наки подвергся преследованиям голландцев [7, с. 200; 4, с. 77–78].

Капитан Лела молвил: «Хорошо, господин, поведаю все от начала и до конца, только это будет длинная история». Губернатор ответил: «Ничего, рассказывай, я слушаю».

И Капитан Лела рассказал всё от начала и до конца. И как Кьяи Деманг Пурваседана обосновался в Семангке, и как султан с губернатором приказали ему обеспечивать порядок в Семангке, и о том, как капитан Сетиа и капитан Дугам ездили в Бенгкахулу после войны с Францией, как за это на Кьяи Деманга было наложено взыскание, и как капитан Форрест высадился в Семангке. Обо всем этом Капитан Лела поведал губернатору.

По завершении рассказа губернатор приказал позвать капитана Форреста. Когда тот появился, губернатор обратился к нему с вопросом: «Верно ли, что вы, капитан, прежде заходили в Семангку?» Капитан Форрест сказал: «Да, верно». – «А с какой целью?» Ответил капитан: «У меня на исходе были и вода, и съестное». – «А кто оказал вам помощь в Семангке?» Отвечает капитан: «Это был главный над малайцами, Кьяи Деманг, он помог мне добыть все, что нам было потребно». Говорит губернатор: «Не продавали ли вы сами ткани или опиум в Семангке и не покупали ли там перец?» Капитан сказал: «Я ничем не торговал в Семангке и перца не покупал». Губернатор спросил: «А кто этот человек?» Увидев Капитана Лелу, капитан сказал: «Я знаю его, это сын Кьяи Деманга из Семангки. Как он здесь оказался?» Губернатор молвил: «Он прибыл сюда за помощью и просит моего разрешения пребывать под знаменами Британской компании: они расправились с голландцами в Семангке». Капитан произнес: «Думаю, губернатору стоит пойти ему навстречу. Полагаю, что их вины перед голландцами нет. Даже если бы на них лежал многотысячный долг, это не могло бы стать причиной отъезда из Семангки». Обращаясь к губернатору, капитан Форрест заявил: «Они поступили так, потому что произвола голландцев больше терпеть не могли».

Тут губернатор велел Капитану Леле вернуться в торговый квартал в дом сержанта Миюта. Спустя семь дней он снова призвал Капитана Лелу в зал собраний, где уже ожидали члены Совета, два пангерана, а также датуки Бенгкахулу. Губернатор – господин Картер обратился к Капитану Леле с такими словами: «Возвращаясь в Круи и отвези мое письмо Кьяи Демангу. Жителям Семангки дано разрешение селиться, где им будет угодно. Захотят в Круи – я согласен, захотят в Бенгкахулу – я тоже не против. Если следом за вами явятся голландцы, мы скажем, что ничего об этом не ведаем. А если голландцы и прознают о вас, не бойтесь, что Британская компания вас выдаст: это не в наших правилах. Не бойтесь и доверьтесь Британской компании». Так сказал губернатор Капитану Леле.

Затем Капитан Лела вернулся морем в Круи. По прибытии он узнал о кончине Кьяи Деманга: ему так и не суждено было прочесть письмо господина Картера. Капитан Лела передал старшему брату, Капитану Буянгунгу, послание губернатора Картера, пребывающего в Бенгкахулу.

Смерть отца потрясла сыновей Кьяи Деманга, их охватила тоска по покинутой Семангке. В поисках счастья они разъехались в разные края. Одни остались в Пулау Перча⁸⁵, кто-то отправился на Бали, кто-то – в те места на Яве, что не были под властью голландцев. словно перелетные птицы, они останавливались там, где находили спелые плоды. Подобно цыплятам, оставшимся без матери-наседки, они служили тем, кто был к ним добр и сочувствовал им. Так сложилась судьба всех сыновей Кьяи Деманга после смерти государя, да будет это ведомо читателю. Здесь же предложен правдивый рассказ очевидца о жизненных обстоятельствах детей Кьяи Деманга еще в ту пору, когда государь находился в Семангке. Лишь Аллах Всевышний ведает, кто из его рабов в мире сем хорош, а кто плох.

КОНЕЦ

Написано 8 числа месяца зулхиджа⁸⁶. Капитан Лауддин рассказал о приключениях всех братьев, пребывая в устье Пали⁸⁷.

Все случилось, как в известном пантуне⁸⁸:

Не годен только что выкованный нож,
Гуджаратский нож, не имеющий рукоятки.
Не все решается, как только попросишь –
Сначала все объясни в письме.

Собранный рис не годен в пищу –
Сначала его толкут в ступке, отсеивая шелуху,
Что бы мы ни задумали сделать, –
Свершится лишь тогда, когда Аллах захочет.

Ачехский гураб⁸⁹ с парусом на рейках –
Судно султана Джамал ул-алама.
Чтобы удача не покинула вас,
Творите молитву днем и ночью.

⁸⁵ То есть на Суматре.

⁸⁶ Мусульманский месяц «зулхиджа» на русский язык не переводится, он в разные годы по-разному соответствует нашему календарю, а так как и год не указан, время написания определить невозможно. По предположению Марседена, это 1788 г., или 1202 г. х. [4, с. 83].

⁸⁷ Вероятно, имеется в виду Лаис, расположенный на расстоянии 37 км к северо-западу от Бенгкулена.

⁸⁸ Пантуны – народные четверостишия с перекрестной рифмовкой, первые две строки обычно заключают в себе звуковой либо же образный намек, смысл которого раскрывается во второй половине. Образное значение первых двух строк, их ассоциативную роль можно выявить не всегда; напротив, функция первого двустипия как звукового намека вполне очевидна. В так называемых «переплетенных» пантунах вторая и четвертая строки становятся первой и третьей в следующем пантуне. В приведенном здесь стихотворении элементы «переплетенного» пантуна наличествуют лишь в третьем и четвертом четверостишии.

⁸⁹ Гураб – парусно-весельное судно, разновидность торгового и военного корабля.

Плывет судно султана Джамал ул-Алама,
Побеги ротанга опутали крепостную стену.
Творите молитву днем и ночью –
И случится то, о чем вы просите.

На острове Пинанг здания высоки,
С горы ниспадают струи водопада.
Старайся и не жалея сил,
Ибо страданий предстоит немало.

Литература

1. Skinner C. Transitional Malay literature. *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*. 1978;134(4):466–487.
2. *Hikayat Abdullah karangan Abdullah bin Abdulkadir Munshi. Dikaji dan diperkenalkan oleh Kassim Ahmad*. Kuala Lumpur: Yayasan karyawan; 2008. 404 p. (На малайск. яз.)
3. Ricklefs M. C., Voorhoeve P., Teh Gallop A. *Indonesian Manuscripts in Great Britain. A Catalogue of Manuscripts in Indonesian Languages in British Public Collections*. New Edition (Naskah dan Dokumen Nusantara. Seri XXXIII). Jakarta: Ecole française d'Extreme-Orient; 2014. 349 p.
4. *Memoirs of a Malayan Family written by themselves and translated from the original by W. Marsden*. London: Oriental Translation Fund; 1830. 88 p.
5. Hadijah Rahmat. *In Search of Modernity. A Study of the Concepts of Literature, Authorship and Notions of Self in "Traditional" Malay Literature*. A Thesis Submitted by Hadijah Bte Rahmat. London: University of London, School of Oriental and African Studies; 1996. 566 p.
6. Ariside Marre (transl.). *Mémoires de Nakhoda Mouda de Samangka écrits par lui et ses enfants*. Paris : w. p.; 1868. 88 p.
7. De Biografie Van een Minangkabausen Peperhandelaar in de Lampongs naar een Maleische handschrift in de Marsden-Collection te Londen uitgegeven, vertaald en ingeleid door G. W. J. Drewes. *Verhandelingen van het Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde*. Deel 36. 'S Gravenhage: Martinus Nijhoff; 1961. 159 p. (На малайск. и голландск. яз.)
8. Winstedt R. O. Hikayat Nakhoda Muda. *Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society* 1921;83:104–109.
9. Hall D. G. E. *A History of Southeast Asia*. London: Macmillan & Co Ltd; 1955. 830 p.
10. Atsushi Ota. Banten Rebellion 1750–1752: Factors behind the Mass Participation. *Modern Asian Studies* 2003;37(3):613–651.
11. Повесть о ханг Туахе. Пер. с малайск., предисл. и примеч. Б. Б. Парникеля. М.: Наука; ГРВЛ; 1984. 397 с.
12. Брагинский В. И. *История малайской литературы VII–XIX веков*. М.: Наука; ГРВЛ; 1983. 495 с.
13. *Повесть о раджах Пасея*. Пер. с малайск., исслед., примеч. и прилож. Л. В. Горяевой (*Памятники письменности Востока; CXLIV*). М.: Наука; Восточная литература; 2015. 190 с.

14. Murtagh B. *The Portrayal of the British in Traditional Malay Literature*. A thesis submitted in fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Indonesian and Malay Studies. London: University of London, School of Oriental and African Studies; 2005. 332 p.

15. Marsden W. *The History of Sumatra*. 3rd ed. London: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown; 1811. 479 p.

References

1. Skinner C. Transitional Malay literature. *Bijdragen tot de Taal-, Land- en Volkenkunde*. 1978;134(4):466–487.

2. *Hikayat Abdullah karangan Abdullah bin Abdulkadir Munysi. Dikaji dan diperkenalkan oleh Kassim Ahmad*. Kuala Lumpur: Yayasan karyawan; 2008. 404 p. (На малайск. яз.)

3. Ricklefs M. C., Voorhoeve P., Teh Gallop A. *Indonesian Manuscripts in Great Britain. A Catalogue of Manuscripts in Indonesian Languages in British Public Collections*. New Edition (Naskah dan Dokumen Nusantara. Seri XXXIII). Jakarta: Ecole française d'Extreme-Orient; 2014. 349 p.

4. *Memoirs of a Malayan Family written by themselves and translated from the original by W. Marsden*. London: Oriental Translation Fund; 1830. 88 p.

5. Hadijah Rahmat. *In Search of Modernity. A Study of the Concepts of Literature, Authorship and Notions of Self in "Traditional" Malay Literature*. A Thesis Submitted by Hadijah Bte Rahmat. London: University of London, School of Oriental and African Studies; 1996. 566 p.

6. Ariside Marre (transl.). *Mémoires de Nakhoda Mouda de Samangka écrits par lui et ses enfants*. Paris : w. p.; 1868. 88 p.

7. De Biografie Van een Minangkabausen Peperhandelaar in de Lampongs naar een Maleische handschrift in de Marsden-Collection te Londen uitgegeven, vertaald en ingeleid door G. W. J. Drewes. *Verhandelingen van het Koninklijk Instituut voor Taal-, Land- en Volkenkunde*. Deel 36. 'S Gravenhage: Martinus Nijhoff; 1961. 159 p. (In Malay and Dutch)

8. Winstedt R. O. Hikayat Nakhoda Muda. *Journal of the Straits Branch of the Royal Asiatic Society* 1921;83:104–109.

9. Hall D. G. E. *A History of Southeast Asia*. London: Macmillan & Co Ltd; 1955. 830 p.

10. Atsushi Ota. Banten Rebellion 1750–1752: Factors behind the Mass Participation. *Modern Asian Studies* 2003;37(3):613–651.

11. Parnikel B. B. (transl. from Malay, preface and notes) *The Tale of Hang Tuah*. Moscow: Nauka; GRVL; 1984. 397 c. (In Russ.)

12. Braginsky V. I. *History of Malay Literature in the 7th to 19th centuries*. Moscow: Nauka; GRVL; 1983. 495 c.

13. Goryaeva L. V. (transl. from Malay, research, notes and addenda) *Chronicle of the Kings of Pasai (Written monuments of the East CXLIV)*. Moscow: Nauka; GRVL; 2015. 190 c. (In Russ.)

14. Murtagh B. *The Portrayal of the British in Traditional Malay Literature*. A thesis submitted in fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in Indonesian and Malay Studies. London: University of London, School of Oriental and African Studies; 2005. 332 p.

15. Marsden W. *The History of Sumatra*. 3rd ed. London: Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown; 1811. 479 p.

Информация об авторе

Горяева Любовь Витальевна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела памятников письменности народов Востока Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия; <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>, e-mail: goriaeva@mail.ru

Information about the author

Liubov V. Goriaeva – Ph. D (Philol.), Leading research fellow at the Department of Oriental Historical Written Sources, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; <https://orcid.org/0000-0002-4744-6005>, e-mail: goriaeva@mail.ru

Author's Links

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 26 апреля 2021
Одобрена после рецензирования: 22 сентября 2021
Принята к публикации: 25 ноября 2021
Опубликована: 27 декабря 2021

Article info

Submitted: April 26, 2021
Approved after peer reviewing: September 22, 2021
Accepted for publication: November 25, 2021
Published: December 27, 2021

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Информация о рецензировании

«Ориенталистика» благодарит анонимного рецензента (рецензентов) за их вклад в рецензирование этой работы, а также за согласие на публикацию (размещение) текстов рецензий на сайте журнала и передачу (размещение) в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU. Размещенные материалы, исключая персональные данные о рецензентах, являются публичными и доступны пользователям в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Peer review info

Orientalistica thanks the anonymous reviewer(s) for their contribution to the peer review of this work. It is also grateful for their consent to publish (place) of the review on the journal's website and transfer (place) to the Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU. The posted materials, excluding personal data about the reviewers, are public and freely available on the Internet.

Orientalistica

Peer-reviewed academic journal

Editor-in-chief – Dr. habil. (Hist.) *Alikber K. Alikberov*.
Deputy Editor-in-Chief – Dr. habil. (Hist.), Prof. RAS *Andrey S. Desnitsky*.
Deputy Editor-in-Chief, Head of the editorial office – *Shamil R. Kashaf*.

Sections editors:

Ph. D. (Hist.) *Alexander V. Safonov* (Ancient history, Egyptology).
Ph. D. (Hist.) *Nikolaj I. Serikoff* (Middle Ages, Arabic Studies), Galina S. Popova (Sinology) – Editors of
“Historical sciences” section.
Dr. habil. (Philos.), Prof. *Tawfik Ibrahim*; Dr. habil. (Philos.), Prof. *Artem I. Kobzev* – Editors
of “Philosophy of the East” section.
Ph. D. (Philol.) *Lilia R. Frangulyan*, Dr. habil. (Philol.), Prof. *Natalia I. Prigarina*, Ph. D. (Philol.)
Ludmila A. Vasilyeva – Editor “Languages and Literature of the East” section.

Scientific editors:

Dr. habil. (Philol.), Prof. *Natalia I. Prigarina*, Ph. D. (Hist.) *Nikolaj I. Serikoff*,
Shamil R. Kashaf, *Tatyana M. Mastuygina*.

Editors-translators:

Ph. D. (Hist.) *Nikolaj I. Serikoff* (Engl.), Dr. habil. (Philos.), Prof. *Tawfik Ibrahim* (Arab.),
Dr. habil. (Hist.), Prof. *Dmitry V. Mikulsky* (Arab.), Dr. habil. (Philol.), Prof. *Natalia I. Prigarina* (Pers.),
Ph. D. (Philol.) *Ludmila A. Vasilyeva* (Urdu),
Dr. habil. (Philol.), Ass. Prof. *Apollinaria S. Avrutina* (Turk.),
Ph. D. (Hist.) *Dmitry E. Kulikov*, *Galina S. Popova* (Chinese),
Dr. habil. (Hist.) *Surun-Khanda D. Syrtypova* (Mongol.).

Scientific Communications Editor – *Karina Sh. Alyautdinova*.

Literary editor, proof-reader – Ph. D. (Culturolog.) *Marina P. Kryzhanovskaya*.
Design, computer layout – *Ekaterina P. Gordina*.

In the design of the journal's cover and sections titles of the were used images provided by
the State Hermitage Museum and the State Museum of Oriental Art. The journal uses
augmented reality (AR) technology to integrate digital objects into the real world.

Signed in the press on December, 27, 2021. Format 70x100 1/16. Conventionally printed sheets 23.56.
Circulation 1000 copies; the first factory 50 copies. Order № 5041-21.

The price is free.

E-mail: orientalistica@ivran.ru
Website: www.orientalistica.com

Printed in the LLC «Amirit» in accord with provided materials,
410004, Saratov, 88, Chernishevsky Str.,
Tel.: 8-800-700-86-33 / (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Web: amirit.ru

Ориенталистика

Научный рецензируемый журнал

Главный редактор – д-р ист. наук *А. К. Аликберов*.
Заместитель главного редактора – д-р филол. наук, проф. РАН *А. С. Десницкий*.
Заместитель главного редактора, заведующий редакцией – *Ш. Р. Кашаф*.

Редакторы разделов:

канд. ист. наук *А. В. Сафронов*, канд. ист. наук *Н. И. Сериков*, *Г. С. Попова* (исторические науки);
д-р филос. наук, проф. *Т. Ибрагим*, д-р филос. наук, проф. *А. И. Кобзев* (философские науки);
канд. филол. наук *Л. А. Васильева*, д-р филол. наук, проф. *Н. И. Пригарина*,
канд. филол. наук *Л. Р. Франгулян* (филологические науки).

Научные редакторы:

д-р филол. наук, проф. *Н. И. Пригарина*, канд. ист. наук *Н. И. Сериков*,
Ш. Р. Кашаф, *Т. М. Мастюгина*.

Редакторы-переводчики:

канд. ист. наук *Н. И. Сериков* (англ., араб. языки),
д-р филос. наук, проф. *Т. Ибрагим* (араб. язык), д-р ист. наук, проф. *Д. В. Микульский* (араб. язык),
канд. ист. наук *Д. Е. Куликов* (кит. язык), *Г. С. Попова* (кит. язык),
д-р ист. наук *С.-Х. Д. Сыртыпова* (монг. язык),
д-р филол. наук, проф. *Н. И. Пригарина* (перс. язык),
канд. филол. наук *Л. А. Васильева* (урду), д-р филол. наук, проф. *А. С. Аверутина* (тур. язык).

Редактор по научным коммуникациям – *К. Ш. Аляутдинова*.

Литературный редактор, редактор-корректор – канд. культурол. *М. П. Крыжановская*.
Дизайн, компьютерная верстка – *Е. П. Гордина*.

В оформлении обложки и разделов журнала были использованы изображения, предоставленные Государственным Эрмитажем и Государственным музеем Востока. Журнал использует технологию дополненной реальности (*augmented reality, AR*), позволяющую интегрировать цифровые объекты в реальный мир.

Подписано в печать 27.12.2021. Формат 70x100 1/16. Усл. печ. л. 23.56.
Тираж 1000 экз.; первый завод 50 экз. Заказ № 5041-21.
Журнал распространяется по подписке. Свободная цена.
E-mail: orientalistica@ivran.ru
Веб-сайт: www.orientalistica.com

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Амирит», 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88.
Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru
Сайт: amirit.ru

ОРИЕНТАЛИСТИКА

ОРИЕНТАЛИСТИКА

Vol. 4, No 5
T. 4, №
2021

ISSN 2618-7043

9 772618 704007 >

orientalistica.com

go.mmrs.me

Цифровые технологии
дополненной реальности.
The digital augmented
reality (AR) technology.